

В тених Глубоководья таится новая угроза Жентарима.

Хелбен Арансан посылает Бронвин встретиться с её давно потерянным отцом и восстановить утраченное, опасное наследие семьи. Но она узнает секрет, который способен погубить не только саму Бронвин, но и самих Арфистов.

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвященного переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “Forgotten Realms”. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Переводчики: **Alishanda, Redrick**

Спонсоры перевода: **Валерий, nikola26, larik**

Редактор: **RoK**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

ЭЛЕЙН КАННИНГЕМ

«ТЕРНОВЫЙ ОПЛОТ»

цикл «Песни и Мечи» книга 4

- Приветствую тебя, дочь Самулара, - проскрипел слабый хриплый голос.

Перепуганная неземным звуком, Бронвин развернулась и обнаружила себя смотрящей прямо в горящие красные глаза, глубоко запавшие на скелетном лице.

Подавив крик, девушка отступила. Бросив на говорящего второй взгляд, она поняла, с чем столкнулась. Длинные рассыпающиеся одежды лохмотьями повисли на длинной фигуре. Там, где некогда была плоть, остались лишь окрашенные серым кости. Жидкие пряди белых волос выбивались из-под капюшона некогда белого плаща. Но в светящихся глазах все еще сверкала жизнь. Это был лич, немертвый маг, одно из самых известных и могущественных существ.

Существо зашевелилось.

- Дочь Самулара, - повторил он. - Тебе не нужно сильно пугаться меня. Я долго ждал этого дня. Как и ты — лишь ради одного. Фенрисбейн — время пришло? Ты пришла за ним и третьим кольцом?

Женщина кивнула. Это казалось правильным. Ко всему прочему она не была уверена в том, что голос послушается её.

Ради моего отца, который, в отличие от Хронульфа, Дага и Хелбена, всегда был здесь.

Пролог

27 Тарсаха, год 927 ЛД

Пара юных магов застыла на вершине горы, с трепетом обозревая жуткий результат их совместного колдовства.

Перед ними расстилались луга весенних трав и горных полевых цветов. Моментом раньше они обозревали древнюю осажденную цитадель. Теперь она сгинула, вместе со всеми могущественными существами, нашедшими свой приют в её стенах. Исчезла вместе со всеми выжившими — принесенная в жертву войне против демонов, вырывавшихся из руин близлежащего Аскалхорна. Крепость

скрылась, не ни оставив после себя следов кроме разве что тех, что запечатлелись в воспоминаниях пары людей, ставшей причиной разрушения.

Оба были молоды, но здесь их сходство заканчивалось.

Ренвик Карадун, Снежный Плащ, был маленьким и изящным, с прекрасной внешностью и бледным, узким лицом. Одевания его были совершенно белы, струящийся плащ - богато расшит шелковыми белыми нитями и подбит снежным мехом горностая. Волосы мага поседели раньше срока, образуя вдовий пик в центре лба. Все поведение мужчины говорило о гордости и амбициях, и на результаты своей магии он взирал с удовлетворением.

Спутник его был выше на голову и широк в груди и плечах. Волосы и глаза его были черными, а лицо даже в начале года выглядело загоревшим под солнцем. Стороннему наблюдателю было бы простительно счесть человека следопытом или лесником, если бы не магическая аура, все еще висевшая вокруг него. От размышлений о содеянном в глазах мага стоял глубокий ужас.

Зияющий шрам, обугленный скелет крепости — все это сделало бы принятие действительности легче. Но эта безмятежность... Он никогда не слышал тишины столь глубокой. Столь бездонной и обвиняющей. Ему казалось, будто окружающие горы и все их обитатели ошеломленно замолчали, став свидетелями невероятной силы магии, что только что смела с лица земли древнюю крепость и всех её обитателей.

Где-то посреди крон старых деревьев, раскинувшихся внизу, чирикнула птица. Трель нарушила сверхъестественную тишину и прогнала страх, что держал в своих лапах двух магов. Словно сговорившись, они развернулись и пошли вниз по склону. Память о содеянном повисла между ними тяжким грузом.

Но маг не желала оставлять этот вопрос. Он повернулся к товарищу. Выражение лица Ренвика остановила его на полпути. Друг выглядел довольным, почти восторженным. Мечты о власти, бессмертие — Ренвик так часто говорил о них — огнем горели в его глазах.

Спутник Ренвика положил руку на толстый дуб, внезапно ощутив желание на что-нибудь опереться.

- Кольца, что ты использовал для заклинания, - резко спросил он. - На что еще они годятся?

Младший маг одарил его надменной улыбкой.

- Почему ты спрашиваешь? Неужели тебе мало сегодняшней работы?

Второй маг так и вспыхнул. Он запустил руки в складки белого плаща Ренвика, поднял его с земли и ударил о дуб.

- Скажи мне, где ты нашел эти кольца! Какова природа их силы?

Ренвик только улыбнулся.

- Я не знаю, чем они должны были быть. А как я их использовал — не узнаешь ты.

Спокойствие Ренвика пристыдило его спутника. Были и лучшие способы контролировать ситуацию. Он выпустил облаченного в белое мага и сделал шаг назад.

- Ты знаешь, что в магической битве ты мне не соперник, - ответил он.

- Я не собираюсь с тобой драться, - самодовольно заявил Ренвик. - Кольца, как и частичное понимание силы, которую они дают, находятся в руках врага, которого тебе не победить.

Это заставило мага отшатнуться. Даже среди воспитавших его эльфов было мало тех, что могли соперничать с ним в магии.

- Ты не спросил, о ком я. Полагаю, мешает гордость, - заметил Ренвик. - Но я скажу. Кольцами владеет Самулар, а после их получают его потомки.

- Паладин?

- Самулар не просто паладин. Ему суждено стать легендой. С моей помощью, разумеется.

Маг начинал понимать. Он даже начал восхищаться этой софистикой. Паладины были благородными воинами, рыцарями, посвятившими жизнь служению своим богам. Они состояли на службе у королей, защищали слабых, блюли закон и справедливость. Зло в любой форме было для них проклятием. Они просто не могли его выносить. Ни одна иная группа людей не была столь благородна. Если три кольца были в руках паладина Самулара и он использовал их силу во имя добра, то маг едва ли мог украсть их, не став врагом всего хорошего.

- Путь паладина праведен и светел, - тихо пробормотал Ренвик, словно вторя мыслям своего спутника. - Если ты не с ним, то против него.

Он не мог отрицать истину, но чувствовал себя обязанным добавить еще кое-что.

- Такую силу не просто сдержать, - продолжил старший маг, человек, что спустя два столетия станет известен как Хелбен Арансан. - Ты не можешь вечно скрывать кольца. Однажды, они попадут в другие руки и будут использованы для других целей.

И снова бледный Ренвик улыбнулся.

- Тогда в твоих интересах убедиться, что этого не произойдет. После того, как сказка начнется, кто знает, каков будет конец?

Глава 1

5 Миртула, 1368 ЛД

Молодая женщина, судя по внешности — пират-неудачник, остановилась у подножия холма. Здесь, так близко к морю, холм был слабым укрытием, и ветер, развевавший её плащ и хватавший за плечи, напоминал о недавней зиме. Бросив взгляд через плечо, женщина убедилась, что дорога, бегущая

позади, все еще безлюдна. Уверившись в этом, она откинула в сторону сухие ветви, скрывавшие небольшой вход в морскую пещеру.

Из тьмы выпорхнула одинокая летучая мышь. Женщина инстинктивно уклонилась — быстрое ловкое движение, заставившее её длинную коричневую косу качнуться, а потом перекинуться через плечо. Снова отбросив волосы назад, она достала из вещей факел. Несколько ловких ударов ножом по кремню, и полетели искры, а затем вспыхнуло пламя. Каменный пол пещеры мгновенно ожил. От внезапно вспыхнувшего света крысы в тревоге разбегались в стороны, а крабы пятились прочь.

- Глубоководье, город роскоши, - пробормотала Бронвин, изгибая губы в ласковой ироничной усмешке. Она прожила в городе четыре года, и дела чаще заносили её в подобные места, нежели в принадлежавший ей шикарный магазин на Улице Серебра. Здесь, в горах к югу от портового города, великолепия было мало. Запах моря, перемешанный с запахом мертвой рыбы и еще менее приятным зловонием располагавшихся рядом Крысиных Холмов, участка берега, использовавшегося для свалки городского мусора, тяжело висел в неподвижном воздухе. Нырнув в маленький проход, женщина выпрямилась, оглядываясь вокруг. Пещера была холодной и сырой. Вода усеивала пол лужами, сочилась из мхов и лишайников, покрывавших стены, и, словно слюна, стекала с похожих на клыки камней, свисавших с потолка. Когда настанет время прилива — воды здесь будет еще больше.

Мысль эта заставила Бронвин пойти по крутому и петлявшему проходу быстрее. Двигаясь вперед, она прижимала руку к влажной стене, чтобы сохранять равновесие, и осторожно вглядывалась в тени за пределами круга света, исходящего от факела. Летучие мыши, крысы и крабы представляли собою сливки пещерного общества. Женщина более чем ожидала столкновения с чем-то похуже.

Она осторожно обогнула широкое озеро, которое почти охватывало каменный карниз. Бронвин терпеть не могла воду, что придавало особой ироничности её пиратской внешности.

Девушка подняла руку, чтобы убедиться — её лихая красная косынка все еще на месте, а дешевые бронзовые серьги, напоминавшие пиратов Нелантера, висят в ушах. Это были Пещеры Контрабандистов, и, как говорила пословица, «Если пришел в Холодный Лес — дрожи». Годы рабства научили женщину, что выживать — значит адаптироваться.

В этот момент путь резко изогнулся. Через несколько шагов коридор расширился, образуя пещеру. Трещина, зиявшая высоко над головой, давала немного света. Бронвин оглядела провал, внезапно появившийся рядом с дорогой. Он походил на глубокую рану в каменном сердце горы. По дну провала текла подземная река — быстрая, глубокая и ужасающая. Подавив дрожь, Бронвин принялась за работу.

Она сняла с плеча сумку и вытащила оттуда большую тряпку, потом маленький топор созданный из митрала и красного дерева. Привитая жизнью забота о хороших вещах заставила её тщательно завернуть топор прежде, чем поместить его за камень, спрятав от любопытных взглядов за кучей гальки.

Покончив с этим, она опустилась на живот у края оврага и потянулась вдоль крутой скалы, не останавливаясь до тех пор, пока не обнаружила веревку, которую повесила там несколько дней назад. Тогда она проводила разведку и готовила место встречи. Канат был практически не заметен, его длины хватало, чтобы закрепить веревку на стенах ущелья с обеих сторон. Провисавшая середина оказалась под водой, сносимая быстрым течением реки.

Забраться по мокрой веревке — задача не из легких, и, к тому времени, как девушка оказалась на месте, старые кожаные перчатки размокли и ладони оказались сырыми.

Потратив несколько мгновений, чтобы отдышаться, Бронвин выбросила испорченные перчатки, снова подхватила сумку и закрепила конец веревки на поясе. Она вскарабкалась по крутому склону, оказываясь там, где скала нависала над бегущей понижу тропой. Девушка выбрала это место из-за образовавшейся внизу полости. Если удача подведет её, и веревку придется использовать для того, чтобы спуститься в ущелье, она не уподобится перезрелому яблоку, брошенному о каменную стену.

Когда веревка была закреплена, свободно ниспадая вниз неровной изогнутой змеей, Бронвин вытащила из своего мешка странный кусок железа. Формой своей тот напоминал толстопузый котел с широким горлышком, сужающимся к краю, загибавшемуся в обе стороны. Перевернув предмет, она положила его поверх веревки. Крепко схватившись за изогнутые ручки, она зажмурила глаза и бросилась в ущелье.

Бронвин быстро неслась по веревке в сторону дальней стены ущелья, замедлившись лишь в самой низкой точке. Остановившись в нескольких футах от края, она взмахнула ногами, обхватывая веревку сапогами — на всякий случай. Девушка отпустила одну ручку и ухватилась за канат рукой. Пальцы сомкнулись вокруг веревки. Со вздохом облегчения, она поползла по канату и вскарабкалась на твердый выступ. Спустя сотню шагов, Бронвин нашла, что искала — маленькое отверстие у подножия каменной стены. Оно выглядело нелепо, словно огромная мышиная нора.

Опустившись на землю, Бронвин поползла в туннель. Это был короткий проход, ведущий в новую сеть туннелей. Это был не самый быстрый путь к согласованному месту встречи — совсем нет — к тому же он был очень узким. Хотя это, конечно, кому как. Бронвин могла пролезть через тесный туннель, а вот те, с кем она собиралась заключить сделку — не могли.

Выйдя из туннеля, девушка зажгла новый факел. Несколько сотен шагов — и она стояла у входа в условленное место — в маленькой мокрой прихожей, высеченной в скале веками капающей воды.

Ожидавшее внутри совершенно не располагало войти. Относительно плоскую каменную плиту подпирали несколько валунов. Сооружение заменяло здесь стол. Сверху лежали объедки неаппетитного обеда: черствый хлеб, зловонный синезеленый сыр и кружки с пивом цвета ила, сваренного из грибов и мха. Эта трапеза только что поглощалась тремя уродливыми дварфами. Самыми уродливыми из тех, что видела Бронвин.

Это были дуэргары, раса глубинных дварфов, с серыми бородами, серой кожей и серыми душами. Вражда между горными дварфами и дуэргарами была столь же непримирима, как между эльфами и их подземными сородичами — дроу. Бронвин вела дела со всеми этими личностями — но осторожно. Каждый участник мерзкого трио поднял руку, чтобы защитить глаза от яркого света факела.

- Ты пришла одна? - спросил первый.

- Как было оговорено, - сказала она, кивая на третьего и самого маленького дуэргара. - И, если уж вспоминать о договоренностях, вас тут должно быть лишь двое. Это кто?

- А, он, - ответил дуэргар, говоривший первым. Он небрежно махнул рукой. - Сын, может быть — мой. Он приходит, чтобы смотреть и учиться.

Бронвин оценила третьего участника группы, единственного, с кем она еще не встречалась. Для дуэргаров было нормальным выглядеть тощими и узловатыми, но этот малыш был самым худым из виденных ею представителей этого вида. Подняв факел, Бронвин прищурилась. Он же просто мальчик. Остальные дуэргары носили жесткие седые бороны, но этот выступающий подбородок был лыс, словно канюк. Да и зубы дварфа все еще были на месте. Он сосредоточенно ковырял в них черным ногтем.

Вытащив палец изо рта, дуэргарский мальчишка провел языком по зубам, чтобы собрать кусочки. Он поймал любопытный взгляд Бронвин. Женщина кивнула ему в знак приветствия. Медленная понимающая усмешка растянула его губы. Зло, повеявшее от молодого дуэргара, было осязаемо, словно зловонный пар, поднимавшийся в морозное утро от невычищенного горшка. Бронвин вздрогнула от подобной злобы проявленной столь молодым существом. Лидер отметил её реакцию. Он зарычал и оттолкнул мальчишку, который взвизгнул, словно щенок, которого пнули ногой. Жестокий взгляд молодого дуэргара устремился на женщину, словно он считал её некоторым образом повинной в ударе.

Бронвин сделала вид, что ничего не замечает. Взяв со стола маленький каменный нож, она срезала себе кусок вонючего сыра. Среди дуэргаров это было проявлением вольности и, быть может, даже небольшим вызовом. Второй взрослый дварф сердито посмотрел, но ничего не сказал. Он никогда не говорил в её присутствии, хотя трехфутровая железная дубинка, которую он таскал с собой, добавляла к его молчанию долю красноречия. Посмотрев на дварфа, женщина закинула кусок сыра в рот. Она сохраняла вежливый, почти самодовольный, вид, таким образом молча заявляя, что она здесь главная и причин для беспокойства просто не видит. Необходимая бравада при общении с дуэргарами, но момент выдался неудачный. Пока она ждала ответа, желудок её вывернулся наизнанку от понимания и отвращения. Но удача повернулась дважды. Дубинка дуэргара оставалась опущенной, а ворованный сыр не вырвался наружу.

Для вида, Бронвин улыбнулась молчаливому дуэргару и снова обратила свое внимание к лидеру группы.

- Где камни?

Он одобрительно хмыкнул, довольный тем, как она перешла к делу, а затем снял с пояса грязный кожаный мешочек и высыпал его содержимое на ладонь женщины.

Когда золотые камни потекли сквозь её пальцы, Бронвин изобразила на лице настороженное равнодушие. Хотя знала, что ожерелье необыкновенное. Драгоценные камни были цвета янтаря. Именно такие, как считалось, служили источникам жизненных сил в потерянном Лесу Миконидов. Изящная серебряная филигрань, пусть старая и покрытая множеством пятен, была сделана виртуозно, мастерски. Разумеется, ремесленником был эльф. Это был один из самых прекрасных предметов, созданных из драгоценных камней, который когда-либо видела Бронвин. Несмотря на это, от прикосновений к янтарию её пальцы покалывало. Возможно из-за того, что чувства женщины были отточены временем, проведенным рядом с древними магическими артефактами, а может быть только разыгралось воображение, но Бронвин могла поклясться, что ощутила слабое отдаленное эхо магии.

Она заставила себя снова взять ожерелье и изучить его, словно оценивая вес и цвет.

- Миленько, - признала она небрежно. - Но твоя цена слишком высока.

Лидер дуэргаров знал игры в обмен как никто другой.

- Пятьсот золотых и не медяком меньше, - сказал он решительно. - И оружие. Оба.

Бронвин ухмыльнулась.

- Там, откуда я родом, торговцы знают цену своим товарам. Но поскольку янтарь не типичный для вас продукт, я, возможно, смогу отстегнуть кое-что сверху.

- Да? Сколько?

Женщина задумчиво потянулась к одной из огромных серег.

- Я могла бы дать пятьдесят золотых и боевой топор. Нашла один хороший, двуглавый, хорошо сбалансированный для рукопашной. И для бросков. Разумеется, работа дварфов — труд очень хорошего подмастерья у отличного кузнеца золотых дварфов. Лезвие выполнено из митрала, а рукоять из полированного красного дерева со вставками граната и турмалина. Интересно?

- Хмм! - дуэргар наклонился и сплюнул. - Не используем красивые вещички. Особенно от золотых дварфов.

Бронвин не пропустила алчности, сверкнувшей в его глазах. Дуэргары были скорее мусорщиками, чем кузнецами, и ей еще не приходилось встречать того, кто не желал бы отличной дварфской работы. Она небрежно встряхнула бесценное ожерелье.

- Этот прекрасный янтарь, оправленный в новую, модную оправу на базаре уйдет за двести золотых. Я дам тебе половину этого.

Дуэргар начал было собирать слюну на новый плевок, но затем решил, что здесь уместен более драматичный жест. Он изобразил, как выхватывает нож и погружает его в свое сердце.

- Лучше так, чем принять сотню золотых! - выругался он. - Четыреста и топор.

- Топор легко можно продать за пятьсот.

- Не похоже! Но раз мы с тобой давно знакомы, давай так — топор за камни.

Бронвин фыркнула.

- Я дам тебе двести золотых. Но про топор можешь забыть.

Серый кулак дуэргара с грохотом опустился на стол. Дварф был возмущен мыслью потерять добычу.

- Дай мне топор и двести золотых — и сделка готова. Кража готова, так вернее!

Бронвин спокойно восприняла жалобы. Она ожидала протестов. На самом деле, ей казалось, что дуэргар сдался слишком легко. Возможно, следует ждать больше неприятностей — но уверенности у неё не было. Это удивило её, учитывая присутствие мальчишки-дуэргара.

- По рукам, - она положила мешок на стол. - Двести золотых, плачу пятивесными платиновыми монетами. Иди сюда и пересчитай.

На сером лице дуэргара проступили отчетливые красные пятна. Вероятнее всего, он не может пересчитать этот высокий и куда более сложный курс, подумала Бронвин.

- Нет необходимости, - пробормотал он. - Ты честна.

Не без удовлетворения Бронвин заметила, что дуэргар говорил абсолютную и чистую правду. Возможно, такое случалось с ним впервые. Она ценила свою репутацию, ибо потратила много времени на то, чтобы её заработать. Обещание дано, обещание выполнено.

В нескольких словах она сказала своим клиентам, где искать вторую часть платежа.

- Топор твой, даю слово. Я не забыла, что последовало за нашей последней сделкой.

- Как и я. Мне было жаль терять Бримграмфа. Он был хорошей воинской рукой, но слишком сильно привык к этому. Не знал, когда остановиться, - невинно заявил дуэргар.

Это была самая длинная из слышанных Бронвин речей. И самая корыстная. Если бы засада, увенчавшая последнюю сделку, преуспела, этот дварф, без сомнения, потребовал свою долю захваченного. Но она провалилась и его человек погиб. Пристальный взгляд Бронвин дал дуэргару понять, что его попытка снять с себя ответственность провалилась.

- Перейди мне дорогу однажды — и я буду следить за тобой. Перейди дважды — и тебе придется следить за мной, - предупредила она.

Дуэргар пожал плечами.

- Справедливо, - согласился он.

Снова слишком легко, подумала женщина. Когда молчаливый дуэргар опустил золото в карман, Бронвин взяла ожерелье и ослабила завязки на мешке. Мешок был не обычный. Она купила его у мага из Харлуаа по цене, почти составлявшей её годовую выручку. И вещица стоила каждого потраченного медяка. Это был магический туннель, который переправлял все, что она запихивала внутрь, в хорошо охраняемый сейф. Сейф стоял в "Любопытном Прошлом", её магазинчике в прекрасной части Глубоководья. Бронвин давно выучила одну простую истину о покупке редких древностей. Найти их — одно дело. Сохранить — совсем другое.

Небольшое движение привлекло её внимание и заставило замереть руку. Одолженный каменный нож зажил собственной жизнью — не слишком активной, но достаточной, чтобы наконечник указал на янтарь в руке.

Магнетид, поняла Бронвин. Нож был вырезан из камня, который чувствовал и следовал за энергией метала — или в данном случае янтаря. Дуэргар собирался выследить её и вернуть ожерелье, как только оно, по их мнению, минуют ловушки, которые она всегда оставляла, чтобы прикрыть уход.

Перейди мне дорогу дважды, мрачно подумала она. Сохраняя лицо спокойным, она поднялась со своего каменного стула. Уходя, она даже повернулась лицом, позволив парламентару дуэргаров забрать болтливый каменный кинжал. Добравшись до устья пещеры, женщина повернулась и холодно посмотрела в глаза коварных существ, а затем бросила янтарное ожерелье в мешок. Вещица исчезла в магическом вихре. Нож закрутился в ответ, глубоко надрезая ладонь дуэргара.

Крик боли и возмущения стер ухмылку с его лица. Бронвин развернулась и побежала к своему туннелю, быстрая, словно олень.

Обогнув резкий поворот, она наклонилась, роняя факел, чтобы схватить крепкий посох, который прежде спрятала среди щебенки рядом с тропой. Три дуэргара мчались следом, их обитые железом сапоги выбивали на полу громовое крещендо. Выбрав верный момент, она выпрыгнула прямо перед двумя дварфами, крепко держа посох у талии параллельно земле.

Дуэргары не успели затормозить. Они бежали прямо на посох, расположившись по обе стороны от Бронвин. В конце концов, они налетели на древко, удар палки пришелся каждому по горлу. Головы дварфов откинулись назад, а ноги оторвались от земли. Глухой глубокий гул пронесся по пещере, когда два тяжелых существа повалились на спины, широко раскинув руки. Бронвин отскочила назад.

Следом мчался молодой дуэргар. В своем яростном стремлении добраться до Бронвин, он просто перемахнул через упавших сородичей. Глаза мальчишки сверкали, а маленький заточенный топор, воздетый над головой, красноречиво заявлял о его намерениях.

Бронвин быстро свернула направо. Схватив конец посоха двумя руками, она отвела его назад. Почувствовал, как мальчишка готовится к невероятно высокому круговому удару, она резко и тяжело взмахнула посохом. Он просвистел в воздухе и встретился с державшей оружие рукой дуэргара. Что-то — рука или древко топора, Бронвин не могла сказать точно — издало отвратительный треск. Молодой дуэргар бросил топор на одного из оглушенных старших и продолжил идти. Бронвин наклонилась и потянулась за дубиной, выпавшей из руки взрослого дуэргара. Понимание о неверно сделанном выборе пришло слишком поздно. Дубинка была слишком тяжелой.

Искать другое оружие не было времени. Бронвин начала стремительный бросок вперед, втягивая подбородок. Голова женщины врезалась в живот молодого дварфа, который все еще не прекратил свое наступление. Дыхание мальчишки оборвалось, становясь хриплым болезненным ворчанием, и они повалились на пол, образуя клубок из рук и ног.

Бронвин колотила руками и ногами, она была слишком близко, чтобы нанести серьезный урон. Молодому дуэргару было не многим лучше. Запыхавшийся, облагодетельствованный сломанной рукой, он ударил несколько раз, но не смог вложить в них много силы. Внезапно, он придумал стратегию получше. Схватив

бронзовое кольцо, висевшее в ухе у Бронвин, он сильно дернул за него. Внезапная рвущая боль вызвала у женщины крик боли, и улыбку на безбородом лице существа.

Окончательно разозлившись, Бронвин задумалась о своем факеле. Её палец оказался близко, очень близко к покрытой смолой древесине, чтобы ощутить тянущий жар. Женщина сунула горячий конец в лицо дуэргара. Мальчишка вскрикнул и отпустил её, хватаясь за глаза своей здоровой рукой. Бронвин откатилась в сторону и вскочила на ноги, ловко ускользая из лап лидера дуэргаров. Взрослые отшатнулись от внезапной атаки, после чего начали приходить в себя и собирать свою оружие. Бронвин развернулась и бросилась к туннелю.

С пульсирующими руками, она пронеслась по тропе. Три обиженных дуэргара остались позади. Впереди замаячил узкий проход. Упав на колени, она проползла последние шаги, а затем плюхнулась на живот и забралась в низкий туннель. Женщина отчаянно карабкалась вперед, покуда один из преследователей не успел схватить её за лодыжку и вытащить обратно.

Почти добралась. Почти в безопасности.

Что-то толкнулось о её ногу, испугав её. Голова женщины дернулась, и она болезненно ударилась о каменный потолок. Внезапно, она поняла, почему дуэргары привели с собой тощего мальчишку. Она была не единственной, проводшей разведку пещеры. Должно быть, они ожидали такого поворот — и привели с собой дуэргара, что был достаточно мал для того, чтобы пролезть в туннель.

По какой-то причине это понимание вызвало у неё больше гнева, чем страха. Молодой дуэргар уже ранен, и это был далеко не конец. Она убьет его, если понадобится. Конечно, взрослые это знали.

Выскочив из туннеля, Бронвин рванула к ущелью, разгоняясь перед прыжком. Оказавшись у веревки, она выползла на отмеченное место. Сжав канат свободной рукой, женщина принялась пилить его ножом. Когда позади раздался полный ужаса крик молодого дуэргара, работа была почти закончена. Вопль стал громче, а потом начал затихать, оборвавшись громким всплеском. Бронвин пробормотала проклятья. Молодой дуэргар, полуслепой и, без сомнения, потерявший равновесие от боли, споткнулся и свалился в реку.

Крики взрослых дуэргаров и их громоподобные шаги заставили Бронвин испытать странное чувство облегчения. Они нашли другой путь в пещеру. Они поймут мальчишку прежде, чем течение смоет его слишком далеко.

Внезапно, веревку резко дернуло. Женщина уронила нож и всплеснула обеими руками, с недоверием глядя на тропу. Дуэргары сосредоточили свое внимание на ней, а не на утопающем мальчишке.

Охвативший Бронвин гнев прогнал даже парализующий страх перед водой. Она выкрикнула дварфское оскорбление — то, что почти гарантировало ей нарваться на бойню в таверне, убийство или небольшую войну.

И дварфы снова потянули веревку. На этот раз сильнее. Подрезанная веревка наконец поддалась, и Бронвин полетела над ущельем. Она заставила себя открыть глаза и сосредоточить внимание над быстро приближавшейся каменной стеной. Оказавшись у карниза, она отпустила веревку и перекатилась в бок.

Маневр поглотил часть удара, но женщина все же с ошеломляющей силой упала на каменный пол, отделавшись синяками. Перекатившись несколько раз, она тяжело врезалась в стену, оглушенная и страдающая от боли.

С обратной стороны ущелья донесся новый сердитый крик.

- Ты заключила сделку! - выл лидер. - Золото и топор!

Бронвин с трудом встала и посмотрела через ущелье, на прыгавшего и орущего дуэргара. В конце концов ему хватило наглости обвинить её в отказе от сделки. Тем не менее, у него было на то право. Она получила ожерелье, и обещала взамен топор. Подойдя к месту, где недавно оставила прекрасное оружие, она сунула руку в кучу гальки и извлекла его наружу. Подняв сверкающий топор, она занесла его для броска.

Оружие перелетело через ущелье, прямо к злым дуэргарам. Скривившись, они нырнули за кучу камней. Услышав тяжелый удар металла о камень — несколькими футами ниже — они выскочили и остановились на краю провала. Там, на небольшом выступе, быть может дестью футами ниже тропы, лежал топор.

- Упс, - небрежно сказала Бронвин.

Оставив дуэргаров решать сразу две проблемы — извлечение топора и спасение молодого сообщника — она развернулась и начала крутой подъем на поверхность. У неё почти не было сомнений в том, что дварфы сочтут наиболее важным.

* * * * *

Даг Зорет и забыл, как звучат весной разлившиеся речные воды. Робкая и сладкая, одновременно такая нетерпеливая и робкая, Дессарин пела вдали, и голос её был знаком, словно детская колыбельная. Волна резкой жестокой памяти нахлынула на него, воспоминания были достаточно сильны, чтобы заглушить звуки криков и страшный перестук копыт.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, он прочно обосновался в настоящем.

- Ждите здесь, - коротко бросил он пришедшим с ним мужчинам.

Этого они не ожидали. Они пытались спрятать свое удивление, но Даг все видел. Он мало что упускал, а выказывал еще меньше — именно это в немалой степени поспособствовало тому, что командовал здесь он.

Даг слишком хорошо понимал реакцию мужчин. Он знал, что они видели, глядя на него. Хрупкий человек, на голову ниже большинства своих охранников, человек, не имевший особого опыта в обращении с коротким украшенным драгоценными камнями клинком, висевшем на бедре. Человек с очень бледной кожей, много лет проведенный внутри стен. В общем, такой человек вряд ли мог бы отправиться в дикие предгорья в одиночку. Обычно Даг Зорет не сильно задумывался о подобном. Но здесь, в этом месте, детские воспоминания были сильны — достаточно сильны, чтобы лишить его силы, оставляя маленьким и слабым. Здесь он снова становился ребенком, отчаянно пытавшимся достичь поставленной цели. Теперь же он ощутил старое отчаяние, тень памяти глубокого звонкого голоса отца, говорящего:

- Когда услышишь пение Дессарин, сворачивай с дороги.

Даг Зорет повел поводьями, направляя коня на юг. Он сделал это столь резко, что животное всхрапнуло от боли, но все же последовала его приказу. Как и люди, оставшиеся позади, послушно дожидались его на восточной дороге в Трибор.

Он ехал несколько минут, прежде, чем смог сориентироваться. Старая тропа все еще была здесь, отмеченная не следами ног людей и лошадей, но тощими деревьями, которые некогда росли на открытой местности. Это стоило отметить, подумал Даг Зорет. Как быстро может вырасти дерево, выйдя из-под сени старого леса.

В голове его, неожиданная и неприятная, зазвучала песня. Это была походная песня, старый гимн, восхваляющий Тира, бога справедливости. Отец частенько напевал её, чтобы отмерять путь, направляясь в деревню. Он говорил, что песня и дорога были одинаковой длины. Даг Зорет знал, что как только отпоет последний хор, лес уступит место поляне, и перед ним раскинется деревня.

При мысли о том, чтобы действительно дать песне голос, мужчина сжал губы в легкой циничной улыбке. Он сомневался, что его собственный бог, Цирик Безумный, слышал много песен. Но привычка была сильнее осторожности. Ступая по тропе, Даг вспоминал стихи и отмерял ими путь в глубине своего разума. Когда памятная песня закончилась, Даг Зорет действительно оказался на искомой поляне. Молодые деревья, тянувшиеся по краям, добились здесь больших успехов в возрождении леса.

Даг Зорет соскользнул с лошади. Он не привык к верховой езде, а потому поездка познакомила его с целым легионом новых мускулов. Хотя путешествие из дома в Темном Оплоте было долгим и трудным, тело неумолимо отказывалось становиться сильным и мускулистым. Зато с волей у человека все было хорошо, и он отбросил пульсирующую боль, как человек ничтожнее мог бы отмахнуться от мухи. Оставив лошадь пастись, он начал кружить по поляне.

Зрелище было одновременно чуждым и знакомым. Разумеется, все здания исчезли, сожженные дотла в ужасном налете, случившемся больше двадцати лет назад. Здесь да там ему то и дело попадались обугленные леса или разрушенный фундамент, прятавшиеся в путанице цветущей ежевики. Но деревня, где он родился, исчезла безвозвратно. А вместе с ней и наследие, которое Даг Зорет решил восстановить.

Разочарованный, он огляделся, ища все, что угодно, способное стать ориентиром. Годы изменили его больше, чем они изменили лес. Он больше не смотрел на вещи глазами мальчика, которому еще только предстояло пережить седьмую зиму. Тогда его мир состоял из этой крошечной деревни в предгорьях к югу от Холма Джундара. Теперь его мир стал шире и значительно отличался от того, что он мог вообразить себе в годы, проведенные в этом уединенном местечке — он отличался от всего, кроме, разумеется, набега, которым закончилось детство Дага.

Снова глубоко вздохнув, Даг Зорет потер виски обеими руками, вырывая воспоминания. Внезапно, перед глазами встало четкое изображение: красный лист обрамленный зубцами, дрейфовал вниз, исчезая на фоне превосходящей красноты — разорванной груди его брата.

Он развернулся на каблуках, словно пытаясь сбежать от этого ужаса. Запрокинув голову, мужчина уставился на верхушки деревьев. Над местом, где погиб брат, стоял дуб. Возможно, ему следовало прийти осенью, когда листья окрасятся яркими красками. Он слегка улыбнулся этой глупой мысли и отбросил её в сторону,

как только она появилась. Он имел право требовать то, что принадлежало ему по праву и мог пользоваться этим. Зачем же ждать?

Но годы изменили и просеяли его воспоминания сквозь мелкое сито, словно лес, смыкающийся кольцом вокруг дома его детства. Для смертного не было ни единого способа получить то, что было утеряно. К счастью, богов проблемы времени и смертности обременяли меньше, и они охотно делились своими откровениями, по одному за раз, со своими земными последователями.

И хотя Даг Зорет боялся поставленной перед ним задачи, руки молодого жреца не дрогнули, когда он вытащил из-под своей фиолетово-черной рясы медальон с изображением священного знака Цирика. Даг Зорет всегда носил цвета своего бога, хотя хорошенько подумал, прежде чем отправляться в путешествие, щеголяя жреческим облачением и символами Цирика. Основываясь на собственном опыте и амбициях, Даг Зорет считал, что люди, не испытывавшие страха или ненависти к жречеству Цирика просто не прожили достаточно долго, чтобы понять его.

Закрыв глаза, молодой жрец сжал медальон в кулаке. Его губы зашевелились. Он читал молитву о божественном заступничестве.

Ответ пришел внезапно, его жестокая сила заставила Дага Зорета упасть на колени и отшвырнула назад.

- Гимн, - пробормотал жрец, раздраженно морщась от боли. - Должно быть, Цирик слышал гимн.

Затем мысли исчезли, унося с собой двадцать лет в бегах.

Он снова был ребенком, опустившимся на колени, но не в молодом лесу, а в темном углу задымленного коттеджа. Маленькие тощие руки вцепились маслобойку, а черные глаза распахнулись от ужаса, когда створки двери раскололись и разлетелись в стороны. Внутрь шагнуло трое мужчин. В их взглядах горело то, что отталкивало и завораживало сжавшегося на полу ребенка. Один из них оттолкнул мать Дага, которая бросилась вперед, чтобы защитить своих детей единственным попавшем под руку оружием — железной сковородой с длинной ручкой. Нелепое оружие выпало из её рук и загрохотало в сторону очага. Мужчина ударил снова, и голова матери запрокинулась. Она тяжело упала на пол, с треском ударяясь о камни камина. На бледном её лице, словно бесстыдный малиновый цветок, расцвело кровавое пятно. Но женщина как-то нашла в себе силы подняться. Она проскользнула мимо человека, который целенаправленно зашагал к колыбели в дальнем конце комнаты. Там лежали сестры-близнецы. Дети визжали от страха и ярости, молотя задымленный воздух своими крошечными розовыми кулачками. Мать бросилась на колыбель, обнимая младенцев руками и закрывая их собственным телом. Она взывала к Тиру. Мужчина вынул меч и высоко занес его над головой. К счастью, маслобойка заслонила взгляд Дага, и он никогда не увидел удара, хотя знал, что означало внезапно воцарившееся молчание. В грубом злом обмене, последовавшим за падением меча, Даг прочел свою судьбу.

Он отпрянул назад, вдавливаясь в ямку, которую его бедная маленькая сестра вырезала в толстой плетеной стене. Здесь был тайник для её «сокровищ» - гладких или блестящих камушков, перьев голубой птицы и прочих маленьких чудес, которые она обнаруживала вокруг деревни. Даг горячо желал, чтобы сестра углубила проход,

превратив его в дверь для побега. Затаив дыхание, мальчик пожелал раствориться в щели, тенях и дыму.

Мужчины рыскали по дому. Они выворачивали сундуки и перерывали кровати, спеша найти мальчишку прежде, чем их опередит дым тлеющей крыши. Они не сдвигали маслобойку, вероятно потому что не видели за ней места, в котором мог бы спрятаться ребенок. Наконец, они отказались от поисков, решив, что Даг удрал, как и его сестра.

Она покинула дом задолго до начала пожара. Любопытная, как всегда, она отправилась на разведку, заслышав шум, вызванный приближающимися налетчиками. Она выкрутилась из рук матери и пролезла через небольшое окошко, оставленное незапертым. Её старая ночная рубашка зацепилась за гвоздь. Инстинктивно, она хлопнула ладонью по маленькой малиновой родинке на голом бедре — оборонительный жест, ставший инстинктивным благодаря дразнилкам Дага. Затем, она пропала. Только сверкнули во тьме пятки её маленьких ног, когда она вывалилась наружу. Даг быстро подумал о том, что же с ней стало.

Подождав, пока налетчики покинут дом, Даг выскользнул из своего убежища и пробрался к окну. Он не бросил ни единого взгляда на мать или сестер, все время проклиная себя за трусость. Хотя он был всего лишь ребенком, отец его был великим паладином. Ему следовало сражаться. Он должен был найти способ спасти свою семью.

Тощие детские пальцы тряслись, когда он потянул защелку, державшую ставни. Несколько ужасных моментов он думал, что не сможет открыть окно, что будет вынужден выбрать между смертью в тлеющем доме или объятиями людей, которые явились, чтобы украсть его. Страх придавал ему сил, и он дергал защелку, пока не сбил пальцы в кровь.

Внезапно, металлический стержень уступил. Жалюзи распахнулись наружу, и Даг почти рухнул на низкий подоконник, откуда потом перекатился в сад, который обрамлял дом сбоку. Он так и лежал там, куда упал, среди ароматных растений, покуда не убедился в том, что его стремительный выход не привлёк внимания. Через несколько мгновений он осторожно поднял голову и оглядел поляну, широко распахнув глаза.

Увиденное было похоже на нижние планы Абисса, ужасы, которые не должен был терпеть ни один сын святого воителя Тира.

Конные налетчики кружили по деревне, замахиваясь мечами чтобы прикончить любого, решившего бежать. Гром лошадиных копыт эхом поднимался над адским хором голосов. Тут были крики налетчиков, стоны умирающих, ужасные горестные причитания тех, что все еще оставались в живых. И надо всем этим поднимался к небу треск и рев пожаров. Большинство деревенских домов пылало, и яркое пламя прыгало и танцевало на фоне черноты ночного неба.

Рядом с ним на землю рухнула крыша, взвившийся в воздух сноп искр метнулся на затянутую дымом поляну. Эта внезапная вспышка осветила еще больше ужасов. Помятые, пропитанные кровью тела валялись на земле. Они больше напоминали убитых гусей, нежели людей, которых Даг знал с первого вздоха. Это не мог быть Джеренит, охотник, сам выпотрошенный словно олень, с покрытым кровью ножом, валявшимся у ног. А эта молодая женщина, безжизненно свисавшая с каменного

колодца, слишком обнаженная, почти черно-фиолетовая от сажи и ужасных синяков... она просто не могла быть красавицей Пег Йарлсдоттер. Не она ли сегодня утром дала Дагу медовый торт и любезно заверила, что отец его вернется в деревню до первого снега?

Знакомый голос, вознесшийся в знакомом крике, привлек внимание мальчика. Его охватила волна облегчения и радости. Отец, самый смелый и грозный Рыцарь Тира, наконец вернулся! Страх ребенка растаял, а с ним исчезла и боль всех длинных дней, проведенных в уходе за лошадью отца. Он завидовал мальчикам, отцы которых остались в деревне, чтобы заниматься менее возвышенными делами.

Внезапно обретя храбрость, Даг выскочил из сада с травами и приготовился броситься к отцу. Во всем Фаэруне не может быть места лучше и безопаснее, чем широкий круп паладинской лошади, защищенный могучим мечом и непоколебимой верой отца.

Сделав три шага, мальчик осознал свою ошибку. Голос принадлежал не отцу, а старшему брату – Бьерну. Его брат сражался так, как мог бы сражаться отец. Как должен был сражаться он, Даг.

Ему не исполнилось и четырнадцати, и он отнюдь не был мужчиной, но у Берна хватило смелости взять меч и встать лицом к лицу с людьми, которые ворвались в его деревню с холодной сталью и пылающими факелами. И голос мальчика, взывающий к Тиру за силой и справедливостью, был так похож на глубокие звенящие речи отца.

Поклонение героизму в темных глазах Дага боролось с ужасом. Он видел, как его брат хватается за окровавленный меч. Даже Дагу было ясно, что Бьерну не хватит ни мастерства, ни силы, но юноша бросился в атаку с пылом, который испугал двух мечников и не оставил никого из них невредимым. Третий нападающий растянулся на спине, его голова склонилась в сторону, а глаза распахнулись от удивительного осознания того, что смерть может иметь безбородое лицо.

Неудивительно, что семейное кольцо носит именно Бьерн, подумал Даг испытывая скорее восхищение, а не зависть. Их отец дал Бьерну кольцо не потому, что тот был старшим из пятерых детей, но и потому, что он был самым достойным.

Кольцо.

И снова страх Дага отступил, на этот раз перед мрачной целеустремленностью. Ему и семи не было, но он кровью и костями ощутил важность этого кольца. Он думал, что поступил бы также, даже не слышав он никогда рассказов о Самуларе, благородном Рыцаре Тира и собственном дальнем предке. Кольцо должно быть в безопасности, даже если дети Самулара оказались в беде. К этому времени Даг понял, что для каждого из них больше не будет никакой безопасности и никакого спасения.

Прокравшись за дом, он скользнул за ограду, оставшуюся от летнего садика их соседей. Упав на четвереньки, он бросился между длинными рядами увядающих лоз туда, где брат стоял и сражался, как истинный наследник крови Самулара. Он услышал победный крик налетчика и увидел смертельный удар.

Сделав резкий болезненный вдох, Даг затянулся дымным воздухом, пытаясь вскрикнуть от ярости и ужаса. Но все, что сорвалось с его губ – это придушенное

хныканье. Тем не менее, он неуклонно двигался вперед, пока не приблизился к Бьерну.

Брат лежал неподвижно, на уединенном клочке пропитанной кровью земли. Теперь, когда мальчик перестал сражаться, налетчики больше не обращали на него внимания. Они бросили его и отправились обыскивать несколько оставшихся домов. Даг понял: они ищут потомков Самурала. Это было единственное сокровище, хранившееся в этой маленькой, спрятанной деревеньке. Он слышал, как кричит в своем доме человек, оскорбляя солдата, убившего двух маленьких девочек ударом, предназначавшимся только для их матери. Смерть Бьерна тоже должна быть ошибкой. Мужчины пришли за детьми, а на восхищенный взгляд Дага, Бьерн был совсем взрослым человеком. С мечом в руках и молитвой к Тиру на губах, Бьерн, должно быть, обманул налетчиков.

Даг взял обмякшую руку брата. Он потянулся к семейному кольцу, постоянно опасаясь, что рука Бьерна сейчас сожмется, и мальчик попытается защитить и сохранить то, что по праву принадлежало ему. Даже после смерти. Но доблестный Бьерн действительно умер, оставив сражения младшему брату – мальчик живого ума, но, конечно, хилого телом. Даг был слишком хрупким и тощим, чтобы нести бремя и славу служения Тиру.

Но если он умел быстро соображать, то обязан использовать это, как воин использует в бою свое оружие. Быть может, мысль была простой, но она накрыла Дага, силой и весом не уступая пророчеству. На мгновение, пред ним пронеслись позабытые годы. Даг понял то, что только чувствовал в первые мгновения своего выживания в налете: это озарение будет определять и формировать его жизнь. Затем, внезапно, годы отступили и взрослый исчез. Но решимость успокоила ребенка, заставила его сосредоточиться.

Даг снова потянул кольцо. Наконец, оно соскользнуло с пальца Бьерна. Первой мыслью Дага было удрать с ним в лес, но он инстинктивно понимал – такое быстрое и очевидное бегство привлечет к нему внимание. Он не сможет обогнать мужчин и их лошадей. И он не посмеет унести кольцо с собой, потому что рано или поздно его наверняка схватят. И что же тогда ему с ним делать?

Ответ пришел к нему в виде одинокого красного листа. Он плыл по воздуху, дрейфуя так же легко, как недавно освободившаяся душа, и остановился на разорванной груди Бьерна. Увидев страшную рану, Даг тяжело сглотнул, и поднял взгляд вверх, туда, откуда упал лист.

На дереве был узел. Маленький, но и такого было достаточно для его плана. Даг медленно поднялся на ноги, едва дыша.

- Еще один! И он тоже похож на паладина!

Спустя несколько мгновений он понял, что человек говорит о нем. Однажды, давным-давно – всего на всего вчера, сегодня утром, меньше часа назад! – он был бы в восторге от сравнения со своим знаменитым отцом. Теперь слова налетчика внушали только ужас и разжигали гнев.

Мать и сестры мертвы. Бьерн мертв. Даг остался один. Он должен был закончить дело, которым никогда не должен был заниматься никто из них. Отец должен был быть здесь. Но его не было. Не было. Какая польза от человека, которого нет на месте, когда его собственные дети в серьезной опасности?

Позади себя он слышал стук бегущих ног. Вдохновение пронзило его, словно молния, и он сразу взялся за дело. Бросившись к дереву, он засунул кольцо в дыру. Даг не стал отходить, цепляясь за дуб, словно за материнскую юбку. Его сотрясали страшные рыдания, хотя глаза были абсолютно сухими, а весь страх был отброшен назад притворством.

Пусть они сочтут его глупым ребенком, одуревшим от горя и ужаса. Их мнение не изменит его судьбы. Они заберут его, но кольцо будет в безопасности.

Кольцо.

Даг Зорет ворвался в настоящее внезапно, словно проснулся от кошмара, завершившегося длинным, жутким падением.

Каждый мускул в его теле кричал от боли, но он едва замечал физическую агонию за свежей пыткой воспоминаниями о грусти. Прошло несколько мгновений прежде чем он понял, что руки его кровоточат, а одежда разорвана и испачкана в грязи. Должно быть, он прошел через деревню, следуя за посланным Цириком сном, цепляясь только-боги-знают за что. В его сне это была попытка открыть щеколду на окне. А потом он ползал по диким зарослям, некогда бывшим садом, в отчаянной попытке добраться до своего давно умершего брата.

- Я прошел сквозь сон, - пробормотал Даг, внезапно понимая практическое применение случившегося. Он поднял глаза, ожидая увидеть над своей головой полог весенних золотисто-зеленых дубовых листьев.

Дуба не было. Лишь серебристые листья пары осин нервно трепетали от прикосновений легкокрылого ветра.

Легкокрылого ветра. Даг глубоко вдохнул, ощущая тонкий, едкий запах, что приносил с собой ветер. Да, скоро будет дождь. И одна из тех быстрых, сильных гроз, которые он так любил в детстве. Даже тогда, упиваясь силой и трагичностью этих бурь, Даг смущался, думая о разрушениях, что они так часто оставляли позади.

Гроза! И снова пришло озарение. Даг начал рвать растущие перед ним лозы и ежевику. Спустя мгновение, он обнаружил расщепленный почерневший пень. Щепки, оставшиеся от древнего дерева, валялись рядом, а из черных гнилых корней торчали странные грибы. Это был тот самый дуб, пораженный молнией и почти сожженный дотла много лет назад.

Найти кольцо среди остатков дерева было непросто. Когда Даг закончил обыск, буря украла солнце и углубила тени, окутавшие поляну. Лошадь Дага нервно заржала. Жрец проигнорировал эти предупреждения. Дождь начался, когда его ищущие руки сгребали обломки, и вскоре лес вокруг содрогнулся от силы и ярости налетевшей бури. Возможно, кто-то другой никогда не нашел бы кольца. Но к Дагу оно, казалось взывало, толкая его вперед.

Он потянулся к куску грязи и раздавил его пальцами. Здесь Даг почувствовал что-то тяжелое. Его взгляд заметил золото. Он быстро потянулся к маленькому бурдюку, прикрепленному к поясу, и вылил содержимое на испачканное кольцо – едва заметив боль, когда вино попало на разодранную кожу. Он тщательно очистил вытер кольцо о испорченную одежду и поднялся на ноги, победно сжимая семейную реликвию в кровоточащем кулаке.

Даг оглядел кольцо в ярком свете молнии. Внутреннюю часть его покрывали тайные символы. Однажды в детстве он видел эти знаки, но предположил, что они

всего лишь украшения. Теперь он мог прочесть загадочные руны. Когда три объединяться в силу и цели – зло вздрогнет.

Три, размышлял Даг. Он знал лишь о двух кольцах. Когда мысли обрели четкость, он начал понимать, почему Малхор, его наставник, внезапно так сильно заинтересовался историей семьи Дага. Все выглядело так, словно детские воспоминания Дага были основаны не только на легендах. Если бы Малхор подсуетился, обрел бы реальную силу. К счастью, старик ничего не знал о кольцах. А может и знал. Немногие высокопоставленные члены Жентарима отличались альтруизмом. Разумеется, Малхор не стал вдаваться в поиски далекого прошлого Дага или местоположения его деревни вовсе не потому, что не желал будить воспоминания бывшего помощника. Ладно, будь все так, наставник не нашел бы в нем послушного инструмента. Ни одна сила не подчинила бы его без кровавой борьбы.

Даг начал надевать семейное кольцо на указательный палец. Туда, где его некогда носил Бьерн.

Боль, быстрая, яркая и жесткая, пронзила его тело. Удивленный Даг отдернул кольцо. Он отбросил с глаз свои промокшие волосы, и вытянул руку с кольцом, глядя на то с недоумением и упреком. Он был потомком Самулара – как кольцо могло повернуться против него?

Ответ пришел быстро, порождая волну ярости. Он должен был предвидеть это. Он должен был знать, что так и случиться. Кольцо, вероятно, было освящено, посвящено какой-то святой цели. И он, Даг Зорет не мог принимать в этом участия. Самулар был паладином Тира. Даг Зорет был отшельником. Жрецом Цирика.

Повинуясь импульсу, Даг взял висевший на шее медальон. Серебряную звездочку, с крошечным, аккуратным черепом внутри. Пальцами, скользкими от дождя, грязи и собственной крови, он расстегнул застежку, а затем надел кольцо на цепь. Снова застегнув цепочку, он положил медальон обратно к сердцу. Кольцо теперь было надежно спрятано за символом Цирика.

Пусть Тир – если бог справедливости действительно снизошел до слезки за кем-то вроде Дага Зорета – делает с этим что хочет.

Даг свистнул лошадь и резко вскочил в седло. Обратный путь должен стать быстрым, потому что он не сможет носить кольцо долго. Даже сейчас, отделенное от тела слоями красно-черных одежд и легкой эльфийской кольчугой, оно жгло его. Был еще кое-кто, носивший кольцо. В тот давний день, когда дуб рыдал красными листьями над телом Бьерна, последнего достойного сына паладина Тира, он был таким же невинным, как Даг.

Достойный или нет, Даг собирался использовать кольцо. В конце концов, он из рода Самулара. Он восстановил наследие. По-своему и ради собственных целей.

Глава 2

В Глубоководье могли отыскаться и другие крепости – более внушительные и впечатляющие – но Башня Черного Посоха, без сомнений была самой необычной и защищенной.

С тех пор, как около двадцати лет назад Хелбен Арансан взял его под свою опеку, Данила Танн был в башне частым гостем. Последнее время ему казалось, что вызовы архимага участились, а требования, которые он предъявлял к "племяннику" и бывшему ученику росли с каждым днем.

Сегодня Данила свободно миновал невидимые двери, которые вели сквозь черные каменные стены внутреннего двора, и попал обратно в башню. Как и ожидалось. После этого он прогулочным шагом вошел в деревянные двери кабинета архимага, не потрудившись открыть портал и с небрежностью относясь к любым охранам заклинаниям, которые могли бы здесь присутствовать.

Этой обыкновенной для него заносчивости не осмелился бы подражать ни единый человек в городе. Данила надеялся, что Хелбен воспримет данный жест как намерение остаться вдали от любых дел архимага. Однако он подозревал, что данная небрежность мало чем могла поспособствовать изменению причин его частого присутствия в Башне Черного Посоха.

Разумеется, он опоздал, и архимаг пребывал в необычайно дурном расположении духа. Хелбен Арансан редко выходил из себя. Его сила и влияние были таковы, что дела просто не могли идти вопреки его желаниям. Но сейчас маг метался по комнате, словно угодившая в плен и очень этим расстроенная пантера. В других обстоятельствах Данила нашел бы в том причину для мрачного веселья, но сообщение, полученное им от наставника, было достаточно тревожным, чтобы к тому же терять хладнокровие.

Хелбен остановился и посмотрел на человека, который был его племянником лишь на словах. Сходства между ними почти не наблюдалось. Разве что оба были высоки ростом и готовы на убийство, чтобы защитить друг друга. Архимаг был жестким, мрачным и серьезным. Он носил черные одежды, в отличие от Данилы, который был облачен в украшенные драгоценными камнями, словно на праздник середины зимы, одеяния богатых оттенков зеленого и золотого и носил при себе небольшую эльфийскую арфу. К огромному разочарованию архимага, Данила посвятил себя жизни барда. Это стало постоянным источником раздоров, и будило в Даниле подозрения, что дядя не оставил надежды сделать его наследником Башни Черного Посоха.

Данила признавал, что рассуждения Хелбена достаточно хороши. Если говорить честно – к счастью, событие это случалось с ним крайне редко – с заклинаниями бард управлялся куда искуснее, чем с лютней или арфой.

Поставив свой инструмент на маленький столик, Данила сделал быстрый и сложный жест руками. Арфа сейчас же заиграла случайную мелодию. Это была веселая эльфийская песня, которая особенно нравилась Даниле.

Лицо архимага нахмурилось.

- Сколько музыкальных игрушек нужно человеку? - проворчал он. - Ты проводишь слишком много времени в этой трижды проклятой школе бардов и пренебрегаешь своими обязанностями.

Молодой музыкант пожал плечами, не обращая внимания на привычный выговор. И ничего, подумал он, что в каждом углу стоят свидетельства собственной художественной деятельности архимага.

Хелбен рисовал. Часто, страстно и без особого таланта. Странно измененные пейзажи, портреты и картины морских просторов висели на стенах или стояли на мольбертах. Незаконченные холсты были прислонены к дальней стене. Запах краски и льняного масла перемешивался с более острым запахом компонентов заклинаний, который долетал сюда из соседней комнаты.

Бард подошел к буфету, где хранилась его любимая картина - почти хорошее изображение красивого черноволосого полуэльфа - и наполнил стакан эльфийским вином из графина. Вином, что он некогда преподнес Хелбену в качестве подарка.

- Мои обязанности - Новый Оламан, - напомнил он архимагу. - Мы уже говорили об этом. Обучение и поддержка бардов Арфистов - важная задача. Особенно сейчас, когда им так не хватает цели. Кстати, у тебя краска на левой руке.

- Рррр, - архимаг взглянул на запачкавший кожу зеленый мазок, и тот быстро исчез. Схватив лежавший возле арфы маленький свиток, Хелбен бросил его племяннику.

Ловко поймав бумажку, Данила плюхнулся на любимый дядин стул. Архимаг тоже присел. Резные ножки его кресла заканчивались когтями грифона, сжимавшими янтарные сферы. Когти барабанили по шарам, словно нетерпеливые пальцы, полностью отражая настроение Хелбена.

- Сколько волшебных игрушек нужно человеку? - скривился Данила, а затем обратил свое внимание на свиток.

Прошло несколько минут, прежде, чем он смог прочитать и перевести закодированное сообщение. Его лицо окаменело.

- Малхор - лидер сопротивления, командующий боевыми жрецами в Жентийской крепости, известной как Темный Оплот, - провозгласил он мрачно. - Проклятье! Бронвин и раньше вела дела с подозрительными личностями. Но это просто за гранью.

- Малхор не должен получить то ожерелье, - твердо сказал Хелбен. - Ты должен прекратить продажу и принести мне камни.

Бард поднял брови и окинул взглядом строгое одеяние архимага. Единственным украшением Хелбена были серебряные нити в его черных волосах, да особая полоска белого, затесавшаяся среди аккуратно подстриженной бороды.

- С каких пор в тебе проснулась страсть к антиквариату? - сухо спросил Данила.

- Сам подумай, мальчик! Даже в самой простой форме янтарь - больше чем просто камень. Это единственный канал Плетения. Этот янтарь пришел из Анораха, он - пролившиеся слезы деревьев, настигнутых внезапной и жестокой смертью.

Представь себе силу, которая могла потребоваться, чтобы обратить Лес Миконидов в мертвую пустыню. Если хоть один её след задержался в камне, находясь в любой доступной для направления и фокусировки форме, это ожерелье обладает огромным потенциалом. Оно может собирать и передавать энергию... - Хелбен замолк. Данила заметил, что маг словно увидел эту мысль в новом свете. Поднявшись, дядя снова зашагал по комнате. – Видимо, нам придется понаблюдать за Малхором и его амбициями.

- У нас же столько свободного времени, - пробормотал Данила и изогнул бровь. – Говоря «мы» ты, возможно, имеешь в виду «мы» по-королевски, исключая из планов своего скромного племянника и сообщника?

Хелбен почти улыбнулся.

- Мечтай, - сказал он. – Говорят, это полезно.

- Дядя, позволь мне быть откровенным?

На этот раз архимаг выглядел искренне удивленным.

- Зачем останавливаться на моем сообщении?

- Меня беспокоит Бронвин. Перестань хмуриться – ничего такого. Все было сделано так, как ты того желал. Я договорился, чтобы за ней присмотрели и защитили. Я тихонько помогал её магазину, подкидывая правильные места для приобретения камней и редкостей, устраивал все так, чтобы приобретения были известны тем, кто правит причудами моды. Я убедился, что она получает приглашения, способствующие созданию и упрочению её репутации. Короче говоря, я удерживал её в Глубоководье. Счастливой и занятой.

- Но буду я проклят, как лич, если понимаю, зачем. И проклят трижды, если горжусь своей ролью в манипуляциях другом и Арфистом!

- Тогда думай об этом, как о «руководстве», - ответил Хелбен. – Если другое слово тебе не по нутру.

Данила пожал плечами.

- И гoblin будет пахнуть гоблином, хоть гоблином зови его, хоть нет.

- Очаровательный оборот. Этому ты учишься в своей школе?

- Дядя, меня не отвлекать.

Архимаг поднял руки.

- Хорошо. Тогда я буду так же честен. В твоих словах куда больше наивности, чем я от тебя ожидал. Разумеется, Арфистами необходимо управлять. Решения, принимаемые агентом часто очень важны и слишком влияют на дальнейшие события, чтобы оставить их в руках одного человека.

- Если этот человек, разумеется, не ты.

Хелбен остановился и развернулся. В одном этом движении были выражены сила и гнев драконов.

- Последи за языком, - сказал он глухим голосом. – Есть пределы моему терпению. Даже к твоим выходкам.

Данила не отступил, хотя он, лучше чем многие, дрожащие перед великим архимагом, понимал масштаб его могущества.

- Если я оскорбил тебя, прошу прощения. Но я говорю лишь правду, которую вижу.

- Опасная привычка, - проворчал Хелбен. Успокоившись, он отвернулся. Сцепив руки за спиной, архимаг посмотрел в окно – окно, которое внезапно сдвинулось вправо, хотя с внешней стороны башни этого было не заметить. Нынешний вид, по мнению Данилы, был особенно привлекателен: элитный Замковый Квартал, венчавший собою величественную громаду горы Глубоководья. Из гнезда на вершине вспорхнула тройка грифонов. Их крошечные фигурки вырисовывались на фоне закатных облаков, окрашенных аметистовыми и брильянтово-розовыми красками. Данила следил за ними в течение круга, а потом отвлекся, ожидая продолжения речи архимага.

- Несомненно, ты задаешься вопросом, зачем мы так пристально следим за Бронвин, молодой Арфисткой, чьи задания в основном связаны с сообщениями.

- Несомненно, - сухо сказал Данила. Он сложил руки и вытянул вперед длинные ноги. – Какой тебе в том прок? Я много раз пытался понять, почему стал мастиффом для этой овцы.

- Сарказм становится твоей болезнью, - заметил Хелбен. – Ты не был бы столь легкомыслен, если бы понимал, что Малхор может заинтересоваться Бронвин.

- Тогда расскажи мне, - Данила положил руку на сердце, словно школьник, дающий присягу другу. – Я буду самым смирением.

Улыбка архимага была мрачной и мимолетной.

- Я никогда не думал о тебе, как о ком-то незначительном. Но все же тебе стоит признать, что этой сказке лучше остаться не рассказанной. Я бы хотел сохранить все в секрете. Иди и достань ожерелье, пока оно не попало в руки Малхора.

- Бронвин ценит свою репутацию честного дельца. Она не поблагодарит меня за вмешательство.

- Она не должна о нем узнать. Так будет лучше. Но если это невозможно, используй любые методы, чтобы забрать ожерелье.

- Легко сказать, - заметил Данила, направляясь к двери. Хелбен скептически наморщил лоб.

- Странные слова для человека, первым вкладом которого в дело Арфистов стала способность выведывать у женщин секреты.

Молодой Арфист застыл, а затем развернулся.

- Я сделаю то, что ты просишь, дядя. Но не так, как ты подразумеваешь. Я возмущен этим заданием и глубоко оскорблен твоими нападками на мою личность.

- Но можешь ли ты отрицать мою правоту?

Улыбка Данилы была печальной и напряженной.

- Конечно, нет. Почему иначе, скажи на милость, я обижаюсь?

* * * * *

Комнату заполнил пар, и Бронвин, которая успела вернуться в город, чтобы почиститься, переодеться и принять некоторые меры предосторожности, оказалась в тумане. Когда глаза её снова смогли видеть, женщина заметила седого бородатого человека, лежащего в обширной ванне. Его мясистые розовые руки лежали на краях. Черные глаза с интересом скользили по ней.

- Ты быстра. Также, как красива, - сказал он с уважением. – Надеюсь, ожерелье ты получила.

Бронвин притворила дверь и села в мягкое кресло.

- Я бы не рискнула нести его с собой. Боялась, что умыкнут. Мой помощник ожидает приказа отправить его курьером.

- Как, без сомнения, он ожидает и твоего благополучного возвращения, - сухо сказал человек.

Женщина ответила скромной улыбкой.

- Необходимые меры предосторожности, милорд Малхор. Многолетний опыт.

Особенно в том, что касалось Жентарима и жрецов Цирика, молча закончила она про себя. Отметив пристальное внимание мужчины, она взмахнула руками в подобострастном жесте.

- Но я не стану утомлять вас своими маленькими сказками.

- Напротив, я уверен, что найду в них много интересного.

В дверь тихо постучали.

- Возможно, в другой раз, - пробормотала Бронвин, поднимаясь, чтобы ответить. Приняв целую кучу полотенец от горничной, она закрыла и крепко заперла за собой дверь. Из кучи девушка достала маленькую грубо вырезанную из полированного дерева коробочку.

Бронвин поставила её на маленький столик и осторожно, чтобы не порезать пальцы, приподняла крышку. Однако, глаза её округлились лишь когда она увидела содержимое – несколько экзотических курительных трубок, набитых ароматным и крайне незаконным табаком. Женщина не упустила огня, внезапно вспыхнувшего в глазах мужчины при взгляде на предметы. Она пришла на эту встречу не в слепую и знала о своем клиенте и его привычках больше, чем просто любопытствующая.

- Простите, если это оскорбляет вас, милорд, - сказала она осторожно, чтобы в голосе или на лице не отразилась ирония. – Это была обманка, на тот случай, если парень, который принес сюда эту коробку, был нанят ворами, ожидавшими найти здесь ценные вещи или какой-нибудь контрафакт. Скорее всего вор возьмет трубки, а коробку выкинет, не подозревая о том, что здесь есть двойное дно.

Ловко дернув коробку, девушка вытащила ожерелье из тайника. Склонившись, она протянула его жрецу, а тот схватил его с нетерпеливым беспокойством. Он закрыл глаза и провел янтарными бусинами по лбу. Когда глаза мужчины открылись, снова впиваясь в неё, Бронвин содрогнулась. Несмотря на высокий ранг и значительное состояние, в этом взгляде читалась жадность и хитрость, что делало его похожим на самого мерзкого дуэргара. Бронвин подозревала, что причиной покупки янтаря послужило совсем не желание творить благие дела для человечества.

- Ты справилась, - пробормотал он, наконец. – Это... больше, чем я ожидал. Говорят, янтарь хранит память о магии. Возможно, твое прикосновение, твоя красота, добавили к его значению еще чего-то.

Его слова вызвали мурашки, пронесшиеся по коже. Но Бронвин заставила себя любезно улыбнуться.

- Вы слишком добры.

- Совсем нет. Теперь перейдем к вопросу оплаты. В дополнение к золоту ты хотела бы получить информацию. Почему бы тебе не присоединиться ко мне? Нам было бы комфортнее общаться.

Бронвин ловко расстегнула пояс, а затем скинула ботинки. Быстрым текучим движением она стянула через голову платье и повернулась, чтобы положить его на стул. Женщина обернулась к ванне, ловя жреца в неудобный момент. Его взгляд как раз скользил по округлости её бедер, и он прищурился, погружаясь в непристойные мысли. Бронвин сжала зубы и шагнула в воду. Как и в других городах, общественные бани были в Глубоководье частью жизни. Бронвин не считала это прелюдией к близости, но были те, кто мог воспринимать это иначе.

- Так гораздо приятнее, - сказал Малхор. - Возможно, когда наши дела закончатся, мы сможем насладиться другими удобствами, предоставленными этим залом.

Например, прилегающей спальней, подумала Бронвин.

- Возможно, - сказала она вслух. Теперь, когда она встретила этого мужчину, Бронвин была готова поцеловать водную змею – в пятьдесят морских саженей. – Так что ты мне расскажешь о Морском Призраке?

Спросила она, называя имя корабля, навсегда изменившего её жизнь. Малхор дернул плечами.

- Немного. Корабль действительно был жентийским, но лет двадцать назад он сгинул. Учитывая местную пиратскую активность, предполагалось, что корабль разграбили и затопили.

Все это Бронвин уже знала. И слишком хорошо.

- Была ли попытка проследить путь груза?

- Конечно. Некоторое оружие, да несколько ценных вещичек были найдены. Но большая часть пропала на рынках Амна.

Жрец продолжал говорить, но слова его потонули в нахлынувших воспоминаниях о дыме, запахах, чувствах... ужас, плен, унижение, боль. О, да. Бронвин помнила рынки Амна. Какофония голосов, говорящих на незнакомых языках, руки, толкающие в спину, внезапный звон падающего молота – это объявили о продаже раба. Судьба определена.

- Боюсь, большего не скажу. Возможно, если ты расскажешь мне, чего желаешь достичь?

Слова Малхора просочились сквозь кошмар, возвращая девушку в настоящее. Она сосредоточила взгляд на его жадном лице. Коварный жрец знал, что бы она не искала – это дороже янтарного ожерелья. Бронвин усмехнулась.

- Вы, разумеется, не ждете моего ответа. Могли бы вы поведать о происхождении груза? О капитане корабля, о его команде? Даже имени матроса будет достаточно. Все, что знаете. Даже самые незначительные, на первый взгляд, детали. Они могут оказаться полезными.

Жрец наклонился вперед.

- Я почти сорвал голос, крича через это озеро. Подойди ближе, и мы поговорим еще.

Ванна была большой, но не слишком. Встав, Бронвин подошла к жрецу, позаботившись о том, чтобы остаться вне досягаемости этих больших пухлых рук. Но он не пытался дотянуться.

- Должен признать, меня интригует твой интерес к этому старому делу, - сказал Малхор. – Расскажи мне, что ты знаешь о Морском Призраке, его грузе и, быть может, я смогу помочь.

- Я знаю не больше, чем сказала вам, - честно призналась Бронвин. – Это было давно, и давно поросло травой.

- И я сомневаюсь, что твои собственные воспоминания простираются так далеко, - прокомментировал он. – Корабль затопили двадцать пять лет назад. Возможно, тебе тогда было... года четыре?

- Около того, - ответила девушка. По правде сказать, она сама не была уверена в собственном возрасте. Бронвин помнила мало, все ранние воспоминания были поглощены ужасом. Прежде, чем она сумела что-то предпринять, с уст её сорвался мрачный вздох. Малхор кивнул. Его глаза пронизательно блеснули на толстом лице.

- Прости, если это покажется слишком дерзким, но я не мог не заметить твою примечательную татуировку. Похоже на малиновый дубовый лист. Возможно, ты – последовательница Сильвануса?

Первым импульсом было расхохотаться от подобного предположения. Сильванус, Отец Дуба, почитался многими друидами, и она, конечно, не имела отношения к этой вере. Но ей пришло в голову, что Цирик, бог Малхора, был очень ревнив к проявлениям признаков поклонения другим культам.

- Когда-то... я любила некоего молодого лесоруба, - сказала она легкомысленно. – А он любил дубовые листья. Ну вот...

Бронвин закончила говорить и пожала плечами. Пускай подозревает, что хочет. Отметины на её спине – это её личное дело.

- Так ли это? – Малхор наклонился вперед. – Понимаю мужчину, решившего оставить на тебе свою метку. Возможно, со временем тебя убедят носить мою. Взять её! – крикнул он.

Бронвин выпучила глаза, а затем бросилась к двери. Комната содрогнулась от первого тяжелого удара, это вздрогнула щеколда, которую она бережно затворила. Одним прыжком женщина вылетела из ванной и бросилась к окну. Позади раздался всплеск – едва слышимый за не прекращавшимся стуком в дверь – это приближался Малхор.

Он двигался быстро, особенно для толстяка. Жрец схватил её сзади, одной рукой держа за талию, а второй – за горло. Он был силен, кроме всего прочего. Бронвин извивалась, словно форель, но не могла освободиться.

- Поспешите, идиоты! – закричал жрец. – Я не могу удерживать её вечно.

Бронвин сунула руку в волосы и вытащила стилет, который спрятала в густых кудрях. Оружие было предназначено для точного, осторожного удара, но времени не было. Она ударила за плечо, и клинок нашел плоть. Однако узкий нож не вошел глубоко и не нанес сильной раны. Малхор вскрикнул и усилил хватку. Женщина ударила снова, на этот раз в руку. Вырвав лезвие, она нанесла третий укол.

Наконец, он отпустил её. Как раз в этот момент дверь с треском распахнулась. Бронвин бросила быстрый взгляд через плечо. В комнату влетели трое мужчин.

Времени на бегство было катастрофически мало, но ярость побудила её вернуться к жрецу и провести крошечным ножиком по его обвисшим щекам.

Затем, женщина помчалась к окну. Отбросив шторы, она распахнула деревянные ставни. Щёколда поддалась, и Бронвин выпрыгнула на улицу.

Время, казалось, замерло. На мгновение, не больше, прежде, чем она приземлилась на мягкий тент, что растянул между двумя домами, ровно на два этажа ниже комнаты с ванной, её сообщник. Слегка подпрыгнув, она нащупала тунику, которую предполагала оставить здесь. Найдя её, она быстро натянула одежду через голову, а затем покатила к краю навеса, соскочила вниз и бросилась по улице. После этого Бронвин помчалась со всех ног, спеша оказаться в безопасности своего магазина.

К огромному облегчению – и удивлению – никто не стал преследовать её. Возможно, Малхор решил не рисковать. В конце концов жентийские жрицы едва ли могли позволить себе открыто обнаружить свое присутствие. Даже в городе, столь терпимом, как Глубоководье. Он получил ожерелье, заплатив смехотворно низкую цену. Несомненно, он считал эту сделку отличной.

Но зачем он позвал людей? В нападении не было смысла. Она уже получила свою плату, а потому обмануть её было невозможно. Должно быть, он узнал, что она Арфист. Этой причины хватило бы ему для того, чтобы убить. Но его слова указывали на намерение беречь её, а не убивать. Он питал надежды обратить её, сделав тайным агентом Жентарима?

Все это Бронвин обдумывала, возвращаясь домой через весь город. Она петляла, следуя сложным путем, проходящим через аллеи и заднюю комнату табачной лавки, владелец которой дружелюбно относился к Арфистам и их маленьким интригам. Женщина покинула магазин, обув оставленные в нем тапочки и прикрыв тунику приличным льняным киртлом. Мокрые волосы были заплетены в косу. Так она могла спокойно пройти по роскошной рыночной площади. Просто еще одна торговка, идущая по поручению семьи, или служанка, исполняющая прихоть хозяйки.

Наконец, Бронвин свернула на Улицу Шелка, снова удивляясь своему неожиданному счастью получить возможность арендовать магазин в этом шикарном районе. Располагавшаяся поблизости от Рынка и богатого Морского Района улица была широка и длинна. Она была полна магазинов и кабаков, где обслуживали богачей Глубоководья. Здесь продавались лишь самые качественные товары и работали только лучшие ремесленники. Магазины поддерживали этот статус. Высокие здания были выстроены из хорошей древесины и мазанки, а иногда даже щеголяли прекрасной каменной кладкой. Их украшали резные и нарисованные на дереве узоры, яркие знамена и даже маленькие корзинки цветов. Уличные фонари ярко сияли, окутывая своим золотистым светом элегантно одетых горожан, которые гуляли по мощеным улочкам. Вокруг было множество менестрелей, и музыка смешивалась вокруг бредущей по улице Бронвин приятным калейдоскопом звуков. Ужин давно миновал, и большинство магазинов были закрыты, но в Глубоководье были места, открытые в любое время. Таверны и залы развлечений работали до самого завтрака. Изобильные частные торжества и мелкие подпольные гуляния удерживали множество самых привилегированных горожан занятыми до

утра. Те, кто зарабатывал на жизнь тяжелым трудом и ремеслом, в это время обычно спали, поднимаясь с рассветом. Бронвин искренне желала быть одной из них.

Она не удивилась, увидев, что в магазине все еще горит свет. Отперев дверь, девушка вошла в теплый манящий беспорядок безделушек и сокровищ. Её помощница, светловолосая, розовощекая гномиха, по имени Элис Тинкер, изучала изумрудное кольцо, разглядывая его через алмазное стекло. Когда Бронвин вошла, женщина подняла глаза, не потрудившись опустить инструмент. В результате один глаз у неё стал огромным, словно у голубоглазого бехолдера. Это заставило Бронвин отшатнуться.

Элис весело рассмеялась и положила стекло.

- Занятный у вас выдался денек, а?

- Да, - вздохнула Бронвин. – У тебя было время набросать образец, что я отравила.

Она так устала, что слова звучали нечетко даже для собственных ушей.

- Этим я и занята. Сопоставила цвет с кусочками янтаря, которые были у нас здесь. Я буду ориентироваться на него завтра, когда стану добавлять правильные оттенки.

Бронвин кивнула. Она хранила эти эскизы, перепись редких предметов, которые прошли через её руки, под замком и охраной заклинаний. В сейфе. Некоторые рисунки девушка делала сама, но большая часть работы делалась маленькими умелыми руками Элис. Гномиха однозначно была сокровищем. Она держала магазин и вела учет продаж, в то время, как Бронвин любила приключения и занималась сделками. Две женщины были настоящей командой и успех "Любопытного Прошлого" принадлежал им обоим. Элис, казалось, относилась к нанимательнице, словно к большому ребенку, но Бронвин была готова не замечать этого недостатка.

- Завтра наступит достаточно скоро, - согласилась она, поворачиваясь к лестнице, ведущей в её комнату в магазине.

- О! И еще кое-что, - крикнула вслед Элис. – Этот молодой бард заходил. Искал тебя. Говорит, что ему нужно поговорить с тобой в самое ближайшее время. Это важно. Что-то про ожерелье.

Это, конечно, Данила. Опять же, завтра достаточно близко.

- Ладно. Ладно, - пробормотала Бронвин, шатаясь вверх по лестнице.

Элис последовала за ней, уперев руки в боки. На коричневом, с румяными, словно яблоки, щеками, лице отразился материнский упрек.

- Посмотри на себя, детка! Мертвец на ногах! Я не перестану предлагать тебе взять отпуск, чтобы прохладиться здесь, в магазине.

Игнорируя несмолкающую гномиху, Бронвин поднялась в комнату, намереваясь сразу же упасть лицом в кровать и надеясь, что она не уснет прежде.

Но стоило ей шагнуть в комнату, все мысли о сне испарились. В центре, опираясь на свой посох и глядя на неё мрачным, сверкающим взглядом, стоял самый страшный и могучий маг Глубоководья. Бронвин уставилась на Хелбена Арансана, Магистра Арфистов. Именно он руководил её действиями, но прежде они не встречались. Женщина считала себя хорошо знакомой с протоколами поведения дюжины рас и шестидесяти земель, но сейчас не могла решить, какой из трех убедительных ответов выбрать: поклониться, сбежать или потерять сознание?

---

* * * * *

Двое мужчин, одетых в черно-фиолетовые одежды жрецов Цирика, прогуливались в саду у виллы. Яркая луна освещала усыпанную белой галькой тропу. И хотя дело было ранней весной, в воздухе стоял робкий запах цветов. Три фонтана весело били в воздух, разливаясь по своим чашам.

- Я слышал о тебе интересные вещи, - говорил Малхор, бросая взгляд на человека, ставшего его самым многообещающим и талантливым помощником.

Даг Зорет склонил голову. В знак согласия. И нежелания отвечать. Наставник знал о нем слишком много, он изучал семью, из которой был вырван Даг. Некоторой частью этой информации он не так давно поделился: деревня, из которой похитили Дага, слухи о силе, присущей его кровной линии, должность его выдающегося отца. Даг часто задумывался, что же еще знает Малхор. А еще ему было интересно, как жрец получил этот шрам на левой щеке – и позавидовал человеку, нанесшему это увечье.

- Кажется, у вас есть более интригующий рассказ, - парировал Даг, подняв палец и проведя им по своей щеке.

Старый жрец только плечами пожал.

- Не так давно ты отправился на Холм Джундара и в одиночку поехал в предгорья, вдоль Дессарин. Мне любопытно, сын мой, что же побудило тебя пойти на такой риск, как посещение своей родной деревни?

Вот и все. Слухи дошли до Малхора быстрее, чем Даг ожидал.

- Мне тоже интересно, - сказал он. – То, что вы рассказали мне о моем прошлом, заинтриговало меня. Но в истории все еще много дыр. Я попытался залатать некоторые из них.

- Получилось?

- Разве что пару, - Даг одарил старого жреца твердым взглядом. – Вы сказали, что набег был работой амбициозного соперника паладина. Но люди, атаковавшие деревню, были солдатами Жентарима. Оглядываясь назад теперь, я четко вижу это.

Новость явно поразила Малхора.

- Как это возможно? Ты был ребенком.

- Знаю, - просто сказал Даг. – Это касается моих отношений с богом.

Малхор собирался протестовать. На несколько мгновений воцарилась тишина.

- Эта вилла, твои новые обязанности, - начал он. – Все это ты заслужил. Но у меня есть для тебя еще кое-что. Подарок, - он сделал паузу, чтобы добавить словам веса. – Ты не последний из потомков Самулара. Твоя сестра также пережила налет. И она жива и здорова.

Ошеломленный этим сообщением, Даг застыл. Ему не приходило в голову не согласиться со словами Малхора. И правда, как только потрясение от осознания прошло, он подумал, что не должен быть так удивлен. Он вспомнил видение, посланное Цириком, смелая и любопытная маленькая девчушка, вылезая из окна, чтобы разузнать о предстоящем налете. Его сестра Бронвин, смутно припоминаемая, как проклятье его детства. Его пощадили – так почему бы не оставить девушку?

Сестра. У него была сестра. Даг не знал, как к этому относиться. Он смутно помнил глубокий полный неодобрения голос отца, порицающего смелые взгляды девочки, - и задавался вопросом, почему её старшему брату не удалось стать таким же бесстрашным.

- Как она? И где она?

- В Глубоководье, - ответил Малхор. Он поморщился, коснувшись листовидного шрама на щеке. - И поверь мне, она устроилась достаточно хорошо. Я встречался и говорил с ней в эту самую ночь.

Так это была Бронвин. Прошли годы, но ей все так же удавалось действовать там, где Даг сдерживался. Эта мысль не слишком ему понравилась, но огорченное выражение на порезанном лице жреца было, несомненно, желанным зрелищем.

- Для дочери паладина она очень быстра с ножом, - заметил Даг с мрачным удовольствием. - Обычно, вы не столь опрометчивы, чтобы не заметить спрятанного оружия.

- Голая женщина, - прорычал Малхор. - Она спрятала стилет в волосах. В эти коварные времена мужчине стоит соблюдать осторожность.

На этот раз Даг громко расхохотался.

- О, это бесценно! Разве не гордился бы этим великий Хронульф?

Старший жрец пожал плечами.

- Она интересная женщина, искатель утраченных древностей, сделавший поиск осколков прошлого делом своей жизни. По иронии судьбы, своей истории она найти не смогла. Тем не менее, она, очевидно, пытается это сделать. Она охотно продала за информацию артефакт из бесценного янтаря. Ты можешь воспользоваться этим. И должен, - жрец снова поморщился. - Я столкнулся с каким-то... препятствием. Если бы я не подготовился к подобному и не воззвал к Цирику за заклинаниями, унесшими меня из того места, ночь могла бы закончиться куда трагичнее. Совершенно очевидно, что мы не единственные, кто владеет информацией. За твоей сестрой смотрят, её защищают. Если ты не заявишь права на эту женщину, как и на силу, которой она владеет, это сделают другие.

- Конечно, - пробормотал Даг. - Что вы предлагаете?

Малхор поднял брови. С тех пор, как его бывший ученик просил совета, прошло уже несколько лет.

- Я передал в твои руки человека, предавшего тебя и твоего отца. Пользуйся. Пусть он приведет твою сестру к месту, где ты, скажем так, сможешь оказать на неё немного братского влияния.

Молодой жрец кивнул.

- Хорошо сказано. И что, позвольте мне смелость спросить, вы надеетесь от этого получить?

- Получить? Мы знаем друг друга много лет. Ты был мне как сын, - начал Малхор. Когда Даг тихо захихикал, жрец отказался от этой попытки и пожал плечами. - В твоей семье живет сила. Я не понимаю её характера. Это предстоит открыть тебе. Но я верю, что если у тебя получится, ты поделишься открытием со мной.

- Правда? - Даг принял это заявление с великим скептицизмом. Малхор не был тем человеком, которому можно было доверять, и он предполагал, что все остальные сотворены по его образу и подобию.

- Скажем так, силы хватит обоим. Я всем сердцем желаю тебе успеха, ибо это ступень к моему собственному благу.

Вот в это Даг мог поверить и понять.

- Замечательно. В таком случае, я слежу за Бронвин до тех пор, пока не осознаю масштаб моего наследия. А потом мы снова поговорим.

Внезапно радостное выражение лица жреца исчезло, а глаза стали стеклянными и голодными, словно у тролля.

- Разумеется, ты знаешь цену неудачи?

- Конечно, - плавно сказал Даг. – Разве я не заставлял других платить её достаточно часто? Спросите любого неудачника в моей команде. Но в начале вам придется призвать его дух.

Малхор вздохнул, а затем рассмеялся.

- Отлично. Тогда выпьем, чтобы скрепить договор.

Он взял Дага за руку, и вместе они пошли к темной вилле.

* * * * *

- Прости за вторжение, - сказал Хелбен Арансан глубоким, отличающимся легким акцентом голосом. – Обстоятельства потребовали нашей встречи и разговора. Прошу, садись.

Все еще слишком ошеломленная, Бронвин опустилась на ближайшее доступное место – старинный корабельный сундук, в котором хранилось белье. Единственный в комнате стул занимал архимаг. С посохом в руке, он выглядел каким-то смущенным. Словно судья, которому предстояло принять решение о неизвестном преступлении.

- От моего внимания не укрылось, что ты приняла заказ от жреца Цирика, человека, известного как Малхор.

Как он узнал об этом столь быстро? Бронвин отбросила в сторону мысли о втором неожиданном сюрпризе, чтобы соображать лучше.

- Это так, лорд Арансан.

- О чем ты думала? Стоит ли мне напомнить, что сговор с Жентаримом едва ли является поощряемой деятельностью Арфистки.

- Верно, милорд. Но это часть моей работы. Я была нанята Арфистами из-за моих связей. Моих услуг жаждет широкий круг клиентов.

- И простая осторожность требует, чтобы ты устанавливала ограничения. Поправь меня, если я ошибаюсь, но разве не собиралась ты поставить для Малхора драгоценные камни, содержавшие значительную магическую мощь.

- Да, но...

- Что ты знаешь об этом человеке? Какова природа твоих с ним отношений?

Прежде, чем Бронвин смогла достойно защититься, звук у дверей привлек внимание обоих. За порог скользнул знакомый светловолосый мужчина. Он поднял руку, чтобы показать золотые бусины и серебристую оправу.

При виде янтарного ожерелья, глаза Бронвин широко распахнулись. На мгновение, она забыла о грозном виде архимага.

- Проклятье, Данила. Что ты творишь?

- Хотел бы я сам это знать, - мрачно произнес Хелбен. Он встал и посмотрел на молодого человека. – Зачем ты его принес?

- А почему бы и нет? Оно принадлежит Бронвин, - сказал Данила.

- Нет, - ответила она, стиснув зубы. – Я получила оплата. Сделка окончена.

- Да?

Обычно веселое, лицо её друга теперь проявляло глубокую озабоченность. Он вошел и опустился на сундук рядом с ней.

- Из того, что я слышал, в процессе обмена произошел небольшой конфликт. Какая-то там попытка похищения и прыжок с четвертого этажа? Почему ты так злишься за маленькую помощь, Бронвин? Они, возможно, убили бы тебя.

Но этот аргумент не уменьшил ярость Бронвин.

- Очевидно, им это не удалось. Я ушла прежде, чем твои... друзья... изволили появиться, - девушка раздраженно толкнула его в бок. – Ты хоть понимаешь, что натворил?

Он поднял брови.

- Думаю, понимаю. Ты, очевидно, имеешь на этот счет другое мнение, а у архимага есть третья версия. Поскольку я уверен, что позже он поделится со мной своими мыслями, без сомнений в четырёхактной пьесе, почему бы нам не поговорить о твоём взгляде на происходящее?

Вскочив на ноги, Бронвин подошла к маленькому окну, которое выходило на улицу.

- Обещание дано, обещание выполнено. Такова моя репутация – самое ценное, чем я обладаю И это первый раз, когда я не оправдала её. Ты не просто сорвал сделку. Теперь ты понимаешь?

Молчание растянулось на долгий, напряженный момент.

- Ожерелье обладает огромной магической силой и должно быть должным образом защищено, - сказал Хелбен.

Бронвин изо всех сил пыталась сдержаться. Архимаг не слышал её слов? Или такие мелочи ничего не значили? В конце концов – какое дело дракону до мыши?

- Я храню его в своем сейфе, - сказала она жестко. – Данила может рассказать вам, какие магические стражи там установлены.

Друг встал и положил руку ей на плечо.

- Какая цена была обещана за ожерелье? Я прослежу, чтобы Малхор получил полную компенсацию. И хотя это не сможет полностью удовлетворить его, твоя честь в чужих и собственных глазах будет восстановлена. Мы должны тебе по крайней мере это.

- И даже больше.

Девушка наклонила голову, чтобы взглянуть на друга. Легко было перестать скрывать раздражение.

- Вам придется извинить меня, но я предпочла бы собраться в другое время.

Слабая улыбка коснулась уголков губ барда.

- Лорд Арансан, мне кажется, нас выгоняют.

Бронвин взглянула на архимага.

- Я не имела в виду...

- Разумеется, имела, - пропел Данила. – И не стоит оправдываться. Отдохни. День... Сделка вышла ответственной.

Прежде, чем она успела ответить, двое мужчин повернулись и покинули комнату, воспользовавшись задней лестницей. Бронвин сидела, глядя им вслед. Все мысли о сне исчезли.

* * * * *

Когда Арфисты оказались внизу лестницы, Хелбен начал меняться. Его широкоплечая фигура похудела и удлинилась, становясь телом гибкого молодого человека, а черный цвет одежды сменился цветами леса – коричневым и зеленым. Из волос и бороды пропали серебряные пряди, а лицо обрело слабые эльфийские черты. Данила столько раз видел подобное, что даже не обратил внимания. Архимаг редко ходил по городу, нося собственное лицо. Никто не произнес ни слова, пока они не добрались до переулка за "Любопытным Прошлым".

- О чем ты думал, принеся ожерелье в магазин Бронвин? Теперь она знает, что Арфисты следят за ней.

- Мы приняли этот риск, когда отправили людей в зал торжеств, - прямо сказал Данила.

Словно в знак протеста, из-за ящика выскользнула дворовая кошка. Без сомнения, их появление испортило долгое и терпеливое выслеживание какой-нибудь добычи. Может быть – крысы. Данила этих тварей не любил, а потому прибавил шаг.

- Бронвин не дура. Разумеется, она понимает, что слишком легко отделалась и подозревает, что головорезов Малхора кто-то задержал.

Хелбен зашагал шире, подстраиваясь под шаг Данилы.

- А теперь, благодаря твоей промашке, она об этом не просто догадывается. Учитывая участие Малхора, ситуация стала деликатной.

- Просвети же меня.

Они вышли на улицу Селдут, которая в этот час кишела завсегдатаями таверн, а также наемными охранниками и потенциальными нанимателями, которые собирались во Дворе Шута, расположенном по соседству. Освещение здесь было слабее – знак уважения к пропитанным элем мозгам и жажде расслабленного настроения. Хелбен быстро огляделся, чтобы убедиться – никто не проявляет внимания к их разговору, а потом двинулся обратно на запад, к Улице Шелков. Данила заметил, что даже архимаг инстинктивно ищет безопасности хорошо освещенной улицы.

- Ты знаешь Бронвин лет семь. Я искал её больше двадцати. Она – дочь великого паладина, Хронульфа из Тира. Потомка Самулара Карадуна, паладина, основавшего орден, известный как рыцари Самулара. Судя по твоему лицу, тебе знакомы эти имена.

- Я учил историю, - сказал Данила, ловко избегая пьяного прохожего. – Молю, продолжай.

- Тогда ты знаешь, что семья Хронульфа считалась уничтоженной в результате набега на деревню двадцать лет назад. Хронульф считал, что его дети убиты, но я

сомневался в этом и продолжил поиски, пока не подтвердил подозрения. Один из его детей, теперь взрослый мужчина, для меня недостижим. Но я могу и должен влиять на Бронвин. Она не знает о своем наследии и есть множество причин надеется, что никогда о нем не узнает.

Резко остановившись, Данила схватил архимага за руку.

- Должен ли я считать, - сказал он низким и злым голосом, - что в течение семи лет ты знал о живых детях Хронульфа, но ничего не сказал ему?

- Не суди о том, чего не понимаешь, - предупредил Хелбен. – Тебе бы лучше заняться этим делом. Мы должны понять, кто узнал, если узнал, секрет Бронвин. В том числе, известно ли об этом самой Бронвин. И именно этим ты и займешься.

Хелбен зашагал вперед, оставив Данилу стоять с открытым ртом и мыслями, переполненными подозрениями. Будучи преисполненным решимостью добиться правды, юноша бросился за архимагом, чтобы поравняться с ним.

- Семь лет назад ты послал меня к Амну, чтобы нанять агента, женщину, которой не было еще и двадцати. Мы с Бронвин подружились.

- Все так.

- В характеристике и рекомендациях потенциального Арфиста есть множество вещей, в том числе, я должен был отметить наличие у человека опознавательных знаков, - голос Данилы был глухим от нарастающего гнева. – И я сообщил о родинке Бронвин. Это ведь был важный знак, не так ли? Знак, который подтверждал, что она – дочь Хронульфа.

- Да. И что с того?

Данила выдохнул. Воздух со свистом вырвался сквозь его стиснутые зубы.

- Ты послал меня к Амну, чтобы я увидел и сообщил об этом.

- Ты был молодым и тебя ничто не сдерживало. Было разумно предположить, что природа возьмет свое, - сказал Хелбен. – А ты, могу заметить, предсказуем в этом вопросе.

Бард прошипел низкое яростное проклятие.

- Я не способен принять такое. Даже от тебя. Разве у меня нет жизни за пределами Арфистов? А ты! Вот так манипулировать теми, кто доверяет тебе... такого просто не может быть.

- Уймись. Это было давно. Никому не причинили вреда. Вы остаетесь друзьями.

- Друзья, как же! – прошептал бард. – Каким же другом сочтет меня Бронвин, узнав, что я предал её подобным образом? Поверит ли, что я ничего не знал и действовал без злого умысла? Поверит ли, что я не принимал участие в сокрытии от неё информации о прошлом и семье?

- Говори тише, - Хелбен взглянул на пару заинтересовавшихся прохожих и потянул Данилу в переулок. – Все это поросло травой и не имеет ни малейшего значения. Забудь. Это был не первый случай, когда ты использовал обаяние и умение убеждать, чтобы вызнать секреты дамы. И я сомневаюсь, что ты на этом остановишься.

- Остановлюсь? – Данила сложил руки и посмотрел в фальшивое лицо Хелбена. – Я принял определенные личные обязательства. Это ничего не значит?

- Прежде всего ты обязан Арфистам, - отметил Хелбен, сердитый не меньше племянника. Но его гнев был ледяным – на взгляд Данилы, почти не человеческим.

Если твоя Эрилин не способна принять этого, она не достойна значка Арфиста, а также твоего присмотра.

Данила считал себя спокойным человеком, но архимаг шагнул туда, куда не позволялось ступить никому.

- Возможно, мне придется вернуться домой в виде лягушки, - выдавил он, - но, Мистра, оно того стоит.

Он поднял руку и нанес тяжелый удар в челюсть Хелбена. Архимаг отшатнулся на несколько шагов, пораженный быть может первым физическим нападением, пережитым за века. На мгновение, его магическая маскировка соскользнула. Данила оказался лицом к лицу не с молодым человеком эльфийских кровей, а со стареющим магом. На самом деле, Хелбен выглядел так, что сердце Данилы заняло от горя и вины. Ударить человека, одетого в магическую маскировку твоего собственного возраста, было одним, но совсем иным казалось нанести удар тому, кто годился тебе в деды.

Затем, момент канул в прошлое, и перед Данилой снова встал могущественный архимаг Глубоководья. Рукой он держался за челюсть, но выглядел, как всегда: суровый, сильный и решительный, способный выстоять в этом бою, да и во всех остальных.

Данила развернулся и зашагал прочь, слишком переполненный ярости и смятения, чтобы волноваться о готовящемся магическом ударе.

* * * * *

Мысли о сне были забыты. Бронвин натянула темные бриджи и рубашку, а затем вышла по задней лестнице. За три медяка, она остановила повозку и попросила возницу отправиться в Портовый Район – жестокое и опасное место, где город встречался с морем. Неподалеку от Килевой Улицы располагался склад, славящийся своим пещерным погребом. Это место было излюбленным обиталищем жителей подземных королевств. Когда её приятели-дуэргары останавливались в городе, они всегда жили там.

Без происшествий, Бронвин добралась до склада и забралась внутрь. Помещение было обширным, и внутри напоминало маленький город и узкими, деревянными улочками, образованными стенами из ящиков и грудями мешков. Здесь было не менее опасно, чем в городе, кипящим снаружи. Увидев близко к полу пару вызывающе прищуренных светящихся глаз, Бронвин инстинктивно потянулась за ножом. Сквозь пыльный воздух до неё донеслось сердитое низкое рычание. Бронвин узнала этот звук и расслабилась. Это просто тощий кот. Многие владельцы складов держали котов, чтобы регулировать популяцию крыс. Неземное сияние глаз животного было простым отражением света, идущего из трещины в стене.

Женщина пробралась через лабиринт бочек и ящиков, держа путь в заднюю часть склада. Там стоял приземистый бочонок. Бронвин открыла крышку и прищурилась.

Дна у бочки не было. Только лестница, ведущая в погреб. В каменном очаге пылал маленький чадающий огонек, над которым шипело и скворчало бедро рта. Пламя освещало несколько серых лиц. Бронвин насчитала пять дуэргаров, в том

числе двоих, с которыми уже сталкивалась сегодня. Теперь молодого сородича с ними не было, но, кажется, его потеря не сильно огорчила старших. Молчаливый дуэргар с удовольствием жевал кусок полупрожаренного мяса, а лидер играл в кости с остальными, споря с ними низким сердитым голосом. Стоящая у его локтя огромная пустая кружка подсказала Бронвин дальнейший план действий.

Она привязала кусок тонкого, крепкого шнура к ручке ящика, лежавшего выше её головы, а затем слегка сдвинула его, так, чтобы положение предмета стало не слишком надежным. Заняв место за ближайшим скоплением коробок, Бронвин стала дожидаться появления дуэргара. Она предполагала, что эль скоро попроситься наружу, и даже грязные подземные дварфы не позволят ему выпустить пойло прямо в обеденном зале.

Как и ожидалось, вскоре она услышала на шаткой лестнице скрип тяжелых железных сапог. Когда дуэргар прошел мимо, следуя к двери на улицу, Бронвин вскочила. Сунув руку через плечо дварфа, она ухватила его за бороду. Дернув вверх и назад, она приложила к обнаженному горлу дуэргара кинжал. Свободной рукой она завязала конец шнура на его поясе.

- Ожерелье, которое ты мне продал, - прошептала она. – Где ты его взял?

Дуэргар начал было извиваться, но вскоре убедился, что лучше ему этого не делать.

- Не скажу, - пробормотал он. – Это не часть сделки.

- Я беру это в качестве платы за моральный ущерб. Кто продал его тебе?

Она слегка повела ножом, чтобы ускорить ответ.

- Человек, - неохотно сказал дуэргар. – Короткая борода, широкая улыбка. Жирный. Он носит фиолетовое.

Картинка в голове у Бронвин вырисовывалась достаточно отчетливо, но женщина все же хотела быть уверенной.

- У этого человека было имя?

- Зовет себя Малхор. А теперь отпусти меня и отправляйся к нему. У меня дела, - заныл дуэргар.

Бронвин опустила нож. Она ударила дуэргара, заставляя того вытянуться. Это движение заставило стоящий наверху ящик рухнуть на дварфа, увлекая за собой и те, что стояли ниже. Женщина развернулась и побежала. Прежде, чем дуэргар смог оклематься, их уже разделяли две улицы и магазин.

Когда Бронвин вернулась в "Любопытное Прошое", в голове её созрели два вывода. Во-первых, неопровержимым фактом было то, что Малхор нанял её по совершенно непонятной причине. И, во-вторых, в глубине души зрело подозрение, что дуэргар расстался с информацией слишком легко.

* * * * *

Утреннее солнце заглядывало сквозь тонкое оконное стекло. Безукоризненно одетый слуга незаметно поставил на соседний стол поднос с завтраком. Даг вдохнул воздух, наслаждаясь запахом паштета, свежее испеченного хлеба и даже чашечки Мацтиканского кофе, который был так популярен в загнивающих южных землях.

- Это все, милорд?

Даг Зорет прервал свое изучение новых владений и посмотрел на обратившегося к нему элегантного, облаченного в темные одежды, человека. Эмерсон был джентльменом из джентльменов: чистым, совершенным и в высшей мере способным слугой, который, вероятно, мог бы с успехом и апломбом править маленьким королевством. Слуга был именно тем самым видом удобств, к которому Дагу хотелось бы привыкнуть.

- Еще кое-что, Эмерсон. Сегодня утром придет вызов от сэра Гарета Кормейра. Он рассчитывает увидеть здесь Малхора. Не разубеждайте его. Но если он станет задавать вопросы, уходите от прямых ответов.

В ответ на эту странную литанию слуга только моргнул.

- Должен ли я прежде объявить о нем, сэр, или просто отвести к вам?

Губы Дага дрогнули, изгибаясь в подобии улыбки.

- Приведи его в любом случае. Немедленно. Этой встрече стоило случиться двадцать лет назад.

Эмерсон ответил замечательным отсутствием всякого любопытства и быстрым, совершенным поклоном. После того, как слуга захлопнул изукрашенную аккуратной резьбой дверь, Даг опустился в мягкое кресло и на мгновение позволил чистой роскоши комнаты окутать себя.

Замысловатые изукрашенные ковры из Калимпорта, окна, со вставками цветного стекла, задрапированные шелками из Ши, мебель, вырезанная из редких пород деревьев. Здесь же валялись покрытые вышивкой подушки и стояли полки с красиво переплетенными книгами.

Камин был выложен ляписом, а люстра, которая освещала комнату множеством замысловатых свечей, блестела, словно эльфийское серебро. Ни один предмет в комнате не уступал другому в роскоши. Почти все убранство было выдержано в оттенках насыщенного синего и глубокого малинового – самые сложные и дорогие цвета.

Это была библиотека гостевой виллы Остерим, маленькой, но роскошной усадьбы в пригороде Глубоководья, которая принадлежала деревне Рассалантер. Богатый торговец поддерживал целый комплекс усадеб, коттеджей и конюшен, используя их для своих нужд или предоставляя в распоряжение гостей. Об этом знали многие. Но вот о том, что Ямид Остерим был капитаном Жентарима, знали единицы. Его безупречная торговая репутация давала ему доступ к секретам и торговым путям. Его хитрость позволила передать часть этой информации таким образом, что ни разу в жизни подозрение не падало на него.

Малхор, наставник и непосредственный начальник Дага, наслаждался гостеприимством Остерима многие годы. Теперь он передал Дагу эту привилегию, наряду с услугами незаменимого Эмерсона... и властью над своим паладином.

Готовясь к визиту сэра Гарета, Даг внес в декор комнаты свою уникальную лепту. Очаг вспыхнул магическим огнем – странным, зловещим черно-пурпурным пламенем. Оно давало жуткий фиолетовый цвет и отбрасывало мрачные тени, танцевавшие по коврам. Дагу нравилось демонстрировать цвета и силу Цирика, таким образом насмехаясь над сэром Гаретом, который был способен существовать в подобной близости со злом.

Дверь распахнулась, и в комнату шагнул высокий, хорошо сложенный человек в годах. Под левой рукой он держал почтительно снятый шлем, а белые волосы струились, словно волны. Яркие голубые глаза человека удивленно распахнулись, когда он увидел маленького смуглого молодого человека, вместо ожидаемого внушительного, отличавшегося фальшивым весельем жреца.

- Добро пожаловать, сэр Гарет. Хорошо, что ты пришел, - сказал Даг Зорет, не скрывая иронии. Взгляд рыцаря стал еще более озадаченным.

- Мне не приходилось выбирать, молодой сэр. Меня призвали.

Даг вздохнул и покачал головой.

- Паладины, - заметил он с легкой насмешкой. – Всегда нужно говорить вам об очевидном. Садись, прошу тебя.

- Я не желаю мешать вашему досугу. У меня дела с другим. Прошу, примите мои извинения за вторжение и передайте...

- Малхора не будет, - мягко промолвил Даг. – Он посылает тебе привет и просит видеть во мне своего преемника.

Сэр Гарет заколебался.

- Я не знаю вас, молодой сэр.

- Правда? Я выбрал себе имя Даг Зорет, хотя ты, быть может, слышал, как меня звали по-другому. Ты хорошо знал моего отца, если истории не врут, - Даг кивнул на правую руку мужчины. Она висела сбоку, неподвижная и бесполезная. - Ты получил эту рану, спасая его жизнь. Ну, или так говорят.

Краска отлила от лица паладина, но он все же остался стоять прямо, словно часовой.

- О, сядь же. Прежде, чем упадешь, - раздраженно сказал жрец.

Жесткой походкой пройдя к ближайшему стулу, сэр Гарет плюхнулся на него, не сводя взгляда с лица Дага.

- Как такое возможно? – прошептал он. – Сын Хронульфа. Этого не может быть.

- Если ты ищешь во мне черты отца, не стоит стараться, - сказал Даг с легкой нервозностью. – Насколько я помню, мы никогда не были похожи. Но быть может эта маленькая безделушка убедит тебя в истинности моих слов.

Он снял с шеи серебряную цепочку и протянул её сэру Гарету. Старый рыцарь помедлил, увидев медальон с символом Цирика. Однако все сомнения были забыты, когда глаза мужчины заметили кольцо. Он взял цепь, внимательно изучая предмет. Спустя некоторое время, Гарет снова поднял взгляд на лицо Дага.

- Ты не носишь этого кольца, - сказал он. – Полагаю, не можешь.

Это было правдой, но Даг пожал плечами.

- Кто-то может использовать его вместо меня. Пока кольцо в моей власти, не важно, чья рука его держит.

В глазах рыцаря мелькнуло проницательное выражение. Оно пришло и ушло столь быстро, что Даг засомневался, не показалось ли ему это. Он вспомнил, что рассказывал об этом, теперь принадлежавшему ему, человеку Малхор.

- Есть еще два кольца, - продолжал Даг. – Мой отец носит одно. А где третье?

Сэр Гарет неохотно вернул кольцо.

- Увы, мы не знаем. Кольцо было потеряно Святым Орденом много лет назад, во времена великого Самулара. Жрец внимательно изучал лицо пожилого человека,

ища признаки сомнений. Малхор говорил, что сэр Гарет никогда не лжет, но часто говорит правду в весьма путанной манере. Старый жрец предупредил, что среди искусного уклонения обнаружить всякую истину очень трудно. Даг заподозрил, что даже самому Гарету сложно видеть эту разницу. По словам Малхора рыцарь был мастером рационализации. Сэр Гарет упорно трудился, чтобы спрятать от братьев по Ордену – как и от самого себя – тот факт, что он был лишь младшим паладином. Благословение Тира покинуло его и не возвращалось уже слишком долго. В связи с этим, Даг с мрачным, тайным удовольствием понял, что сэр Гарет едва ли мог возражать против того, чтобы принять немного магии, дарованной Цириком.

Из складок своей пурпурной мантии жрец достал маленькую черную сферу. Её он передал сэру Гарету.

- Будешь носить это с собой, всегда держа под рукой. Когда я захочу с тобой связаться – ты ощутишь жжение холодного пламени. Я не стану пытаться это объяснить, – узнаешь, когда почувствуешь. Как только это произойдет, спеши в безлюдное место и доставай черный шар. Прикосновение твоих рук откроет портал – и погасит боль. – Но я уверен, предупреждать тебя дважды не придется. Рвение и сила духа относятся к добродетелям рыцарей.

Здоровой рукой сэр Гарет принял сферу. Он в ужасе отстранился от появившегося в шаре изображения: бледное, узкое лицо Дага, освещенное фиолетовым огнем.

- Говори обыкновенным голосом. Я тебя услышу, – продолжил Даг. Его глаза смеялись над рыцарем, который поспешно отложил сферу и вытер пальцы, словно прикосновение не только обожгло, но и испачкало его. – С помощью этого устройства ты сможешь продолжать служить Жентариму, как делал это в течение почти трех десятков лет.

Даг постарался, чтобы слова его прозвучали, как оскорбление, и они были приняты именно так, как он того желал. Сэр Гарет стиснул зубы и поднял голову.

- Думай что хочешь, лорд Зорет, но я все еще служу Ордену. Рыцари Самулара почитают память Самулара, своего основателя. Я служу тебе, кровный родич Самулара, и тем самым я выполняю свои обеты.

- Прости, – сказал Даг Зорет с легким восхищением. – Может быть, ты сможешь просветить меня по другому вопросу. Мне любопытно... не знаешь ли ты, какие развлечения способен найти забавным жрец Цирика?

Реакция посетителя заставила Дага улыбнуться.

- Да ты побледнел. Приму это за утвердительный ответ. Ладно, тогда как же ты оправдываешь использование средств своего Ордена для финансирования досуга Малхора?

Лицо рыцаря стало пепельным, но взгляд не изменился.

- Кем бы он ни был, Малхор ученый. Он лучше других осведомлен о делах и истории моего Ордена. Верно и достойно, что некоторые средства Ордена поддерживают эту работу. Я не осведомлен, чтобы они шли на что-то иное.

- Прекрасное объяснение. Уверен, оно тебя успокаивает, – заметил жрец. Потом лицо его стало жестким, а из глаз исчезла мрачная насмешка. – Позволь мне еще вопрос. Каким же добрым делом ты мог оправдать осуждение на смерть детей?

Бывший паладин опустил голову на руки, словно тяжесть вины была для него неподъемной.

- Я не имел отношения к тому, что произошло с детьми Хронульфа.

- Да? Разве не ты продавал некоторые из ценнейших и самых тщательно охраняемых секретов Ордена? Полагаю, то, что это привело в нашу деревню налетчиков, не пятнает твои одежды?

Сэр Гарет резко выпрямился. В глазах человека отчетливо отражалось осознание неизбежной смерти, но он все еще был слишком паладином, чтобы принять свою судьбу достойно.

- Поздно умирать мучеником, - холодно сказал Даг. – Убить тебя медленно и мучительно было бы забавно, но, учитывая все обстоятельства, это было бы посягательством на справедливое правосудие. А оно, в свою очередь, дело твоего бога. Не моего.

- Тогда чего тебе от меня нужно, жрец Цирика?

- Не больше, чем Малхору, - сказал Даг. – Информация для меня куда важнее краткого удовольствия, которое я получу от твоего убийства.

Рыцарь изучающе оглядел его, а затем кивнул.

- Если у меня будут знания, ты получишь их беспрепятственно.

Даг в этом сомневался, но информация, которую мог доставить сэр Гарет была отличным стартом. Он будет проверять, подтверждать и расширять узнанное от этого хитрого рыцаря. И только потом действовать.

Жрец откинулся на спинку стула.

- Расскажи мне об отце, - приказал он. – Все о нем. И о крепости, которой он командует.

Об этом сэр Гарет говорил особенно долго, уделяя внимание каждой детали. Он описал старую крепость, известную как Терновый Оплот, её защиту, местность, окружавшую цитадель, и лежащую под ней. Он также поделился информацией, которой владели очень немногие, даже среди рыцарей Самулара. Кажется, Хронульф доверял своему старому другу много секретов. Пока Гарет говорил, в голове Дага начал формироваться план.

Когда встреча закончилась, и паладин с радостью удалился, Даг Зорет поднялся на ноги и, глубоко задумавшись, подошел к камину. Волшебный огонь привлек его внимание, отвлекая от мыслей. Пламя Цирика было его собственной работой, и сердце каждого танцующего язычка было абсолютно черно. Цвета аметиста и обсидиана, цвета его бога, пылали неистовой, нервирующей силой. Этот огонь стал символом амбиций Дага Зорета. Того пути к власти, что открылся перед молодым жрецом.

И кто бы мог подумать, мелькнула в голове Дага мысль, что нечто столь черное могло одновременно быть столь манящим и ярким.

Глава 3

Алгоринд направил лошадь в обход кучи камней, завалившей тропинку до самого обрыва. Валуны были слишком крупными, чтобы поддаться усилиям одного человека. Это стоило отметить в докладе. Мастер Лаарин должен отправить в следующий патруль больше людей. Поддержание троп между рекой и трактом Дессарин в порядке было одной из обязанностей молодых паладинов, проходивших обучение в Саммит Холле — долг, который Алгоринд был рад и горд взвалить на свои плечи.

Это был его первый одиночный патруль, и он первый раз ехал на Ледяном Ветре — высоком белоснежном коне, которого многие дни приходилось приучать к седлу и узде. Ледяной Ветер не был настоящим конем паладина — такого Алгоринд еще не заработал — но, тем не менее, был замечательным животным. Алгоринд с радостью окунулся в ритм быстрого хода длинноногой лошади и позволил своим мыслям унести к вечеру.

Сегодня в Орден примут троих молодых паладинов. Пройдя испытание верой и оружием, и заручившись милостью Тира, бога справедливости и мощи, они станут Рыцарями Самулара. Перспектива увидеть этот ритуал собственными глазами переполняла Алгоринда возвышенной радостью.

Всю свою жизнь он мечтал стать рыцарем. По счастливому стечению обстоятельств, его отец, дворянин из гордого рода с полегчавшим кошельком, передал своего третьего сына Саммит Холлу прежде, чем тому исполнилось десять. Орден должен был вырастить и воспитать мальчика. С тех пор Алгоринд не видел своей семьи. Но потеря не тяготила юношу. Юношу окружали молодые люди, чьи амбиции так походили на его собственные. Все они были будущими жрецами и паладинами, посвятившими себя служению Тиру. Разве не были молодые послушники его братьями? И разве не стали господа Зала для него больше, чем отцами?

Мысли эти вдохновляли его на последнем часу дозора. Если не считать упавших камней, патруль прошел без инцидентов. Алгоринд был даже разочарован. Он желал внести свою лепту в последнее предприятие Ордена. Во время тренировочных рейдов в соседнюю деревню, рыцари обнаружили и разгромили группу орков. Выжившие звери теперь бродили по холмам, пугая путешественников и фермеров. Да будет воля Тира на то, чтобы последний из орков в скором времени был найден, - благочестиво произнес Алгоринд, - а зло, которое несут они с собой — повергнуто.

Уха паладина достиг приглушенный крик, после чего раздался хриплый взрыв гортанного смеха. Человеческому горлу такой звук был не под силу. Алгоринд вынул меч и поднял его в воздух, подталкивая коня в сторону сражения.

Белая лошадь с грохотом понеслась вниз по скалистому склону, минуя изгиб тропы и вылетая прямо к сцене, вызвавшей гнев Алгоринда. Четыре орка — огромные, страшные существа с мощными мускулами, покрытые грязной зеленой

шкурой — мучили одинокого курьера. Человек валялся на земле, свернувшись в комок. Руками он прикрывал множество зияющих ран, словно все еще держался за жизнь по чистой случайности. Орки кружили вокруг, тыкая его своими грубыми копьями, словно стая котов, набросившихся на одну мышь.

Монстры обернулись на быстрый упрек Алгоринда, и их усмешки замерли от внезапного ужаса. Приблизившись к группе, Алгоринд поднял меч и нанес пугающий удар влево. Острый клинок рассек горло одного из нападавших, отделяя голову от тела.

Алгоринд развернул лошадь, чтобы встретить оставшихся врагов. Троица забыла о своем кровавом развлечении и развернулась лицом к паладину. Их копья были нацелены прямо в грудь боевого коня. Молодой рыцарь опустил меч и вытащил свое копьё. Он воздел его над головой — рыцарское приветствие, укоренившееся слишком глубоко, чтобы отказаться от него даже с таким недостойным противником — а затем перебросил оружие в правую руку. Прицелившись в первого орка, Алгоринд пустил лошадь в галоп.

Конь летел прямо на выставленное против него оружие. Его дикое ржание разнеслось над горами, словно животное чуяло опасность и бросало ей вызов. Но Алгоринд и не думал подвергать риску своего коня. Это была тактика, много раз опробованная на тренировочном поле Саммит Холла. На глаз рыцарь определил, что его копьё вдвое длиннее оружия орков, и приступил к чтению молитвы Тиру, которая повысила бы эффективность его атаки.

В нужный момент, Алгоринд привстал в стременах и натянул поводья. Повинуясь приказу, сильная лошадь прыгнула. Копьё Алгоринда ударило одного из удивленных монстров чуть ниже ребер, подняло его вверх, а потом швырнуло вниз, на верещащих товарищей.

Собрав все силы, рыцарь выбросил копьё вперед, словно гигантский дротик. Усилие не заставило копьё полететь, но удержало проклятого орка на расстоянии и не дало мучительной боли пронзить руку паладина. Прежде, чем копыта коня коснулись земли, Алгоринд изо всех сил метнулся в сторону, отбрасывая копьё и умирающего монстра.

Лошадь приземлилась, проскакав несколько шагов вперед, а затем остановилась и развернулась. Позади остались два орка. Алгоринд не смог бы снова застать их врасплох. Он выпрыгнул из седла и вытащил меч.

Орки бросились на него, поднимая копья. Алгоринд не сходил с места.

Когда первый из противников оказался рядом, рыцарь с силой ударил мечом, подхватил копьё и поднял его к небу. Он развернулся, клинок скользнул по поднятому копьё, опуская его вниз. Кромка наконечника разрежала живот орка, откуда тут же повалилось содержимое. Существо сделало еще несколько шагов, а затем споткнулось о собственные внутренности и упало лицом вниз, чтобы больше не вставать.

Рыцарь развернулся к последнему врагу. Орк осторожно обходил его, используя длину копья, чтобы держать паладина на безопасном расстоянии.

- Вызов, - хмыкнул монстр. – Такое же оружие. Один в один.

Молодой паладин удивленно отшатнулся. Откуда у примитивного существа познания об их вере? По законам Ордена он не мог отказаться от брошенного

вызова, если соперник его явно не превосходил. С другой стороны, человек был тяжело ранен, может быть даже умирал.

Алгоринд взглянул на лежащего путника. Туника мужчины пропиталась кровью, а дыхание было поверхностным. Солнце уже клонилось к закату, и над темнеющими холмами свистел ветер. Пострадавшему нужна помощь и тепло. Быстро. Паладин обязан был помогать слабым. И как выбрать между двумя этими обязанностями? – спросил себя Алгоринд.

Юноша посмотрел на противника. Орк был самым большим зверем из тех, с какими доводилось сталкиваться Алгоринду. Он был семи футов ростом, широким, толстым и свирепым, словно сова. Вокруг шеи его на ремешке болтался резной медальон с кровавым символом злого бога Малара. Деревянный диск размером не уступал небольшой обеденной тарелке, однако не казался слишком большим для существа, носившего его.

Да, бой с этим врагом будет честным. Алгоринд не видел способа отказаться от поединка.

Паладин подцепил сапогом одно из брошенных орками копий. Быстрый удар заставил оружие закрутиться. Схватив меч в руку, Алгоринд подхватил второй рукой подброшенное копье. Жутко ухмыльнувшись, орк развернул свое оружие в боевую позицию, держа его перед собою, словно дубинку. Паладин повторил стойку, и вызов был принят.

Орк и юноша принялись кружить, держась друг напротив друга. Их глаза горели от волнения, а руки крепко сжимали длинные деревянные древки, выставленные перед собой. Время от времени один из противников делал выпад, чтобы встретить ловкое парирование второго. Поначалу, стук дерева о дерево был медленным и нерегулярным, но вскоре удары посыпались шквалом.

Уверенная усмешка орка превратилась в гримасу. Зверь обнажил клыки и бросился на молодого паладина, нанося по опытному противнику удар за ударом. Но Алгоринд отвечал на каждую атаку, встречая каждое движение собственными финтами и парированиями.

Он тяжело дышал, признавая, что неожиданное мастерство орка стало для него серьезным испытанием. Собравшись и призвав все свое мужество, паладин сосредоточился на том, чтобы поднять копье монстра вверх. Стратегия рискованная, особенно в свете различия в силе и росте противников, но Алгоринд не видел другого выхода. Вместо того, чтобы испугаться огромных размеров своего врага, он использует их в своих интересах.

Внезапно, он развернул тупой конец копья вниз. Потом пропустил атаку, миновавшую его ослабшую защиту и позволил деревянному древку тяжело ударить себя в грудь, а затем зацепил нижний конец копья противника ботинком. Быстрый разворот выбил из-под орка ноги. Существо тяжело повалилось на спину.

Алгоринд быстро развернул копье и упер грубый каменный наконечник в горло соперника.

- Сдавайся, - сказал он прежде, чем вспомнил, с кем говорит.

Такое милосердие было бы уместно в бою между достойными противниками, но это было творение тьмы, а не честный человек. Как мог Алгоринд подарить ему жизнь? И как он мог теперь, озвучив свое предложение, отказаться от своих слов?

К счастью, орк разрешил эту дилемму. Он сплюнул и вызывающе откинул голову, подставляя шею. Он предпочел капитуляции смерть.

Паладин ударил и тяжело оперся на копьё, завершая жизнь существа одним быстрым и милосердным выпадом. Когда все кончилось, он обернулся к путнику.

Юноша осторожно перевернул его на спину и сразу понял две вещи. Человек не сможет оправиться от своих ран. На нем бело-синий камзол. А это значит, он член ордена Рыцарей Самулара. Второй, более быстрый взгляд, показал, что сумка курьера все еще привязана к его плечу.

- Спокойно, брат, - мягко сказал молодой паладин. - Твой долг выполнен. Я приму его. Звери побеждены, а Зал – в часе езды. Я доставлю твое послание.

Мужчина с трудом кивнул и тяжело сглотнул.

- Другой, - прохрипел он. - Наследник...

Алгоринд поднял бровь. Собрав последние силы, гонец открыл сумку и вытащил из неё один единственный лист пергамента. Слова, написанные в нем, наполнили Алгоринда благоговейным трепетом. Губы юноши зашевелились в молитве к Тиру.

Был еще один. Великий Хронульф, командующий Терновым Оплотом, в конце концов, оказался не одинок. Наследник кровной линии Самулара был найден.

* * * * *

- Почти дома, - задыхался Эбенайзер Каменная Шахта, пробираясь через глубокий туннель.

«Домом» было скопление дварфских туннелей, лежащих под Горами Меча. Не слишком далеко от моря, и слишком чертовски близко к торговому пути на восток и человеческой крепости наверху.

На этот раз он ушел довольно далеко, но все вокруг казалось таким знакомым: мокрый запах туннеля, слабое свечение мхов и лишайников, покрывавших каменные стены, и старые пути, помеченные рунами, что был способен прочесть только дварф. Однако, кое-что изменилось, добавилось. В стенах и на полу были вырезаны уступы. Сейчас Эбенайзер не мог как следует изучить эти нововведения.

Пройдя весь путь, дварф сделал резкий поворот и углубился в туннель, шаркая короткими ногами. Крики и треск, донесшиеся из-за его спины, почти заглушили стук его железных сапог.

Прямо за спиной.

В ушах дварфа зазвучала какофония шипящих звуков, похожих на те, что издает под дождем огненный тритон, и криков, которые заставили бы орла опустить голову и прислушаться. Кто бы мог подумать, что стая гигантских крыс способна вызвать подобный шум? – подумал он.

Группа была, без сомнения, большая. Десятки когтистых лап царапали камень. Это множество огромных грызунов сердито бежали за Эбенайзером. И ради чего? Он взял из кучи блестящих безделушек митрильное долото – только одно, и только потому, что оно принадлежало ему. Его двоюродному брату Хошапу. Этот суетливый затворник выдернет Эбенайзеру кудрявую рыжую бороду, стоит ему услышать, что кто-то из его родственников оказался настолько глуп, чтобы оставить хороший инструмент просто валяться без дела.

Эбенайзер почти остановился. Стоило подумать о том, как это долото оказалось в гнезде осквилов? В семье шутили, что Хошап мог схватить любой из своих многочисленных инструментов или оружия раньше, чем собственный...

- Хэй!

Укус острых зубов, впившихся в толстую кожу сапога, вырвал Эбенайзера из воспоминаний. Зверь не только порвал обувь, но и прихватил приличный кусок кожи с лодыжки дварфа. К счастью для путника, осквип его лишь слегка прикусил. Если бы тварь смогла ухватиться получше, весь остальной путь до обители клана Эбенайзер пропрыгал бы на одной ноге. Зубы осквилов были огромными, выступающими вперед клыками, которые могли крошить камни – отличная штука, чтобы оставить дварфа без одной конечности.

Эбенайзер развернулся и замахал рукой, с силой ударяя наглого грызуна по голове. Огромный клиновидный череп разбился с радующим душу хрустом. Внезапная атака заставила остальных сородичей твари отшатнуться, и это было именно то, чего желал дварф. Он снова бросился бежать, и даже успел оторваться на несколько шагов, прежде чем кто-либо из грызунов оказался способен передвигать своими шестью, восемью или даже десятью ногами. Но стоило им действительно начать двигаться, и они делали это с умом. Такими темпами, подумал Эбенайзер, все они ворвутся в крепость Каменная Шахта прежде, чем жрец закончит со свадебными благословениями.

Глаза дварфа зажглись мрачным юмором, стоило ему представить прием, который окажут его родственники неожиданным посетителям. Минуло много лет с момента, когда клан Каменной Шахты беспокоили осквилов – гигантские лысые многоногие грызуны, почти такие же уродливые, как дуэргары. Однако дварфы убивали существ при встрече и старались понижать их популяцию. Не делай они этого, и грызуны могли бы расплодиться в боковых туннелях быстрее, чем люди в своих городах. Из этих уродливых желтых голых существ – это про осквилов, не про людей – к тому же получалась отличная кожа. А везде, где рылись шахты, и ленивые люди не желали заниматься этим без колдовства, всегда находились маги, которые были невероятно счастливы получить зубы осквилов. Они использовали их как компонент для заклинаний. По всем вышеперечисленным причинам, охота на осквилов была любимым дварфским видом спорта. Итак, сейчас он тащил группу тварей прямо в обитель клана. У сородичей намечается веселье.

Если боги окажутся добры, с усмешкой подумал Эбенайзер, то развлечение, которое он устроит родне, избавит его от порицаний за опоздание на свадьбу сестры. По крайней мере, может быть Тарламера обрушит большую часть своего гнева на осквилов прежде, чем доберется до него.

Вырвавшись из туннеля, Эбенайзер оказался в небольшой пещере. Он посмотрел через плечо и застонал. Следом за ним неслось штук пятьдесят тварей – вероятно, набрали подкрепление по пути. Немного перебор, даже в качестве свадебного подарка. Быть может, ему следует избавиться от некоторой части преследователей прежде, чем он заявится на свадьбу.

Дварф рассмотрел все варианты. Он не мог остановиться и вступить в бой, осквилов было много, даже для него. Впереди же текла огромная подземная река. Некоторое время он думал над тем, чтобы нырнуть в её воды. Осквилов были

неважными пловцами, даже несмотря на невероятное количество ног. Он мог рассчитывать, что половина зверей утонет. С другой стороны, его собственные шансы были даже менее оптимистичны.

У клана были охотничьи кошки. Так вот, эти создания любили воду больше Эбенайзера и боялись её куда меньше. Возможно, он умел плавать, но никогда не спускался в воду, чтобы проверить это.

- Камни, - мрачно пробормотал он. Не прекращая бежать, он развернулся на каблуках и резко свернул направо, сбегая вниз по маленькому, темному туннелю, ведущему к дому клана.

Резкое шипение, раздавшееся впереди, заставило дварфа подпрыгнуть. Рыжие уши существа были прижаты к голове, а клыки обнажились в обычном оскале. Это была рыжая кошка сестры, Пушинка.

Инстинктивно, Эбенайзер отпрянул. Он настороженно относился к кошкам, даже к ручным тварям, которых люди держали в качестве домашних животных. Они были четвероногими эльфами. Во всем, вплоть до надменного вида и ловких, опасных лап. Пушинка была раз в десять больше любого поверхностного кота. К тому же, кошка стремилась во всем походить на Тарламеру. По всем этим причинам Эбенайзер был просто счастлив видеть зверя теперь.

- Крысы, - задыхаясь выпалил он, немного преуменьшая правду, тыкая на группу быстро приближавшихся осквилов. – Взять их!

Пушинка окинула его надменным взглядом, однако хвост её резко метнулся в сторону, стоило ей увидеть грызунов. С грозным воем, животное бросилось вперед, оказываясь в центре группы. Крысы отступили, визжа и вскрикивая от изумления. Обладай звери большим интеллектом, они бы поняли, что их слишком много для туннельного мышелова. Но древние инстинкты накрепко засели в их натуре, и большинство осквилов словно тараканы разбежались во все стороны при виде этого бича грызунов.

Некоторые из осквилов пришли в себя быстро, и их количество отбросило кошку с пути, что дало грызунам продолжать преследование намеченной жертвы. Эбенайзер решил не помогать Пушинке с теми, кто остался. Она бы его все равно не поблагодарила. Охранять туннели от паразитов было её работой, и она была почти такой же собственницей, как дварф, когда дело касалось вопросов, связанных с защитой собственной территории.

На бегу Эбенайзер вытащил из кармана платок и отер лицо. Он подозревал, что со всей этой беготней видок у него еще тот. Красновато-коричневые волосы дварфа были очень кудрявы. Сейчас он взмок, словно скаковая лошадь, а в такие моменты его шевелюра превращалась в невероятную путаницу мелких потных локонов. Борода Эбенайзера представляла собой отдельную проблему. Длинная, густая и вызывающе-красная, она была достаточно внушительной, чтобы просто висеть. О, это была борода, которой мог бы гордиться любой дварф. При всех его идеях – а по словам сородичей, идеи у него были престранные – он ценил традиции. И что с того, что он ненавидел заниматься шахтами, предпочитая стук кирки ритм конских копыт? Что с того, что он выбривал верхнюю губу, вместо того, чтобы отрастить на ней обычные густые усы? В конце концов, на каком камне выбито, что дварф обязан

носить усы? Все эти проклятые факты гарантировали, что от него еще часы будет нести ужином. Спасибо, но нет.

Эбенайзер весело скривился, когда понял, что репетирует оправдания. Ну, это не важно. Он долго отсутствовал, и с каждой новой фазой луны самые раздражающие обычаи его клана постепенно забывались. Факт был в том, что он с нетерпением ждал крох спорного мира, который означал очаг и дом.

Он миновал группу статуй, круг десятифутовых каменных dwarфов – почитаемых героев прошлого, и спустился в последний туннель, ведущий к дому клана. Он вылетел на открытое пространство под удивленные вскрики родственников.

Его Па, суровый, седой, бородаты dwarf с животом, размером с валун и сердцем, не уступавшим животу, был первым пришедшим в себя.

- Осквины! – взвыл он, сверкая глазами и снимая с пояса молот. – Разве не говорил я тебе, Палмара, мальчик вернётся вовремя, да еще с подарками!

Мать Эбенайзера фыркнула и потянулась к своей кирке. Вонзив её глубоко в череп нападающего грызуна, она отшвырнула дергающееся существо в сторону. Долгие годы, проведенные рука об руку, размыли различия между этой парочкой. Мать отличал лишь женский разрез туники. В остальном Палмара Каменная Шахта была почти неотличима от мужа. Dwarfийка указала кровавым острием своего оружия.

- Там еще двое! Геланна! Отойди! Я увидела их первой!

На несколько минут церемония была позабита, и dwarфы ударились в преследование ворвавшихся осквинов.

Эбенайзер направился к центру пещеры. Каменная кафедра, служившая трибуной на собраниях клана, превратилась теперь в алтарь. Сейчас место пустовало, так как жрица Клангендина радостно присоединилась к общему веселью. Тарламера и её почти муж, малорослого карлика, не выше пятидесяти футов и не тяжелее двухсот фунтов, стояли со сложенными руками. Глаза пары были наполнены смехом и разочарованием.

Смотреть на охоту за осквидами было весело, но ни один dwarf не может быть счастливым, оставаясь в стороне от драки. Однако на Тарламере был церемониальный фартук, и все женщины клана подняли бы шум, запачкай она его кишками грызунов. Прискорбно, но такова была традиция.

- Ты счастливчик, Фродвиннер. Твоей женой станет самая красивая dwarfийка в сотне пещер, - сказал Эбенайзер. И не соврал.

Его сестра была красавицей. С её обычной аккуратно заплетенной густой рыжей бородой и волосами, которые вились яркими локонами. Ей эти проклятые кудряшки очень шли.

Dwarfийка фыркнула, но глаза её были добры.

- О времени, на которое ты сюда явился. Надолго?

Это был знакомый вопрос, и саркастический тон предсказывал ответ Эбенайзера.

- Насколько это возможно, - признался он, смягчая свое признание пожатием плеч. – Это не только мое решение. Ты знаешь.

Тарламера в замешательстве покачала головой и обвела рукой обширный двор обители клана.

- Во всех своих скитаниях, нашел ли ты место, равное этому?

Эбенайзер честно покачал головой. Крепость Каменная Шахта была впечатляющей и уютной. Церемонии, торжества и развлекательные бои проходили в большом зале, прекрасной пещере с гладким ровным полом и стенами, покрытыми красивой резьбой. На протяжении многих веков ремесленники Каменной Шахты вырезали фрески, изображавшие победы и празднества дварфов. Из зала вели несколько небольших туннелей, а в стенах были вырезаны лестницы, ведущие на верхние уровни. Некоторые уходили к домам семей, другие – к кузницам и мастерским, которыми пользовался клан. Разумеется, здесь были шахтеры и кузнецы, но клан Каменной Шахты славился искусством обработки драгоценных камней и работы с ценными металлами. Некоторые дварфы промышляли торговлей, меняя готовые товары на материалы, которые не легко было сыскать. Это волновало Эбенайзера. Его сородичи были слишком изолированы, слишком сплочены и слишком привязаны к своей расе, чтобы понять – некоторые люди куда опаснее других.

- Похоже, затихают, - заметил Фродвиннер, кивнув в сторону гостей.

Неистовое истребление осквилов закончилось. Раздавался лишь стук последних ударов. Большинство существ уже убрали. Эбенайзер решил, что их, скорее всего, сбросят в реку. Быстрое течение унесет тела прочь, и все, что не съедят речные твари, вынесет на берег в бухте гидры. Да тут наполнится множество ртов, заключил Эбенайзер.

Спустя несколько минут пещера была очищена. Некоторые набрали из колодцев воды, вылив её на пол, чтобы смыть последние следы битвы в несколько небольших зарешеченных отверстий в полу.

- Мы можем продолжить? – резко спросила Палмара Каменная Шахта, упирая кулаки в бедра. - Моя дочь выходит замуж, а сын решил поздороваться. И поглядите! – добавила дварфийка, указывая на праздничный стол, ожидавший гостей у стены залы. – Тушёное мясо остыло, а эль потеплел!

Эти соображения заставили гостей собраться, а жрицу вернули к алтарю. Эбенайзер отступил в сторону и сжил свою седобородую мать в крепких объятиях, отчего её рев превратился в счастливые протесты.

Церемония была краткой и торжественной. В отличие от последовавшего за этим празднества. За столом собрались все члены клана Каменной Шахты. Дварфы рассказывали возвышенные истории и обменивались заковыристыми оскорблениями, пока последний горшок тушеного мяса не опустел, а больше половины бочат со свадебным элем не оказались сухими. По знаку Палмары – которая, будучи матерью невесты, являлась и хозяйкой торжества – на столы запрыгнуло великое множество музыкантов. Своими рогами, трубами и барабанами они устроили веселый гам. Дварфы устремились на танцы, отплясывая с энергией и энтузиазмом, способными поспорить с их боевой доблестью.

Эбенайзера охватило редкое чувство довольства жизнью. Он наблюдал за тем, как прыгает и кружится его родня, как сплетаются сложные узоры танца. Он был рад

вернуться домой. И понимание того, что через десять дней он будет столь же рад покинуть это место, ни капли не уменьшало его удовольствия.

Но даже сейчас его ноги дрожали. Он потянулся к сумке и вынул оттуда трубку и табак прежде, чем вспомнил, что в пещере у Палмары Каменной Шахты ничего подобного не найдется. В своих путешествиях Эбенайзер привык к табаку, и ему нравилось закуривать хорошую трубку снова и снова. Но в последнее посещение дварфы Каменной Шахты от таких привычек только хмурились и жаловались на дым. Эбенайзер заметил – как ему показалось, вполне справедливо – что в крепости, среди жара и духоты кузниц и очагов дополнительная струйка дыма едва ли что-то портит. С унылым вздохом, Эбенайзер отложил трубку и направился к ближайшему туннелю, ведущему к реке.

Примерно раз в час он прогуливался вдоль реки, довольно пыхтя и наслаждаясь ревом и журчанием воды. Пришла весна, и река разлилась, наполняясь талой водой, устремившейся с Гор Меча высоко наверху. Но это было единственным вторжением надземного мира.

В туннелях царил приятный холод и мрак. Разумеется, здесь было не безопасно – клану Каменной Шахты приходилось иметь дело с паразитами вроде осквилов, кобольдов или дроу – но над головой его был потолок, а с обеих сторон – каменные стены, что дарило дварфу ощущение спокойствия. Этот мир так отличался от суеты и света, царивших наверху.

Эбенайзер докурил трубку и вытащил кремь и огниво, чтобы зажечь еще одну. Вспышка искры отразилась светом далеко впереди. Он шел откуда-то из бокового туннеля. Эбенайзер поджал губы и прищурился. Свет так глубоко под землей был странным явлением и, как правило, не сулил ничего хорошего. Любой, кто жил в туннелях мог отлично обходиться без него.

Пока все эти мысли мелькали в голове дварфа, из бокового коридора показалось три высоких тощих фигуры. Их изящные тела четко вырисовывались в свете факела. Эбенайзер сплюнул и пробормотал проклятие. Люди. Плохо уже то, что они явились на вершину горы. Но в дварфские шахты их никто не звал. Как они узнали об этих путях? Лишь несколькими из их рода было известно о существовании клана Каменной Шахты, и это была тесная группа людей.

Внезапно, Эбенайзер вспомнил долото, которое взял из гнезда осквилов. Вытащив инструмент из-за пояса, он изучил метку, вырезанную на рукояти. Да, оно принадлежало дяде, Хошапу. Вне всяких сомнений – это был знак Хошапа, большой, словно нос гнома. Но как грызуны смогли его утащить? Эбенайзер углубился в воспоминания, пытаясь вызвать образ мрачного рябого лица Хошапа, держащегося поодаль от свадебного торжества. Но ничего не вышло. Хошап не был создан для праздников, но он очень любил свадебный эль. Его отсутствие, в сочетании с фактом появления в туннелях людей, выглядело подозрительно, словно скопление грозowych туч.

- Камни! – снова выругался Эбенайзер.

Засунув долото за пояс, он последовал за тремя нарушителями спокойствия.

*****

Алгоринд поспешил вернуться в Саммит Холл. Тело его брата-паладина было достойно укрыто и уложено на подстилку, которую Алгоринд соорудил из ветвей. Эта обязанность добавила времени его путешествию, и, когда юноша пришел к монастырским воротам, церемония посвящения уже началась.

Тьма окутала холмы, и песочного цвета камень внешних стен цитадели, казалось, растворялся в сумраке. Если бы не яркие огни, освещавшие часовню, в сочетании с собственными знаниями об этих местах, Алгоринд мог никогда не увидеть монастыря. Многие путешественники проходили мимо под взглядами часовых, даже не замечая крепости. Это казалось Алгоринду совершенно замечательным явлением, если учитывать огромные размеры строения.

Привратник, рослый юный паладин, который часто становился партнером Алгоринда в обучении, оглядел своего друга сверху донизу.

- Ты видел битву, - сказал он с непринужденной завистью в голосе.

- Орки.

Алгоринд показал всю незначительность своих противников, пожав плечами, и махнул рукой на соломенную подстилку.

- Напали на этого человека. И познали справедливость Тира. Но я не успел спасти этого храбреца.

- Я осмотрю брата. Ты можешь понадобиться в часовне.

Паладин стянул свой безупречно сине-белый плащ и передал его Алгоринду. Молодой человек с благодарностью принял помощь друга и быстро натянул новую одежду. Оба мужчины почти не отличались друг от друга размерами – оба были дюйма на два выше шести футов, а их тела были выточены постоянными тренировками с мечом, копьем или посохом. Алгоринд пригладил свои кудрявые, коротко подрезанные волосы, и поспешил к часовне, которая, вместе с полем для тренировок, занимала в жизни Саммит Холла центральное место.

Юноша остановился у арочного входа. Его братья пели – невероятно красивая песня, восхваляющая справедливость Тира и мужество молодых людей, избравших его путь. Значит, церемония почти подошла к концу.

Алгоринд ощутил разочарование. Он и прежде видел посвящение, и ничто не вдохновляло его так, как эта священная церемония. Это была его мечта. Вся его жизнь прошла в ожидании подобного момента. Каждое посвящение заставляло его почувствовать, что теперь он сам намного ближе к своей цели. Многие вело к этому моменту: годы тренировок с оружием, годы изучения религиозных обрядов, испытание паладина, проверка мукой, ночь бодрствования в часовне, ритуальное омовение и облачение в белую мантию и новый камзол. Обучение Алгоринда еще не закончилось, и он думал, что пройдет год или два, прежде, чем он будет допущен к испытанию паладина.

Юноша задержался возле открытой двери, благоговейно склонился, когда Мانتассо, Верховный Лорд Аббат – могучий воин, который, несмотря на свое звание, все еще тренировал клерикальных помощников – попросил Тира о благословении. Церемония посвящения, пожалования меча и ритуального пролития крови, символизирующая жизнь, посвященную служению, была делом магистра Лаарина Золотобороного. Это было древнее действие, выражающее честь прикосновения к мечу. Рыцари Самулара проводили его с большей строгостью, чем предполагали

романтические рассказы о рыцарстве. Алгоринд с трепетом и глубоким томлением наблюдал, как паладин высшего ранга провел заключительную часть церемонии обмена, принимая мечи каждого из юных паладинов и напоминая им, что жизни их теперь посвящены служению Тиру. Наконец молодые паладины одели новое оружие, все еще несущее следы их собственное крови, и стали настоящими рыцарями Ордена.

Гимн зазвучал снова, на этот раз обретая форму ликования. Присоединившись к нему всем сердцем, Алгоринд покинул часовню вместе со своими братьями.

Новости об убитом гонце распространились по Саммит Холлу почти мгновенно. Алгоринда вызвали на доклад в кабинет к Лаарину.

Юноша поспешил к большому строению, заполнявшему собой северную часть комплекса, и поднялся по лестнице, ведущей к башне, в которой находилось внутренне святилище магистра. Комната в башне была круглой, а её обстановка – простой, даже скромной. Единственным цветным пятном здесь были яркие желтые усы и тонкие волосы Лаарина Золотобородого. Магистр сидел за столом из полированной древесины на деревянной скамье с высокой спинкой. Стулья, стоящие перед столом, едва ли были созданы для удобства, а на каменных стенах не висело ни единого гобелена. На полках лежали трофеи совершенных подвигов, а также высился ряд пыльных книг. Два высоких узких окна и тройка толстых свечей давали достаточно света, чтобы видеть, если даже не читать. Ученость не презиралась, но точно не входила в список рыцарских добродетелей.

Испросив разрешения, Алгоринд вошел и взял один из стульев, стоящих перед магистром Лаарином. Он с уважением кивнул остальным, собравшимся вокруг паладина – Мانتассо, двум высокопоставленным жрецам и трем старшим паладинам, в число которых входил сэр Гарет Кормейр. Дворянин и паладин, завоевавший великую славу, он удалился от службы рыцарям Самулара из-за тяжелой раны, полученной им более тридцати лет назад. Несмотря на свои раны и жизнь, проходящую в вынужденной праздности, старик все еще был высок и силен. Он прибыл в крепость этим утром – незадолго до того, как Алгоринд ушел в свой патруль – после двухнедельной поездки, способной утомить многих молодых паладинов. Сейчас он выглядел похожим на важного государственного деятеля – одетый в достойные одеяния темно-синего оттенка, с аккуратно подстриженной седой бородой и яркими голубыми глазами, осторожными и внимательными.

Мужчины внимательно выслушали доклад юного паладина.

- Ты преуспел, - признался Лаарин, когда рассказ был окончен – внезапная для магистра паладинов похвала. – Однако задача, лежащая на наших плечах теперь, гораздо сложнее твоих подвигов.

- Это непросто, - согласился сэр Гарет. – Наш брат Хронульф долгое время верил в то, что его семья мертва. Теперь мы узнали, что у него есть сын. Если этот потерянный сын – а он не меньше, чем жрец Цирика – примет милость Тира, это самое меньшее, что мы можем сделать для его отца. Однако, его дитя – другое дело.

Мантассо сложил свои крупные руки и уставился на рыцаря.

- В послании говорится, что девочка в безопасности, довольна своей семьей, воспитывавшей её с рождения, и не тронута злом, которое выбрал её отец. Имеем ли мы право нарушить эту идиллию?

- Не только право, но и долг, - строго сказал Лаарин. – Разумеется, она должна оказаться под опекой и присмотром ордена. А то, что несмотря на всю свою незначительность, она может быть обладательницей одного из колец Самулара, добавляет к делу срочности. Но что делать?

- С вашего позволения, магистр Лаарин. Полагаю, ответ лежит перед нами, - сказал сэр Гарет своим придворным тоном. – Что насчет этого парня? Я слышал, он самый лучший и талантливый из послушников, и более чем готов к своему испытанию паладина. Поручите ему найти девочку и кольцо.

Прошло несколько сердцебиений, прежде чем Алгоринд понял, что рыцари говорят о нем. Они думали, не дать ли ему испытание паладина! Он не ожидал подобной чести еще как минимум год!

- Полагаю, ты согласен, - сухо сказал Лаарин, изучая сияющее лицо Алгоринда.

- Более чем! Для меня честь служить Тиру и его святому Ордену, милорды. Так или иначе.

- Вне всяких сомнений, он нетерпелив, - проворчал Монтассо. Крупный жрец раздраженно пошевелился, заставляя ветхий стул противно заскрипеть. – Прежде, чем вы продолжите, мне стоит высказаться по этому вопросу!

- Разумеется, - сказал Лаарин тщательно сдерживаемым тоном. – Почему это дело должно отличаться от остальных?

Алгоринд моргнул, удивленный этим признаком разногласий среди магистров. Монтассо, следивший за происходящим, все заметил и раздраженно покачал головой.

- Я не хочу проявить неуважение к любым традициям, - заявил крупный жрец, - но этот юноша принадлежит к духовенству, а не к воинскому ордену. Разве не должны мы в своем служении Тиру использовать все средства? Все? У Алгоринда хватит учености, языка, быстрого ума и потенциала как для карьеры ученого, так и для пути предводителя. Его знания картографии замечательны. Он обаятелен, и язык у него подвешен. Он мог бы далеко продвинуться по стезе жреца и его успехи значительно помогли бы делу Тиры. Но сколько паладинов доживают до своей тридцатой зимы? До двадцать пятой? Может быть два или три. Из сотни! Вы, почтенные господа, собравшиеся в этой палате, не правило, а скорее исключение!

- А Алгоринд не исключителен? – возразил Лаарин. – Мы хорошо осведомлены о талантах и потенциале этого молодого паладина. Ордену нужны такие люди. Дело решено, - он повернулся к Алгоринду. – У тебя есть обязанности, брат. Исполни их достойно.

Алгоринд встал на ноги, слишком довольный услышанным, и поклонился магистру. Он оставил кабинет, чтобы подготовиться к испытанию, в полной уверенности, что ничто не затмит славы этого момента.

Последовавший за ним сэр Гарет крикнул ему остановиться. Прославленный паладин протянул руку, сжимая запястье юноши, словно тот уже был членом ордена. Или словно он сам все еще не отошел от дел. Они шли бок о бок, и сэр Гарет делился с Алгориндом опытом, давая подробные указания о том, какие шаги предпринять, чтобы спасти ребенка.

Беседа вышла более славной, чем когда-либо мечтал Алгоринд. Он слушал внимательно, сохраняя каждую деталь в своей тщательно натренированной памяти.

К тому времени, как снаряжение паладина было собрано, а боевой конь – снаряжен в дорогу, сэр Гарет заявил, что юноша полностью готов.

- Ты принесешь ордену славу, сын мой, - с доброй улыбкой заверил его великий человек. – Помни рыцарские добродетели: мужество, честь и справедливость. Я добавлю к этому еще одно качество – осмотрительность. Это очень важно. Ты не должен никому рассказывать о том, что делаешь. Ты клянешься в этом?

Алгоринд, чью голову вскружило волнение, преклонение перед героем и святой пыл, пал на колено перед паладином.

- В этом деле, как и во всех остальных, сэр Гарет, я последую твоим приказам.

* * * * *

У Бронвин ушла пара дней, чтобы выследить Малхора.

Во-первых, ей пришлось отыскать и опросить агентов Арфистов, которые проводили сделки Данилы и заставили людей Малхора пойти за ней. Задача была не из легких. Скрытность была привычкой, глубоко укоренившейся среди арфистов, и многие из них опасались делиться секретами даже со своими. К счастью, один из приспешников Данилы был хафлингом с претензиями барда. Рассказ о небольшой роли, сыгранной им в событиях – разумеется, в последствии она сильно возросла – облетел таверны и сборища, часто посещаемые коротышками. Однажды вечером Алиса Тинкер услышала эту песню и принесла весть, вместе с протестующим хафлингом, прямиком Бронвин.

Сказка Нимбла, несколько приукрашенная, помогла мало. Жрец исчез, оставив после себя лишь бледный дымок. Бронвин рыскала по городу, заглядывая в каждую доступную ей лазейку в поисках информации. Она понимала, что дела эти могут продлиться до самого снегопада, и это невыносимо разочаровывало её. Но, наконец, усилия принесли свои плоды, приведя девушку к эльфу, который славился обширными связями и чрезвычайно мрачной репутацией.

- Ты мне должна, - без особой на то необходимости заметил эльф, передавая Бронвин пергамент.

Приняв бумагу, женщина поморщилась, представляя себе вид оплаты, который мог предполагать этот контракт. Она развернула свиток и присвистнула. Да тут вила средних размеров. В крошечном описании эльф отметил магических стражей, секретные двери, скрытые ниши для охраны и другие тщательно охраняемые тайники. Она с подозрением посмотрела на своего благодетеля.

- Откуда тебе все это известно?

Он одарил Бронвин надменной улыбкой.

- Дорогуша, это здание мне принадлежит. Поскольку человек, которого ты ищешь, заплатил арендную плату заранее – делай с ним что хочешь. Но подумай о мебели и постарайся не запачкать кровью ковры.

- Уж постараюсь, - сухо сказала девушка. Обменявшись с эльфом еще несколькими мрачными любезностями, она покинула его и направилась к Северному Району.

Ночью этот район был тих. Большая часть богачей либо пряталась за стенами, окружавшими виллы, либо уходила искать радостей в более шумных частях города.

Идя по широким мощеным улицам, Бронвин задавалась вопросом, как отреагируют жители самого консервативного района на то, что среди них все это время жил жрец Цирика. Вероятно, их ответ будет чем-то напоминать ответ эльфа. Пока жрец оплачивал счета и держался в тени, он не представлял угрозы.

У Бронвин было достаточно причин думать иначе. Ради встречи с ней Малхор пережил множество неудобств. Сегодня вечером она решила понять почему.

Она обошла Зал Нежной Русалки, массивную и безвкусную каменную постройку. Башенок у зала было больше, чем голов у гидры, а многочисленные балконы украшали решетки кованного железа. Здание занимало всю площадь. Женщина быстро миновала его и скользнула в Аллею Многих Котов. Бронвин оглядела каменные головы, торчавшие на карнизах нескольких стоящих впереди зданий. Изображения выглядели так реалистично, что девушка вспомнила ходившие по тавернам легенды. Они утверждали, что иногда головы разговаривают с прохожими. Но единственным звуком, долетавшим до нее сейчас, было мяуканье бездомных кошек, охотившихся за отходами мясных магазинов, что выбросили свой дневной товар. Аромат подобных лавок тяжело висел в неподвижном, заполненном туманом воздухе. Бронвин прикрыла нос плащом и ускорила шаг, осторожно обходя пару полосатых котов, сражающихся за право обладания длинной рыбной колбасой.

Женщина обнаружила заднюю стену огороженного сада виллы неподалеку от магазинов. Она пробежалась пальцами по камням. Затвор был именно там, где указал эльф. Поклявшись не скупиться, гася этот долг, Бронвин нажала на затвор и подождала, пока распахнется каменная дверь. Она скользнула сквозь отверстие и поспешила оказаться в тени оплетенной виноградом беседки, стоящей посреди сада.

За беседкой, скрытый от случайного взгляда пышными лозами, стоял первый охранник. Бронвин узнала в нем одного из жентийских солдат, ворвавшихся в баню на зов Малхора. Мгновение, она колебалась. Убить человека было не так-то легко, но этот хотел её смерти или собирался сделать её пленницей Малхора. Второе, несомненно, было еще хуже.

Женщина скользнула за спину охранника, в руках её появилась длинная тонкая веревка. Быстрым движением, она выбросила руки из-за лоз и крепко обвила гарротой горло мужчины. Человек тихо, сдавленно захрипел. Звуки стали чуть громче, когда он схватился за веревку пальцами. Он был намного сильнее Бронвин. С ужасом, женщина поняла, что скоро страж может подать тревогу.

Она подпрыгнула, упираясь ногами в решетку беседки и откинулась назад, таща веревку. Спустя мгновение, мужчина замолчал. Бронвин крепко привязала гарроту к решетке, а затем заглянула за угол. Выпученные глаза мужчины свидетельствовали об эффективности нападения. Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, женщина скользнула в ледник.

Вилла была хорошо оборудована. Даже такое маленькое толстостенное помещение, в котором хранились блоки льда, вырезанные в ближайшей реке, было роскошью в ближайшие летние месяцы. Сейчас комната была почти заполнена и холодна, словно погода в середине зимы. Пробираясь по узкому проходу между блоками, Бронвин завернулась в плащ. Она почувствовала ожидаемый шельф и располагавшиеся здесь свечи. Бронвин зажгла их и двинулась вниз по узкому проходу, прямо к пролету крутой лестницы.

По словам эльфа-домовладельца, этот проход вел сквозь заднюю стену, в самую богатую спальню. Наверняка она найдет там Малхора. Она лишь надеялась, что найдет его одного.

Прокравшись по коридору, Бронвин поднялась по крутой деревянной лестнице. Она двигалась медленно, прокладывая свой путь так, чтобы ни один скрип не выдал её присутствия. С каждым шагом женщина становилась все более беспокойной. В туннеле не было паутины, как и никаких признаков мышей. Как может быть секретен ход, который так часто используют?

Она уже надумала повернуть назад, но проход закончился у второй двери – раздвижной, из тонкого дерева – скрытой за гобеленом. Малхор, видимо, был один и пребывал в молитве. Бронвин зажмурилась, стараясь не слышать жуткую вздымающуюся и опадающую каденцию песни. Знать, что Малхор поклоняется Цирику – одно дело. Совсем другое – стоять и слышать воззвание к темному и злобному богу.

Наконец Малхор закончил свои восхваления. Бронвин слышала, как мужчина напрягся, сясь поднять свое огромное тело с колен. Затем послышался протестующий скрип. Это стонал под ногами жреца деревянный пол. Следующая часть плана была самой рискованной. Бронвин открыла дверь и выскользнула из-за гобелена, заглядывая в комнату.

В конце концов Малхор был не один, однако молодая женщина, с которой он проводил вечер, была совершенно мертва. Бедные эльфийские ковры, мрачно подумала Бронвин. Теплые, покрытые заплатками одежды указывали на то, что женщина была из Портового Района. Возможно, шлюха из таверны, которую на виллу заманил один из мужчин Малхора. Вероятно, обещая легкую монету за объятия старика. Откуда она знала, что веселый жрец получил удовольствие от смерти и силы, данной за сделку с ней? Бронвин вытащила нож и стала ждать. Сердце её грохотало в груди. Она наблюдала за тем, как жрец наливал себе в бокал густое красное вино из серебряного графина, как он поднял кубок, салютуя мертвой женщине, как, закрыв глаза, он отхлебнул вина, словно смакуя приятные воспоминания, после чего, тихо напевая, направился к ванной, по пути минуя гобелен.

Девушка выпрыгнула из своего укрытия и изо всех сил ударила. Её нога почти полностью утонула в огромном необъятном животе, но действие возымело желаемый эффект. Малхор захрипел, словно кузнечный мех, и осел на пол.

Схватив жреца за волосы, Бронвин запрокинула его голову. Ступив мужчине за спину, она сильно прижала нож к горлу своей жертвы.

- Крикнешь – и ты мертв, - сообщила она низким, яростным тоном. Малхору потребовалось несколько мгновений, чтобы начать говорить, но слова его прозвучали с замечательным апломбом.

- Я вполне способен понять очевидное, - прохрипел он. – Говори, что хочешь. Моя ванна стынет. А еще лучше – раздевайся и присоединяйся ко мне.

Женщину почти восхищала его наглость.

- Итак, очевидный вопрос: почему ты решил схватить меня тем вечером? Это была еще одна твоя игра?

- Приятная мысль, но нет, - ответил жрец. Теперь его голос стал сильнее, но в глазах его был страх. Он заметил ярость на лице Бронвин. – Не игра. Я не стал бы позорить себя такими вещами. Ты не какая-то шлюха из таверны, которой можно попользоваться и выбросить.

- Лестно слышать. Так что же?

Он поднял руки и показал ладони.

- Ничего личного. Я из Жентарима. А ты – дочь заклятого врага Жентарима. Человек, который хочет прожить долгую жизнь, не оставляет опасных щенков, чтобы те окрепли, отрастили клыки и совершили свою месть.

Бронвин замерла. Ничего из пережитого и испытанного, ничто в этом злом, уродливом человеке не могло бы ошеломить её так, как эти простые слова. Ты чья-то... дочь.

- Кто? – резко потребовала она. – Кто ваш враг?

Малхор рассмеялся, от чего складки его плоти заколыхались.

- Дорогуша, я жрец Цирика. У меня врагов больше, чем папочек у этой шлюхи.

Бронвин почти проигнорировала легкое ударение на слове «папочек». Малхор играл с ней. Вот и все. Она посмотрела на нож, приставленный к горлу жреца. Как же хотелось вонзить его поглубже. Но если она ударит, то никогда не узнает ответа, которого жаждала двадцать долгих лет. Она глубоко вздохнула и смогла погасить гнев.

- Скажи мне имя моего отца. Скажи, и я позволю тебе жить.

- Обещание дано, обещание исполнено? – передразнил он. – И где мое ожерелье?

- Это не моих рук дело, - прошипела она. – Как ты сам сказал – у жреца Цирика много врагов.

Еще одно предупреждение.

- Ты обработал янтарь. Интересно, какие секреты умелый маг сможет узнать, повторив твою магию?

Эта мысль прогнала из глаз Малхора самодовольство.

- Это ожерелье. Теперь оно принадлежит подобному магу?

- Возможно. Оно было возвращено мне, но я была бы рада расстаться с ним подобра-поздорову.

Малхор пораскинул умом.

- Я скажу тебе имя отца, если ты... скажем... три лунных цикла поддержишь ожерелье у себя.

- По рукам.

- Ты можешь найти эту информацию забавной, учитывая твои, скажем так, оригинальные методы ведения дел, - лукаво начал жрец.

- Заканчивай!

- О, хорошо, - сказал он, надувшись. – Я все равно получу кинжал в горло, учитывая, как ты держишь мою голову. Не то, чтобы мне не нравилось на тебя смотреть, но не могла бы ты слегка отпустить мои волосы? И этот нож...

- Говори!

Жрец кивнул в ответ на её нетерпение.

- Ты старшая, и единственная, выжившая дочь Хронульфа Карадуна. Паладина Тира. Полагаю, он некоторым образом рыцарь.

Сквозь охватившее её оцепенение, Бронвин почувствовала, как медленно кивает. Это имя вызвало давно позабытые воспоминания и образы, которые она никак не могла осознать – словно сны из далекого прошлого. Масштабность осознания ослепила её. У неё было имя отца!

Женщина убрала нож с горла жреца. Затем, она развернула руку и с силой ударила рукоятью в лоб Малхора.

Глаза жреца закатились, а тело повалилось вперед. Бронвин отпустила волосы мужчины, и он упал лицом вниз, на ковер, который уже был измазан кровью шлюхи.

Осторожно наклонившись, Бронвин приложила пальцы чуть ниже уха человека. Он проснется слишком рано, чтобы совершить меньше зла, но это была сделка. Жизнь и обещание, что любые секреты, неосторожно переданные им янтарному ожерелью, будут сохранены от посторонних глаз.

Обещание дано, обещание исполнено.

Женщина встала и скользнула за гобелен. Она могла уйти другим путем, но первый шаг был таким же. Когда она отступала по запасному пути, помеченному эльфам, то старалась не жалеть о содеянном. Она выполняла свои обещания. Данные человеку или монстру. Это имело смысл. Даже если человек полностью лишен чести, это не значило, что он не способен понять и оценить честь других. Она преуспела – ради себя, ради других людей и ради Арфистов – клиенты знали её репутацию и были готовы вести с нею дела. Но была и другая причина столь суровой политики. Еще более важная и глубоко личная. Если однажды, хоть один раз, она нарушит свое правило – будет ли она отличаться от своих клиентов? Новый голос в её голове – новое, но все-таки смутно знакомое дополнение. Если она нарушит свои правила – сможет ли она быть дочерью паладина?

Глава 4

Эбенайзер крался вдоль реки. Тихо, словно одна из кошек Тарламеры. Большинство людей считало, что дварфы бесшумны, словно лавина, но правда была в том, что бородатый народец умел передвигаться совершенно незаметно.

По этой, а так же множеству других причин то, что произошло дальше оказалось совершенно смущающим. Вот Эбенайзер идет вслед за тремя людьми, держась вдали от света их факелов и не попадая в поле их ограниченного зрения. А вот он уже пойман в сети, словно рыба.

Тяжелые веревки ударили его, достаточно сильно, чтобы сбить с ног. С инстинктивной привычкой ремесленника, Эбенайзер отметил, что сеть была прочной и утяжеленной по краям. К тому же, она была прошита еще одним шнурком, работавшим, словно завязки на кожаном мешке для денег. Хотя для богатого воображения Эбенайзер был слишком крепко придавлен. Посмотрев сквозь веревки,

он увидел на уступе сверху пару ухмыляющихся полуорков. Один из них поднял руку к носу, делая насмешливо-непристойный жест. Затем звери потянули дварфа вверх.

Первый рывок сотряс веревку. Разозлившись, дварф потянулся за своим охотничьим ножом, желая перерезать сеть. Вот поддалась одна веревка, затем — другая. Сейчас дварф находился почти в пределах досягаемости полуорков. Пробравшись через сделанное отверстие, он тяжело повалился вниз на каменную тропу.

Тело дварфа ударилось о каменный пол с грохотом, сотрясшим стены пещеры. Люди развернулись и с любопытством посмотрели на уступ. Предупреждающе крича, полуорки начали спускаться вниз, стремясь добраться до своей добычи.

Эбенайзер развернулся, сжимая в руке топор и готовясь встретить приближающихся людей и их полу-родичей. Улыбка покинула его лицо, как только взгляд дварфа упал на державшего факел. Это был высокий мужчина, облаченный в черно-фиолетовые одежды. Его бритая голова была такой же лысой, как череп, вырезанный на его большом медальоне. Этот символ был известен Эбенайзеру. И совершенно не нравился. Жрец. Мужчина. Он мог сражаться, но добавил лживое волшебство человеческого бога, и вот Эбенайзер уже был совершенно беспомощен. На раздумья не было времени. Полуорки закончили свой спуск и подошли к нему, держа в руках оружие.

За весенней песней реки раздался звон митрала. Затем, в сознание Эбенайзера ворвался новый звук — зловещее пение. Дварфа охватил страх. Он с отчаянием бросился в бой, в надежде добраться до жреца прежде, чем стало слишком поздно.

Но топор стал тяготить руки, а движения замедлились. Даже пропитанные потом локоны волос, казалось, успокоились и повисли — прямо и безжизненно. Песня реки становилась все медленнее, пока не обратилась в торопливый лепет. Вскоре исчез даже он, и настала лишь тьма и тишина.

Эбенайзер проснулся позже. Конечности его онемели, а голова болела. Осторожно, он сел. Подняв руку к голове, он ударился о дерево и быстро заморгал, стараясь прояснить зрение.

Он был в клетке. Хорошей, крепкой, сколоченной из толстых палок. Инстинктивно рука его попыталась нащупать топор. Разумеется, оружие исчезло. Его клетка стояла в маленькой нише, небольшом алькове неподалеку от реки. Похитители были жадными собирателями — Эбенайзер увидел некоторые предметы, которые уже находил в кладе осквилов. Люди пошли на трудности, чтобы удержать его. И — признание это причиняло ему боль — это было разумно.

- Похоже, я сокровище, - пробормотал Эбенайзер. Он скорее желал поднять себе настроение, чем в действительности верил своим словам. - Узнать бы, чем я ценен.

Но как только слова слетели с его губ, дварф начал понимать и ответ. У похитителей была лишь одна причина держать его живым.

Его схватили работоторговцы.

* * * * *

Врата в западной стене. Лошадь Дага Зорета, признавшая в Жентариме родной дом, внезапно стряхнула с себя усталость, подпрыгивая и гарцуя в жадном

стремлении попасть в конюшню. Даг рассеянно спустился с коня и последовал за своими разведчиками. В отличие от своего зверя, он был не слишком впечатлен крепостью, многие годы служившей ему домом. Время, проведенное за пределами Жентарима, а также осознание того, как он близок к получению собственной крепости, позволяли ему посмотреть на родную цитадель новыми глазами.

Темный Оплот был самым мрачным и затерянным из виденных Дагом мест. Сам замок был огромным, громоздким сооружением. По легенде он был создан из крови, смешенной с камнем и смертью. И Даг не сомневался в правдивости сказки. Аура зла и смерти поднималась от замка, словно дым, который взмывал в воздух из дымоходов его многочисленных башен. Расположенная в глубокой долине, окруженной с трех сторон крытыми скалистыми утесами, а с четвертой — высокой толстой стеной, которую только что миновал караван, крепость была почти неприступна. Земля долины, лежащей между воротами и замком, была ровной, грубой и усеянной камнями. Бесплодной. Лишь печальный ручей извивался между зубчатыми скалами и маленькой рощицей.

Волшебные ворота захлопнулись, и Даг проехал через мрачную долину, держа путь к внутренней стене, окружавшей замок. Она была тридцати футов высотой, и почти такой же в ширину. Патруль из четырех человек мог встретиться и разойтись с другим точно таким же, оставляя между собой расстояние в целую комнату.

Перед глубоким рвом караван замер, дожидаясь, пока поднимется железная решетка. Мост опустился ей навстречу. Шестеренки издавали холодный металлический визг, который для Дага звучал криком играющего дракона, решившего поточить когти о гладкий скалистый уступ.

Перейдя мост, Даг и его отряд оказались на широком дворе. Он слез с лошади и передал поводья внимательному стражу. После нескольких коротких слов, брошенных своим людям, дабы напомнить о наказании, что постигнет их за разглашение любых деталей поездки, он прошел в открытую дверь и миновал затянутый знаменами зал с невероятно высокими потолками. Потолки эти были под стать давно мертвым гигантам, что некогда построили цитадель.

Юноша остановился у одной из огромных дверей. В центре массивных врат была вырезана дверь поменьше — конструкция куда более подвластная ныне живущим здесь людям. Скользя по двум спиральным лестницам и спускаясь по коридору к богатым апартаментам, которые служили его частной резиденцией, Даг ощущал каждую мышцу в своем заду.

Он заслуживал подобной роскоши. Даг служил Темному Оплоту в составе нового войска боевых жрецов с самого его создания. То есть — почти четыре года. За это время он добился значительной власти среди духовенства, уступая разве что Малхору. Даже Курт Дракомор, капеллан замка и не такой уж тайный информатор Фзула Чембрила — правителя далекой Жентийской Цитадели — наблюдал за Дагом с осторожной почтительностью.

Молодой жрец кивнул паре охранников, который шагали по коридору, спеша по поручению. Он мог позволить себе быть снисходительным — его подготовка к завоеванию Тернового Оплота прошла замечательно. Он послал весть Семеммону, магу, который управлял Темным Оплотом. Семеммон был восхищен его планом и предложил юноше вернуться в крепость, чтобы набрать людей для новой команды.

Маг одобрял инициативу и амбиции, если они не угрожали его собственному месту. Этот проект не был вершиной мечтаний Дага Зорета, отнюдь, просто подобный шаг казался разумным. Это добавило бы сил быстро растущей власти Жентарима, а также принесло бы ему большое личное удовлетворение.

На дверном затворе повисла слабая пурпурная дымка — предупреждение тем, кто решит войти незванным. Даг быстро снял защитные заклинания и вошел в комнату. Лампа, стоящая рядом с дверью, разворачивалась сама собой, даже когда он направлялся за огнивом и кремнем. Комната стала внезапно теплой от золотистого света, богатого, пряного аромата эфирного масла и мягкого, пьянящего и угрожающего звука соблазнительного смеха.

Прежде, чем перепуганный жрец смог создать защитное заклинание, тени в дальнем конце комнаты зашевелились. Легкая фигурка, эльфийка, обладающая необыкновенной красотой, поднялась с постели и шагнула в круг света. Из одежды на ней была лишь ночная рубашка из тонкого, темно-красного шелка. Длинные льняные волосы были не забраны, рассыпаясь по бледно-золотистой коже плеч.

Сердце Дага пропустило удар, а затем с болью упало. Прошло много времени с тех пор, как она приходила в его комнату, и никогда прежде они не встречались в Темном Оплоте.

Легкая понимающая улыбка исказила губы эльфийки, когда она бросила взгляд на ошеломленного жреца. Разумеется, она знала, что это осторожность, а не желание, сделали его взгляд стеклянным, а лицо — бледным. Но, словно издеваясь, подхватила свои длинные юбки.

- Узнаешь это платье? Я была в нем в тот вечер, когда мы зачали дитя.

- Ашемми, - он произнес её имя превосходно сдержанным тоном. - Прости меня за то, что я слегка удивлен. Мне казалось, ты желала забыть то краткое время, что мы провели вместе.

- Я ничего не забываю. Ничего, - она скользнула ближе и провела кончиками пальцев по подбородку Дага. Затем, коснулась точки, где его темные волосы образовывали вдовий пик. Эльфийка склонила голову на бок, разглядывая жреца. - Ты стал красивее. Могущество часто творит подобное с мужчинами.

- Тогда наш господин Семеммон уступает разве что только Кореллу Ларетиану, - сухо сказал он, имея в виду эльфийского бога, олицетворявшего мужскую красоту.

Ашемми засмеялась — прекрасный, необыкновенно эльфийский звук, который напоминал Дагу перезвон сказочных колокольчиков и удивленного ребенка. Но женщина отстранилась, и именно этого намеревался добиться Даг, упоминая о маге, который был ее господином и любовником.

Лицо эльфийки слегка омрачилось, когда она поняла его уловку.

- Семеммону нечего бояться, - твердо сказала она. - Тем более, ты планируешь завоевать собственную территорию. Знаешь, он относился к тебе с осторожностью.

Голос её поднялся, становясь кокетливо-певучим, а бровь изогнулась, словно женщина бросала ему легкий вызов.

Даг все понял, и снова ощутил почти забытый ритм охоты. В этом искусстве Ашемми не было равных. Несколькими словами она переплетала смертельно опасную иерархию Темного Оплота с дразнящим напоминанием о собственных выдающихся прелестях. Положение выходило действительно шатким. Любое слово,

любой удар может выйти боком. Это знание ускоряло его пульс, возрождая мрачное удовольствие, которое он испытал девять лет назад. Даг не был человеком, подверженным обычной похоти, но это была игра, которую он ценил, и женщина, которая играла замечательно.

Восстановив равновесие, жрец подошел к маленькому столику и вытащил пробку из флакона с прекрасным эльфийским напитком. Налив два бокала, он вручил один эльфийской волшебнице. Женщина подняла бокал к губам, насмешливо медленно и тревожно смакуя запах и вкус — все это время она смотрела на Дага поверх края кубка. Даг же просто потягивал свой напиток, ожидая, когда она заговорит. Наконец, она устала от уловок и отставила кубок.

- Ты терпелив, мой малыш. Ты всегда был таким. Однажды, я нашла это довольно... привлекательным.

- Времена изменились, - заметил он мягким тоном, который, тем не менее, смог передать дюжину оттенков.

По лицу эльфийки скользнула краткая довольная улыбка. После власти и красоты Ашемми ставила выше всего утонченность. Женщина приблизилась, оказываясь достаточно близко для того, чтобы окутать жреца запахом своих духов.

- Изменились, - согласилась она. - Я недавно вернулась из поездки в Жентийскую Крепость. Признаки её разрушения почти пропали.

- Прекрасно, - заметил Даг, делая непринужденный глоток вина.

- Очень.

Она протянула руку и взяла у него кубок, скользнув кончиком языка там, где стекла только что касались его губы.

- Настало время перестроить старое и найти новые... высоты.

- Ты всегда была честолюбива, - сказал он, преднамеренно понимая только прямой смысл её слов.

Это забавляло эльфийку. Она поставила бокал и начала медленно ходить вокруг Дага.

- Для тех, у кого есть сила и ум, чтобы увидеть возможности — они всегда велики. Ты мог бы все сделать очень хорошо. Твоя преданность Жентариму не подлежит сомнению, а твои заклинания сильнее, чем у любого жреца в крепости. В самом деле, ты превосходишь всех магов Темного Оплота. Кроме двух!

Сделав паузу, она подошла к нему, становясь ближе, чем раньше. Так близко, что Даг мог ощутить её тепло и холод. Он резко прогнал понимание из своих глаз, даже когда пальцы её расстегнули застёжку плаща. Темные одежды незаметно скользнули на пол. Он прочистил горло прежде, чем что-то сказать.

- Ты льстишь мне.

- Никогда. Я говорю лишь правду.

Ашемми поиграла его медальоном, проводя пальцами по выгравированному рисунку солнечных лучей. Даг инстинктивно схватил медальон, оберегая скрытый за ним секрет. Он не мог рисковать тем, что она, или кто-то еще узнает про кольцо. На следующий же день он отправит свою дочь в безопасное место. Чтобы отвлечь внезапно заинтересовавшуюся Ашемми от источника своего беспокойства, он снял медальон через голову и бросил в серебряную вазу, стоящую на столе.

Глаза волшебницы триумфально сверкнули. Её руки потянулись вниз, к его поясу, где было привязано его оружие и мешочек с зельями и молитвенными свитками. Этот шаг был логичен для любой иной женщины. Но не для Ашемми. Даг отложил еще один знак силы: она пыталась отделить его от остальных. Таким образом он позволял Ашемми, с её страстью к насмешкам, оставить себя совершенно беззащитным.

Даг поймал её руку. Потянувшись за своим кубком, он сомкнул на нем пальцы женщины.

- К чему эти вопросы, это внезапная страсть к «правде»? Никогда прежде не замечал за тобой подобного.

Внезапно взгляд золотистых глаз эльфийки стал жестким. Она сделала шаг назад и отшвырнула кубок в сторону.

- Давай говорить начистоту. У тебя есть ум, талант, амбиции и поддержка тех, кто правит Жентийской Крепостью. Почему ты настаиваешь на осаде? Что стремишься доказать?

Так вот что это было. Она каким-то образом прознала про его планы, и была озадачена.

- Ты приписываешь моему уму слишком большую изощренность. Мои мотивы просты, - сообщил он ей, - я просто хочу свою крепость. Крепость, которую я возжелал, на данный момент, к сожалению, не находится под контролем жентийцев. Но исправить это не так трудно.

Он замолчал. Его рука скользнула за шелковый занавес её волос, чтобы коснуться затылка, а затем сжать хватку до боли.

- Но твоя забота о моем благополучии действительно трогает.

Она изогнулась, чтобы разжать его пальцы, и губы её скривились в кошачьей улыбке.

- Почему бы мне не беспокоиться? В конце концов ты — отец моего единственного ребенка.

От этого второго напоминания о ребенке сердце Дага забилося быстрее. По его мнению, ребенок был лишь его. Ашемми была счастлива отказаться от младенца восемь лет назад, опасаясь, что её подъем к власти может быть отягощен отродьем-полукровкой, цепляющимся за юбки. Все, что она просила — нет, требовала — от Дага, была абсолютная тайна. Первый раз за восемь лет они заговорили о ребенке, как и о многом другом.

Он провел рукой по спине эльфийки и приложил все усилия, чтобы направить разговор в более безопасное русло.

- Твоя тревога понятна, но награда стоит риска. Крепость станет для Жентарима хорошим приобретением. Она расположена на главном торговом пути.

- И далеко от Темного Оплота. Давай не станем этого забывать. Ты мог бы держать при себе своего драгоценного ребенка, не беспокоясь о необходимости делить её или силу, которой она владеет.

Жрец почувствовал, как от лица его отливает краска. Казалось, это забавляло Ашемми. Она снова подняла голову, изучая его.

- Теперь я понимаю, о чем шепчутся солдаты, - промурлыкала она. - Знаешь, что они говорят о тебе, когда уверены, что их не слышат? Ты так бледен, и так строг.

Твой шаг так легок, а тело такое изящное, что тебя трудно услышать, а твою тень — увидеть. Ты пугаешь их. Говорят, ты всем, кроме клыков,ходишь на вампира!

За очевидным оскорблением в её словах скрывалось еще несколько смыслов. Они напоминали, что Даг Зорет был хилым, физически слабым человеком, окруженным воинами. Но он все равно улыбнулся. Его рука опустилась ниже, и пальцы впились в упругую податливую плоть.

- Если желаешь, можешь проинформировать их, что у меня острые зубы.

Её смех зазвучал снова.

- Гораздо проще заставить их действовать на свой страх и риск, - она быстро протрезвела, уворачиваясь от его болезненных ласк. - Мы говорили о твоём плане нападения на горную крепость. Разумеется, ты знаешь о трудностях осады. Это долгий и затратный процесс. Крепость, которую ты желаешь лежит лишь в нескольких днях марша от городов, недружественных нашему делу, что значительно снизит твои шансы на успех. Ты думаешь, армия Глубоководья позволит жентийской армии проводить долгую осаду, когда, спустя пять дней, им удастся собрать достаточно воинов, чтобы втянуть тебя в открытую войну?

Даг Зорет все это продумал и подготовился. Он поймал прядку её бледно-золотых волос, позволяя той скользнуть между пальцами, а затем провел рукой по телу женщины.

- Успокойся. Я не собираюсь осаждать крепость.

- Нет? Но что тогда? Ты не можешь рассчитывать взять её в открытом бою. И не можешь переместить достаточного размера силы, не привлекая к себе внимания. Тревогу забьют прежде, чем ты покинешь Холмы Серого Покрова. Что ты собираешься делать? - снова требовательно спросила она.

Его взгляд скользнул по формам её тела, не слишком скрываемым одеждой.

- Опасно открывать врагу слишком многое. Или ты не слышала этого?

На лице женщины снова заиграла мрачная улыбка. Она подняла руки, чтобы обвить ими его шею.

- Если хорошо выбирать противника — битва может стать приятным развлечением. Скажи мне. А потом нам больше не нужно будет говорить.

Даг напомнил себе об обещании больше не иметь никаких общих дел с этой гадюкой в эльфийской шкуре.

- Я готовился к этому в течение долгого времени. Меры способные обеспечить успешный, и оригинальный, штурм были приняты.

- Ты можешь постараться лучше. Я хорошо это помню, - выдохнула она ему в ухо.

Жрец отступил назад, пока все еще мог.

- Закончим с этим: захват крепости не истощит военной мощи Темного Оплота. Я не собираюсь разбивать Перегоста или его командиров о городские стены, - сказал он, называя имя главного конкурента Ашемми на должность второго заместителя, и склонил голову в коротком, ироничном поклоне. - Прошу прощения за неудобства, которые могу тебе причинить.

Они молча изучали друг друга. Даг Зорет не собирался рассказывать эльфийке, что получит от штурма больше, чем просто право собственности на крепость. Как показывал факт её присутствия, она и так знала слишком много.

- Ты был откровенен. Теперь настала моя очередь, - сказала она, словно следуя по пути его собственных мыслей. - Ты собираешься взять в свою новую команду ребенка.

Горячая кровь Дага внезапно заледенела.

- Тебе какое дело? Ты охотно отдала её в чужие руки. Я сдержал обещание. Мало кому известно о моей дочери, и никому — имя её матери. Никому не нужно этого знать. Особенно Семеммону.

Улыбка Ашемми была похожа на ухмылку кота, объевшегося сметаны.

- Ах, но быть может я хочу, чтобы он узнал. Почему меня должно волновать, с кем я спала десять лет назад? Это не имеет никакого значения, - если, конечно, ребенок не принадлежит кровной линии Самулара...

Даг страшился подобного откровения с тех самых пор, как Ашемми первый раз заговорила о своем ребенке, но даже несмотря на это испытал шок. Почему женщина желает его дочь, даже не зная о силе, которую могла дать девочка? Он очень надеялся, что если Ашемми получила эту информацию от Малхора, то использовала для этого магический шпионаж или простое воровство. Мысль о том, что эта парочка состоит в сговоре, была холоднее объятий призрака. Но Ашемми, несомненно, не отказалась бы от такой ценной информации. Не тогда, когда она могла забрать силу девочки себе! К сожалению, с таким коварным и скользким существом, как Ашемми, никогда нельзя было быть ни в чем уверенным наверняка.

Он решил блефовать. Приблизившись, он скользнул руками по её спине, обнимая и прижимая женщину к себе.

- Разумеется. Самулар, - пробормотал он, уткнувшись в её волосы. В голосе жреца слышалась лишь тихая насмешка. - Что значит для вас с Семеммоном давно мертвый паладин? Быть может, вы решили сменить род деятельности?

Ашемми фыркнула, по-видимому не считая его слова достойными комментариев.

- В крови Самулара силы больше, чем ты полагаешь.

Его руки застыли. Прямой ответ женщины ошеломил и заинтриговал его. Учитывая все ему уже известное, а также подозрения о том, что Малхор чего-то не договаривал, он не сомневался в возможности того, что Ашемми не врал. Слегка подавшись назад, он встретил её изумленный взгляд.

- Чего ты хочешь от меня? - спросил он прямо.

Золотистые глаза эльфийки потемнели от отвращения.

- Стоит ли нам оговаривать условия? Скреплять договор, словно вульгарным торгашам?

- Уж изволь.

Эльфийка насупилась, а затем пожала плечами.

- Ладно. Я хочу, чтобы ребенок был доставлен сюда. Хочу изучить её потенциал. Тогда мы решим, между нами, что делать с ней и её силой.

Этого Даг стерпеть уже не мог. В течение многих лет он выжидал, не желая рисковать возможной оглаской своего наследия прежде, чем сможет защитить невинное дитя, которое, само того не зная, несло в себе кровь Самулара. И все это Ашемми могла теперь небрежно отбросить. Так же легко, как вышвырнет девочку, если та не сможет принести никакой пользы.

Он отшвырнул волшебницу прочь.

- Плоха та мать, что эксплуатирует своего ребенка, - ответил он холодно. - И плох тот военачальник, который этого не делает.

Ашемми отшатнулась.

- Вспомни себя. А пока вспоминаешь, потерпи меня. Эта ситуация дает нам возможность. Но только если мы умны и действуем отдельно друг от друга.

- Говоря о самостоятельных действиях. Как отреагирует Семеммон, когда узнает, что ты не согласовала этот вопрос с ним? - возразил он.

Эта открытая угроза заставила глаза Ашемми вспыхнуть огнем.

- Если кто-то в Темном Оплоте узнает о ребенке, то разве что только поговорив с твоим духом. В свое время я расскажу Семеммону. Тогда, когда это будет соответствовать моим целям! Это сделаю я! Соглашайся, и тогда вам с твоим жалким отродьем будет дозволено прожить свой жалкий промежуток времени. Ты понял?

Даг Зорет оглядел эльфийку с тем отвращением, что обычно предназначалось для существ, время от времени просачивающихся в крепость.

- Конечно, Ашемми. Я очень хорошо тебя понимаю.

- Хорошо, - промурлыкала она, меняя тон.

Медленно подняв руки, она растворила свое платье в вихре малинового тумана. Дымка поплыла по воздуху, чтобы окутать Дага, пьянящая, словно тлеющие маки. Улыбка эльфийки была жесткой и соблазнительной.

- Пока мы понимаем друг друга, давай же сохраним от нашего господина Семеммона еще один секрет.

В течение долгого времени Даг колебался на грани нерешительности. Он мог отступить, мог отвернуться, мог покинуть комнату, оставляя Ашемми обнаженной и разъяренной. Он мог. Вместо этого он глубоко вдохнул парящий туман. Задерживая запах покуда сила зачарованного воздуха почти не разорвала его легкие, он ступил сквозь малиновое облако, направляясь к эльфийке.

* * * * *

На второй день после получения задания, Алгоринд остановил своего коня на холме с видом на уютную долину. Дым очага поднимался в воздух, вылетая из труб симпатичного каменного домика. У пруда гуляли гуси, а в закрытом загоне щипало траву небольшое стадо ротов. Земля вокруг коттеджа была превращена в огород, и из плодородной почвы уже проклевывались несколько аккуратных рядов саженцев. Паладин уловил дразнящий звук женского голоса и детский смех, ставший ему ответом.

Глядя на эту семейную жизнь, Алгоринд был поражен, что жестокий человек способен был обеспечить своего ребенка таким покоем и комфортом. По всем приметам эти люди были добропорядочными домовладельцами, не знающими о том, какую совершили сделку. Возможно, они понятия не имели о наследии девочки. Но, разумеется, если они люди добрые, то увидят мудрость в том, чтобы отдать ребенка ему и ордену.

В этот момент дверь коттеджа отворилась, и на свет ступила высокая женщина с каштановыми волосами. Одной рукой она придерживала свой фартук, а второй –

бросала зерно цыплятам и гусям. Птицы нетерпеливо примчались в ответ на её звонкий зов.

Глаза Алгоринда распахнулись. На первый взгляд женщина казалась одетой совсем просто – в обычное платье с длинным киртлом. Но цвет киртла его насторожил. Глубокий яркий фиолетовый, очень дорогой и трудный в изготовлении. И разумеется, простая добропорядочная жена не носит одежду подобного оттенка.

Муж её ступил из-под навеса, который служил конюшней, и рука Алгоринда скользнула к мечу. Мужчина вообще не был человеком. Это был эльф. Практичным взглядом Алгоринд оценил походку и манеру держаться, а также настороженность позы и лицо мужчины. Это не фермер, а хорошо обученный воин.

Теперь он осознал истину. Жрец Цирика устроил свою дочь со злобной утонченностью. Кто будет подозревать, что простая фермерская семья укрывает ребенка жентийца? Кто считал, будто эльфы не порядочные жители, которые занимаются своими делами? Это были не просто люди, счастливые тем, что обрели дитя, в котором отказали им боги. Они были наняты темным жрецом. Этот обман вызвал гнев Алгоринда. Он вытащил свой меч и подтолкнул Ледяного Ветра вперед.

Когда с холма раздался стук конских копыт, женщина вскрикнула и бросилась в дом. Забытое зерно осыпалось на землю, разлетаясь среди кричащих, разбегающихся во все стороны цыплят. Широко замахнувшись, Алгоринд налетел на эльфа. Тот ловко отшатнулся, падая на землю и перекатываясь в сторону. В руках эльфа появились длинные клинки, а зеленые кошачьи глаза загорелись жадой убийства.

Алгоринд спешил и шагнул вперед. Он встретил первый удар эльфийского клинка, легко отбрасывая его в сторону. Эльф столь же легко парировал его атаку. В течение нескольких мгновений они стояли так близко друг другу, что пальцы их ног почти соприкасались, и обменивались звенящими ударами, наносимыми с равным мастерством и страстной убежденностью.

На тренировках Алгоринд узнал множество стилей ведения боя на мечах. Этот эльф сражался, как сэмбианин. Двуручный стиль с быстрыми атаками, техника уличного бойца, больше подходящая для короткой решительной стычки и быстрого отступления.

- Ты хорошо сражаешься, - выдохнул Алгоринд между ударами. – Но ты далековато от дома.

Эльф заколебался, испуганный подобным заявлением. Внезапная боль в его чужих глазах заставило сердце Алгоринда сжаться от чего-то, похожего на жалость.

- Это печальный и жестокий мир, - продолжал паладин. – Если хорошие люди, даже эльфы, оказываются втянуты в планы злодеев.

Алгоринд едва избежал злого косого удара.

- Меня послали сюда хорошие люди! – прорычал эльф, первый раз произнеся хоть слово. Он обрушил на паладина серию яростных мощных атак. На протяжении многих секунд от Алгоринда требовалась вся паладинская выучка, чтобы сдержать напор противника.

- Танар'ри Владжик, - сказал эльф. Голос его был хриплым от усталости и горькой ярости. – Помнишь эту историю?

Паладин помнил и подтвердил это коротким кивком. Старший демон, танар'ри был вызван, благодаря амбициям жестокого человека. За несколько лет до рождения Алгоринда рыцари Самулара выступили против существа. Бой был долгим и жестоким, а потом демон бежал в леса к северу от Сембии. Между паладинами и их злейшим врагом оказалась эльфийская община. Эльфы сопротивлялись проходу рыцарей, и заключили соглашение с танар'ри. Множество добрых и благородных членов ордена пало в ожесточенных боях. С тех пор многие рыцари по-прежнему с опаской относятся к эльфам и их непонятным далеким от человеческих путям.

- Я помню, - выдавил эльф сквозь стиснутые зубы. - Всегда буду помнить! Рыцари убили мою семью, просто потому, что мы были эльфами и стояли у них на пути.

Он снова продвинулся вперед, но на этот раз эмоции вывели его из равновесия. Алгоринд ухватил одно из его запястий и отбил руку эльфа в сторону рукоятью своего меча. Противник был слабым, почти хрупким. Оттолкнуть его назад, чтобы продвинуться самому, не составило проблемы. Единственный решительный удар завершил битву и заставил упавшего эльфа замолчать навсегда.

Тяжело дыша, Алгоринд двинулся к коттеджу. Он надеялся, что женщина окажется более сговорчивой.

Дом оказался пуст, а заднее окно – распахнуто. Обойдя здание вокруг, Алгоринд с легкостью обнаружил и последовал за следами женских ног. Они привели его в маленький сад.

Паладин шел за ней сквозь цветущие деревья и загнал её в угол у высокой каменной стены загона для свиней. Она обернулась. Ребенок сидел на её руках, и безмолвно умолял паладина. Лицо девочки было залито слезами.

На мгновение Алгоринд заколебался, размышляя о том, не был ли он дезинформирован. Оба – женщина и ребенок, были стройны, а волосы их имели каштановый оттенок. Но на этом все их сходство заканчивалось. Женщина была человеком, а девочка – полуэльфийкой. Вероятно, она не имела отношения к кровной линии Самулара!

- Не делай ей больно, - сказала девочка удивительно ясным, звонким голосом. В её эльфийских миндалевидных глазах сейчас была скорее ярость, чем страх.

- Я не желаю зла ни тебе, ни твоей матери, дитя, - мягко сказал паладин.

- Приемной матери, - поправил ребенок, демонстрируя уважение к правде, достойное дочери Самулара.

- Женщина, это дитя – ребенок Дага Зорета, жреца Цирика? – резко спросил Алгоринд.

- Она моя! Была моей с самого рождения! Уходите, и оставьте нас в покое, - умоляла женщина.

Она поставила девочку на землю и подтолкнула за свои сиреневые юбки, защищая ребенка собственным телом.

Это поставило Алгоринда в затруднительное положение. Подобное проявление храбрости и бескорыстия едва ли было похоже на поведение злобного наемника. Он отступил на несколько шагов, все еще держа наготове меч. На случай внезапного предательства. Его глаза были устремлены на женщину в фиолетовом, но взгляд их блуждал где-то вдали, а губы бормотали молитву к Тиру. Сила, которой его божество

одаривало всех паладинов, окутала его. Именем Бога Справедливости Алгоринд изучал и оценивал стоящую перед ним.

Лоб уколом тонких лезвий пронзила боль. И пришел образ: фиолетовая вспышка и светящийся череп. Тир говорил, что женщина была связана со злом. – великим злом. Она последовала за безумным богом Цириком.

Но Тир, ко всему прочему, был милосерден, а потому Алгоринд отпрянул от дарованного богом прозрения.

- Откажешься ли ты от Цирика и сделки со злом, которую ты заключила? Отдай мне ребенка и живи.

Глаза женщины вызывающе вспыхнули, и она плюнула под ноги Алгоринду.

Путь был ясен, но все же он колебался. Никогда прежде не приходилось паладину убивать женщину, а тем более безоружную и не готовую. И, разумеется, никогда не делал он этого в присутствии ребенка.

- Беги, детка, - любезно посоветовал он. – Это зрелище ни для твоих глаз.

Но девочка была ничуть не сговорчивее приемной матери, а потому осталась на месте. Все, что он видел – крошечные ручонки, сжимавшие фиолетовые юбки женщины. Алгоринд начал безмолвную молитву, чтобы укрепить решимость и заглушить протесты собственной совести. Он нанес лишь один милосердный удар. Женщина упала на землю. Ребенок стоял над телом приемной матери. Руки девочки все еще сжимали фиолетовые юбки, но глаза наполнились ужасом. Внезапно, она развернулась и рванула прочь, словно кролик.

Вздыхнув, Алгоринд убрал меч. Его испытание паладина смущало все больше.

* * * * *

В ту ночь Бронвин спала скверно. Женщина крутилась и ворочалась в своей постели в комнате над "Любопытным Прошлым". Её сны были наполнены давно забытыми образами, детскими воспоминаниями, разбуженными откровением Малхора. Её отца звали Хронульф. Он был паладином Тира. Он чего-то ждал от неё, чего-то важного. В детстве она еще не понимала, чего именно, а теперь не могла собрать достаточно воспоминаний, чтобы понять.

Бронвин проснулась раньше, чем расцвело, решив отыскать ответы. Из того, что она слышала о последователях Тира ранний час не являлся причиной повременить. Элис – её маленькое коричневое личико пылало материнским гневом – уже проснулась и ждала Бронвин. Она помахивала на женщину своей перьевой щеткой с удовольствием, которое было бы уместно, держи она в руках пылающий меч.

- И куда это, по-твоему, ты собралась в такой час?

Бронвин вздохнула, прислоняясь к зеленой мраморной статуе, которую достала из Чулта.

- Есть дело, Элис. Могу добавить, что именно за дела тебе и плачу.

Дварфийка фыркнула, никоим образом не смутившись от напоминания о своем статусе. Она ткнула коричневым пальцем в Бронвин.

- И не думай, что я не знаю, во-сколько ты явилась прошлой ночью. Ты чем-то озабочена, и я желаю знать – чем. Позволь мне помочь тебе, дитя. Всем, чем смогу, - сказала она мягким голосом.

- Хорошо, - бросила Бронвин. – Я собираюсь в Залы Правосудия. Поговорить с паладинами. Если повезет, я смогу найти что-то о своем отце.

Дварфийка плюхнулась на резной сундук.

- После всех этих лет, - тихо пробормотала она. – Кто тебе рассказал?

- Жентийский жрец. Тот, что попросил янтарное ожерелье, - ответила Бронвин. В голосе её прозвучал гнев, вызванный предательством Малхора. – Он что-то знает, и я хочу знать, что.

- Да, полагаю, это резонно, - рассеянно проговорила Элис. – Ты вернешься к утру?

- Не раньше, чем солнце окажется в зените. Мне нужно остановиться у магазина драгоценных камней Иизиммера на Алмазной Улице. Они починят и почистят золотые вставки на том куске изумруда.

- Хорошо. Я куплю что-нибудь на рынке, к полднику, - сказала дварфийка.

Кивнув в знак благодарности, Бронвин вышла на темную улицу. Небо над головой начинало светлеть, становясь серебряным, и многие уличные фонари уже потухли, потому что запасы масла в них подходили к концу. Несмотря на ранний час, город не спал. Улица Шелков считалась престижным местом, где богачи могли остановиться, чтобы сделать покупки, пообедать или поискать развлечений, но многие трудолюбивые торговцы жили прямо над своими магазинами. Из труб валил дым, это слуги и жены уже начали готовить завтрак. Мимо Бронвин прогрохотала телега, запряженная парой тупых быков. На козлах сидел возница с заспанными глазами. Повозку наполняли колеса сыра и бочки свежего молока. Сонный кот, лежащий на одной из бочек, открыл глаз, чтобы рассмотреть Бронвин.

Быстро забрав своего коня из располагавшейся по соседству общественной конюшни, женщина направилась к храму Тира. Залы Правосудия были комплексом из трех огромных зданий – мрачных квадратных построек из серого камня, выстроившихся треугольником вокруг поросшего травой поля. Однако вид вовсе не был гнетущим. С балкона главного дома свисали яркие знамена, вне всякого сомнения – штандарты паладинских орденов. Хотя небо все еще было пронизано рассветными красками, дюжина, если не больше, мужчин, и три женщины уже были заняты тренировками с оружием.

Бронвин объяснила свое дело молодому рыцарю, стоящему у дверей. Его учтивая манера общения стала теплее и доброжелательнее при упоминании Хронульфа.

- Вам повезло, леди, - сказал он оживленно. – Сегодня здесь находится сэра Гарет Кормейр. В молодости он был Хронульфу лучшим другом и братом по оружию. Вы непременно найдете его в кабинете казначея. Там он занимается делами ордена. Я провожу вас?

- Прошу.

Бронвин внимательно слушала, как юноша превозносит сэра Гарета, Хронульфа и великие подвиги, совершенные могучими воинами. Он рассказал историю о нападении Жентарима, и об ужасной ране, которую Гарет получил, защищая жизнь своего друга.

- Сэр Гарет продолжает служить Ордену Рыцарей Самулара, как казначей, отвечающий за средства паладинов. Хронульф же, разумеется, все еще находится на настоящей службе.

От этой новости сердце Бронвин подпрыгнуло в груди. Значит, её отец все еще жив? По какой-то причине такая возможность никогда не приходила ей в голову. Она лишь надеялась услышать рассказ о нем. Ей и во снах не снилось, что она сможет увидеть этого человека своими глазами.

Болтливый молодой рыцарь не прекращал говорить, но Бронвин не слышала ни слова, покуда не оказалась у дверей кабинета сэра Гарета. Рыцарь представил женщину и оставил её там.

Сэр Гарет был красивым мужчиной, где-то на пике средних лет. Он был крепок, несмотря на рану, сделавшую почти бесполезной его правую руку. Он встретил её весьма любезно, и отправил слугу за чаем.

- Вы хотели бы услышать о Хронульфе Карадуне, - сказал он. - Могу я узнать, какова причина вашего интереса?

Бронвин не видела причин юлить, но инстинкты и старые привычки заставляли её всегда говорить меньше, чем она знала.

- Я много лет ищу свою семью. Возможно, у Хронульфа есть информация, которая помогла бы мне в моих поисках.

Сэр Гарет откинулся на спинку стула и задумчиво посмотрел на девушку.

- Интересно. Хронульф тоже страдает от потери семьи. Уверен, он очень проникнется вашим положением и сделает все, что в его силах, дабы помочь вам. Конечно, - сказал он со слабой гордой улыбкой, - он сделает это вне зависимости от личных чувств.

Теплота, коснувшаяся голубых глаз рыцаря тронула Бронвин.

- Мне сказали, что он ваш друг.

- Лучший из тех, что у меня был. И лучший человек, которого заслуживает этот мир, - ответил сэр Гарет. - Но вам стоит познакомиться с ним и судить самой.

Потянувшись за чернилами и пергаментом, рыцарь написал несколько слов. Он посыпал написанное порошком, а затем стряхнул излишек. Затем, он свернул письмо и протянул его предупредительному писцу.

- Печать, - рассеянно пояснил он, после чего повернулся к Бронвин. - Отнесите это письмо Хронульфу, как мою рекомендацию. Он капитан крепости, известной как Терновый Оплот. Знаете такую?

- Слышала о ней. По Верхней Дороге, пожалуй, пара дней езды от Глубоководья?

- Так и есть. Ох, спасибо, - сказал он, забирая у помощника запечатанный свиток, который затем протянул Бронвин. - Вам нужен сопровождающий? Сам я не могу, но я бы с удовольствием послал с вами доверенных людей. Чтобы защищать вас и указывать вам путь.

Бронвин улыбнулась, отбрасывая пробуждающееся негодование, вызванное его отцовским тоном. Это было милое предложение, и его стоит столь же мило отклонить.

- Вы очень добры, сэр Гарет, но со мной все будет хорошо.

- Тогда пусть Тир сделает вашу дорогу быстрее. Как скоро вы уезжаете?

- Сегодня, - ответила она. Мужчина поднялся.

- Тогда, не стану вас задерживать. Не будете ли вы так добры передать привет моему старому другу?

Бронвин согласилась и приняла предложенную руку, а затем быстро покинула Залы Правосудия. Она прошла мимо магазина Иизиммера, даже не остановившись, чтобы узнать о проделанном ремонте. В конце концов, семья её клиента потеряла изумрудную брошь больше века назад. Несколько дней ничего не изменят.

К тому времени, когда Бронвин вернулась в свой маленький магазин, Улица Шелков уже кипела обычной полуденной жизнью. Но, к её удивлению, дверь "Любопытного Прошлого" была закрыта, а вывеска гласила, что магазин откроется после полудня.

Нахмурившись, Бронвин пошарила в кармане в поисках запасного ключа. Это было не похоже на Элис. Дварфийка была самой заядлой лавочницей во всем Глубоководье, что о многом говорило. Что могло заставить её закрыть магазин в самый разгар утренних часов?

Воспоминания окутали сознание Бронвин, вызывая вопросы, искать ответы на которые не было времени, и подозрения, заставлявшие сердце тревожно зависнуть в пустоте, тяжелое, словно свинец. Арфисты знали, где искать её в ночь встречи с Малхором. Либо они шли за ней по пятам в течение всего дня, что было весьма маловероятно. Либо же их предупредили о её предполагаемом месте встречи. Малхор и его приспешники узнали о месте незадолго до назначенного часа. Только одно существо на свете было в курсе её планов. Элис.

Бронвин сунула ключ в карман и направилась на юг, к высокой, гладкой черной башне. Именно там находилось сердце бизнеса Арфистов. Пробираясь по переполненной улице, Бронвин напоминала себе, что привыкла к предательству, что сталкивалась с ним каждый раз, и что, тем не менее, придумывала ловкие ходы, чтобы пережить его. Ничего нового, и вряд ли что-то личное.

Почему же слезы, навернувшиеся на глаза, так больно жгли?

* * * * *

Эбенайзер мрачно разглядывал свою клетку. Деревянные планки были твердыми и достаточно толстыми, чтобы сдержать целый выводок бобров до самого захода солнца. У него было мало шансов выбраться на волю без ножа или топора.

Но ему нужно было сделать именно это. Люди и полуорки в туннелях ловили дварфов и сажали их в клетки. Это была проблема. Жрецы были еще хуже, и кто знал, сколько подобных типов бродит поблизости? Он должен был освободиться и предупредить клан.

Поднявшись на колени, дварф снова огляделся. Некоторое время назад мужчины вернулись, чтобы забрать клан осквипов. Жентийцы. Они были намерены грабить. Пещера была полна больших ящиков, запертых и обмотанных цепями. Вокруг не было ничего полезного, способного сгодиться в качестве инструмента или оружия, даже найди он способ куда-нибудь добраться. Здесь не было ничего, кроме каменного выступа, лежащего в нескольких шагах, да длинного спуска к реке.

Внезапно, его осенило вдохновение. Эбенайзер перебрался на дальнюю сторону клетки, присел на корточки и оттолкнулся, посылая свое тело к противоположной

стене. Клетка наклонилась, а затем повалилась на бок. Покачав головой, чтобы прочистить мысли, дварф повторил свой маневр. Таким образом он передвинул клетку к уступу - один болезненный удар за другим, - и помолился каждому известному ему дварфскому богу, который когда-либо владел молотом, чтобы ему удалось закончить свою работу прежде, чем вернуться жентийцы-похитители дварфов.

Эбенайзер застыл на краю уступа. Еще один удар, и он упадет на каменную дорожку. Клетка не выдержит удара, и дварф окажется на свободе.

- Будет больно, - признался он, а затем наклонил клетку в последний раз.

* * * * *

К ужасу Алгоринда, ребенок не спешил милостиво соглашаться на то, чтобы его спасли. Девчонка выкручивалась до самой деревни Рассалантер, где он с радостью передал её няне, нанятой сэром Гаретом. Выпив чашку крепкого чая, ребенок провалился в сон и так и спал в закрытой карете, покуда они не добрались до Глубоководья.

С великим облегчением паладин вошел в храм Тира, где, как ему было велено, передал весть сэру Гарету. Спустя мгновение, старый рыцарь уже ждал его у ворот — верхом и готовый к путешествию. К удивлению Алгоринда, сэр Гарет повел его не в комплекс, а двинулся по улице, ведущей к морю.

- Этот вопрос потребовал великой секретности, - напомнил ему Гарет. - Если ребенок должен найти безопасное место и получить соответствующее воспитание, мало кому дозволено узнать о её прибытии в Глубоководье.

- Но ведь в Залах Правосудия она, вне всяких сомнений, будет в безопасности, - решил заметить Алгоринд.

Рыцарь мягко посмотрел на него.

- Залы Правосудия посещает множество просителей, что приезжают сюда за помощью или информацией. Мы не можем рисковать обнаружить присутствие девочки. Кое-кто может прийти с вопросами. Зачем ставить братьев в положение, когда им придется либо предать нас, либо солгать? Они смогут честно отрицать то, чего не знают.

- Уверен, это мудрое решение, - согласился Алгоринд. Но где-то в душе он все еще чувствовал себя немного обеспокоенным.

- Это необходимо, - твердо сказал сэр Гарет. - Теперь можешь оставить ребенка у меня. Твой долг выполнен.

Алгоринд заколебался.

- И что прикажете мне делать теперь? Вернуться в Саммит Холл и передать им, что ребенок у вас?

- Нет, в начале тебе лучше поехать в Терновый Оплот. С посланием к Хронульффу. Он должен узнать о внучке.

Рыцарь протянул руку, кладя её на плечо молодого человека. Лицо его было серьезным.

- У меня есть для тебя новое дело. Оставайся с Хронульфом как можно дольше. Боюсь, наступают опасные времена. Если я буду знать, что спину моего старого друга защищает молодой рыцарь твоих способностей, мне будет спокойнее.

- Я с удовольствием исполню вашу просьбу, но я не рыцарь, - усмехнулся Алгоринд.

Сэр Гарет улыбнулся, но глаза его были глазами человека, видевшего далекую славу.

- Сделай, как я говорю, и клянусь, ты умрешь, как паладин, сражаясь вместе с другими рыцарями.

* * * * *

Войдя в кабинет Хелбена, Данила отшатнулся. Там, куда пришелся его удар, челюсть архимага опухла. Гнев юноши пропал, сменившись виной и недоумением. Хелбен с легкостью мог себя исцелить, так почему же он не сделал этого?

- Похоже, наш последний спор произвел на тебя большее впечатление, чем я полагал, - отважился он.

Резкий косой взгляд, брошенный архимагом, подал намек на юмор, который, как полагали многие люди, был ему совершенно чужд.

- Извинения приняты, - грубо ответил Хелбен. – А теперь – к делу.

Он кивнул в сторону второго персонажа, находившегося в комнате – дварфской женщины, которая сидела, вцепившись в подлокотники слишком высокого стула. Ноги её болтались, словно у ребенка.

- Элис, - тепло сказал Данила. – Рад снова тебя видеть.

- Придержи любезности, - вмешался Хелбен. – И хорошенько слушай. Возникшая ситуация требует от меня разгласить информацию, которая прежде держалась в секрете.

Он подошел к письменному столу, рассеянно поднял перо и сжал его в руке.

- Элис говорит, что Малхор передал Бронвин информацию о её прошлом. Сейчас она разговаривает с последователями Тира. Это делает ситуацию очень серьезной и ставит девушку перед лицом большой опасности.

Архимаг кинул сломанное перо в мусорную корзину, откуда незамедлительно показалась маленькая когтистая лапа, схватившая предмет налету. Раздавшиеся после чавкающие звуки рассказывали о печальном будущем, ожидавшем все письменные указы, которые в противном случае могли бы пролить свет на дела архимага.

- Вне всякого сомнения обитатели Жентарима знают о личности Бронвин. Скоро узнают и паладины Тира. Они могут рассказать ей о силе, которую несет её наследие. Паладины, как и жентийцы, захотят использовать девушку.

Данила медленно кивнул. Он не умерил своего гнева в отношении махинаций Хелбена, как и своего собственного чувства смущения из-за роли в сокрытии личности Бронвин. Но теперь, по крайней мере, начал видеть во всем этом смысл. Это не слишком понравилось ему, но понимание помогло. Немного.

- И что это за сила? – спросил он.

Архимаг поморщился.

- Я не знаю всего, - признался он. – Но вот что я могу сказать: у рыцарей Самулара есть три кольца. Три артефакта необыкновенной силы. Носить их может лишь потомок крови Самулара.

- Например, Бронвин, - вставил Данила.

- Да. На что способны эти кольца и где они теперь, я не знаю. Одно из них носит Хронульф, второе было потеряно во время налета на деревню. Третье затерялось в веках, - архимаг повернулся к Элис. – И вот здесь вступаешь ты. Узнай, чем занята Бронвин и отчитайся.

- Я должна рассказать ей о кольцах, не так ли? – с тревогой спросила Элис. – Нелегко будет признаться в том, что я шпионила за нею четыре года, но время пришло.

- Пока нет, - предупредил Хелбен. – Ты должна действовать, как всегда. Наблюдай, слушай, сообщай.

- Но...

Хелбен прервал дварфу одним резким взглядом.

- Узнай, что ей известно, - повторил он. – Это все.

Разговор был однозначно окончен. Элис соскользнула со слишком высокого стула и коротко кивнула головой.

Данила проследил за ней, полностью понимая её чувства. Маленькая дварфийка считала девушку другом, и все же хранила от неё секреты. Из-за своего долга перед Арфистами. Понятное дело, что подобное плохо подходило горделивой бывшей воительнице. Как и Даниле, если честно. Он задался вопросом, как долго они с Элис смогут ставить долг выше дружбы.

Глава 5

Бронвин остановилась шагах в ста от башни Черного Посоха. Это было одно из самых необычных сооружений в очень необычном городе. Высокий, с плоской вершиной, конус сплошного черного камня, окруженный темным занавесом, сотворенным из какой-то субстанции. В стенах здания не было никаких видимых дверей. Женщина обошла вокруг, не совсем уверенная, что же ищет. У подножия стены она нашла высокую плетеную корзину. Такую мог бы использовать для выставления товара на прилавках купец. В задней комнате "Любопытного Прошлого" было несколько подобных. Пройдя между двумя соседними зданиями, Бронвин остановилась и стала ждать.

Спустя непродолжительное время, корзина задвигалась, отодвигаемая рукой маленькой седовласой дварфы. Узнав Элис, Бронвин глубоко вздохнула.

Даже несмотря на боль, Бронвин была восхищена ловкостью дварфы. Появление из невидимой стены несомненно привлекло бы внимания каждого, находящегося поблизости. Но кто мог заметить купчиху-дварфу, которая, казалось, просто

наклонилась, чтобы лучше подхватить груз и продолжить путь? Очевидно, Элис желала проскользнуть за стену вслед за своей ношей, а затем отправиться по собственным делам. Это было очень ловко придумано.

Бронвин направилась следом за Элис, держась от предательницы на расстоянии тридцати шагов. По крайней мере, теперь ей было известно, как именно Арфисты следили за её делами. Но вот то, что Элис отчитывалась лично Хелбену Арансану, магистру Арфистов, было настоящей проблемой. Бронвин не могла понять, за что заслужила подобного внимания. Ведь архимаг, вне всяких сомнений, был обеспокоен её с Малхором делами. Члены Жентарима редко посещали Глубоководье, и деятельность их тщательно контролировалась. И, как говорила она сама, опытный маг мог бы получить от обработанного Малхором янтарного ожерелья много информации. Хелбен будет не рад его потере.

Накатившая снова волна гнева остановила Бронвин. Вероятно, архимаг приказал Элис принести ему украшение. И это после того, как Бронвин пообещала Малхору, что сохранит его в безопасности от тех, кто способен читать магические следы. Казалось, Арфисты снова заставляют её нарушить слово. Этого она допустить не могла.

Добравшись до "Любопытного Прошлого", Бронвин кинулась на дверь с такой силой и яростью, что с потолка посыпался ливень штукатурки, оседающий на высоких стенах и редких вещах, выставленных на полках. Два испуганных хафлинга-клиента и столь же изумленная хозяйка магазина – дварфийка – уставились на неё в ответ.

- Где янтарное ожерелье? – потребовала Бронвин.

На коричневом лице дварфы отразилось замешательство.

- В сейфе, дитя. Где ты его и оставила. Прошу, смотрите – я скоро приду, - сказала она своим клиентам.

Дварфийка бросила взгляд на личную версию лавочного кота – прилизанного злобного ворона по кличке, внезапно, Лавочный Кот. Ворон спрыгнул со своего насеста, располагаясь так, что пальцы хафлинга оказались в досягаемости его ужасного желтого клюва.

Элис и Бронвин поспешили в пыльный беспорядок корзин, ящиков и бочек, которыми была забита магазинная кладовая. За спиной раздался резкий крик, а затем пронзительный визг хафлинга.

- Советую подумать, - посоветовал ворон, произнося одну из фраз, используемых им для пущего эффекта.

Дварфийка вздохнула и закрыла дверь.

- Мне нужно успеть прежде, чем Филфуфия уйдет. Бронвин, есть кое-что, что тебе следует знать. Садись, детка.

Бронвин опустилась на подозрительно знакомую корзину. Она сглотнула ком, вставший в горле.

- У меня тоже есть для тебя пара вопросов.

- Им придется подождать. Прошу, послушай внимательно. Это трудно сказать, и мне не хотелось бы повторяться.

- Продолжай, - осторожно сказала Бронвин.

Она так крепко сжимала края корзины, что прутья впивались в её ладони. Это было последнее, чего она ожидала от Элис. Дварфийка была спокойной и уверенной. Никогда не показывая им, о чем думаешь, учила она Бронвин. Правило, регулировавшее все деловые отношения и, казалось бы, их отношения друг с другом. Но в данный момент Элис отбросила всякие условности. Глаза дварфы блестели от слез, лицо перекошилось от боли, а тело дрожало от волнения, слишком сильного, чтобы его скрыть. В общем, Элис была точным отражением состояния самой Бронвин.

- Детка, ты не единственный Арфист в магазине. Мне поручили следить и защищать тебя, не объясняя причин. До не давнего времени, я их не знала. Кроме каких-то общих сведений о том, что именно должна искать. Но горшок нагревается...

В нескольких словах дварфийка рассказала ей, что Хелбен говорил о Жентариме, паладинах и семейных реликвиях.

Бронвин слушала, и боль вызванная предательством, захватывала её, но вместе с тем росла и её решимость.

- Я должна поехать в Терновый Оплот, - сказала она. - Я должна увидеть своего отца.

- Разумеется, детка, - проникательно посмотрела на неё дварфийка. - Но именно этого они и ждут. Могут возникнуть сложности. Если, конечно, мы их не отвлечем.

План становился ясен, и Бронвин кивнула. Но один вопрос все еще оставался. Она встретила и выдержала взгляд Элис.

- Мы? - подчеркнуто спросила женщина.

- Мы, - твердо сказала дварфийка. - Ты сделаешь, что должна, а я помогу тебе всем, чем смогу.

Элис замялась, а затем протянула руку, в знак извинения и мира.

Пожатие рук, Арфист Арфисту. Бронвин знала этот жест и считала его неправильным, если учесть то, что предлагала Элис, и какой именно секрет они разделяли. Женщина отбросила маленькую руку дварфы в сторону. Прежде, чем шок в глазах Элис успел смениться болью, она сжала маленькую дварфу в объятиях. Две женщины кратко и с силой прижались друг к другу.

Спустя мгновение, Элис отстранилась и откашлялась.

- Ладно, пойду лучше гляну, что вызвало недовольство Лавочного Кота, - сказала она поспешно, протерев глаза ладонью.

- Отличная идея, - ответила Бронвин, хотя не слышала хриплого голоса ворона с тех пор, как они покинули лавку. Веселая улыбка слегка изогнула губы девушки, когда она следила, как дварфийка бежит в магазин. Затем, вытерев глаза, она поднялась в свою комнату по задней лестнице. Собравшись с мыслями, Бронвин приготовилась к поездке.

* * * * *

Небольшая, вымытая морем, пещера, расположенная к югу от туннелей Каменной Шахты, примерно в полудне быстрой ходьбы, была всего шесть шагов по периметру. Эбенайзер снова и снова мерил шагами её пол, оценивая свое затруднительное положение.

Пещера была совсем крошечной. Превосходно крошечной, заваленной высушенными водорослями, клешнями крабов и сломанными раковинами. Похожие на мидий существа всех возможных видов облепили каменные стены и потолок. Пол под ногами дварфа состоял из камня и океанского песка. Не слишком домашняя обстановка по стандартам дварфов, но теперь это место служило ему укрытием и тюрьмой одновременно. Большой камень, которым дварф прикрыл зев пещеры, сохранял его убежище в безопасности – пока. Эбенайзер не был уверен, что станет делать, когда начнется прилив. Скорее всего – утонет. Он слышал море и даже чувствовал его соленый запах, пробивавшийся сквозь гораздо более близкий и неприятный аромат, что доносился снаружи.

- С разделочной доски, да в котел, - пробормотал Эбенайзер. Фразочка была избитой, но сейчас она как нельзя лучше подходила ситуации. Потому он решил, что, пожалуй, может использовать её. Разок.

Эбенайзер снова оглядел путь, который привел его в это затруднительное положение. Он пережил падение с уступа на плоский камень и выбрался из расколовшегося ящика – а потом потерял равновесие и плюхнулся в реку. Эбенайзер никогда не учился плавать, и теперь понял – почему. Холодная вода оказалась треклятски неприятной. Казалось, его бросало и швыряло часами. Во всяком случае это продолжалось дольше, чем он рассчитывал. Единственное, что спасло его от утопления – постоянная ругань – и огромный валун, в который он врезался. К счастью, камень оказался не единственным, и, как только ему удалось проморгаться, дварф смог перебраться на берег. Проблема была лишь в том, что он оказался позади путей Каменной Шахты, и единственным способом вернуться туда – было отправиться вверх по реке. То есть назад. Спасибо, нет. Потому он поднялся на поверхность самым коротким из найденных туннелей и двинулся на юг, вдоль береговой линии моря – шумного, противного моря. Он хотел дойти до точки, где сможет взобраться по почти пологому склону и вернуться на Торговый Путь. Мысль заключалась в том, что дорога была самым быстрым способом вернуться назад, ко входу в туннель. К сожалению, прогулочка предстояла долгая – но прежде, чем он это понял, прошло минимум полдня. Дварф подозревал, что опоздает.

Вот как выглядела «разделочная доска». «Котел» был не лучше. Эбенайзер вздохнул и приблизился к устью крошечной пещеры.

Скелетная рука метнулась в его сторону. Дварф отпрыгнул назад, и коготь проскочил мимо, так близко, что запах гниющей плоти едва не заставил его упасть на землю.

- Близко, - признался он, отступая. – Хорошо, что я сбрил усы. А то был бы пойман.

Дварф поправил камень, который заслонял большую часть пещеры, и успокоился. Он мог бы сражаться. Орки, гоблины, да даже эльф, если до того дойдет. Но он понятия не имел, что за твари окопались за пределами пещеры. В смысле, кем они были. Ибо осталось от существ совсем немного. И даже знай он, какой стиль боя использовать – у него не было оружия, чтобы вступить в бой. Мда. Вот тебе и котел, все замечательно.

Эбенайзер осмелился снова бросить взгляд через камень. На скалистом берегу его дожидались три уродливых голодных твари, чья плоть, раздутая и гниющая,

делала их неузнаваемыми. Дварф знал, что Море Мертвецов кишело немертвыми, но место это было далеко от того болота, в котором, как он слышал, они водились.

- Потерялись, да? – крикнул он им. – Тогда топайте на север. Следуйте за морем. Когда под ногами станет мягко – вы почти пришли!

Его слова были не простой бравадой. Почувствовав запах, Эбенайзер признал зомби. Кто-то поднял несчастных существ, превратив мертвых людей или кого там еще, в этих гниющих безвольных уродов. Надежды было мало, но Эбенайзер подумал, что зомби могли бы послушать его, не имея под рукой другого хозяина, способного сказать им, что делать.

Что и произошло. Его слова возымели эффект – правда не тот, которого он ожидал.

- Эй, ты, в пещере! – крикнул ясный молодой баритон. – С тобой все хорошо, друг?

Крик шел со стороны дороги. Эбенайзер поднялся на ноги.

- Не жалуюсь, - крикнул он. – Вот только меня держат три очень мертвых человека, которые забыли прилечь и отойти на покой.

Наступила тишина, прерываемая только звуком приближающихся копыт.

- Вижу их.

В голосе человека слышалось только отвращение, не страх, и это беспокоило Эбенайзера.

- Надеюсь, ты с компанией.

- Я один, - спокойно ответил голос. – Но со мною милость Тира.

Одинокий человек, убежденный в милости какого-то там человеческого божка. Дварф застонал и привалился к стене пещеры. Он соскользнул вниз и сел, изо всех сил стараясь не слышать звуков того, что непременно должно было произойти. Зомби не были культурными воинами и предпочитали раздирать добычу. К удивлению дварфа, голос юноши возвысился в песне, судя по её звучанию являвшейся гимном. В таверне подобное не примут с распростертыми объятиями. Слишком медленно и торжественно, а не по-настоящему запоминающееся. Но Эбенайзер ощутил силу и был окутан ею. Он поднялся на ноги и посмотрел на валун.

Молодой человек, кудрявый, словно агнец и почти такой же красивый, шел к высокому белому коню. Три зомби бросились к нему, но это несколько не пошатнуло самообладание юноши. Он просто поднял руку, другой указывая на немертвых. Его песня взлетела, достигая вершины силы.

- Во имя Тира приказываю вам уступить судьбе!

Мгновенно, существа обмякли и упали на землю. Разорванная гнилая плоть, кости, ставшие ломкими от долгого контакта с неестественно долгим распадом, наконец приняли положенный порядок вещей и обратились в прах. Отодвинув камень, Эбенайзер выбрался из пещеры.

- Отличный трюк, - признал он.

Молодой человек кивнул.

- Добра тебе, друг-дварф. Хорошо, что я услышал твой крик. Теперь, прошу меня извинить.

- погоди, - сказал Эбенайзер, ловя поводья коня. – Я должен рассказать кое-что своему клану. Мог бы ты подвезти меня туда, куда мне нужно?

- Ледяной Ветер не сможет донести нас обоих, - сказал юноша, кивая на белую лошадь. – И долг зовет меня в другое место.

- Но это очень важно!

- Тогда пусть Тир ускорит твой шаг и придаст стремительности твоему путешествию.

- Возможно, он уже это сделал, - пробормотал Эбенайзер.

Протянув руку и схватив мужчину за бело-синие одежды, он сдернул его с лошади. Вместе, они повалились на землю, и молодой человек потянулся за мечом. Схватив первое попавшееся под руку оружие – камень, вдвое превышающий размеры его кулака – Эбенайзер стукнул человека между глаз. Тот застонал и обмяк. Дварф вскочил на ноги.

- Прошу прощения, - пробормотал он, с облегчением замечая, что человек все еще дышит.

Позаимствовать лошадь в том ужасном положении было одним делом. А вот убить человека, который помог ему – совсем другим. Но, как сказал юноша, Тир помог. Для Эбенайзера было совершенной неблагодарностью проигнорировать такой обдуманый и своевременный дар. Дварф схватил коня за поводья, он подвел животное к валуну. Взобравшись на камень, Эбенайзер едва успел всунуть ногу в стремя. Подтянувшись, дварф сел в седло. В отличие от большинства дварфов он любил лошадей и ездил верхом, когда выпадала такая возможность. Это была лучшая из виденных им лошадей. Будет нелегко вернуть животное, но Эбенайзер твердо решил найти способ сделать это.

- Пошел я тогда, - сказал он юноше, который уже начал отходить от удара. – Если у тебя будут проблемы, вали все на Тира.

Тряхнув поводьями белой лошади, Эбенайзер направился на север – домой, в свой клан.

* * * * *

Данила был частым гостем "Любопытного Прошлого". Прежде он не часто думал о роли, сыгранной в развитии бизнеса Бронвин. Ему нравились редкие и красивые вещицы, как и многим из его богатых сверстников. Послать им контакты Бронвин было не большим делом. Одолжение, которое он сделал бы для любого друга. Разница же была в том, что делал он это по просьбе Хелбена и с целью удержать Бронвин в Глубоководье, под взглядом архимага.

Стоя перед высоким зданием, в котором располагалась лавка, Данила задавался вопросом – что Бронвин подумает о подобном вмешательстве, или о том, что её магазин, как и многие другие на этой улице, фактически принадлежали Арфистам. Возможно, ему стоит прямо сказать ей об этом, подумал Данила, толкая большую дубовую дверь. Возможно, стоит рассказать ей все, что он узнал о наследии её семьи. Но Хелбен настаивал, что в этом кроется опасность. По мнению Данилы, архимаг был чрезмерно осторожен и часто откровенно скупым во всем, что касается информации, но как мог юноша быть уверен, что Хелбен ошибался?

- Советую подумать, - произнес хриплый, нечеловеческий голос прямо ему на ухо.

Данила подпрыгнул, а затем развернулся, оказываясь лицом к лицу с большим вороном. Улыбка скривила губы юноши. Странно, что обычное бормотание птицы так идеально подошло к амбивалентному состоянию его мыслей.

- Уверяю, дорогой Лавочный Кот, я так и сделаю. Твоя хозяйка здесь?

Ворон лишь поднял голову и посмотрел на блестящее в ухе Данилы золотое кольцо. Хлопнув рукой по уху, Данила сделал несколько разумных шагов назад. Ворон был проклятием магазинных воров, но иногда демонстрировал, что не может различить вещи, принадлежащие магазину и предметы, которые покупатели имели полное право забирать с собой.

- Он тебя не понимает и ничего не скажет, - сказала Элис Тинкер, выходя из-за стойки.

- Я пришел к Бронвин, - сказал он прямо. - Где она?

- Ты её упустил, - ответила дварфийка, широко распахивая глаза. - Вот и все. Сегодня утром она уехала в Даггерфорд. Через Южные Врата, - добавила беспомощно она.

- Правда?

- У неё заказ. Один паладин отправил её искать старый меч. Паладинский меч. Не то чтобы волшебный, но благословенный, хотя не могу сказать тебе, какая в этом разница. Кажется, он был потерян около двухсот лет назад в значительной битве с людьми-ящерами. Бронвин узнала о мече, который мог бы соответствовать описанию. Ты знаешь, что болото отступает, и в Даггерфорде нашелся мальчонка, который отыскал старый меч, когда вылавливал мидий. Она ушла, чтобы собственными глазами увидеть тот ли это меч.

- Маловато информации, - легко заметил Данила.

Элис снова пожала плечами.

- Все что есть. Еще что-нибудь?

- Когда ты ожидаешь её возвращения? Даггерфорд это... где? Около двух дней езды? Кажется, ей понадобится пара дней, чтобы заняться делами, а затем примерно столько же, чтобы вернуться.

- Да, звучит верно, - согласилась дварфийка.

Как и следовало ожидать, заметил Данила. Даггерфорд и Терновый Оплот находились на равном расстоянии от Глубоководья, хотя направления были совершенно противоположные. Он подозревал, что Бронвин прошла через Южные Ворота лишь чтобы присоединиться к каравану на север, вернуться в город и с новым караваном пройти через Северные Ворота. Она и раньше использовала подобные уловки. И он должен был восхищаться тем, что Элис рассказала о заказе паладина. Это было просто замечательно. Ясное дело, Арфисты не желали информировать паладинов о своем интересе к Бронвин, а потому они едва ли могли постучаться в Залы Правосудия, чтобы уточнить, какое задание было дано девушке. Разумным выходом было бы отправиться в Даггерфорд, чтобы обеспечить её безопасность. Ну, вероятно так поступят Арфисты. У Данилы же были другие планы. Он наклонился и поцеловал коричневую щеку дварфы.

- Спасибо, Элис.

- За что? – она фыркнула, одной рукой вытирая щеку. – Я, как обычно, отчиталась перед тобой. И ты, как обычно, передашь отчет куда следует. Дела. Как обычно.

- Я передам твой отчет, - сказал он, делая умышленный акцент на этих словах.

В глазах дварфы возникло понимание, и едва заметная благодарная улыбка изогнула её губы. Она прочистила горло и отвернулась. Открыв стеклянный стол, дварфийка схватила пару сережек в форме слезы. Серебро, оправляло лунные камни и сапфиры. Они были прекрасны и отлично подходили полуэльфийской подруге Данилы.

- Они эльфийские, и, если я правильно помню, эльфийский фестиваль в Спринграйте не за горами.

Данила подсчитал цену и положил золотые монеты в руку дварфы.

- Арилин понравится. Она быть может даже их наденет. Ты прекрасный продавец, Элис, - сказал он, добавляя к своему замечанию еще один поцелуй, - а еще – прекрасный друг.

Данила повернулся и ушел, отбрасывая с дороги подозрительного ворона. Он с удовольствием отметил, что на этот раз дварфийка оставила след его поцелуя красоваться там, где он его оставил. Идя по улице, он вознес молчаливую молитву к Селуне, богине лунного света и всех ищущих. Он молился, чтобы Бронвин безопасно добралась до Тернового Оплота и нашла там то, что так давно искала.

* * * * *

Даг Зорет слышал истории о величине и сложности подземного мира, но все они бледнели в сравнении с реальностью. Туннели и пещеры под Горами Меча тянулись вечно, уходя глубже, чем, как казалось жрецу, мог уйти человек. Даг Зорет никогда не был так глубоко под землей. Обстановка была столь угнетающей, что ни одна подземная замковая темница, какой бы страшной и сырой она не была, не смогла бы давить на узника больше. Возможно, так действовало осознание многих тонн камня и земли над головой или же постоянная опасность, исходящая от бегущей сквозь сердце горы реки.

Речная тропа была скользкой и коварной. Ни один путник упал отсюда на крутой берег, чтобы дать потоку смыть себя и унести к смерти. Их заставили убить одного из вьючных мулов. Животное упало и сломало ногу среди острых камней. Шум ревущей воды почти оглушал, а единственный свет давал мох, который прорастал в неровных узорах на стенах туннеля.

Но Даг выбрал путь именно за его опасность. Рев реки заглушал шаги приближавшейся армии, а светящийся мох делал факелы совершенно ненужной вещью. Сложно заставить врасплох дварфов. Уничтожение их застав – одного кузнеца-затворника, да парочки зашедших далеко шахтеров – смогло помочь. Один из шахтеров принес интересные новости. Разумеется, он поделился ими без охоты. Он умер, не сказав ни слова, несмотря на самые изысканные попытки солдат жентийцев вырвать у него информацию. Дух дварфа был более сговорчив. Грязный даже после смерти, дварф постепенно поведал, что большая часть клана Каменной Шахты

собралась, чтобы отпраздновать свадьбу младшей дочери патриарха. Настанут дни веселья и торжеств. Свадебный эль, особенно мощный напиток, будет литься рекой.

Никто из солдат не считал, что подобное стечение обстоятельств гарантирует легкие времена. Дварфы были свирепыми вояками, чья доблесть и ярость, казалось, только увеличивались вместе с количеством эля в их животах. Но что играло на руку жентийцам, так это неожиданный доступ к туннелям, о которых прежде знали лишь паладины Тернового Оплота.

Информация сэра Гарета оказалась точной, хотя Даг позаботился о том, чтобы сведения проверили. Наконец, они добрались до последнего туннеля, который привел их к большому залу владений Каменной Шахты.

Команда вести себя тихо и приготовиться быстро пролетела по линии людей, передаваемая с помощью жестов. Даг наблюдал, как солдаты ослабляли свое оружие и убирали из полупустых вьюков на мулах лишние вещи. Животные останутся с погонщиками. Они будут полезны на новых торговых маршрутах, которые обеспечит это завоевание. Когда все было готово, Даг кивнул капитану, и солдаты крадучись двинулись вперед.

Сердце Дага наполнилось волнением, мрачным и непреодолимым. Раньше он видел сражения лишь издалека. Начальники в Темном Оплоте считали его слишком ценным, чтобы рисковать в ближнем бою. Он заработал свое место в войске боевых жрецов благодаря стратегии и заклинаниям, творимым им с благословения Цирика. Это был первый раз, когда он ощутил запах крови, страха и испил силы вина разрушения.

Заняв место за войском, он начал бормотать негромкую молитву. Даг влил в неё весь свой давно подавляемый гнев, всю ненависть и жажду крови, власти, смерти.

Злое заклинание набирало силу и мощь, разрастаясь до тех пор, пока Даг не стал похож на нечто новое, рожденное из темной силы Цирика и собственной непостижимой тоски. Сила расплылась, захватывая солдат невидимыми лапами, затягивая их в вихрь того, что Даг чувствовал, видел и призвал. Вскоре люди бросились бежать, громяхая поднятым оружием. Их глаза блестели от жажды крови.

Дварфы все услышали и выбежали навстречу, как и планировал Даг. Миновав туннель, они оказались в прихожей, огромной великолепно оформленной зале, чья мрачная красота едва не отвлекла Дага от его страшной миссии.

Едва, но не полностью. Голос Дага взмыл вверх, становясь похожим на завывания ветра. Вырвавшееся из его горла заклинание окутало комнату.

Сила, видимая лишь ему, вырвалась водоворотом, чтобы окружить и захватить массивные каменные статуи. По зале пронесся звон. Мгновенно, статуи задрожали. Дварфы остановились, поражаясь предвестию того, что их вид боялся более всех остальных. Землетрясение.

Но в реальности гнев Цирика обратился чем-то менее жутким. Чудесные статуи давно мертвых дварфских героев повернулись к своим потомкам. Они наклонились вперед, сходя со своих пьедесталов, - действие это сопровождалось громоподобным грохотом - после чего врезались в толпу дварфов.

Некоторым хватило ума и возможности, чтобы сбежать обратно в туннель, но десятки из них были раздавлены падающими камнями. Жентийские солдаты кинулись в клубящееся облако пыли.

Звуки яростной битвы эхом разносились по туннелю, ведущему в большой зал. И хотя у жентийцев было больше людей, оружия и магии, Даг, разумеется, еще не списал дварфов со счетов.

У него была возможность познать, как яростно могут сражаться люди, стремясь защитить свой дом и семью. Он видел, как его брат, Бьерн, вступает в сражение, выживая дольше, чем это было возможно, по мнению любого здравомыслящего человека. Молодой лицо брата явилось перед ним сейчас, принося с собой боль потери. Даг беспощадно отшвырнул память прочь.

Он начал повторять новое заклинание тьмы. То, что разработал сам, как боевой маг Темного Оплота. То, которому научил подчиненных себе мужчин и женщин. Он назвал его Бег во Сне. Заклинание замедляло противников, делая каждое их движение вялым и тяжелым, словно они двигались в воде. Оно повторяло, точно и смертоносно, ощущение, которое преследует человека в кошмаре – погони и неспособности сбежать. Вот только заклятие было не сном, а мрачной реальностью.

Магия вступила в силу, превращая боевые потуги дварфов в мрачный медленный танец. Даг оглядел выживших дварфов, оценивая их на предмет способностей. Отыскав того, что, по его мнению, обладал определенной ценностью, он выделил будущего раба слабым фиолетовым сиянием. Оно послужило как для того, чтобы парализовать дварфа, так и для того, чтобы выделить его среди сородичей. Его люди дважды подумают, прежде чем противостоять воле Дага, даже обладая силой, данной заклинаниями битвы.

Даг нашел, что процесс отбора рабов доставляет ему наслаждение. Каждый дварф, погибший по его вине, стал приношением Цирику, богу раздора. Но в выборе было что-то большее, что-то настолько волнующее, что почти граничило с богохульством. Цирик забирал, но только Даг Зорет мог отдавать. Он указывал, и дварф оставался в живых. Краснобородая женщина, предположительно – ювелир, судя по её богатым украшениям. Безбородое дитя. Еще одно. Вон тот, чей молод взлетел, чтобы размоzzжить череп солдата. Толстая седобородая женщина в праздничных одеяниях. Нет. Эта слишком стара, чтобы иметь ценность. Фиолетовый свет погас, и меч жентийца пронзил её тело.

Слишком быстро. В относительной тиши, последовавшей за этой смертью, сердце Дага колотилось так, что он был уверен – это слышит каждый. Но не важно. Его люди не думали об этом. Он видел, что его мрачное удовлетворение отражено сейчас на лицах каждого выжившего жентийца.

Даг сделал глубокий вдох, собираясь с мыслями и переходя к следующей задаче.

- Закуйте пленников в цепи, не более трех вместе, - приказал он. – Вытаскивайте на поверхность. Вагоны готовы?

- Да, милорд, - ответил капитан.

Даг кивнул. В большей части северных земель рабство было объявлено вне закона, и он счел неосмотрительным пешком тащить дварфов по суше. Закрытые повозки предполагали определенную степень безопасности. Дварфы будут отправлены на юг и проданы на рынках. Там, где дварфская жизнь и дварфские навыки пользовались спросом. Деньги пойдут в Жентийскую Крепость, гарантируя, что никто не станет долго обсуждать, стоит ли Дагу удерживать завоеванное в своих

руках. Какой бы приятной не была задача, она все еще выполнена не до конца. Есть туннели для изучения и туннели для запечатывания. И, самое лучшее...

Разрушение Тернового Оплота и восстановление кровных прав Дага Зорета.

Глава 6

Добравшись до конца извилистой тропы, Бронвин соскользнула с лошади и остановилась, глядя на крепость, которой командовал отец.

Её отец. По дороге в Терновый Оплот, она часто произносила эти слова про себя и даже несколько раз – вслух.

Путь оказался до неприличия коротким. Два дня в дороге – вот и все, что отделяло её от правды прошлого. Хуже всего было то, что девушка давно знала о существовании этого оплота порядка паладинов. Ей было точно известно, где он находится – к северу от Глубоководья, на морских скалах, севернее Красных Утесов и Красных Скал, прямо к западу от Хелделла и к северу от Моря Мертвецов. Она могла приехать сюда в любой момент, если бы знала, что здесь найдет.

Сделав длинный вдох и успокоившись, Бронвин обозрела местность. Крепость была впечатляющей и неприступной. Она была выстроена из серого камня, украшая собою вершину холма, взмывавшего ввысь и почти отвесно падающего в море. Девушка чувствовала морской запах и слышала шум волн – отдаленный, беспокойный, разбивающийся о негостеприимный и скалистый берег. Над головой женщины кружило несколько морских птиц, чьи резкие крики стали голосом необъяснимому одиночеству, охватившему её от звука волн.

Чувство было странным. Несомненно, оно было навеяно мрачной картиной, открывшейся вокруг, но все равно совершенно не согласовывалось с предстоящим воссоединением семьи. Бронвин стряхнула мрачное настроение и изучила саму крепость. Толстая стена кольцом охватывала цитадель – здесь не было никаких углов, чтобы заслонить вид стражам и никаких мертвых зон, где стрелы не смогли бы достать потенциальных захватчиков. Над крепостью возвышались две башни – на вершине каждой виднелись сине-белые знамена Рыцарей Самулара. Других украшений видно не было. В отличие от небольших городских замков Глубоководья и экзотических цитаделей, которые Бронвин видела на юге, эта была мрачной и непоколебимой, построенной только ради защиты. Не было здесь скрытых за стеклами окон, балконов или декоративной каменной кладки – ничего, способного обеспечить помощь врагу, решившемуся на штурм. Бойницы были очень узкими. Зубцы равномерно распределились вдоль вершины стены и, для пущей безопасности, были снабжены деревянными ставнями.

Спустя несколько минут исследований, Бронвин задалась вопросом, где же в её душе заканчивалась наблюдательность и начинались трусливые колебания. Подобрав поводья лошади, девушка двинулась к деревянным вратам. Здесь была

небольшая дверца, которая распахнулась в ответ на её стук. Поприветствовать её вышел пожилой мужчина. Бронвин показалось, что он был изрядно удивлен. Вероятно, потому, что она была молодой женщиной, путешествующей одной. Она считала, что некоторые члены священных орденов имели очень мало дел с женщинами и думали о них, когда им приходилось о них думать, лишь как о слабых, нуждавшихся в защите существах. Но она не могла винить старика в недостатки воспитания. Вежливым тоном он поинтересовался, как её зовут и что за помощь ей требуется.

- У меня есть дело к Хронульф, - вежливо сказала она. - Имя свое я назову ему одному.

Мгновение, паладин внимательно изучал её. Взгляд его подслеповатых глаз был напряженным. Затем, он кивнул.

- В тебе нет истинного зла, - сказал он. - Можешь войти.

Бронвин прикусила губу, чтобы не расплыться в кривой улыбке. Нет истинного зла. Это было самое громкое из слышанных ею одобрений. Как ни странно, у этих слов был свой, знакомый звон, который затенялся смутно припоминаемыми эмоциями. Бронвин попыталась подыскать слова, чтобы описать эти чувства. Тихое отчаяние? Нет, не совсем так. Однако это было неудобно близкое ощущение.

Женщина обдумывала это, следуя за старым паладином. Он передал её другому мужчине, столь же тронутому годами, который проводил её через двор. Здесь, по крайней мере, кипела оживленная жизнь, и Бронвин с благодарностью проявила к ней естественное любопытство.

Быть может десяток, или чуть больше, слуг, простых людей, занимались делами, без которых не обходилась жизнь ни одной общины. Они суетились вокруг небольших деревянных или гипсовых построек, располагавшихся вдоль внутренней стены. Во дворе замка находились и загон для животных, пивоварня и маленькая свечная мастерская, остро пахнущая тающим жиром и остывающими свечами. В воздухе стоял тяжелый аромат щелочного мыла. Пара слуг, засучив рукава и согнувшись над большими ваннами, терла белье о стиральные доски. Колесных дел мастер осматривал сломанную спицу, а озабоченный торговец делал какие-то предложения. Сквозь одну из дверей Бронвин увидела ткацкий станок с сине-белым рисунком ордена.

Как ни странно, среди слуг не было женщин. Это озадачило Бронвин. В конце концов, само её существование доказывало, что Рыцари Самулара не приносили обета безбрачия.

У неё даже возник соблазн спросить об этом своего проводника, но подумав еще раз она решила, что он не выглядит слишком уж дружелюбным. Когда ему приказали отвести Бронвин к командиру, он ответил поджатыми губами и резким поклоном. Приказав девушке следовать за собой, он отвернулся. С тех пор паладин не произнес ни слова. Бронвин видала хмурые лица, менее красноречиво говорящие о настроении хозяина, нежели эти резкие линии спины и плеч. Не доверяет ни в чем. Она надеялась, что отец будет более расположенным для общения. Хотя сейчас, по причине, которую Бронвин не могла ни выразить, ни объяснить, она не стала бы делать на это большой ставки.

Проводник вел её через двор, направляясь к одной из башен. Они поднялись по широкой каменной лестнице. Наверху сопровождающий её мужчина остановился прямо перед дверью, сделанной из толстых дубовых досок, окованных железом.

- Кабинет Хронульфа. К этому времени он должен закончить все свои дела.

С этими словами паладин развернулся и оставил Бронвин одну.

Вот и все. Она ждала этого момента двадцать лет – жаждала этого, старалась ради этого. Внезапно, она ощутила странную неохоту. Пробормотав проклятие, она подняла руку и постучала.

Дверь распахнулась почти сразу. На пороге стоял мужчина. Он возвышался над Бронвин почти на целую голову. Паладин был в том возрасте, когда многие люди уже считаются пожилыми, но несмотря на это находился в отличной форме и держался с выдержанной грацией воина. Широкие плечи и сильные руки говорили о том, что с висевшим на поясе мечом он обращается мастерски. Хронульф носил белые одежды, украшенные синим символом Тира – находящимися в равновесии весами, помещенными на вершину стоящего вертикально боевого молота. Волосы мужчины были густыми и серыми, словно сталь, как и его усы и аккуратно подстриженная борода. Внимательные серебристо-серые глаза вежливо смотрели на неё с румяного, приятного лица, которое для своих лет выглядело очень хорошо.

Прежде, чем Бронвин смогла сказать хоть слово, от лица паладина отлила краска. Он пошатнулся и схватился за дверь. Бронвин инстинктивно протянула руку, чтобы успокоить мужчину, но он быстро оправился, стряхивая с себя шок.

- Прости, дитя. На мгновение ты напомнила мне кое-кого.

- Кого? – спросила она.

Слово вырвалось прежде, чем она успела подумать.

- Мою жену, - просто ответил он.

Мама, - подумала девушка.

Между ними повисла тишина. Паладин вежливо ждал, пока Бронвин изложит свое дело. Но легкая болтливость внезапно совершенно покинула её. Наконец, заговорил сам Хронульф.

- Ты, разумеется, пришла не ради рассказов старика. Чем я могу помочь тебе, дитя?

Бронвин глубоко вдохнула.

- Сэр, я приехала из Глубоководья, чтобы поговорить с вами. Я перехожу к тому, что много раз говорила в своих мыслях, но, видимо, это не очень мне помогло. Не знаю, как все объяснить...

- Простые слова – самые лучшие, - сказал он. – Прямая стрела летит вернее.

Слова зашевелились в каком-то отдаленном уголке её разума. Она слышала их и раньше. Как и другие, подобные им.

- Меня воспитывали в Амне, как рабыню. Я была очень маленькой. Я не помню, сколько мне лет, моей деревни и даже своего родового имени. Все, что я знаю о себе – мое имя и маленькая родинка внизу спины. Она напоминает красный дубовый лист. Меня зовут Бронвин.

Паладин так побледнел, что девушка на мгновение решила, что он вот-вот рухнет. Она мягко, но настойчиво подтолкнула его назад, в комнату, к креслу. Мужчина смотрел на неё долгим взглядом. Выражение его лица было совершенно

нечитаемым. Бронвин пришло в голову, что он, быть может, проверяет её – как тот охранник у ворот, который не нашел в ней «истинного зла». Женщина поняла, что не выдержит и не станет терпеть еще одну столь неохотную встречу.

Бронвин вздернула подбородок.

- Мне сказали, что вы потеряли дочь моего возраста. Дочь носившую такое же имя. И такое же родимое пятно. Мне сказали, что я и есть она. Если это так, то я буду рада покинуть это место, получив правду. Если меня обманули – я поищу свою семью в другом месте. В любом случае, я не прошу у вас ничего. Если у вас есть какие-либо сомнения в моих словах, испытайте меня любым известным способом. Возьмите истину, хранящуюся в моем сердце в обмен за правду, которую я прошу.

Говоря это, она изучала лицо старого рыцаря. У неё не было способностей, даруемых богом паладинов. Она не могла читать в умах и сердцах других людей, но у неё были отточенные навыки наблюдения и инстинкты, которые чаще всего её не подводили. И потому она заметила, как лицо Хронульфа медленно обретает краски, а в глаза его возвращается свет. Бронвин смела надеяться, что это шок, а не подозрение, заставил его замолчать.

Хронульф медленно поднялся. Бронвин заметила, что несмотря на спокойное лицо и гордую походку, одна его рука сжимала спинку стула, словно ища поддержки - или, возможно, служа осязательным символом того, что он еще не готов был отпустить «правду» в которую верил двадцать лет.

- По собственной воле ты взойдешь на весы правосудия Тира? – пробормотал он.

- Я сделаю это.

Задумчиво, он кивнул, и хватка его на стуле стала слегка слабее.

- Никто, кроме честных людей, не делает столь смелых заявлений. Я не требую никаких испытаний.

- Но я требую, - резко сказала Бронвин. До этого момента она не вполне осознавала, как же отчаянно ей нужно все узнать. – Я давно слышу, что паладин может отличить правду от лжи. Разве не скажет ваш бог, есть ли истина в истории, что привела меня сюда?

- Я могу лишь спросить.

Взгляд паладина стал отстраненным. Он молился, ища в этом понимание и прозрение, которые был способен дать лишь его бог.

Прошли минуты. Длинные минуты, утяжеленные двадцатью годами отсутствия Бронвин. Едва дыша, она ждала, куда отстраненность не исчезла из глаза Хронульфа, а взгляд его снова не сосредоточился на ней. Бронвин знала, что ответил Тир прежде, чем паладин сказал хоть слово.

- Малышка Бронвин, - пробормотал Хронульф, изучая её отчаянным и жадным взглядом. – Теперь, когда я узрел истину, я понимаю, что сердце мое сразу признало тебя. Ты так похожа... на мать.

Это одновременно понравилось и опечалило Бронвин. Она подняла ладонь к щеке, словно искала на своем лице нечто утерянное.

- Я не помню её.

Хронульф шагнул вперед, протягивая обе руки.

- Мое бедное дитя. Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня за то, что выпало на твою долю? – спросил он. В дрожащем голосе его слышалась мольба. – Это

моя вина. Я так легко отпустил тебя. Когда тебя не нашли среди убитых, я... Я долго искал тебя. Я бы никогда не отказался от поисков... до того дня, когда оплакал останки девочки, которую считал своей дочерью.

Его страшное чувство вины поразило сердце Бронвин, и она взяла руки отца в свои.

- Я не виню тебя, - быстро сказала она. - На протяжении многих лет я пыталась найти правду о своем прошлом. У меня было не так много путей и все они заканчивались стеной в переулке. Я зарабатываю на жизнь, находя потерянное. Вещи, которые большинство людей отчаянно ищут. Если даже я не смогла найти путь к собственному прошлому, как мог ты, считающий свою миссию давно завершённой, надеяться управиться лучше.

Хронульф слабо улыбнулся.

- У тебя доброе сердце, дитя. Сердце матери.

- Расскажи мне о ней, - настояла она.

Они сели рядом, и паладин начал свой рассказ о прошлом, медленно и со странной неловкостью. Сначала, Бронвин думала, что источником этого была стена, выросшая между ними за потерянные годы, но вскоре она поняла, что причина еще глубже. Хронульф редко бывал дома, а потому у него остались лишь скудные воспоминания о ней в те времена, когда они действительно были семьей. Он не знал дочь. Она подумала, смог бы он когда-нибудь узнать её лучше, если бы не случился налет. Прежде, чем воспоминания отца иссякли, прошло не мало времени. Он поднялся на ноги. Казалось, он испытывал облегчение, имея в голове хоть какой-то план действий.

- Идем, - сказал отец. - Я покажу тебе крепость.

* * * * *

Удача Эбенайзера, которая в последнее время знавала не лучшие дни, наконец пошла на подъем. В нужное время он встретил нужный караван, где договорился с хозяином о возвращении лошади в Залы Правосудия Глубоководья. Потребовалось поболтать, да заплатить, но дварф разошелся с караванщиком, довольный тем, что все будет сделано в точности в соответствии с его просьбой. Сам он с чистой совестью отправился на север. Долг был уплачен. Вероятнее всего рано или поздно, молодой человек, столь увлеченный своим Тиром, окажется в храме этого бога и воссоединится со своим конем. Дварф не причинил животному никакого вреда, разве что слегка истоптал подковы.

С торгового пути Эбенайзер спустился в предгорья. Вход в туннели Каменной Шахты располагался неподалеку от дороги, но был столь хитро скрыт, что обнаружить его смог бы лишь дварф. Эбенайзер отыскал нужное место – крутой холм, окруженный плотным кольцом молодых сосен – и провел руками по каменной стене, ища тонкий узор. Отыскав искомое, он приложился плечом к каменной двери, давя и ворча, покуда та не подалась вовнутрь. Дварф быстро нырнул в открывшийся проход, и дверь позади него с громким стуком вернулась на место.

Подождав пару секунд, он дал своим глазам приспособиться к темноте, а рукам – потереть затекшую спину. Он не ездил верхом некоторое время, а потому ноги и

спина его теперь ныли от усталости. Дварф лишь пожал плечами и бросился бежать вниз по туннелям. Большинство знакомых Эбенайзера людей считали дварфов медленными и быстро устающими созданиями, но любой дварф, стоящий хотя бы ногтя, мог бежать, поддерживая разумную скорость, куда это было нужно.

Добравшись до реки, Эбенайзер понял, что время движется к закату. Он напряг уши, пытаясь расслышать хоть что-то за проклятым шумом несущейся воды. Чем ближе он подходил к владениям своего клана, тем сильнее беспокоился о родственниках. Ускорив шаг и игнорируя предательски мокрую неровную тропу, он промчался мимо нескольких пещер и туннелей, стремясь в самое сердце территории дварфов.

Внезапно, в нос его ударил запах, скрутивший живот и заставивший сердце рухнуть в сапоги. Дварф узнал его безошибочно. Любой его сородич, когда-либо поднимавший свой топор, отлично знал эту вонь – медную, тяжелую, странно сладкую и совершенно отвратительную. Запах пролитой крови, что почернела и высохла. Запах остывающих тел. Жуткий ошеломляющий страх пронзил Эбенайзера, лишая его воли и сил двигаться вперед. Он замер. Из горла дварфа вырвался одинокий крик – первый и последний траурный обряд, который он позволил себе прежде, чем узнать все. Он заставил себя бежать, куда все еще мог доверять собственным ногам, стремясь попасть туда, куда должен был попасть.

Он снова остановился только у Зала Предков, ошеломленный разрушением памятников, простоявших здесь неисчислимые века. Древние каменные статуи дварфов упали на пол, разлетевшись на куски. Части их валялись среди дварфов, убитых их падением.

Эбенайзер склонился к ближайшему из убитых, и сжал зубы, чтобы не выпустить рвущийся наружу крик. Патриарх Каменной Шахты, его отец, возглавил атаку. Старый дварф был убит не падающими статуями. Это было понятно со всей ужасающей ясностью. Каменные дварфы не обладали мечами и копьями, и таким медленным, жестоким знанием своего дела. Эбенайзер поднял взгляд и сморгнул внезапно заставившие глаза слезы. Рядом с отцом лежало несколько человек. На телах их виднелись отчетливые раны, нанесенные топором дварфа. Эбенайзер немного успокоился. Смерть отца не была легкой, но она была славной.

Поднявшись, Эбенайзер начал бродить по комнате. Гнев его рос с каждым опознанным трупом дварфа – и становился горячее с каждым телом, которое он не мог опознать. Он не был чужд сражениям, но эта резня была из тех, что редко увидишь. Метка удовольствия, продолжительного и нескончаемого зла, лежала на каждом хладном и изувеченном дварфе.

Эбенайзер нашел больше подобного в большом зале. Никто из дварфов не выжил. Клан Каменной Шахты был истреблен. Тела его жестоко убитых сородичей были оставлены разлагаться в пустых залах.

Горе сковало его, милостиво замедляя мысли и сжимая сердце. Он медленно двигался через царящее вокруг опустошение, ухаживая за мертвецами, отмечая их имена в своей памяти. Время замедлилось и потеряло всякий смысл. Лицо дварфа было словно гранит, глаза сухи, а взгляд тверд, когда он сложил в одну могилу тела друзей и родственников. Прошли часы. В каком-то дальнем углу своего сознания Эбенайзер все еще считал время, а потому знал, что где-то над Горами Меча сейчас

возвышается круглая восковая луна. Но здесь он видел лишь тьму и осознавал жуткую задачу, стоящую перед ним. Он не приляжет передохнуть, пока все члены Клана Каменной Шахты не обретут свой покой под кучей камня.

Когда дело было сделано, дварф опустил на землю, постаравшись облечь в слова угнездившийся в душе страх.

В памяти его мелькнуло изуродованное лицо молодого Фродвиннера. Из всех дварфов Каменной Шахты он умер тяжелее и лучше всех. Собрав на себе столько ран, что те способны были повалить тройку дварфов, он все еще продолжал сражаться. От топора его полегли семь человек и четверо полуорков. Разумеется, терять ему было больше всех в клане. Прошло лишь два дня после свадьбы, где он женился на самой красивой, самой энергичной дварфской девице на тысячах путей. У них с Тарламерой были сотни лет жизни впереди. Фродвиннеру едва исполнилось пятьдесят. Он был ребенком. Просто мальчишкой.

С этой тоской Эбенайзер наконец осознал причину своего беспокойства. Среди убитых не было детей.

Понимание обрушилось на дварфа, словно кулак хобгоблина. Первой реакцией было облегчение – судьба не благословила его множеством детей, как и большинство дварфов клана. Он любил деток, любил каждого из шумных маленьких негодяев. Но если их нет здесь, то где же они?

Раздумывая над этим, Эбенайзер начал понимать, что не досчитался и нескольких взрослых членов клана. В том числе – своих близких родственников. Его Па покоился в пирамиде, рядом с возлюбленной женой, которая родила ему девятерых здоровых детей. Большинство из них, братья и сестры Эбенайсера, тоже спали под камнем. Но Тарламеры среди них не было.

Он выпрямился. Почему он не понял этого раньше? Тарламера была ему ближе всех, как по годам, так и по темпераменту. Они вместе шли сквозь счастливое детство, и лицо её было первым в толпе родственников. Почему он не пытался найти её, почему не заметил, что её нет?

Эбенайзер слышал, рассказы о людях, переживших слепые пятна, блокирующие нечто важное. Люди эти не могли подумать о нем, пока не оказывались вооружены и подготовлены, так сказать. Возможно, с ним случилось нечто подобное. Забавно, но раньше он называл такие вещи размягчением мозгов.

Но теперь время удобного отрицания закончилось. Эбенайзер начал разбираться в мрачных фактах, и вскоре вся картина стала ясна. Большая часть лучших бойцов клана были убиты, как и те, кто проводил свои дни занимаясь удовлетворением нужд клана: пивовары, бондари, сапожники. Все старики были мертвы. Те, кто страдал какой-либо немощью – тоже. Пропали лишь те, кто обладал особыми навыками. Теми, что мог освоить только дварф. Исчезли лучшие кузнецы, в их числе и Тарламера, чьи инстинкты были столь точны, что Эбенайзер полагал – сестра способна учуять запах руды и драгоценного камня с пятидесяти шагов. Не было лучших обработчиков драгоценных камней и лучших кузнецов. Нескольких женщин детородного возраста. И детей.

В общем всех тех, кто пользовался бы спросом на каком-нибудь далеком рынке рабов.

Ярость, холодная и всепоглощающая ярость, желчью подступала к горлу Эбенайзера. Было еще кое-что, легко им отброшенное в сторону: его собственное пленение группой жентийцев. Внезапно, он осознал истинную разрушительную природу своего страха.

Рабство.

Поднявшись на ноги, Эбенайзер схватил первое попавшееся оружие и оставил позади кладбище, некогда бывшее его домом. Он двинулся к секретному туннелю – крутому извилистому проходу, который вел к цитадели, выстроенной на горе каким-то людьми несколько десятилетий назад.

Они звали себя рыцарями. Кучка самодовольных типов, развлекавшихся уборкой своей территории от троллей, жуков и тому подобных созданий. Они напоминали Эбенайзеру дварфских бабуль, вечно суетившихся в обители клана. Они переставляли мебель и постоянно стряхивали откуда-нибудь пыль.

Если и существовало на свете место, в котором стоило поискать ответы, то оно было в крепости. Эбенайзер был совершенно в этом уверен. Среди этих охотников за троллями, делателей жизненно важных дел, парней с болью под коленями. Да, это было разумное место для начала поисков.

* * * * *

Бронвин шла по лестнице вслед за отцом. Когда он описывал дочери крепость, её историю, её укрепления и добрые дела, которые паладины делали для проезжавших мимо путешественников, в голосе Хронульфа слышались признаки настоящего оживления. Он останавливался то там, то здесь, чтобы пообщаться со слугами или обменяться быстрыми приветствиями с другими рыцарями. Каждому из рыцарей он гордо представлял свою потерянную дочь. Как ни странно, это мало согревало сердце Бронвин или помогало ей ощутить себя желанной. Казалось, он чувствовал необходимость оправдать её присутствие здесь. Однако, девушка заметила глубокую привязанность и уважение, которые испытывали к отцу все обитатели Тернового Оплота. Те, кто знал Хронульфа, явно считали его достойным высочайшего восхищения. Это напомнило ей о рыцаре, который послал её сюда.

- В Глубоководье я встретила сэра Гарета Кормейра, - сказала она. – Он посылает свой привет.

Лицо Хронульфа просияло.

- Ты видела его? И он знает, кто ты? Эта новость, должно быть, принесла ему большую радость.

- Я не называла ему своего имени, но он, похоже, все равно ни коим образом не связывал меня с тобой. Даже когда я сказала, что ищу тебя, надеясь на сведения о моей потерянной семье, которые могут у тебя обнаружиться, - сказала Бронвин. – Он ответил, что ты тоже потерял семью и, скорее всего, захочешь помочь мне всем, чем сможешь. Но он не собрал кусочки этой мозаики.

- Сэр Гарет был великим рыцарем и хорошим другом, - объявил Хронульф. Глаза его внезапно помутнели. – Именно он нашел тебя, или, так он, во всяком случае, думал – ребенка, убитого во время налета гоблинов на караван. Возможно, тогда и сейчас его ослепила привязанность. Он волновался за меня, так велико было мое

горе. И хотя созерцать труп собственного ребенка – ужасно, много хуже не знать ничего о его судьбе. Заверив в твоей смерти меня и себя, он, увидев твое лицо, не искал Бронвин Карадун.

- Возможно, - призналась Бронвин. Но её беспокоил тот факт, что не признай сэра Гарет столь поспешно её смерть, и её, возможно, удалось бы отыскать. На ум ей пришло нечто другое. – Гарет знал мою мать?

- О, да. Гвендейл была из хорошей семьи. Её брат был паладином, нашим товарищем. Он погиб, не прожив и двадцати трех лет, но был великим рыцарем. Однако, прошло столько лет с тех пор, как кто-то пристально разглядывал лицо Гвендейл. Не стоит винить в этом Гарета, - Хронульф слабо улыбнулся. – Мы взрослые люди. Глаза врут, и даже самые приятные воспоминания не всегда посещают нас в нужный момент.

Разговаривая, они продолжили свой обход крепости. Хронульф провел её через часовню и показал лестницы, ведущие на стены. Поднявшись по правой из них, они вышли на дорожку, шедшую по верху круглой стены. Бронвин с точностью поняла лишь одна – отец гордился своими делами и заботился обо всех, оказавшихся под его опекой. Его настоящим домом был Терновый Оплот. Не деревня, которую она могла запомнить. Это место и эти люди всегда стояли для него на первом месте.

Это вызывало любопытство и злило сильнее, чем она хотела признать. Бронвин решила слегка надавить.

- Здесь нет женщин, - заметила она.

- Разве что, путницы. Время от времени, - сказал Хронульф. – Кажется, сейчас в гостевом доме остановились наемницы с караваном.

- Значит, рыцари не привозят сюда свои семьи.

Это сильно беспокоило Бронвин, особенно в свете собственной истории.

- Мало кто из рыцарей обзавелся семьей, - сказал паладин, после чего замаялся. – Это тяжелая жизнь, полная опасностей. Часто нас принуждает верность – служба богу или королю – и мы должны подчиниться. Немногие из нас доживают до тридцати и успевают жениться. Большинство не столь удачливо.

- Но ты – другое дело, - настаивала она. – У тебя была семья, и ты оставил её в маленькой лесной деревне.

Слова были похожи на обвинение. Бронвин желала быть более дипломатична, но желание понять было слишком велико. Ей нужно было услышать какое-то объяснение ужасу, который разрушил её семью и стал первопричиной её жизни.

Хронульф ответил не сразу. Он остановился перед дверью длинного каменного здания, которое занимало расстояние между двумя башнями. Крыша его круто поднималась вверх, чтобы встретиться в центре, образуя парящую арку. Сквозь приоткрытую дверь Бронвин увидела алтарь с весами правосудия. Свет просачивался сквозь высокие окна, прорезанные в каменных стенах, бросая на коленопреклоненных или падших ниц рыцарей тонкие золотистые лучи.

- Я был обязан жениться, - просто сказал Хронульф. – Род Самулара должен был быть продолжен. Что напоминает мне о некоторых семейных вопросах, которые нам стоит обсудить.

Это не было ответом. Надеясь, что отец придумает что-нибудь получше, Бронвин последовала за ним обратно к башне. Он закрыл и запер дверь. Это

поразило Бронвин. Странная предосторожность, учитывая их окружение. Она была озадачена еще сильнее, когда он вытащил из маленького деревянного сундука лист древнего пергамента.

- Ты умеешь читать? – спросил он.

- На нескольких языках, как современных, так и древних.

Этот ответ показался ей совершенно естественным, но, кажется, не понравился отцу.

- Подобная гордыня не к чему.

- Это не гордыня, - сказала она совершенно честно. – А необходимость. Я – торговка. И, полагаю, ученая. Я нахожу потерянные артефакты, а значит, мне нужно изучать самые разнообразные материалы и говорить с разными людьми, чтобы отыскать нужное.

- Торговка...

Мужчина произнес это тем же тоном, что провозгласил бы «хобгоблин». Внезапно Бронвин поняла, что чувствует кошка, когда шерсть на её спине встает дыбом. Она проглотила язвительный ответ, так и крутившийся на языке, и потянулась к пергаменту.

Записка была написана старым стилем, чернила почти пропали и были размыты водой, но Бронвин достаточно хорошо смогла вникнуть в суть. Крепость Терновый Оплот, а также большая часть горы, на которой та стояла, не принадлежала Святому Ордену Рыцарей Самулара. Она была собственностью семьи Карадун.

- В Захвате Вестника есть копия этого судебного прецедента, - сказал Хронульф. – После моей смерти ты обязана осмотреть крепость и убедиться, что она используется так же, как в течение многих столетий.

Он пристально посмотрел на дочь.

- Ты замужем?

- Даже близко нет, - сухо сказала она.

- Честно?

В любых иных обстоятельствах она бы ответила на этот вопрос саркастическим смехом. Теперь же она ощутила только недоумение, затененное подступающим гневом.

- Не понимаю, как это связано с нашим разговором, - резко ответила Бронвин.

По-видимому, в этом ответе Хронульф услышал что-то лишь одному ему ведомое, и совсем не то, на что он рассчитывал. На лице его появилось выражение серьезного разочарования. Вздохнув, он с явной решимостью сжал челюсти. Он встал и направился к письменному столу. Опустившись на стул, мужчина взял перо.

- Я напишу тебе рекомендательное письмо, - сказал он, погружая перо в чернильницу. – Возьми его в Саммит Холл и передай Лаарину Золоторобородому, паладину Тира. Он командует этим местом и сможет найти для тебя подходящую партию.

Рот Бронвин сам собой открылся от изумления. Одной рукой она ухватила себя за волосы, и затрясла головой, словно пытаясь прочистить мысли.

- Я этому не верю.

- Род Самулара должен продолжиться, - серьезно сказал Хронульф. Подув на письмо, чтобы высушить чернила, он отложил пергамент в сторону. – Ты –

последняя из моих пятерых детей, а потому ответственность ложиться на тебя. Кажется, ты отлично подходишь для этого. Ты молода, красива и определённо здорова.

Ну это уж было слишком.

- Полагаю, дальше ты скажешь мне, что дети – это моя судьба и долг.

- Так оно и есть.

Внезапно, Бронвин посочувствовала племенной кобыле. Она резко поднялась на ноги.

- Я устала, отец. Есть ли в этой крепости комнаты для гостей, в которых не слишком будут ошеломлены присутствием женщины?

Хронульф поднялся вместе с ней. Он изучал дочь, и лицо его слегка смягчилось.

- Слишком много информации. Прости меня. Я слишком быстро дал тебе слишком много пищи для размышлений.

- Я привыкну, - заверила она его, размышляя, не достигла ли она, наконец, границ своего терпения.

- С утра мы поговорим больше. Есть секреты, что известны лишь потомкам Самулара. Ты должна услышать их, и понять свою ответственность перед семьей.

На этот раз Бронвин не смогла сдержать незаметную мрачную улыбку. Прежде она всегда любила иронию. Для Хронульфа Тирского ответственность перед семьей, по-видимому, заключалась в продолжении рода Самулара. Но, выполняя свой долг, он оставил семью беззащитной.

У неё не было ни малейшего соблазна указать на это отцу. Пропасть, разделявшая их, заключала в себе осознание, что Самулар никогда не увидит это так, как она. Если Бронвин выйдет замуж, родит сыновей, способных следовать за Тиром – тогда он будет доволен. Никакие её поступки, ничто, кроме неё самой, не имело значения. Она оставалась такой же одинокой, как была до прихода в Терновый Оплот. Вот что точно имело значение.

Бронвин напредила себе, что никогда не ждала обретения семьи. Она просто хотела узнать о своем прошлом. Если она сможет думать об этой встрече с отцом в подобном ключе, быть может, боль в груди пройдет. Потому она взяла врученный ей Хронульфом свиток и маленькую кожаную книжечку, которую он попросил прочесть, чтобы больше узнать о кредо и цели семьи. У Бронвин все еще имелась тысяча вопросов, но ответы, казалось, были вне пределов её досягаемости.

Все ответы. На все вопросы, кроме одного: почему же знаний о собственном прошлом, тех, о которых она некогда мечтала, было не достаточно?

* * * * *

В это время где-то в Терновом Оплоте заканчивался ужин и рыцари Самулара, каждый из которых предпочитал покой и тишь, разбредались кто куда. Один старый паладин, некогда известный по всему Фаэруну, как Рандолар Медведь, взобрался по узкой лестнице, чтобы оказаться у своей комнаты. Взяв из скромной спальни книгу – прекрасный томик, полный захватывающих историй, изложенных с восхитительной краткостью, он отправился в еще более маленькую комнату – аккуратно убранную,

вырезанную в стене крепости. Там он расселся на доступном простому человеку троне и приступил к чтению.

Он настолько погрузился в книгу, что приглушенные проклятия показались ему всего лишь отголосками гнева побежденного злодея. Медленно, паладин осознал, что голоса были вполне реальны и доносились они из-под скрытой под ним шахты. После момента смущения, Рандолар понял, что кто-то пытается подняться по внутренней стене цитадели. Нарушитель спокойствия оказался достаточно решительным, чтобы рискнуть получить неприятный прием, который, в итоге, и обрел. К тому же, ему пришло в голову, что эта уборная – не единственная в цитадели, а значит могут быть и другие захватчики.

Вскочив на ноги, старый паладин набрал воздуха, чтобы подать сигнал тревоги. Но прежде, чем он смог вымолвить хоть слово, деревянное сиденье уборной взлетело в воздух и с яростной силой врезалось в стену. Рандолар развернулся в тот момент, когда из седалища показались голова и плечи чернобородого мужчины. Угрюмое лицо его было покрыто содержимым, прилетевшим в него из уборной.

Помогая себе локтем, нарушитель поднял маленький заряженный арбалет. Его грязный палец нажал на спусковой крючок. Снаряд врезался в грудь Рандолара, и рыцарь медленно соскользнул по стене на холодный каменный пол. Последняя мысль, мелькнувшая в его голове, была о том, что рыцарь Тира не должен умирать вот так. Эта последняя тревога так и осталась не озвученной, и брюки его запутались вокруг лодыжек.

* * * * *

Даг Зорет стоял в башне захваченного форпоста, располагавшейся на вершине холма. Глаза его были устремлены на крепость. Все было готово. Его люди преуспели. Даже сэр Гарет превзошел все ожидания. По словам разведчиков, молодая женщина вошла в крепость несколько часов назад. Его воссоединение со своей потерянной семьей обещало быть сложнее и насыщеннее, чем он рассчитывал.

Скоро все случится. К настоящему моменту его передовые солдаты должны были пройти по незащищенным шахтам уборных. Эти люди были отобраны специально, среди них встречались самые опытные и тихие убийцы Жентарима, и лучшие лучники. Их задачей было незаметно проникнуть в крепость. Трое убийц прокладывали себе путь к маленькому помещению на верхнем этаже, где размещались механизмы, поднимающие решетку. Остальные должны были убрать людей, патрулирующих стены и наблюдающих с башен, а затем проложить себе путь к воротам.

Внезапная вспышка холодного огня, опалившая его левый бок, отвлекла Дага – болезненная, но не неприятная. Сунув руку в кожаную сумку, висевшую на поясе, он вынул из неё источник своего беспокойства – маленькую сферу, такую же, как была им дана сэру Гарету.

Отразившееся в шаре лицо было темно-серым и смутно напоминало эльфийское. Оно было покрыто шрамами, полученными за долгие десятилетия служения злу. Убийца полудроуского происхождения быстро и резко кивнул.

Даг улыбнулся и положил сферу обратно в сумку.

- Они добрались до механизмов и готовы поднять решетку, - сказал он капитану, лысому, чернобородому мужчине, на голову выше Дага и почти вдвое его шире. Капитану Емиду не хватало стратегической тонкости. Он обеспечивал лишь грубую силу и отличался способностью выполнять приказы и заставлять других подчиняться им с не меньшим рвением.

- Труби атаку, - приказал Даг.

Емид поднял в воздух свой кулак, размером с хороший окорок. В это же мгновение, один из мужчин поднес к губам изогнутый рог и протрубил сигнал к атаке. Два десятка всадников тяжелой кавалерии рванули к крепости – огромные боевые кони были облачены в броню. Они несли на своих спинах закованных в доспехи воинов. Следом за ними двинулась вторая волна – еще два десятка солдат, чьей миссией было уничтожать тех, кто осмелиться бежать. Наконец подошла пехота, пятьдесят хорошо вооруженных и обученных людей, чей пыл поддерживала жажда битвы, появившаяся после ниспосланных Цириком заклинаний Дага Зорета.

Это была не слишком большая армия, но её было более чем достаточно. Тридцать человек уже находились в крепости, убийцы, тихие и смертоносные, словно хорьки, охотящиеся на старых петухов и сидящих в своих гнездах голубей. Даг лишь надеялся, что его люди найдут в крепости достаточно способов утолить жажду крови. В противном случае они, вероятно, повернутся против друг друга, воспользовавшись путаницей, возникшей во время сражения для того, чтобы решить какой-нибудь старый конфликт или мелкое соперничество. Среди жентийцев подобное было обычным явлением.

Бесполезные потери, - подумал Даг, пуская лошадь в галоп. Лучше копить гнев, словно сокровище, распалить и лелеять его, покуда он не превратится в оружие, которое способно принести пользу.

Рядом с ним повалился с лошади один из солдат. Из груди его торчала стрела. Отлично. В паладинах еще не угас жар битвы. Чтобы снизить до минимума риск для самого себя, пролетая мимо пехоты, Даг прижался к шее лошади. Он не сводил взгляда с огромной деревянной двери, видневшейся в стене цитадели.

Резко и быстро подергиваясь, решетка взмыла вверх, управляемая его людьми. Рыцари Темного Оплота оказались у деревянной двери, выставляя перед собою длинные копь.

Четверо из них почти одновременно ударили в дверь. Две створки отлетели внутрь, что стало наглядной демонстрацией успехов, достигнутых ими с решеткой. Бойцы Жентарима рванули за пробитую стену. Даг жестоко подстегнул лошадь, надеясь попасть в крепость прежде, чем бой закончится.

* * * * *

Находившаяся в башне Хронульфа Бронвин услышала тревогу первой. Она поднялась и положила руку на ручку двери, а затем повернулась к отцу.

- Это рог. Я знаю этот сигнал, - мрачно сказала она.

Хронульф кивнул и шагнул к двери.

- Жентарим. Ты останешься здесь. Я должен идти на стены.

Бронвин схватила Хронульфа за руку, все гневные мысли теперь оставили её.

- Слишком поздно. Слушай.

Сквозь толстый камень и массивные дубовые доски донеслись слабые звуки битвы. Глаза Хронульфа расширились.

- Они в крепости!

Девушка кивнула. Её мысли летели вперед, создавая и на ходу отбрасывая возможные варианты.

- Отсюда есть выход?

Мрачно улыбнувшись, паладин вытащил меч.

- Не для меня. Терновый Оплот – под моим командованием. Я отстою его, или умру.

Прежде, чем Бронвин смогла ответить, на дверь обрушился первый удар. Дубовые панели задрожали, и железные полосы, которыми те были окованы, прогнулись внутрь.

Сунув меч в ножны, Хронульф снял с руки богато украшенное кольцо. Схватив Бронвин за левую руку, он надел перстень на её указательный палец. Несмотря на то, что прежде украшение находилось на крупной руке паладина, оно удобно расположилось на тонком пальце Бронвин.

- Слушай внимательно, - сказал он, - потому что дверь долго не продержится. Это кольцо – семейная реликвия великой силы. Оно не может попасть в лапы Жентарима. Ты должна защитить его любой ценой.

- Но...

- Некогда объяснять, - сказал он, беря дочь за плечи и крепко прижимая к стене. Обняв её, он с силой нажал на один из плотно подогнанных камней. В, казалось бы, сплошной стене распахнулось круглое, темное отверстие, располагавшееся чуть выше пола. Паладин указал на него.

- Ты должна уйти, - настаивал он.

Вырвавшись, Бронвин бросилась к паре скрещенных мечей, украшавших стену. Вытащив один из них, она махнула оружием в сторону прогибающейся, трещащей двери.

- Я только нашла тебя, - сказала она, стиснув зубы. – Я не уйду.

Улыбка паладина была грустной и гордой.

- Ты действительно моя дочь, - ответил он.

На мгновение, их глаза встретились, и Бронвин показалось, что он на самом деле смотрит на неё – на неё, а не на отражение давно умершей матери или продолжательницу рода Самулара.

- Бронвин, дочь моя, - с удивлением повторил он. – Именно потому, кто ты есть, ты поступишь так, как должна. Как и я.

С этими словами он выбил меч из её руки и схватил за шиворот. Развернув дочь, второй рукой он ухватился за её пояс и поднял девушку над землей. Он толкнул её так, словно она была пьяной дебоширкой, а он – полуорком-вышибалой. Ударившись о ровный каменный пол, она проехала на животе, а затем исчезла в туннеле. Прямо за входом начинался ровный гладкий спуск. Девушка полетела вниз. От нарастающей скорости в ушах её свистел ветер. Но даже несмотря на это, Бронвин расслышала как с твердым ударом закрылась дверь каменного туннеля, а затем – страшный треск

разлетающегося дерева и глубокий звонкий голос, возносящий молитву к Тиру. Это вступил в свой последний бой паладин.

* * * * *

Оказавшись за дверью, Даг Зорет въехал во двор и спрыгнул с лошади. Оглянувшись, он заметил, что большая часть сражений закончилась. Многие из слуг были мертвы. Их вялые и истекающие кровью тела валялись кучками, словно цыплята, готовые для ощипывания. Солдаты собирали выживших, заставляя их выстроиться в одну линию и встать на колени. Вдоль строя пленников шла пара жрецов. Они творили заклинания, помогающие понять характер человека и готовность служить.

Это была необычная мера предосторожности. Замковые слуги обычно считались добычей и рассматривались, как простодушные дураки, желающие спасти свою шкуру и сохранить средства к существованию, служа любому господину, контролирующему крепость. Даг знал, что жрецы считают эту проверку пустой и неприятной, но сам он думал иначе. Паладинское влияние было коварно. По его приказу, любой, кто проявлял слишком сильную и непоколебимую верность силам света должен был умереть. По мнению Дага, предосторожность была очень разумной.

Взгляд его упал на Емида. Сейчас он был на ногах и преследовал убегающего слугу. Даг поймал капитана за руку.

- Где женщина?

Емид резко и расстроено вздохнул.

- Сбежала, милорд. Люди обыскали крепость от подземелий до башни.

Даг нахмурился. Глубоко и сердито. Он не думал, что сестра обладает магией. Говорят, она была купцом, а не волшебницей. Но, как и всем, ему было известно, что при наличии золота, можно достать любые магические безделушки. Несмотря на это, большинство известных ему артефактов имели ограниченную силу и диапазон действия. Если она бежала с помощью магических вещичек, то не могла уйти далеко.

- Разошлите как можно больше патрулей. Найдите её!

Емид развернулся и начал раздавать приказы. Десяток человек вспрыгнули на лошадей и поскакали прочь от ворот.

- А командир крепости? – Даг не мог уговориться, по себе решив, что не позволит себя обмануть. – Где он?

Капитан замялся, а затем кивнул в сторону трупов жентийцев, уложенных в аккуратную линию. В зависимости от прихоти Дага их либо воскресят, либо поднимут в виде нежити.

- Его рук дело, - сказал вояка. – Они зажали старика в башенной комнате. Несмотря на это, потребовалось некоторое время, чтобы повалить его.

- Повалить? Его?

Веявший от этих слов смертельный холод заставил огромного солдата побледнеть.

- Клянусь вам, лорд Зорет, когда я видел его – человек был жив. Однако, он был ранен. На мой взгляд, серьезно.

Емид махнул шипастой дубинкой, которую предпочитал использовать в ближнем бою, а затем повернулся спиной к разъяренному жрецу.

- Я отведу вас к нему.

Вслед за капитаном, Даг поднялся по извилистой лесенке, ведущей в башню у дальней стены крепости. Пара охранников сторожили разбитую дверь, заграждая проход скрещенными копьями. Даг обратил внимание на их крошечные царапины, порванные туники и заметные следы на кольчугах, там, где бил и колол меч. Эти люди числились в элите Темного Оплота, бойцы, выбранные самим Перегостом. Но даже им не удалось невредимыми уйти от ударов клинка Хронульфа.

Губы Дага Зорета тронула небольшая напряженная улыбка. Редкий случай было, когда детские воспоминания соответствовали реальности. Но восприятие отцовского боевого мастерства явно входило в число исключений.

- Предводитель паладинов жив? – спросил он.

- Да, - неохотно сказал один из охранников. – По вашему приказу.

Даг удовлетворенно кивнул.

- Отойди в сторону.

Охранники заколебались. Они обменялись взглядами, в которых сквозило нехорошее предчувствие и нерешительность.

- Я бы нарушил свой долг, если бы не осмелился предупредить вас, - отважился тот, что говорил прежде. – Несколько хороших бойцов погибло, недооценив этого старика.

- Заметно, - глаза Дага сузились. – К счастью для меня – я не боец, а жрец Цирика. Ты меня понял, солдат?

Угроза возымела сильное действие. Оба мужчины любезно отсалютовали и отошли с дороги. Даг прошел мимо них, оказываясь в комнате. Он высоко поднял свою темноволосую голову. Его черно-пурпурные одежды текуче струились следом, словно облако. Он был взволнован, а вовсе не разочарован, перспективой столкнуться с высоким сильным паладином, который даже на закате лет мог дать фору половине вояк Темного Оплота. Возможно, ему по-прежнему придется смотреть на Хронульфа, слугу Тира, снизу вверх, по крайней мере физически, но в первый раз он сделает это с позиции имеющего власть. И в том была так привлекавшая его ирония.

Но Даг был лишен этого маленького триумфа. Отец, которого он так долго пытался победить, больше не был воином, которого ненавидели и боялись. Он был просто старым, умирающим человеком.

Выпрямившись, Хронульф сидел на стуле. Он держал меч перед собой. Кончик клинка упирался в пол, рука мужчины придерживала оружие за рукоять. Сейчас паладин очень напоминал монаха, держащего свой посох. Вторая рука была сжата в кулак. Он зажимал ею рану, зиявшую чуть ниже ребер. Даг Зорет медленно повернулся к своему сопровождающему.

- Как ты и сказал. Он был тяжело ранен. Вопреки моим недвусмысленным приказам.

Капитан кивнул, с трудом сглатывая слюну. В его глазах горело осознание близкой смерти. Но Даг покачал головой.

- Я не убиваю людей, приносящих плохие вести. Ни ради развлечения, ни для того, чтобы продемонстрировать всем, как меня следует опасаться. Трудно найти хороших гонцов. Еще труднее – хороших капитанов. Ты отлично послужил мне, Емид. И я отвечу тебе тем же. Но если ты провалишь полученное задание – то испытаешь мой гнев.

- Конечно, лорд Зорет!

- Найди человека, который нанес эту рану, и поступи с ним соответственно. Но, в начале, повали его на землю. Избивай так, чтобы он умирал медленно. Так, чтобы крики его призвали голодных воронов. Они помогут выполнить задачу.

Емид снова тяжело сглотнул – желчь, если верить зеленоватому оттенку его кожи.

- Все будет сделано, как вы сказали.

Отсалютовав, он поспешно покинул комнату, что больше говорило о радости поскорее унести ноги, нежели о рвении исполнить свой долг.

Даг отказался от охраны и закрыл то, что осталось от двери. Оказавшись наедине с пленником, он сложил руки и холодно уставился на него.

- Я жрец, - сказал он ледяным голосом, который не показывал ни гнева, ни восторга. – Я мог бы исцелить тебя. Мог бы прекратить боль. Я даже мог бы предложить тебе защиту от солдат, штурмовавших твою крепость. Или быструю смерть в бою, если на то будет твоя воля.

Хронульф поднял глаза на бледное узкое лицо Дага.

- Тебе нечего мне предложить.

- Это не совсем так.

Сделав быстрый сложный жест руками, Даг выпустил на свободу приготовленное заклинание. В воздухе между ними появилась иллюзия, сверкающее изображение богато украшенного золотого кольца.

- Если меня не обманули, ты очень хочешь вот это. И оно мое.

Глаза паладина вспыхнули.

- У тебя нет на него прав!

- И это снова не совсем так. Я имею права на кольцо, - Даг поднял голову. – Я – твой второй сын, которого ты называл Брэндом, в честь отца своей жены. Я взял кольцо из рук моего брата, Берна, после того, как он пал в битве, в которой не должен был сражаться.

- Ложь!

- Разве паладин не способен распознать правду? Испытай меня и посмотри, если ли обман в моих словах.

Хронульф пристально посмотрел на жреца. Когда истина открылась ему, глаза его потемнели, а лицо – ожесточилось. Паладин внимательно оглядел черно-фиолетовое облачение Дага, а затем остановил взгляд на символе, вырезанном на медальоне.

- У меня нет сына, поклонник Цирика. Мой сын, Берн, умер, как герой, сражаясь против солдат Жентарима.

Несмотря на то, что Даг ждал подобных слов, они обожгли его сердце болью.

- Правда? Разве ты никогда не задумывался, как тщательно охраняемый секрет твоей деревни достиг ушей Жентарима? Или, если уж на то пошло, как группе

жентийцев удалось разгадать тайны этой крепости? Посмотри же, и больше не удивляйся!

Рванув к себе черный шар, Даг поднял его, держа перед глазами отца. Полыхнуло фиолетовое пламя, бросая нечестивый свет на самого старого и надежного друга Хронульфа.

- Чем могу служить, лорд Зорет? – осведомилось изображение сэра Гарета Кормейра.

Шок, недоверие и внезапное мрачное понимание вспыхнули в серебристо-серых глазах Хронульфа. Он поднял глаза на холодное мстительное лицо Дага.

- Гарет был хорошим человеком. Развращение паладина – самое тяжкое зло и чернейшее из пятен, способное лечь на души тех, кто приложил руку к его падению. Ты не отыщешь здесь нового агента, желающего иметь с тобой дело, поклонник Цирика.

С большим усилием Даг сохранил на лице равнодушное выражение.

- Я пришел сюда, чтобы потребовать свое наследие и встретиться с сестрой, - сказал он. – Где она?

- Это крепость рыцарей Самулара. Здесь нет женщин.

- Наконец ты сказал что-то, похожее на правду, - холодно заметил Даг. – Но давай не будем играть в игры. Мы видели молодую женщину, въезжавшую в крепость. Но мы не видели, как она уезжала.

- И не увидите. Она для тебя недосягаема, поклонник Цирика.

Даг просто пожал плечами.

- Возможно. На данный момент. Но настанет день и три кольца Самулара воссоединятся в руках трех его потомков. Скажи мне, что это значит. Какие силы это выпустит?

- Не имеет значения. Ты не носишь кольцо. Ты не можешь.

- Возможно. Но есть моя дочь, и она сделает все, что я скажу. И скоро сестра моя будет столь же послушна. Пока я повелеваю силами, не важно, на чьей руке кольцо.

Жрец развел руками. Вытянув руку, он сделал шаг вперед.

- Пришло время отдать мое наследство. Будь так добр, второе кольцо!

Когда его падший сын приблизился, в глазах Хронульфа вспыхнула боль. Ибо паладину зло Цирика доставляло мучений не меньше, чем драконий огонь. Даг Зорет это заметил, он этого ожидал. Тем не менее, он вырвал меч из рук Хронульфа и сжал руку паладина в своих руках.

- Кольца нет. Другую руку, - потребовал он.

Вызывающе, Хронульф поднял окровавленный кулак и развел пальцы так, чтобы жрец увидел – кольца нет и там. Лицо Дага потемнело от поднимающегося в нем гнева.

- Однажды, мне тогда было не больше семи, я спрятал кольцо в дыре, зияющей в дубе, чтобы оно не досталось налетчикам. Может, теперь ты сделал то же самое?

- У меня нет кольца, - заявил Хронульф.

- Посмотрим.

Даг не сомневался, что паладин сказал правду. Он знал, что разумно было бы найти способ исцелить мужчину и допросить его. Но Даг не желал быть разумным. Ярость, скорбь, безумие, вызванное его ужасным одиночеством – поток эмоций,

слишком сильных и сложных, чтобы их определить и осознать, разрывал его на части. Одним быстрым движением, он погрузил руку в рану паладина.

Из горла Хронульфа вырвался негодующий болезненный рев. Даг подозревал, что прикосновение жреца Цирика приносило больше боли, чем дварфской кузнец, решивший погасить раскаленное железо о живот. Это понравилось жрецу, но было недостаточно, чтобы полностью его удовлетворить.

Не отводя взгляда от глаз отца, Даг начал повторять заклинания. Бог Цирик услышал своего жреца и его магию. Хрупкие пальца Дага внезапно стали острыми и сильными, словно митрильные кинжалы. Они рвали мышцы и плоть, приближаясь к бьющемуся сердцу паладина.

Одним быстрым движением, Даг вытащил сердце Хронульфа, показывая его еще живому отцу. Затем, так же быстро, он швырнул сердце в огонь очага. Развернувшись, Даг вылетел из комнаты, все еще тихо напевая молитву. Последними звуками, которые услышал Хронульф, служитель Тира, было шипение собственного умирающего сердца, и голос потерянного сына, проклиняющего его во имя Цирика.

Глава 7

Бронвин быстро неслась по крутому склону, и звуки битвы стремительно затихали вдаль. Набирая скорость, девушка скользила все дальше и дальше вниз.

Где-то на краю сознания к ней пришло понимание того, что туннель вырезан в толстой стене крепости, так что летит она почти вертикально. Обхватив себя руками за голову, Бронвин приготовилась встретить ногами дно шахты.

Однако туннель изогнулся, и она, кажется, соскользнула в какой-то дугообразный отросток. Бронвин подозревала, что шахта идет вдоль изгиба стены, но уверенности не было. Баланс и чувство направления покинули её, сметенные ощущением головокружительного падения. Времени, чтобы осмыслить ситуацию, что-то спланировать или даже среагировать, не было. У женщины не было выбора, никаких вариантов. Лишь сдаться на милость тем силам, что захватили её в свои лапы. Она понимала это без объяснений и особых раздумий, и понимание это превратило её разочарование в ярость. Было ли в её жизни хоть что-то, поддающееся контролю?

Внезапно, Бронвин почувствовала, что туннель расширился. Она больше не чувствовала стен, мчавшихся по обе стороны. Не ощущала пульсации близко расположенных камней. Пол, над которым она неслась, все еще был гладким, но теперь, казалось, его покрывал ровный камень.

Она оказалась где-то под горой, и все еще падала.

Скорость едва ли стала значительно меньше, но по крайней мере теперь, у Бронвин было место для маневра. Женщина бросилась вбок и прижала колени к груди, а затем рванулась, так сильно, как только могла. Её руки, как и ноги, не коснулись стены, но само движение имело некоторый эффект. Её дикое скольжение начало замедляться. Бронвин понадеялась, что путешествие почти кончено.

Именно в этот момент она пролетела новый поворот. Вес сместился, и девушка перекатилась на спину. Совершенно не контролируя теперь свое тело, Бронвин упала и покатилась. Дико шатаясь из стороны в сторону, она искала что-то, что угодно, способное остановить этот сумасшедший полет. Но ничего не было. Каменный пол и стены вокруг были ровными и гладкими. И Бронвин была очень этому рада. Если бы туннель был не столь ровным, прежнее падение разорвало и разбило бы её на части, хотя сейчас она была бы почти рада хоть какому-то камню на своем пути. Только бы он остановил стремительное скольжение.

Внезапно, её желание исполнилось. Ну или почти. На пути возникло что-то, похожее на валун. Она заметила предмет, вырисовывавшийся в ореоле далекого света. Обняв себя за голову, чтобы защитить лицо, она развернулась к твердому, закругленному предмету.

К несчастью для Бронвин, «предмет» имел на этот счет некоторое мнение. Испуганное «оооох!». Коротенькие ручки и ножки замахали во все стороны, в отчаянной попытке сохранить положение на крутом склоне. На мгновение, Бронвин схватила своего невидимого спасителя, и оба они зависли, борясь с падением. И проиграли битву. Скольжение продолжилось в вихре рук, ног и шквале злых, чрезвычайно грубых проклятий.

Туннель начал выравниваться, и Бронвин медленно остановилась. Она понятия не имела, где находится, но, по крайней мере, вокруг было хоть немного света – мягкое, зеленоватое сияние, вероятно, из-за флуоресцирующих лишайников, растущих в некоторых подземных пещерах. Одной рукой Бронвин нащупала нож. На случай, если ей придется защищаться от того, кого она все еще не могла видеть.

В нескольких шагах поодаль, застонал и поднялся на колени Эбенайзер. Все его тело, от бороды до сапог, болело. Но животу, определенно, досталось больше всего. Физическая боль была чем-то известным. Он мог с ней справиться. По сравнению с мучительной тоской, причиненной уничтожением клана, ушибы и порезы только приносили облегчение. Возможность отвлечься. Гнев вспыхнул в нем, когда он опустил взгляд на маленькую растрепанную женщину, распластавшуюся на полу пещеры.

Встав на ноги, Эбенайзер пошатываясь направился к оглушенной даме.

- Ну? Ты весь день тут проваляешься? – спросил он с сомнением в голосе.

Она открыла глаза и прищурилась в его направлении. Голова женщины слегка приподнялась, словно она пыталась заглянуть в кружащийся туман.

- Дварф, - пробормотала она, снова закрывая глаза. – Неудивительно, что я решила, будто налетела на камень.

- Ты не так уж и ошиблась, - злобно и негодуяще прорычал Эбенайзер. – Вот только камни, обычно, не мстят за нападение.

Это привлекло её внимание. Глаза женщины распахнулись, и она вырвала из ножен, прицепленных к поясу, длинный нож. Она поднялась на ноги, столь дико и

неуверенно, что Эбенайзер каждый миг ожидал её падения. Женщина слегка покачнулась, но не рухнула. Упав в уверенную стойку, она умело и уверенно вытянула нож.

Ну, драка так драка. Эбенайзеру было только лучше. Он вытащил из-за пояса молот, что прежде забрал из холодных рук Фродвиннера.

- Ты ошибаешься. Я на тебя не нападала, - заявила женщина, начиная двигаться по кругу.

Дварф повернулся к ней, потирая ноющий живот.

- Да? А как ты это назовешь?

- Падение.

Несмотря на гнев, Эбенайзер вынужден был признать, что её объяснения имели некоторый смысл. Когда люди хотели метнуть в кого-то снаряд, они, обычно, не использовали для этого собственное тело. Эбенайзер уверился, что, быть может, эта девушка вовсе не специально встала на его пути в крепость, но у него все еще было достаточно причин для гнева. Все его сородичи были убиты или захвачены в плен. Эбенайзер убьет любого жентийца, замеченного в туннелях клана Каменной Шахты, и начнет с этой.

- Падение, да? – горько отозвался он. – Ну так приготовься падать дальше. Я собираюсь отправить тебя и всех тебе подобных в самый Абисс.

Кружа вместе с ней, дварф оценивал её рост, баланс и устойчивость. По его опыту – люди были достаточно предсказуемы. Видя, что на них летит топор или молот, они инстинктивно пытались уклониться. Но, кажется, их инстинкты не принимали во внимание рост и пределы досягаемости дварфов. Эбенайзер заметил, что чаще всего им удавалось лишь проскользнуть под надвигающимся ударом. Бей в плечо, и попадешь в голову. По его мнению, неплохая перспектива.

Он бросился вперед, совершая высокий размашистый удар молотом.

Но этот человек не ответил так, как ожидал дварф. Она упала на пол и перекатилась в противоположном удару направлении, оказываясь позади него. Её нож резанул его кожаные штаны.

Он развернулся к противнице, одной рукой хватаясь за место, где кожу обжег внезапный жалящий удар.

- Ты сражалась с дварфами прежде, - холодно заметил он. Это подтвердило его подозрения. Немногие люди осмеливались ввязаться в драку с дварфами, разве только от большой обиды или при кучке друзей под рукой. Судя по вырезанному клану, у женщины было очень много друзей.

Противница отступила на несколько шагов назад. Взгляд её огромных глаз метался по пещере, словно женщина искала путь к побегу.

- Я лишь знаю некоторых из них, - она приподняла бровь и улыбнулась едва заметной, понимающей улыбкой. – Одну я знала очень хорошо.

Невозможно было неверно истолковать смысл этой ухмылки. Между людьми и дварфами было очень мало общего, и совершенно никаких серьезных тем для разговоров.

- Ба! – усмехнулся он. – И что же дварфу нужно было от такой, как ты?

Она продолжила свой рассказ. Настолько подробный, что под конец Эбенайзер уж решил, что щеки его сейчас так же красны, как и борода. Он любил хорошие

сказки, как и любой дварф, но был не настроен обмениваться ими с жентийской ведьмой. Потому он прервал её, сделав быстрый шаг вперед, после чего совершил ряд быстрых ударов молотом, которые заставили женщину уклоняться и отступать.

- Ты быстра, - сказал он, когда оба они замерли. – Но твоя попытка отвлечь меня – не сработает!

- Разве? – женщина ухмыльнулась и бросилась вперед.

Эбенайзер отшатнулся назад, чтобы избежать удара лезвием. Женщина прыгнула на него прежде, чем он успел восстановить равновесие. Из всех сил, он пытался поднять молот, но она уже была слишком близко.

Всем весом она навалилась на него – неплохой удар для такой тощей девки, но Эбенайзер привык к чему-то посильнее, и потому не ожидал, что упадет. У него не было ничего, кроме камня за спиной. Кажется, его все-таки отвлекли. Он не видел камня. Валун ударил его по коленям, которые мгновенно подогнулись. Эбенайзер перекатился назад, к своей смерти.

Женщина упала на него, извиваясь, царапаясь и отплевываясь. Она была маленькой и хрупкой, но сражалась с яростью, которая заставила бы постоять в сторонке кисок Тарламеры.

Смущенный, не менее, чем разъяренный, Эбенайзер желал лишь поскорее покончить с этим. Он оглядел каменный пол, в поисках своего молота. Ничего. Он перевел взгляд в другую сторону – и вскрикнул, когда проклятая женщина вцепилась зубами ему в ухо. Оружие лежало слишком далеко. Эбенайзер выругался и оттолкнул двуногую кошку. Поднявшись на ноги, он бросился за молотом.

Женщина сплюнула кровь и бросилась за ним. Руки её обхватили его лодыжки, и он полетел вниз, плюхаясь на свой многострадальный живот. С ошеломляющим треском подбородок его столкнулся с каменным полом. Хуже того, его вытянутые пальцы так и не коснулись рукояти оружия.

Вскарабкавшись на спину дварфа, женщина схватила молот и отшвырнула его как можно дальше. Эбенайзер услышал, как ударился о камень митрил, а затем скрежет скользящего по берегу металла.

Это уж было слишком. Эбенайзер рванулся, с легкостью отбросив противницу. Вскочив на ноги, он злобно ткнул в неё пальцем.

- Теперь ты начинаешь меня раздражать, - проревел он с типичной дварфской сдержанностью.

Человеческая женщина уже поднялась на ноги, снова начиная кружить. Огромные глаза её смотрели дико, а каштановые волосы торчали во все стороны. Эбенайзер даже подумал, что она выглядела такой же безумной, растрепанной и сердитой, как и он сам.

- Оскорбился, да? – ухмыльнулась она. – Тогда, надеюсь, будет не так уж плохо, если я кое-что сделаю...

Она прыгнула на него, с кошачьей быстротой, и запустила пальцы обеих рук в его длинную рыжую бороду. Эбенайзер вскрикнул от боли, ярости и оскорбленного дварфского достоинства. Но девка еще не закончила. Она подпрыгнула, с силой дергая за бороду, а затем согнула колени и нанесла удар, погружая свои обутое в ботинки ноги ему в живот, и начала падать на спину, увлекая Эбенайзера вслед за собой. Дварф вытянул руки, чтобы удержаться, отчасти инстинктивно, отчасти

потому, что идея оттирать раздавленного человека от своей туники его не слишком привлекала.

Но все пошло не совсем так. Женщина повалилась на пол и ударила ногами вверх. Эбенайзер заметил странное изменение в окружавшей его пещере и свои сапоги, описывающие плавную дугу над головой. Следом, подлетая, словно оладушек на сковороде, полетел и он сам. Пролетев над женщиной, он тяжело приземлился на спину.

Быстрые руки пронесли бороду мимо его лица, затем скрестились, а после исчезли. Прежде, чем голова его ударилась о валун, Эбенайзер ощутил мгновенный удушающий рывок. Душу его охватила волна недоверия и гнева. Используя камни, противница пыталась удушить его собственной бородой!

Вскакивая на ноги, Эбенайзер потащил упрямую соперницу за собой. Он пытался выкрутиться, но она вцепилась в него, словно репей, и хватка её лишь сжималась. Легкие дварфа опалило пламенем, а зрение по краям стало мутным. Стук собственного сердца становился все сильнее, до тех пор, пока рев в ушах не превратился в грохот морских волн.

Это была не та смерть, что заработает ему место в Зале Героев. Будучи преисполнен решимости избежать сей позорной кончины, Эбенайзер отшатнулся к стене пещеры. Если бы только он смог добраться туда прежде, чем упадет, если только сможет хоть раз ударить её о камень – быть может ему удастся избавиться от её захвата.

Дварф почти добрался до места, когда хватка женщины внезапно ослабела, а вес соскользнул по его спине. Эбенайзер затаил дыхание и зарылся пальцами во внезапно обвисшие пряди бороды. Он начал было развязывать их, но внезапно остановился, увидев то же, что и женщина.

- Камни, - пробормотал он хриплым от попытки удушения голосом.

* * * * *

Захват Тернового Оплота был полным. Даг Зорет обошел крепость, чтобы оценить работу, сделанную его людьми.

Разумеется, они были основательны. Лишь немногие из слуг остались живы. Например, человек, который держал и резал свиней и цыплят, пивовар, несколько кухонных рабочих. Большинство местных были слишком проникнуты духом паладинов, которым они прислуживали, и теперь огромный костер обращал их тела в пепел.

Темные, зловонные облака дыма поднимались над крепостными стенами. Мертвых паладинов и их последователей бросили на горящую кучу хвороста и соломы. Подобная растопка не давала жаркого огня, но новый кастелян Дага – худой, смуглый человек, красоту которого портил лишь шрам на щеке – был практичным управляющим. Он решил, что было бы слишком дорого потратить древесину, поставляемую в Терновый Оплот, на подобные нужды. Даг был доволен тем, что нанял кастеляна. В конце концов, прежде он управлял поместьями амнского дворянина. До тех пор, пока раскрытие его походов с женой хозяина не привело к увольнению и увечьям. Даг плевать хотел на привычки слуги, а совет его казался

хорош. Если паладины не сгорят полностью – что с того? Разве на побережье Мечей перевелись голодные вороны и дикое зверье?

Праздник в ту ночь был грубым и длинным. Солдаты совершили набеги на погреба, откуда доставили в обеденный зал бочки с элем и вином. Несколько убитых животных, вместе с луком пореем и овощами, наполнили собой огромный чан. Мужчины пировали, пили, пели и хвастались, покуда на небо не взошла луна, и не останавливались, до тех пор пока большинство из них не оказались храпящими на столах, покаясь лицами в соусе.

Даг держался в стороне от всего этого, внимательно наблюдая, дабы убедиться, что, в конце концов ему будет предоставлено уединение, столь необходимое для его дела. Нужно было сделать еще кое-что, единственное, что сделает эту победу действительно принадлежащей ему.

Когда обсидианово-черное ночное небо обрело цвета сапфира, когда рассвет вот-вот должен был подкрасться, а крепость погрузилась в тишину, нарушаемую лишь несколькими пьяными храпящими, Даг вошел в часовню, и закрыл за собою тяжелые двери.

На алтаре все еще горело несколько коротких свечей. Еще несколько оставалось в подсвечниках, установленных в стенах. Пламя мерцало или становилось размыто синим, утопая в сальных лужах. Это были необыкновенно красивые свечи. Даг уже заметил, что в мастерской у свечника находился запас высоких, толстых свечей, достаточно больших, чтобы гореть весь день или всю ночь. Как жаль, размышлял Даг, что талантливый мастер был столь предан делу праведников. Прояви человек большую гибкость и он, возможно, смог бы жить, чтобы украшать алтарь Цирика. Даг мог представить себе часовню, освещенную множеством огромных, темно-фиолетовых конусов.

Но, быть может, есть лучший вариант. Даг прошел по широкой лестнице, ведущей к алтарю, и некоторое время постоял, глядя на деревянные весы правосудия, символ сурового Тира, а затем закрыл глаза и начал скандировать.

Сила наполнила часовню, а вместе с ней и жуткий фиолетовый свет, который поднялся от горящих свечей. Открыв глаза, жрец изучил длинные, корчившиеся тени, пляшущие у стены. Нет, не пляшущие. Теневые паладины, сражающиеся в вечной битве, они никогда не смогут победить. Это зрелище понравилось Дагу, так как он подозревал, что оно понравится Цирику.

Доказательство божьей радости не заставило себя долго ждать. Низкий, гудящий звук разнесся по часовне, и символ Тира медленно накренился, врезаясь в алтарь. Пламя свечей вспыхнуло, чтобы поглотить деревянные весы, охватило их, а затем взмыло еще выше. Неестественный огонь сошелся в единой точке, поднялся в воздух и принял форму ярко-фиолетового солнца. Потрясенный Даг наблюдал, а в глубине пламени формировалась тьма, которая разрасталась все больше и больше, пока не приобрела форму огромного черного черепа.

Даг медленно опустился на колени. Его амбиции были принижены и подтверждены этим явлением великой милости Цирика. Он воздел руки, все еще запятнанные кровью, и снова запел. На этот раз его слова представляли собой мольбу, что упрашивала Цирика принять дары завоеваний, интриг, раздоров и направить его, когда он сделает новый шаг на пути к власти.

Жрец был уверен, что бог будет с ним. Дар, который он предлагал, был куда больше, чем простая часовня Тира, его святость, оскверненная грязной магией, и его мрачное величие, переданное Цирику. По мнению Дага, он не смог бы принести своему богу жертвы большей, чем смерть великого паладина Тира, потомка самого могучего Самулара, человека, который был его собственным отцом.

* * * * *

Факел попался Бронвин на глаза прежде, чем она услышала приближение солдат. Внезапное появление четырех вооруженных жентийцев потрясло и отрезвило её, прогоняя ослепляюще-красную дымку гнева. С неожиданной ясностью она поняла, что этот дварф не был ей врагом. Вероятно, бедный парень устроил себе жилье в этих туннелях. Казалось маловероятным, чтобы он был связан с Жентаримом. На самом деле, он был едва ли сильнее, чем она, рад видеть этих солдат. Женщина отпустила его бороду и оттолкнула его.

- Камни! – сплюнул он. И хотя голос его был груб из-за её резкого с ним обращения, яд и кислота в одном этом слове идентифицировало его, как дварфское ругательство.

Бронвин почувствовала необходимость отпустить несколько тихих проклятий. Это вызвало быстрый любопытный взгляд её рыжебородого спутника.

- Разве ты не с ними?

- Я думала, это ты с ними, - парировала она. Враг моего врага, мрачно подумала Бронвин. – Мы сражаемся или бежим?

- Ты потеряла мой молот, - рявкнул он. – Это сужает выбор.

В этот момент, один из солдат заметил их. Указывая на них, он закричал, и четверо мужчин сорвались на бег.

- Бежим, - решила Бронвин.

Дварф мотнул головой в сторону реки и быстро ринулся прочь. Бронвин последовала за ним, но её суставы и сухожилия болели, а движения казались жесткими и неудобными. Глаза женщины распахнулись, когда путь привел её на скользкую неровную дорогу, что шла по самому краю покатого берега. Если ей удастся приноровиться к головокружительному бегу дварфа, она рискует поскользнуться и упасть в стремительно несущуюся воду. Если же нет, она потеряет дварфа из виду, а значит рискует провести остаток своей жизни, блуждая в этих туннелях. Что, однако, может оказаться не столь долгим периодом времени, если патруль жентийцев отыщет её здесь.

Внезапно, Бронвин усомнилась в мудрости решения связать свою судьбу с этим дварфом. словно почувствовав её колебание, он остановился и обернулся через плечо, а затем протянул ей короткую руку.

- Хватайся, - крикнул он, его глубокий голос возвышался над ревом бегущей воды. – Ни один дварф, бродящий по илу, никогда не поскользнулся на этом пути. Я не позволю тебе упасть.

По какой-то причине, Бронвин поверила. Она бросилась к дварфу и схватила его за запястье. В то же мгновение, он помчался быстрее, чем казалось возможным.

За их спинами раздался испуганный крик, за которым последовал всплеск. Спутники обменялись быстрыми жестокими улыбками.

- Один внизу, - задыхалась Бронвин.

- Отличное начало, - заметил дварф.

В этот момент ноги Бронвин, казалось, вылетели из-под неё. Она тяжело упала на спину, ударяясь правым локтем, и начала скользить. Внезапно, её занесло влево. Это дварф тащил её подальше от крутого берега. Еще один рывок поднял её на ноги. Не теряя ни единого сердцебиения, они снова бросились бежать.

- Говорил же, что буду держать, - взвыл он. – У тебя есть мое слово.

Когда она кивнула в благодарность, какая-то часть пустоты ушла из её сердца. Внезапно, Бронвин поняла, что не так уж и просто поспевать за дварфом.

* * * * *

Алгоринд пытался сосчитать все постигшие его благословения. Солнце было ярким, холодный бриз, задувавший с Моря Мечей, казался почти мягким по сравнению с ледяными ветрами, которые гуляли по холмам вокруг монастыря во время долгой зимы. Он получил испытание паладина, и первая его часть была завершена. Теперь он направлялся в Терновый Оплот, чтобы передать великие и радостные известия Хронульфу Тирскому, паладину, чья слава и добродетель вдохновляли Алгоринда сколько он себя помнил. У него были жизнь, здоровье, вера и прекрасный меч на боку.

Что по сравнению с этим значила потеря лошади?

Тем не менее, воспоминания о неприветливом, вероломном дварфе ранили. Алгоринд должен был признать, что мало знал о мире, однако это, разумеется, не могло считаться обыкновенным поведением. Он всегда слышал, как дварфов называли грубыми, но честными. Почему краснобородый малыш ударил его и украл лошадь? Неподходящая благодарность после того, как Тир был столь любезен, что спас его жизнь.

К тому же, Алгоринд был обеспокоен задержкой. Путь до крепости пешком занимал на один день больше. Потеря коня была серьезной проблемой, потому что другого ему не дадут. Ему необходимо было заработать новую лошадь, что добавляло еще один пункт к его поискам и значительно замедляло его становление Рыцарем Самулара. Эх, ладно, рассудил он. В конце концов терпение было одной из рыцарских добродетелей.

Но было кое-что еще. Загадочные слова, брошенные сэром Гаретом, продолжали беспокоить его. Старый рыцарь отправил Алгоринда оставаться с Хронульфом и следить за его спиной. Что стало причиной этой внезапной озабоченности? Истинно было то, что жизнь паладина полна опасностей, но поджидала ли знаменитого рыцаря какая-то конкретная угроза?

Еще одна мысль поразила юного паладина. Хронульф посвятил служению годы. Возможно, его здоровье ухудшилось. Возможно, сэр Гарет опасался, что новость, доставленная Алгориндом, может навредить Хронульфу. Сколь радостна могла быть новость об обретении внучки, столь же смертоносно могло быть известие о

потерянном сыне, что был жив, но стал врагом. Лучше мертвый сын, чем живой жрец Цирика.

Головоломка из множества вопросов танцевала перед взглядом, но красота весеннего дня трогала сердце, принося облегчение. Высокая Дорога была широкой, часто затененной огромными дубами и величественными соснами. Вдоль дороги росли ягоды, размером с его ноготь. Красные и сладкие, они наливались соком. В песнях птиц звучала жажда приходящей весны. Они искали пары и вили гнезда, чтобы вырастить своих будущих птенцов.

Все это было новым и восхитительным для юноши. С тех пор, как он был доверен Ордену, Алгоринд не выбирался так далеко за пределы Саммит-Холла. Но при всем при этом, он знал, куда держать путь.

Он знал это, ибо сохранил в памяти все карты монастырской библиотеки, часть из которых он привез с собой в качестве платы за свое обучение. Отец Алгоринда, как и его братья, редко пользовались подобными вещами, предпочитая сверкающую жизнь столицы Кормира пыльным и неприятным путешествиям. Но Алгоринд обожал карты сколько мог себя вспомнить. Даже будучи маленьким ребенком, он уговаривал поделиться ими каждого путешественника и торговца, который входил в двери отца, запоминая каждую линию, точку и пунктир. Он знал, где проходят горы, где быстрые реки поют вероломные песни, в каких холмах, вероятнее всего можно набрести на логова орков, гоблинов, а может и кого похуже. По мнению Алгоринда любое знание было полезным, но эта информация, несомненно, пригодится ему, если он будет путешествовать по миру, служа Тиру.

Это был первый раз, когда ему доводилось сравнить реальность огромного мира с аккуратными картинками, сохранёнными в его уме. По большей части два этих образа сочетались с замечательной частотой. Там, впереди, его ждало низкое каменное здание, построенное последователями Тира, чтобы дать место для отдыха путешественникам. Здесь дорога уходила прочь от моря, чтобы бежать по невысоким, усыпанным валунами, холмам. Кто-то мог бы найти этот участок земли мрачным и затерянным, но Алгоринд был словно ребенок рад, что его карты оживают.

Внезапно он увидел то, к чему не могла подготовить ни одна карта. К северу от него в небо поднималось облако густого маслянистого черного дыма.

Звук грубых голосов привлек его внимание, и взгляд его устремился к холмам на востоке от Торгового Тракта. Затем он расслышал грохот копыт по каменной дороге и грязное проклятие одного из всадников. Было ясно, что это не патруль Тернового Оплота.

Или патруль? Дым и озабоченность, вызванная словами сэра Гарета, породили ужасное предчувствие. Если в Терновом Оплоте какие-то неприятности, Алгоринд должен об этом знать.

Он соображал быстро. Всадники, несомненно, шли по тропе, бегущей через эти холмы. Юноша когда-то видел её, отмеченную на невероятно подробной карте, которую показывал ему эльфийский мудрец. Тропа была коварной и узкой. Одно время она шла по краю крутого обрыва, срывающегося в глубокий овраг.

Алгоринд сорвался на бег. Он петлял среди низкорослой кукурузы, наклонившись пониже. Он внимательно прислушивался к грубой речи путников, чтобы оценить их местонахождение и двигаться с ними в едином темпе.

Юноша отыскал путь и взобрался по скалистому склону, который давал обзор на тропу и овраг под ней. Присев за камнем, он выждал, а затем спустился ниже, когда люди появились в поле зрения.

Их было четверо. На их черных туниках красовалась изогнутая руна – эмблема Темного Оплота. Разумеется, солдаты Жентарима. Это заставило Алгоринда почувствовать себя немного лучше. Засада едва ли могла считаться хорошим делом для паладина, но эти люди явно были злом, к тому же большой перевес требовал большей доблести. И это добавляло горечи к тому, что он собирался сделать.

Когда люди поравнялись с ним, Алгоринд бросился на того, что ехал первым. Он схватил человека и стащил его с лошади. Вместе, они повалились вниз. Алгоринд нанес два быстрых, колющих удара в горло и лоб жентийца. Тот мгновенно обмяк. Вскочив на испуганную лошадь, паладин вытащил меч.

Остальные солдаты наблюдали за судьбой своего товарища. Они развернули своих лошадей и достали оружие. Понукая своих скакунов грубыми ударами, они яростно налетели на Алгоринда.

К счастью для него, тропа была слишком узкой, чтобы пара человек могла проехать здесь. Первый атакующий прогремел к нему, подняв меч. Алгоринд перехватил клинок, дернул поводья своего позаимствованного скакуна влево и слегка повернул скрещенные клинки. Искусство поединка много практиковалось в Саммит-Холле, и Алгоринд с легкостью оставил своего противника без лошади. Жентиец тяжело повалился вниз, приземляясь мимо твердой земли. Он полетел прямо в усеянное камнями ущелье. Его проклятия быстро сменились воплями боли, а затем вовсе затихли.

Покуда их товарищ все еще катился вниз, двое оставшихся атаковали своего противника. Первый держал опасный дротик, который он носил в одной руке, словно копье. Алгоринд ждал, пока враг окажется к нему почти вплотную, а затем, замахнувшись мечом, прыгнул навстречу надвигающемуся острию.

Клинок перехватил дротик, своим весом заставляя острие опуститься. Оно ударилось о землю и зарылось глубоко в почву. Алгоринд отшатнулся в сторону, чтобы избежать грохочущих лошадиных копыт. Ушей паладина коснулся протяжный вопль, когда согнувшееся древко выдернуло человека из седла и швырнуло его в воздух.

Прежде, чем тяжелый удар возвестил о том, что противник повалился на твердый камень, Алгоринд уже вскочил на ноги, держа меч на изготовку. Паладин бросился наперерез последнему всаднику. Испуганная лошадь встала на дыбы, сбрасывая своего наездника на тропу. Прежде, чем упавший солдат смог собраться, Алгоринд уже оказался тут как тут, одной ногой прижимая руку противника и приставляя к горлу мужчины острие своего клинка.

В глазах жентийца отразилось ожидание смерти. И это приводило его в ужас. Так и должно быть, с внезапной жалостью подумал Алгоринд, когда все, что ждет человека там – это сомнительная милость Цирика или другого злобного божка,

которому служил Жентарим или же — скорее всего — ошеломляющая пустота безверия.

- Просто ответь на мой вопрос, и сможешь уйти невредимым, - поклялся паладин.

Мужчина подозрительно прищурился.

- А если я откажусь говорить?

- Говори свободно или умри быстро, - ответил Алгоринд. - Таков твой выбор.

- Довольно просто, - пробормотал солдат. - Что ты желаешь знать?

- Ты из Темного Оплота, и ты забрел далековато от своей крепости. У вас есть еще одна?

Быстрая, злая ухмылка человека напомнила Алгоринду канюка, готового к кормежке.

- Судя по событиям прошлой ночи, так и есть.

Казалось, сердце Алгоринда превратилось в камень.

- Терновый Оплот. Вы захватили его.

- И неплохо там поработали.

Алгоринд кивнул, сразу поняв, что не сможет выполнить поручения и передать сообщение Хронульфу. Сам он с радостью сразился бы со смертью, чтобы защитить оплот порядка от захвата Жентарима. Он не ведал паладина, отказавшегося бы от подобного дела. Несмотря на это, ему нужно было узнать.

- А паладины, которые пережили это... они все мертвы?

- Все до единого. Я видел, как они горели.

Черный дым, понял Алгоринд. Его гнев распалялся все больше, побуждая его умертвить этого злого человека, способного с таким безразличием рассуждать о смерти хороших людей.

Но Алгоринд дал слово. Он не мог нарушить его, как не мог и узнать всего, что желал знать. С особой тщательностью изучив архивы ордена, он знал, что Хронульф, слуга Тира, носил великий артефакт. Одно из Колец Самулара. Долг Алгоринда узнать, что с ним стало.

- Ты отвечал прямо. За это я тебя благодарю. Скажи мне еще кое-что. Что стало с собственностью паладинов?

Мужчина неопределенно дернул плечом.

- Как обычно. Оружие и драгоценности достались командиру. Его капитаны разобрали их и унесли, как добычу.

- Командир паладинов, известный как Хронульф, слуга Тира, носил золотое кольцо. Ты знаешь, у кого оно теперь?

- Это проклятое кольцо, - покорно отозвался солдат. - Шары Бэйна, я устал от разговоров о нем! Командир заставил нас обыскивать проклятую крепость дольше, чем я мог сосчитать. Насколько нам известно, старик отдал кольцо симпатичной молодой девке, а она сбежала. Никто не знает, как ей это удалось и куда она направилась. Мой патруль был одним из тех, что занимались её поисками. Это правда все, что я знаю.

После долгого изучения, Алгоринд отступил от мужчины.

- Я верю тебе, - сказал он. - Можешь идти.

На мгновение, солдат уставился на него.

- Вот так вот просто? - спросил он с недоверием.

- Ты сыграл свою роль. Можешь идти.

Человек рассмеялся — горьким, сардоническим смехом.

- Ты так просто говоришь об этом. Известно ли тебе, что сделает Даг Зорет, когда узнает, что я потерял свой патруль в схватке с одним человеком? Когда узнает, что я тебе рассказал? А он узнает. У него есть способы вызнать даже то, что я сам не желаю. Если я вернусь в крепость — я, считай, мертвец.

Алгоринд был совершенно смущен.

- Тогда зачем ты сказал?

- Ты предложил мне быструю смерть. Тогда я подумал, что для меня это лучшая из возможных сделок.

Это потрясло молодого паладина. Ужасно, что человек вынужден был подобным образом бояться своего начальства. Он долго изучал жентийца, молча призывая Тира помочь ему в оценке этого человека. То, что он обнаружил, изумило его, делая задачу с убийством солдата все более обескураживающей.

А как же его собственные поиски? Захват Тернового Оплота и смерть Хронульфа положили им конец. Но как же кольцо и женщина? Этот вопрос казался серьезным и требовал мудрости старшего паладина. Может быть, сэр Гарет все еще был в Залах Правосудия. А если нет, то разве не был захваченный город лучшим местом для начала поисков «симпатичной девки»?

- Мы оба некоторым образом потеряны, - сказал Алгоринд. - Я заключил с тобой сделку не предполагая, что все может обернуться вот так вот. Как по мне, лучше отправиться на юг, в Глубоководье. Сопровождай меня, если желаешь. В большом городе ты, наверняка, сможешь найти лучшую жизнь и затаиться.

Солдат приподнялся на локтях, недоверчиво глядя на молодого человека.

- Что ты предлагаешь? Измену?

- Спокойный проход на юг, - поправил Алгоринд, - и мое честное слово, что я не вижу в тебе много истинного зла. Я также могу предложить тебе искупление, именем Тира. Прими его, покинь путь, который ты выбрал, и когда придет время умирать, тебе не придется встречать смерть с тем же ужасом в глазах. Но будь осторожен, - предупредил паладин, - Тир — бог справедливости, и вполне возможно, твоя жизнь в Жентариме оставила дела, требующие расплаты. Прощение Тира не бывает бесплатным.

- И какова цена? - проворчал солдат, однако, принял протянутую Алгориндом руку, давая молодому паладину помочь ему подняться на ноги. В глазах этого человека, юноша увидел мерцающее вожеление даров Тира — надежды, чести и мрачной, но утешительной веры в суровое правосудие.

- Я могу отправиться с тобой в Глубоководье, - сказал солдат.

* * * * *

Бронвин неслась за дварфом, покуда не убедилась, что бока её разрываются на части. Когда она была уверена, что не сможет сделать более ни шагу, дварф свернул в совершенно темный туннель. Спотыкаясь, она побрела позади, зная только, что они несколько раз повернули. Наконец, её проводник остановился.

Долгое время, она стояла, положив руки на колени и пытаясь отдышаться. Дварф издавал примерно те же звуки, однако, намного громче. Воздух влетал и вылетал из этого толстого парня с силой и грохотом, что производят работающие кузнечные меха.

- Но все же, как ты оказалась в этой шахте? - потребовал он, когда собрал достаточно воздуха для того, чтобы говорить.

- Поверь, это не было моей идеей, - Бронвин опустилась, садясь на холодный каменный пол туннеля. - Была битва. Жентийцы вошли в крепость — через уборные, если судить по запаху. Когда стало ясно, что крепость падет, один из паладинов кинул меня в эту дыру.

Она не сказала, кем или чем был для неё этот паладин. Её потеря была слишком свежей, слишком недавней, чтобы облекать её в слова.

- Хмम्म, - оценил сказанное дварф. - Ну, теперь картинка складывается. Жентийцы значат проблемы, это же ясно. Некоторые дварфы моего клана торговали с ними. Говорил я им — не надо. Предупреждал, что они никогда не платят. Что ж, вот они и заплатили.

Горечь в голосе дварфа поразила Бронвин. Она начала собирать кусочки мозаики. У большинства крепостей были туннели для бегства, однако, они были секретными и всегда тщательно охранялись. Даже уборные, необходимые в каждом поселении, всегда были защищены от возможного вторжения. Наличие дварфского клана обеспечит мощный щит на пути отступления. Гневная помесь шока и горечи в голосе её нового знакомого подсказывала, почему набег стал возможен.

- Шахта вела в ваши туннели? - мягко спросила она.

- Так и есть. Немногие знали о горке, даже среди дварфов. Предполагалось, что лишь предводитель людей должен быть в курсе. Полагаю, ты оказалась в нужное время в нужном месте.

От неё не укрылась тяжелая ирония, прозвучавшая в его голосе, как и надрыв ужасного горя. Несколько мгновений Бронвин и её спутник сидели молча. Ничто из сказанного ей не облегчит его боль. Она знала это, ибо не могла придумать ни единого утешающего слова, способного заглушить её собственную потерю.

Маленькая сильная рука схватила её запястье.

- Идем, - сказал он грубо. - Нам лучше убраться из этого места.

Примерно час они шли молча, покуда Бронвин не стала различать формы и тени, выступающие из тьмы.

- Это выход там, впереди?

- Да. О, проклятье!

Бронвин остановилась, испуганная резким тоном дварфа.

- Что?

- Мне... мне нужно завязать тебе глаза. Никто не знает этого выхода. И лучше, я сохраню его в тайне.

Это удивило Бронвин, словно бы кто-то в отчаянии пытался закрыть дверь сарая после того, как коня уже увели. Однако, она не собиралась говорить об этом расстроенному дварфу.

- Я понимаю. Если хочешь, срежь полоску ткани с подола моего плаща.

Дварф справился с этой задачей, а затем вывел Бронвин из туннеля, выходя за ней следом. Покуда ходьба с завязанными глазами не сильно отличалась от прогулки по темному туннелю, она не возражала против этого так уж яростно. И пусть она не могла видеть, звук и порывы морского ветра подняли ей настроение. Девушка и не представляла, как угнетают туннели, пока не выбралась из них.

Наконец, дварф остановился и снял с её глаз повязку. Она моргнула и зажмурилась от внезапного потока света. Когда глаза её привыкли к смене обстановки, Бронвин заметила, что они стоят на широкой грунтовой дороге — Великом Пути. К тому же, она смогла лучше разглядеть дварфа.

Он был, ну, квадратным. Вероятно, чуть меньше четырех футов в высоту, он выглядел, словно бочонок с толстыми руками и плечами, которым позавидовали бы большинство шестифутовых мужчин. На плечах его лежали рыжевато-коричневые косы, более ярко каштановая борода распласталась на груди. В отличие от большинства дварфов он не носил усов, и это придавало его широкому лицу мальчишеский вид. С шеи дварфа на ремешке свисала подкова, еще немного чудаковатости, однако, в глазах его, цвета неба перед бурей и столь же мрачных, не было ничего детского.

Она протянула руку.

- Я — Бронвин. Спасибо, что вытащил меня из туннелей.

Он замялся, а затем сжал её запястье в кратком приветствии путешественника.

- Эбенайзер.

Его ответ был резким, почти вызывающим. Другого Бронвин и не ожидала. Дварфы были не скоры на доверие и не желали доверять своих имен без особой необходимости.

По невысказанной договоренности, они побрели на юг, вдоль дороги. Бронвин заметила унылую понурость его плеч.

- Ты потерял кого-то в туннелях, - сказала она с глубоким сочувствием.

Молчание затянулось, все более напряженное, пока, наконец, не взорвалось традиционными проклятиями дварфов.

- Мой клан, - признался он. - Большинство погибло. Некоторые ушли.

- Кое-кто убежал, - заметила она. - Уже что-то.

- Ба! Да ты не знаешь дварфов, если так думаешь. Бежать, когда можно сражаться? Они ушли не по своей воле, говорю тебе.

Бронвин прищурила глаза, осознавая сказанное. Остановившись, она схватила своего спутника за руку и повернула лицом к себе.

- Их схватили жентийцы. Зачем?

- И правда, зачем? - беспомощно взревел он. - Зачем человеку учиться читать камни или самому потеть, добывая руды и драгоценные металлы из твердой породы? Зачем тратить двадцать лет на то, чтобы научиться ковать мечи, чтобы потом делать один единственный, за который можно отдать десятилетие? Зачем трудиться ради огранки драгоценных камней, чтобы они сверкали, словно Слезы Селуны в ясную ночь? Зачем, когда можно выкрасть кого-то, способного сделать все это за тебя?

- Рабы, - усмехнулась она. Её собственное прошлое возвышалось перед нею, вливая в это слово больше яда, чем можно было отыскать в гнезде с гадюками.

Дварф с любопытством посмотрел на Бронвин.

- Я так думал. Что это значит для тебя?

Она опустила руки и зашагала по дороге. Теперь более грустная. Спустя мгновение, Эбенайзер догнал её.

- Быстроходный караван будет, как только начнутся весенние ярмарки, - бойко сказала она. - У меня достаточно денег, чтобы купить нам лошадей. Ты умеешь ездить верхом?

- Да, но...

- Тогда двух. Нам нужно попасть в Глубоководье послезавтра до наступления темноты. Если повезет, в полночь окажемся в Скуллпорте.

- Скуллпорт! - фыркнул он. - Еще сказки. Таверна из легенд. Такого места нет.

- Более чем вероятно, что есть. И это ближайший порт, предназначенный для работоторговли. Если хочешь отыскать живых членов своего клана прежде, чем они окажутся на полпути к Калимпорту, нам придется туда отправиться. Смирись с этим.

Шагая рядом, он оценил сказанное. Наконец, он скептически посмотрел на неё.

- А тебе-то что, человек?

- Меня зовут Бронвин, - мрачно сказала она. - Тебе надо бы привыкнуть использовать это имя. Там, куда мы идем, крик «Эй, человек!» заставит тебя отвечать на слишком много вопросов. Большинство из них тебе не понравятся.

- Ладно, тогда, Бронвин, - согласился он. - И быть может ты сэкономишь свои деньги. Я прихватил лошадь. С тобой идет Эбенайзер Сын Брукхолста и Палмары, клан Каменной Шахты.

Она кивнула, понимая, какую честь оказал он ей, назвав свое полное имя и родословную — и видя в его глазах, каких усилий ему стоило назвать имена родителей, которых он, вероятно, похоронил. Он соглашался с её планом, доверяя ей помочь ему найти потерянную семью. Величина этого доверия её поразила. Ей нечего было сказать в ответ, но она все же попыталась.

- Каменная Шахта, - повторила она. - Значит, твои соотечественники были шахтерами?

- Нет, мы получили это имя, потому что моей бабуле удалось нарожать тринадцать детей, - огрызнулся он.

Бронвин повела бровью, признавая похабный сарказм.

- Ладно. За дело.

- О деле, - заговорил дварф с внезапно вернувшимся подозрением. - Что ты там говорила на счет своего заработка?

- Я не говорила, но если тебя это волнует — я не работоторговец. Ищу утраченные древности. Ты бы назвал меня охотницей за сокровищами.

Он кивнул, понимая этот стереотип. В конце концов поиск сокровищ был очень распространенным дварфским ремеслом.

- И где твой тайник?

- На самом деле, это скорее магазин, и я редко там появляюсь. Большую часть времени я трачу на дорогу и поиск новых предметов. Я часто работаю на заказ, но все, что я нахожу, продается.

- Практично, - одобрил Эбенайзер. - Нечего ему пылиться. Слишком много неприятностей. Где ты научилась драться?

Бронвин беспомощно усмехнулась, чувствуя себя немного сбитой с толку резкой сменой темы.

- По ходу дела. Меня никто не учил драться, но до сих пор я выиграла больше битв, чем проиграла.

- Лучшая тренировка, - сказал он и бросил на неё суровый взгляд. - Всегда дерешься нечестно?

Она пожала плечами.

- Когда это необходимо.

Он снова кивнул.

- Ладно. Итак, давай-ка глянем на этот Скуллпорт.

Глава 8

Вместе со своим новым спутником, Алгоринд направился на юг, к большому портовому городу. Единственная оставшаяся лошадь жентийцев была трагически травмирована во время сражения, а потому её пришлось отпустить. Попытки вернуть других коней окончились безуспешно. Казалось, этим животным не хватало преданности и чувства долга, которые воспитывались в лошадях паладинов.

Дженнер, бывший жентиец, оказался на удивление хорошим спутником. Он довольно хорошо пел и знал некоторые старые баллады, описывающие замечательные героические подвиги и доблесть – действительно странные песни для горла человека, который провел свою юность, патрулируя территории вокруг Темного Оплота. Это сильно озадачило Алгоринда.

- Как ты попал на службу ко злу? – спросил он попутчика однажды.

Слова молодого паладина вызвали у воина печальную улыбку.

- Я не видел зла. Это больше походило на выживание. Я родился в горах Серого Покрова и вырос, пася овец отца. Земля и овцы перейдут к моему старшему брату. Я всегда знал об этом, но потом наступили три плохих года. Ни урожая, ни достаточного числа ягнят. У меня не было выбора, кроме как взяться за любую работу, что шла в руки.

- Выбор есть всегда, - твердо сказал Алгоринд. Он положил свою руку на плечо мужчины. – Сегодня ты сделал отличный, и я надеюсь, первый из череды таких же.

- Надеешься, да? – усмехнулся Дженнер. – Думается мне, ты из натур доверчивых. Это принесет тебе горе. Рано или поздно.

Алгоринд не мог бы с этим поспорить. Предательство спасенного дварфа все еще беспокоило.

- Не так далеко впереди есть стоянки для путников, - заметил он. – Мы можем заполнить наши кожухи у колодцев и собрать ягоды, растущие поблизости.

Вздох Дженнера был полон великой тоски.

- Люблю весенние ягоды. Они хороши едва собранными, но лучше всего идут с медом и свежим кремом, присыпанные кучей свежего печенья. Я собираюсь достать немного, когда мы доберемся до Глубоководья. После нескольких кружек и прекрасно обжаренной оленины.

Паладин был слегка оскорблен картиной подобных излишеств.

- Было бы лучше поискать работу.

Дженнер подмигнул.

- И какое место лучше подойдет для этой цели, чем таверна? Именно туда одни идут нанимать мечи, а другие – их продавать.

- И ты желаешь найти работу наемного клинка?

- Это то, что я умею. Не волнуйся, - сказал он, криво улыбаясь Алгоринду. – Я отлично справлюсь как охранник каравана или что-то вроде того. Ну или стражник в доме отдыха.

Алгоринд кивнул, а затем застыл. Зрелище перед ним было помесью такой смелости и злодейства, что дыхание, на мгновение, застряло в его горле.

Краснобородый дварф вышел из каменной постройки, ведя за поводья Ледяного Ветра. Вместе с ним была молодая женщина с исключительно длинными, густыми волосами, заплетенными в косу. Достаточно хороша, чтобы подойти под жентийское описание «симпатичная девка», и, поскольку женщины, путешествующие в одиночку, были в этих краях редкостью, эта, вероятно, была именно той, что Жентарим искал в Терновом Оплоте. Дварф посадил её в седло Ледяного Ветра, словно имел полное право распоряжаться лошадью, а затем взобрался на спину коренастого неприглядного пони. Оглянувшись, он удивленно уставился, когда увидел Алгоринда.

В лихом приветствии, дварф поднял руку, а потом пустил пони в удивительно быстрый галоп. Женщина последовала за ним на краденой лошади.

- Женщина, которую вы ищете, - мрачно сказал Алгоринд, - связана с Жентаримом?

Дженнер покачал головой, явно не понимая линии подобных рассуждений.

- Не знаю. Почему ты спрашиваешь?

- Этот белый конь – мой, - указал Алгоринд. – Дварф предал меня и украл его. Если женщина водится с конокрадом, стоит поинтересоваться, не может ли она сама быть союзником злодеев.

Бывший жентиец рассмеялся.

- Надеюсь, ты не обиделся.

Алгоринд посмотрел на него с недоумением.

- Нет, я и не собирался. Почему ты спросил?

Дженнер судорожно хихикнул и покачал головой.

- Не важно. Давай просто как можно быстрее доберемся до Глубоководья - или же позволь мне найти подходящий путь, самый быстрый из тех, что примет твоя совесть.

* * * * *

Поздно днем, два дня спустя после падения Тернового Оплота, Бронвин привела своего нового спутника в "Любопытное Прошлое". Дварф оглядывался вокруг, удивляясь старым и редким вещам, заполнявшим полки и столы.

- Многовато пыли соберет, - грубо проворчал он.

Громкое оскорбленное фыркание возвестило о присутствии Элис. Гномиха распрямилась в полный рост, и её коричневое личико показалось из-за края большой латунной вазы, которую она полировала. Все её маленькое тело дрожало от негодования.

- Пыль, да? Попробуйте найти хоть один горшок, драгоценный камень или книгу, которая не была бы вытерта до блеска!

Эбенайзер сложил руки на груди.

- Даже будь я лучшим из дварфов, все равно не стал бы этим заниматься. Можешь запихнуть свой так называемый вызов в ведро «мне-плевать» и отправить к прочим отходам.

- Элис, встречай Эбенайзера Каменную Шахту, - сухо сказала Бронвин. – Он пробудет со мной пару десятидневок.

Лицо гномихи приняло настороженное выражение.

- И где он остановился?

- Никто из нас не останется. Мы примем ванну, поедим и отправимся в путь.

Элис вздохнула.

- Ну, судя по твоему виду, деточка, хороший обед пошел бы тебе на пользу.

Она скользнула презрительным взглядом по дварфу, оставляя оскорбительную часть своей фразы невысказанной.

Бронвин смотрела на перепалку с большим недоумением. Элис была самой доброй из душ. Подобное обращение с посетителем "Любопытного Прошлого" было очень странным для гномихи. Женщина уже собиралась попрекнуть помощницу, когда заметила в глазах дварфа восхищенный боевой блеск. По дороге на юг он был немногословен, и она дала ему время, чтобы справиться с потерей. Судя по выражению его лица, пара драк ему бы не повредили.

- Отрасти бороду, женщина, - хрипло сказал он Элис. Этот комментарий озадачил Бронвин, но Элис, по-видимому, все прекрасно поняла. Глаза гномихи распахнулись, а затем на и без того красных щеках зарделся румянец.

С опозданием, Бронвин тоже все поняла. Дварфские женщины были бородаты, как и мужчины. По-видимому, Эбенайзер выражал глубокое одобрение грубому приему Элис, даже слегка заигрывая с ней. Бронвин бросила взгляд на потолок, который, несмотря на все заверения гномихи, был украшен сеткой паутины.

- Что-нибудь интересное со времени моего ухода?

Элис подобралась.

- Твой дружок, лорд Тханн, все искал причин зайти или отправить сюда кого-нибудь раза три на дню. Кажется, он больше всех беспокоился о тебе.

- Могу себе представить, - пробормотала Бронвин. – Полагаю, он наблюдал за мной и все это время доносил Хелбену. Без обид, Элис, - поспешно добавила она, замечая, что глаза гномихи наполнились болью и раскаянием.

Следить. Доносить.

Внезапно что-то произошло. И это нечто заставило глаза Бронвин распахнуться от нахлынувшей ярости. Она сказала о родимом пятне, когда желала подтвердить личность своему отцу. Несомненно, эта отметина была одним из знаков, о которых знали те, что некогда искали пропавшую дочь Хронульфа. Возможно, Арфисты слышали о поисках и помнили это родимое пятно. Возможно ли, чтобы приглашение присоединиться к ним, переехать в Глубоководье и работать под руководством Хелбена стало следствием не умений, которые она могла принести Арфистам, но её происхождения?

Они знали, в то время, как она столь отчаянно искала свою семью все эти годы.

Если все так и было, те краткие дни и веселые ночи, проведенные с Данилой несколько лет назад, приобретали новый, зловещий смысл. И осознание это сделало боль от предательства столь невыносимой, что женщина едва не рухнула на колени. Данила знал, кто она, или, по крайней мере, подозревал. Когда он покинул Амн, сомнений у него не оставалось.

- О, бог и богиня, - прошептала она страшным голосом, обнаруживая эту двуличность в мужчине, которого так давно звала другом. – Сладкая сестра Сьюн.

- Кое-кто мог бы посчитать, что в начале дня следует призывать богиню любви и красоты, - заметил знакомый ленивый мужской голос позади неё. – Как по мне, я не вижу смысла откладывать то, что пожелаю сделать позже.

Это замечание, сделанное после её внезапного и тревожного открытия, довело Бронвин до точки кипения. Она сжала руки в кулаки и развернулась к дверям магазина, ударяя высоко и сильно.

Уклонившись от удара, Данила схватил её за запястье.

- В самом деле! Новый способ встретить старого друга? – упрекнул он.

Бронвин вырвала руку из его захвата и отступила.

- Ты – сын змеи, - сказала она низким, яростным голосом.

- А...

И все. Он не стал спрашивать, что она имеет в виду. Разумеется. Но не будь Бронвин известно, каким хамелеоном на самом деле мог быть её брат Арфист, она поклялась бы, что в глазах его мелькнуло настоящее сожаление.

Он сделал шаг, протягивая ей руку.

- Бронвин, нам нужно об этом поговорить.

- О, да. Проваливай из моего магазина.

Эбенайзер встал рядом, и судя по выражению бородатого лица – фланги её прикрывал целый батальон. Он сложил руки на груди, окидывая взглядом посетителя Бронвин. Заметив украшенный меч Данилы, дварф фыркнул. Когда осмотр посетителя был завершен, верхняя губа дварфа изогнулась, не оставляя никаких сомнений в том, какое впечатление на него произвел темноволосый щеголь.

- Сегодня никто не умер, - объявил он. – Может, мне стоит это поправить. Стоит проверить эту мысль на деле.

- Не гони коней, - сказала Бронвин, скорее тронутая тем, что дварф пришел ей на помощь без всяких сомнений и колебаний. Это немного помогло, особенно теперь, когда все мировосприятие и союзы, казалось, хаотично менялись, а эмоции

находились в таком беспорядке, что она не смогла бы обдумать все с обычной ясностью.

Но в этот момент новый эпизод из жизни обернулся тревожной головоломкой. Внезапно, Бронвин пришло в голову задаться вопросом о причине вспыхнувшего в последнее время столь неожиданного и настойчивого интереса Арфистов. Знал ли Хелбен о планах, что Жентарим имел на крепость отца? Если это было известно Арфистам, которые, однако, не сделали ничего, чтобы помочь – значит пришло время с ними покончить!

Она снова повернулась к Даниле. Боль от его недавнего преступления затихла.

- Сколько ты знал?

Он развел руками, держа ладони кверху.

- Клянусь тебе, Бронвин, когда мы встретились в Амне, я понятия не имел, кто ты, - мужчина говорил искренне. – И я ничего не знал о твоей семье, до недавнего времени. В нашей дружбе не было ни уловок, ни расчета. Мы были молоды и близки. Когда несколько месяцев спустя я поручился за тебя, как за Арфиста, то назвал твои отличительные знаки. Такие вещи важны для Магистра, и когда Хелбен задал вопрос, я не думал ничего дурного. Я рассказал ему, но не обмолвился и словом о том, как мне досталось это знание.

- Как всегда джентльмен, - ухмыльнулась она. - Но все это мелочи. Несколько мгновений назад я бы и не подумала об этом. Новое предательство затмевает все, что было раньше.

Её слова совершенно явно ошеломили мужчину.

- О чем это ты?

- Ты все отрицаешь! - охваченная приступом ярости, она схватила высеченную из слоновой кости статуэтку и запустила её в бывшего друга. Промых. Статуэтка врезалась в косяк двери, разлетаясь на несколько кусков. - Вы убили моего отца! Не скрывай вы информацию — он мог бы остаться жив.

Бронвин несла бред и знала об этом. Но сейчас ей было все равно. Горькие слова вылетали из неё, словно живые существа, которые должны были родиться вне зависимости от того, какую боль причиняли.

Данила склонился и подобрал кусочки слоновой кости. Бронвин подозревала, что друг пытается выиграть время, чтобы собрать все свое самообладание и сформулировать следующие слова. Но когда он поднял голову, лицо его все еще выглядело обескураженным.

- Бронвин, что происходит?

- Скажи мне вот что — ты знал о том, что Терновый Оплот подвергнется нападению?

Данила казался абсолютно и честно ошеломленным этой новостью. Он присел на резной сундук и потер руки.

- На Терновый Оплот напали? - повторил он.

- И взяли, - коротко сказала она.

Краем глаза Бронвин заметила, что Магазиный Кот начинает проявлять живой интерес к серье посетителя и готовится к атаке. По привычке, она потянулась за вороном — а затем, подумав еще, оставила птицу заниматься чем той вздумается.

- Крепость Терновый Оплот теперь принадлежит Жентариму, - сказала она. Теперь, когда она заговорила, голос приобрел страсть и звучал громко. - Не потому ли Хелбен Арансан был столь обеспокоен моими отношениями с Малхором? Он переживал, что я могу выдать семейные тайны, да? А может, вы даже думали, будто я в сговоре с Жентаримом?

- Не так. Такого никогда не было, - Данила поднялся и сделал шаг ей навстречу, однако, был остановлен очень сердитым дварфом, вставшим между ними.

- Назад, - прорычал Эбенайзер. Он потянулся и стукнул указательным пальцем по сундуку. - Кажется мне, хозяйка этого магазина сказала тебе убираться отсюда. И ты все еще этого не сделал. Теперь я вижу проблему, и мы можем решить её одним из двух способов.

Арфист глубоко вдохнул и с шумом выпустил воздух.

- У меня нет намерений ссориться с вами, сэр. Бронвин, даже если ты недовольна старыми делами, нам все же следует обсудить новые. Пошли мне весточку, как будешь готова.

Единственным её ответом был жесткий взгляд. Спустя мгновение, Данила удалился, молча кивнув напоследок, таким образом невольно уклоняясь от клюва Магазинного Кота.

- Я мог бы полюбить птичку, - заметил Эбенайзер, глядя на ворона с мрачным одобрением.

* * * * *

Сложив руки за спиной и глубоко задумавшись, Данила шагал к Башне Черного Посоха. Поймав свое отражение в полированном стекле витрины, он слегка подтянулся. Потребовался момент, чтобы понять причину беспокойства. Он и раньше видел такую позу. То, как он шел, казалось зеркальным отражением архимага, которому он служил.

- Я слишком долго занимался этим делом, - пробормотал Данила, снова двинувшись вниз по улице, на этот раз медленным шагом.

Он нашел архимага за столом, и это не сделало настроения лучше. Хелбен славился извращенной любовью к таким продуктам, как чечевичная похлебка, густая овсяная каша и фрукты без добавления сахара или печенья. Если секретом долгой жизни архимага было именно это, Данила горячо надеялся помереть, как только выйдет его естественный срок.

После обмена приветствиями, Данила взял с подноса сушеное яблочное колечко. Он сел напротив дяди, жуя мерзкий фрукт и размышляя о том, как бы лучше обойти жуткие слова, брошенные ему Бронвин. Данила, хоть и негласно, дал Элис слово, что не станет сообщать о поездке в Терновый Оплот Хелбену. И он не скажет архимагу о том, что Бронвин вернулась в город. Хелбен скоро выяснит это сам. Для Данилы дни шпионажа за старыми друзьями окончены.

В голову ему пришла идея простой уловки. Ничто не раздражало Хелбена так, как рассказы о занятиях ремеслом барда. Возможно, этот укол послужит тому, что архимаг изучит историю более пристально.

- Вчера вечером я услышал в Ревущей Луне потрясающую балладу, - начал Данила, называя новую таверну, пользовавшуюся популярностью среди бардов всех мастей. - Певец описал падение Тернового Оплота и заявил, что это действительно случилось дня два назад. Я склонен ему верить, дядя. Не хочу критиковать певца, но баллада выглядела довольно сырой.

Хелбен долго смотрел на племянника.

- Жди здесь, - приказал он.

Архимаг встал и выскочил из комнаты. В отсутствии Хелбена, Данила оттолкнул тарелку с сухофруктами и оглядел кухню. Разглядывать было нечего. Стены покрывали полированные панели, каменный пол был аккуратно усыпан сухим тростником, смешанным со сладко-пахнущими травами, как то было принято. Комната была прохладной и плохо освещенной светом, лившимся из постоянно менявшихся окон. Архимаг обладал на редкость простыми привычками и настаивал на том, что в свечах, если они не предназначены для чтения, нет необходимости.

Хелбен вернулся через минуту, и лицо архимага было мрачнее, чем то отражение его собственного лица, которое Данила увидел в витрине магазина.

- Все как ты сказал, - заявил архимаг. - Как подобное могло случиться без единой вести или предупреждения? Как могли осаждающие, собравшие войско достаточного размера на расстоянии не более двух дней езды к северу от города, остаться незаметны? Чем мы тут, в Глубоководье, занимаемся?

Последний вопрос был вызовом, касавшимся Арфистов и, в особенности, Данилы. Он ударил с силой брошенного копья.

- Возможно, - отважился Данила, - что Жентарим давно готовил нападение. И лучшего времени было не найти, учитывая приход весенних ярмарок и интенсивность движения по Высокой Дороге. Солдаты и лошади легко могли прикинуться частью каравана и пройти незамеченными. Маленькие группы могли ускользнуть в горы и собраться в назначенное время.

Хелбен посмотрел на него с удивлением.

- Хорошо сказано.

- Но слишком поздно. Нам стоило подумать о такой возможности.

Данила вздохнул и потянулся за высушенной сливой. Вытащив из-за манжеты рубашки драгоценный кинжал, он ловко распотрошил фрукт.

- У меня нет опыта в осадах, но наверняка некоторые из твоих Арфистов следят за подобными вещами.

- Мы не видели нужды, - сказал архимаг. - Терновый Оплот считался достаточно защищенной крепостью.

- И? - подсказал Данила, замечая, как на лицо дяди опускается знакомая тень секретности.

Хелбен задумался, а затем поднял руки, словно сдался, желая уступить правду, чтобы не терпеть расспросы, которые, несомненно, возникли бы, не сделай он этого.

- Если истина должна всплыть, то отношения между Арфистами и рыцарями Самулара крайне осторожные. Причина конфликта слишком стара, чтобы в её пересказе был какой-то смысл.

- В самом деле?

- В самом деле, - на этот раз упрямое выражение лица Хелбена заявило о его намерении не уступать. - И, хотя твоя оценка стратегии атакующих имеет смысл, её недостаточно для того, чтобы объяснить падение Тернового Оплота. Паладины патрулируют холмы. Если бы сила, достаточно большая, чтобы штурмовать стены, расположилась лагерем, медленно увеличиваясь в числе, они наверняка обнаружили бы их. Нет, есть что-то еще. Что-то скрытое, - он бросил быстрый взгляд на племянника. - Что-то, должное оставаться скрытым от глаз обывателя. Где, ты сказал, пели балладу?

- Ревущая Луна, - повторил Данила, - и мелодия была ужасна.

Или могла бы таковой быть, добавил он про себя, учитывая время, за которое мистическому музыканту пришлось бы написать свою песню!

- Ладно, - удовлетворенно кивнув, Хелбен начал прихлебывать свой теперь уже остывший суп. - У плохой сказки меньше шансов быть повторенной снова.

- Вижу, ты не много времени провел в тавернах, - сухо сказал Данила. - Уверяю тебя, дядя, Баллада о Терновом Оплоте — песня из тех, что чаще всего просят исполнить в тавернах, охотно ищущих молодых бардов и менестрелей с их новостями и сплетнями.

- Не мог бы ты задавить эту балладу? - потребовал Хелбен.

Легче, чем ты можешь себе представить, подумал Данила с легким уколом вины. Он мог бы просто оставить её ненаписанной и неспетой. Но, по правде говоря, какая от того польза? Он достаточно четко обрисовал дяде картину. Не напиши песню он сам — за неё возьмётся кто-нибудь другой, и уж эта сказка может быть куда более опасной.

- Как? Запретить песню? Это лишь заставит её распространяться быстрее. Ты должен признать, что в ней есть все элементы прекрасной истории: героизм, драма, тайна. Баллада коснется душ отставных наёмников, которых так много в Глубоководье.

- Почему?

- Ну, кроме тех, что разъезжали патрулями, в Терновом Оплоте было множество старых паладинов, ветеранов, что предпочли служение уходу на пенсию. Паладины Тернового Оплота бросили вызов своему возрасту и немощам. Они умерли, сражаясь как герои, когда время их уже давно миновало. Очень привлекательно.

Данила было потянулся за половником, но передумал.

- И еще кое-что. Пусть слушатели ждут рассказов о торжестве добра над злом, многие из них удивляются и втайне восхищаются, когда победу одерживает зло. Покуда это не касается лично их.

Архимаг вытер губы льняной салфеткой.

- Жестокие вещи ты говоришь.

Данила пожал плечами.

- Но правдивые. Поскольку в падении Тернового Оплота много таинственности, на этом будут спекулировать. Все, слушающие балладу, сами становятся рассказчиками, задумываясь о том, что же могло случиться.

- Не все люди довольствуются сплетнями, - бросил архимаг. - Как много времени пройдет, прежде чем небольшая сила соберется и отправится на Терновый Оплот? Не сомневаюсь, что паладины из Залов Правосудия сделают из этого испытание, что

уж говорить о рыцарях Саммит Холла. Не мне тебе рассказывать о бессмысленности этого предприятия. Лишь большое полномасштабное нападение могло бы свернуть эти стены.

Данила разглядывал свои ногти.

- Думаешь попробовать свои силы, дядя?

Архимаг фыркнул.

- Если об этом — скажу лишь одно. Аскалхорн.

- А. Отличная идея.

На некоторое время собеседники замолчали, и воздух загустел от воспоминаний о страшных и непредвиденных результатах мощной магии. Падение крепости, упомянутой Хелбеном, открыло врата темным, более смертоносным силам. В течение многих лет Аскалхорн был известен как Цитадель Адских Врат, представляя собой наглядную демонстрацию того, чем заканчивается применение рискованной магии. Это упоминание заявляло о твердом нежелании Хелбена принимать в данном вопросе какое-либо участие.

- Итак, что ты предлагаешь Арфистам? - подтолкнул архимага Данила.

- Тебе мое предложение придется не по душе, - предупредил Хелбен, - но все же прислушайся к моим опасениям, и тщательно взвесь их. Одним из убитых был Хронульф, слуга Тира. Утраченный артефакт был кольцом значительной и таинственной силы. Нам нужно вернуть его.

- И опять «мы», - сказал юноша голосом, тяжелым от предчувствия.

Улыбка Хелбена была мрачной и мимолетной.

- Задача эта ляжет не на твои плечи. Есть кое-кто получше.

- Полагаю, это Бронвин.

- А кто еще? Она показала замечательные способности к поиску артефактов. И если она не знает о своем наследии сегодня, то это ненадолго. Благоразумно будет в этом вопросе связать её службой Арфистам.

Данила был более чем слегка недоволен подобным поворотом событий.

- Это дело подвергнет Бронвин серьезной опасности.

- Разве другие задачи, за которые она с охотой бралась, чем-то отличались?

Была в этом утверждении правда, но Данила все еще копался в своей голове, пытаясь отыскать аргументы против. Затем он подумал, что кольцо может уже находиться у Бронвин. Если ей удалось повидаться с отцом, он, возможно, передал артефакт дочери. Стоило рассмотреть подобную возможность. Если все было именно так, Данила не видел ни единой достаточно важной причины, чтобы потребовать у девушки единственное семейное сокровище, которым та могла владеть и более чем наверняка владела.

- Бронвин сделает так, как ты прикажешь, - сказал Данила, позволяя себе немного гнева. - Как всегда. Но почему ты ставишь цену кольца выше Бронвин?

- Я этого не говорил, - предупредил Хелбен. - Найти кольца и сохранить их от любого, желающего завладеть силой — единственный способ гарантировать безопасность Бронвин. До тех пор, пока кольца можно отыскать, любой потомок Самулара — желанный товар.

Данила потянулся за кувшином эля и налил себе кружку.

- Не морочь мне голову, дядя. Достаточно. Я больше не желаю участвовать в этих делах. Скажи прямо, что делают кольца.

- Некоторые рассказы....

- Давай обойдемся без преувеличений, - нетерпеливо прервал его бард. - Что они делают?

Хелбен потянул серебряную серьгу в своем ухе, знак того, что архимагу не по себе.

- Не знаю, - признался он. - Когда три кольца объединены, они создают мощный эффект, который, к несчастью, мне неизвестен. Волшебник, который создал их от имени Самулара и его рыцарей, не склонен был делиться своими секретами.

Ага, подумал Данила. В этом свете некоторые ранние комментарии Хелбена приобретали смысл.

- Старое соперничество, быть может?

Архимаг пожал плечами.

- Найди кольца, - повторил он.

Откинувшись на спинку стула, Данила сделал глоток эля. Напиток оказался постным и горьким. Он поморщился и поставил кружку.

- Как я сообщал прошлой десятидневкой, Бронвин уехала по делам. Мои разведчики не нашли упоминаний о ней в Даггерфорде, так что, быть может, у неё были другие, более далеко идущие планы.

Он произнес эти слова с сильным нажимом, преднамеренно вводя архимага в заблуждение. Хелбен нахмурился.

- Снова Скуллпорт, да? Хорошо, проверь это. Помоги ей закончить дела, чтобы мы могли перейти к этому вопросу.

Данила улыбнулся. Он был рад хоть один раз сказать правду.

- На это, дядя, ты можешь рассчитывать.

* * * * *

Эбенайзер с нетерпением ждал, когда Бронвин закончит переговоры со стариком, державшим гостиницу. Зияющий Портал, вот как она называлась. Зевающий клиент подошло бы больше. Он кивнул, ожидая получить третью кружку эля, когда с выражением мрачного удовольствия на лице, к его столу подошла молодая женщина.

- Дурнам впустит нас, - сказала она тихо. - Не единственный ход в Скуллпорт, но самый быстрый. Похоже на забрасывание ведра в колодец. Он обвязывает тебя веревкой и опускает.

- Здорово, а? Надеюсь, она сухая.

- В начале, - мимолетно и зло усмехнулась девушка. - Скуллпорт не уныл и не сух. Ни разу.

От этой новости, дварф оживился. Он слишком долго рассиживался, и был готов к паре тяжелых часов. Эбенайзер спрыгнул со стула.

- Хорошо, давай приступим.

Он последовал за Бронвин обратно в запертую комнату, чтобы увидеть, как старик снимает крышку с зияющей в полу дыре. Дварф настаивал на том, чтобы

идти первым, полагая, что ему будет проще разглядеть опасность, учитывая его способность и её неспособность видеть в темноте. Девушка согласилась, коротко рассказав ему, что именно искать.

Идея идти первым оказалась полезной. Дорога была намного длиннее, чем он ожидал. Будь он вынужден сидеть и мять большие пальцы, пока Бронвин спускалась вниз, и может, он потребовал бы пойти другим путем. Но в середине темного и узкого ствола шахты передумать было тяжело.

Наконец он заметил то, о чем говорила женщина. Немного качнувшись взад-вперед на своей веревке, чтобы получить некоторый импульс, он ухватился за первую из железных перекладин, вбитых в каменную стену. Втащив себя в боковой туннель, он выкрутился из своей кожаной упряжи и несколько раз хорошенько дернул за веревку.

Инстинкт побуждал его вести себя, словно ничего не случилось. Тьма и тишина сомкнулись вокруг дварфа, но было здесь чье-то внимательное присутствие. Эбенайзер не стремился предупредить неизвестного наблюдателя о своем прибытии.

Дварф нетерпеливо ждал. Рука его не отпускала рукоять молота до тех пор, пока не появилась Бронвин. Он схватил её за пояс и оттащил в туннель. Она опустилась, тихо шелестя кожей. Пожав плечами, девушка приказала Эбенайзеру идти за ней следом — смелый шаг, учитывая тот факт, что сама она не могла видеть в полной тьме этой дыры.

Эбенайзер шел рядом, двигаясь уверенно, несмотря на тьму. Глаза его, как у любого дварфа, легко перешли от восприятия света и цвета к тонким очертаниям тепла. Бронвин такими способностями не обладала, но все же шла довольно смело. Она искала путь, пробегая вдоль стены кончиками пальцев.

Путники миновали два прохода, прежде, чем Бронвин свернула в боковой туннель. Этот шел по узкой изогнутой спирали, расширяясь по мере их движения. Медленно, тепловые очертания исчезли, сменяясь слабым фосфоресцирующим светом. Влажные каменные стены были покрыты светящимися лишайниками, а вдоль дороги росли шевелившиеся грибы, образующие сияющие сферы.

Одну из таких Эбенайзер пнул в сторону. Она ударилась о стену, испуская странный зеленоватый свет, а затем сползла вниз, сливаясь с другим грибом.

- Похоже, тут чихнул глубинный дракон, - мрачно пробормотал дварф.

- Будет хуже. Смотри, куда наступаешь.

Совет оказался дельным. Некоторые находки были более отвратительны, чем другие. Не раз им приходилось обходить тушу какого-нибудь зверя, который попал в засаду и был наполовину съеден.

Они шли часами, без разговоров, внимательно прислушиваясь к звукам туннеля — пустоте, эху собственных шагов, дробь капающей воды, скрежету крысиных когтей и далекому рыку рыскающих монстров. Со временем по туннелям разносился слабый шум поселения.

- Почти на месте, - пробормотала Бронвин.

Эбенайзер кивнул и поднял руку, чтобы прикрыть нос. Воздух наполнило неповторимое зловоние морского порта. Они свернули в новый проход и вышли в огромную пещеру, пол которой был усыпан приземистыми темными зданиями.

Они пробрались через убогий рынок, собравший больше существ, представлявших разнообразные расы, чем когда-либо видел Эбенайзер. Бронвин свернула в узкий туннель, что казалось почти облегчением.

Проход резко повернул, открываясь в маленькую пещерку, сияющую слабым синим светом. На входе стояла пара иллитидов. Самых крупных из тех, что видел Эбенайзер. Они были отвратительны — размером с человека, двуногими существами. Их уродливые тела не были похожи ни на женские, ни на мужские. Большие лысые головы болезненного лавандового цвета вздымались над одеждами цвета крови. Лица существ совершенно ничего не выражали — по крайней мере, не несли они тех эмоций, что мог бы распознать дварф. Глаза иллитидов были большими, белыми и пустыми, а нижняя часть лица состояла из четырех извивающихся щупалец. В трехпалых руках стражи сжимали копья, но реальной силой было то, что таилось за их невыразительными глазами.

- Мне нужно поговорить с Истиром, - сказала Бронвин охранникам, кивком головы указывая на Эбенайзера. - У меня дварф на продажу.

В ответ, стражи отошли в сторону, и из теней выступил третий иллитид, приказывая им следовать за собой.

Эбенайзер одарил подругу насмешливым взглядом, и пошел за ней в пещеру, так и не сводя с неё глаз. Он считал, что хмурый вид отлично подходит к развязному шагу.

Возможно, эти фиолетовые твари могли заглянуть ему в голову и узнать, что он думает, но будь он проклят, если испугается!

- Полагаю, план неплохой, но не могла бы ты предупредить меня раньше? - низким шепотом спросил Эбенайзер, когда они с Бронвин двинулись за проводником.

- Задача не из легких, если учесть, что я сочинила его когда мы пришли, - заметила она.

- Уххх! Просто постарайся не продать меня какому-нибудь двуногому кальмару, - парировал дварф, изображая больше бравады, чем было у него в данный момент.

В новой небольшой пещере их проводник исчез в густых тенях, и еще один иллитид – закутанный в дорогие шелка и обвешанный золотыми украшениями – выскользнул вперед. Видимо, сообщение было передано с помощью тайного телепатического общения. Поскольку смысла во вранье существу, способному прочитать твои мысли, было немного, Бронвин мудро перешла к сути.

- Истир, - сказала она, приветствуя его поклоном. - Мы пытаемся отыскать партию рабов-дварфов. Мне нужны они все.

Не об этом предупреждал меня охранник, ответил иллитид Истир. Его бесплотный голос зазвучал в голове Эбенайзера.

- Я хочу поговорить через Арбитра, - спокойно сказала Бронвин, игнорируя указание на собственную ложь. - Мы имеем право на один разговор, в соответствии с законами Скуллпорта.

Прикосновение эмоций — раздражение, разочарование и, возможно, уважение — вот что пришло от иллитида. Таким образом он выказал неохотное соглашение.

Существо провело их глубже в пещеру. Синее сияние усилилось, пока блеск не заставил Эбенайзера прикрыть глаза. Он едва смог справиться с этим светом — и сразу же пожелал никогда этого не делать.

Странный изуродованный иллидид восседал на пьедестале, стоявшем на квадратном возвышении. Со всех сторон к нему вели ступени. Вместо четырех коротких щупалец этот имел все девять или десять — чрезвычайно длинных, развевающихся со всех сторон огромной, светящейся головы. Щупальца эти мягко пульсировали, словно пещерный осьминог, чувствовавший жертву.

- Арбитр, - тихо пояснила Бронвин. - Тебе нужно взяться за кончик одного из этих щупалец. Пока мы это делаем — мы равны. Иллидид не может влиять на нас больше, чем мы на него.

Эбенайзер с тревогой посмотрел на извивающиеся щупальца.

- Когда мы найдем клан, эти дварфы будут обязаны мне до гроба, - проворчал он.

Истир взял одно из щупалец, кивая Бронвин и Эбенайзеру, чтобы те сделали то же самое.

Опыт оказался неприятен, как и опасался дварф. Эбенайзер сразу же оказался окутан облаком странных ощущений. Он никогда не помышлял о зле — за исключением естественного импульса вытащить свой топор и взяться за дело всякой раз, когда тварь способная нарваться на подобное возникала на его пути — и он понятия не имел, что у зла есть форма, звук и собственное зловоние. Объединение мыслей с иллидидом убедило его в существовании оных. Хуже всего был голод — темный, поглощающий, бесконечный голод, на котором основывалась вся сила иллидидов.

К счастью, Бронвин оказалась более способной изменить мышление в сторону иллидидского способа ведения дел. После нескольких минут оживленного торга, Истир достаточно легко ответил на вопросы Бронвин. У кого были угнанные в рабство дварфы, где их держали, на каком корабле они отплывали? Эбенайзер подозревал, что разговор этот стоил Бронвин гораздо больше, чем та смехотворная цена, которую она согласилась уплатить. Он был рад той информации, что продала им тварь, однако предпочел бы забраться в глотку к дракону скорее, чем снова влезть в голову к иллидиду.

Вывалившись наружу, Эбенайзер даже не попытался выглядеть смелым. Быть быстрым казалось более разумным. Он почти выволок Бронвин из озаренной синим заревом пещеры в относительные тьму и пустоту туннелей за её пределами.

- Кошель серебра и длинная нить темного жемчуга, - пробормотал Эбенайзер, удивляясь стоимости, которую Бронвин заплатила за информацию, но не желая, чтобы слова эти достигли ушей проводника. Так как думать об уплате долгов и счетов было легче, чем о мрачной реальности, лежащей впереди, он добавил: - Клан с трудом сможет уплатить тебе стоимость этого выкупа, но мы постараемся. Просто это может занять немного времени. Вот и все.

Она прервала его хмурым взглядом.

- Поговорим об этом позже. Прямо сейчас мы далеки от того, чтобы обсуждать вопрос о возмещении расходов.

- Да, - признался дварф со вздохом. - Так куда нам нужно?

- Горящий Тролль. Это таверна, которую часто навещают пираты и контрабандисты. Хуже только помойная яма, но нам нужно получить информацию.

* * * * *

Спустя час, Эбенайзер развалился на высоком ненадежном стуле. Локти его куртки стали липкими из-за немытой барной стойки. Мрачно, он отхлебнул свой эль, слишком опустошенный, чтобы волноваться, что напиток разбавлен водой.

Корабль уже отчалил. Корабль, который нес его родичей к рабству уплыл сегодня, и они упустили его. Никакой туннель не мог провести их туда, где теперь находилась его семья. Даже холодная радость мести ускользнула от Эбенайзера. Жестокие воры, которые совершили это злодеяние, оказались недоступны для его топора.

Снова выругавшись, Эбенайзер подал знак принести третью кружку.

- Играешь в кости? - раздался рядом грубый, скрежещущий голос.

Развернувшись на стуле, Эбенайзер нос к носу столкнулся с самым уродливым из виденных им образцов орка. Не сильно превышая размерами дварфа, существо отличалось теми же габаритами и силой, что были присущи большинству его расы. В голову Эбенайзеру пришла идея, будто какой-то бог, обладатель свободного времени и извращенного чувства юмора, схватил этого орка в руки и сжал, словно снежный ком. По мнению дварфа, бог, о котором шла речь, должен был сдерживать смех, пока задача не была завершена.

Эбенайзер ткнул себя в грудь.

- Ты это мне?

- Почему бы нет? - обнажив клыки в пьяной усмешке, сжатый орк дружески похлопал Эбенайзера по плечу.

Волна неудовлетворенной чистой дварфской ярости захлестнула Эбенайзера. Дварф уже вышвырнул за окно таверны кобольда — не утруждая себя поднятием жалюзи — просто за то, что существо смело издеваться над отсутствием у него усов. Тем не менее, злость здесь была не причем. Но вот дружелюбный орк... Сейчас этого было достаточно, чтобы заставить Эбенайзера вскипеть.

- Раз ты спросил, - прорычал дварф, - я тебе покажу.

Он выбросил руку, выхватывая предложенные кости из ладони существа. Бросив их на стол, он вытащил молот. Протестующий рев, который издал понявший намерения Эбенайзера орк, заставил плескаться жидкость в кружках у посетителей. Он подхватил кости — выбирая подходящее время для того, чтобы подставить палец под летящий молот.

Несколько посетителей, большинство из которых оказались столь же уродливы, собрались вокруг, чтобы поглазеть на беспорядок. Их лица были изрезаны шрамами, украшены клыками и носили одинаково угрожающее выражение. Эбенайзер кивнул им.

- Гляньте, - кивнул он, указывая на расплюснутые кости.

Маленький переливающийся голубой жук, довольно симпатичное существо, выглядевшее, словно сапфир на ножках, отчаянно бежал прочь. Умные маленькие

создания. Их можно было научить всем своим весом бросаться на окрашенные стены крошечной тюрьмы.

От толпы людей, орков и кое-кого похуже, окружившей противников, поднимался раздраженный низкий гул. Эбенайзер с удовлетворением отметил, что использование фальшивых костей не было в почете даже в таком месте.

Вой боли и ярости внезапно стих, когда орк понял, куда повернулось мнение толпы. Он сделал несколько шагов назад. Глаза его сверкали подозрительной настороженностью, а ушибленный палец был прижат к груди. Развернувшись, орк помчался прочь. Армия его бывших приятелей по костям ринулась за ним следом. Эбенайзер поднял кружку в насмешливом приветствии, а затем вернулся к барной стойке и своей цели — найти себя лежащим лицом на столе после нескольких часов с трудом завоеванного забвения.

Спустя час Бронвин обнаружила, что Эбенайзер все еще в таверне. Он выглядел таким раздавленным, что собственная шаткая решимость женщины окрепла. Она нашла выход, который пугал её, но это было лучшее, что можно было придумать в данный момент. И это был единственный шанс для потерянной семьи дварфа.

Шлепнув несколько протянутых рук по дороге, она подошла к барной стойке и схватила дварфа за руку, когда тот поднимал кружку. Эль расплескался, проливаясь на бороду Эбенайзера. Он повернул к ней свое унылое лицо.

- И зачем?

- У меня есть корабль, - сказала она быстро.

Он прищурился.

- Корабль?

- И команда. Контрабандисты, ждущие груза. Он задерживается, и капитан теряет людей, пока ждет. Он хочет работать и будет делать это дешево.

- Погоди-ка. Ты говоришь, нам нужно выйти в море? - спросил дварф. - На корабле?

- Это весьма обыденно, - нетерпеливо прошипела она. - Давай-ка. У нас мало времени, чтобы добраться до пристани.

Дварф все еще не выглядел убежденным. Однако, он спрыгнул со стула и последовал за ней прочь из Горящего Тролля. Они пробирались между рядами покосившихся деревянных зданий, следуя путанным лабиринтом ведущих к докам узких улочек.

Перспектива морского путешествия заставила Бронвин нервничать так сильно, что ей казалось, будто она лишилась нескольких слоев кожи. И это делало её невероятно уязвимой. Чтобы отвлечься, она начала тихо бормотать.

- Найти корабль было легче, чем я надеялась. Капитан даже согласился на грабеж или платеж. Если ты верующий, стоило бы помолиться, чтобы на корабле оказалось достаточно всего для разграбления, иначе нам обоим придется туго.

- Клан в этом хорош, - повторил Эбенайзер.

- Верю. Хотя, думается мне, история капитана длиннее, чем он нам рассказал, - рассеянно сказала девушка, внезапно услышав мягкий ритмичный стук.

Казалось, в Скуллпорте звук присутствует везде. Он эхом проносился через огромную пещеру, отскакивал от каменных стен и проникал в туннели. Но этот шум был слишком ритмичным, чтобы его игнорировать.

- За нами следят, - пробормотала она.

Вытащив из мешка маленький бронзовый диск, Бронвин бросила быстрый взгляд за плечо. Она поймала мимолетное движение, источником которого оказался выглядывающий из-за угла уродливый орк.

Эбенайзер оказался не столь осторожен. Он развернулся и огляделся, а затем пренебрежительно фыркнул. Очевидно, это разозлило орка. Опустив голову, словно разъяренный бык, существо зашагало к ним. Бронвин потянулась к ножу и присела.

Но дварф оттолкнул её в сторону и остановился ждать посреди улицы, держа в руках молот.

- Брось, - сказал он. - Не так давно у него была сломанная рука и все такое.

Бронвин перевела взгляд со сверкающих глаз дварфа на молот в его руке и вздохнула.

- Подружились в таверне, да?

Проворчав что-то в ответ, Эбенайзер качнул молот туда-сюда, готовясь к первому удару. Жестокий взмах попал орку в подбородок, останавливая движение существа и отбрасывая его голову назад. Свободная рука Эбенайсера встретила грудь орка. Глаза зверя вылезли из орбит, и серая плоть его лица окрасилась синим. Медленно, он наклонился вперед, а затем упал лицом в одну из зловонных луж, усеивавших дорогу.

- Если удар хорош, он способен остановить сердце, - прокомментировал дварф. Он засунул свой молот за пояс и повернулся к Бронвин. - Ты что-то говорила?

Женщина захлопнула рот и снова двинулась вниз по улочке.

- Капитан — огр, - сказала Бронвин, указывая туда, где они только что стояли. - Но он был отлично осведомлен, хорошо одет и умел говорить. Не отчаявшийся второсортный бандит.

- Контрабандисты высшего класса, - сухо сказал Эбенайзер.

- Именно так, - подтвердила она. - Подумай. Есть город снизу и сверху. Между ними существует движение, и можешь поставить свой молот на то, что многие торговцы Глубоководья знают кого-то, кто знаком с кем-то, кто мог бы заплатить кое-кому за одолжение. Понимаешь?

- Легко. Вопрос в том, знаешь ли ты того, кто знает всех этих других?

Бронвин заколебалась, не уверенная, но очень желавшая ею быть.

- Помнишь того человека, который пришел в магазин? Высокий, светловолосый, красивый?

- Безбородый. Слишком много побрякушек, - вспомнил Эбенайзер. - Ты была очень зла на него, прямо шипела и плевалась. А что с ним?

- Он друг. К тому же — член богатой купеческой семьи. Возможно, он сделал несколько шагов, чтобы помочь нам продолжить путь. Мы пришли, - провозгласила она, поворачивая с улочки на широкий грязный проспект. - А вот и наш корабль.

Взгляд Эбенайсера пробежал вдоль линии, начало которой находилось у кончика её указательного пальца. Его выражавшее сомнение лицо потемнело и нахмурилось, когда он оценил лабиринт доков и кораблей, подпрыгивающих на темных волнах. В воздухе над указанным Бронвин кораблем кружилась и вопила стая морских летучих мышей. Судно быстро готовилось к отплытию. Докеры тянули

на борт бочки с припасами, а огромный капитан-огр цеплялся за перила и ревел приказы. Голос его звучал, словно вой покусанного пчелами мула.

- Этот твой друг, - мрачно заметил Эбенайзер, с трепетом глядя на корабль, - возможно оказал тебе не столь большую услугу.

* * * * *

Стоя на стене Тернового Оплота, Даг Зорет следил за проходящим караваном. Три фургона и наемный охранник. Ничего интересного. Он не собирался приказывать людям нападать или требовать с торговцев пошлин. Просто смотрел мимо путников, ища другой, менее крупный караван с более ценным грузом.

С победы Дага минуло несколько дней. И с каждым днем он все чаще и чаще ходил по стенам, оглядывая Высокую Дорогу в поисках каравана, везущего его дочь. Эскорт солдат Жентарима уже должен был вернуть её из секретного убежища. Она задерживалась, и Даг все больше волновался.

Потому он был счастлив увидеть выезжающую на дорогу группу всадников и еще более обрадован, когда те подняли штандарт Темного Оплота. Отдав несколько быстрых приказов для кастеляна одному из охранников, он поспешил на встречу дочери.

К огромному ужасу, ворота распахнулись, чтобы показать группу знакомых ему людей. Однако, они не состояли под его командой. Во главе ехал Малхор. Быстро заставив свое лицо принять выражение радости и приветливости, Даг шагнул вперед, чтобы помочь своему бывшему наставнику и начальнику слезть с лошади.

Тяжело опустившись на землю, Малхор оглядел крепость.

- Очень впечатляет, сын мой. Никогда не думал, что однажды увижу крепость Карадуна изнутри. Разве что только подземелья.

Даг слабо улыбнулся, чтобы ответить на шутку. Казалось, Малхор вот-вот готов пуститься в танец, таким веселым было его расположение духа.

- Путь с виллы был долгим. Идемте, я покажу вам комнату, а слуги принесут нам освежиться.

- Позже, позже, - хлопнул в ладоши Малхор, отбрасывая предложение, словно муху. - Ты прочел документы Хронульфа?

- Да, - холодно ответил Даг. Читать было почти нечего. Три или четыре книги, повествовавшие о былой славе Рыцарей Самулара, да несколько почерневших, скомканных кусочков пергамента, которые он нашел в очаге рядом с обугленным сердцем своего отца.

Старший жрец потер руки от нетерпения.

- Мне было бы интересно взглянуть на любые бумаги, что у тебя есть.

Даг пожал плечами и направился к башне. Разумеется, он забрал апартаменты командира себе. В них он приберег некоторые товары, что Хронульф оставил после себя.

- Смотреть не на что, - предупредил Даг.

- А что с ценностями? Некоторые цитадели, даже крепости религиозных орденов, имеют значительный запас. Серебряные реликвии, содержащие палец

какого-нибудь героя или святого, древнее оружие, интересные артефакты. Всякие мелкие ценности, вроде украшений.

На последней фразе голос Малхора опустился, становясь более мягким, более обыденным. Чуткое ухо Дага уловило эту разницу, и жрец понял вероятную причину. Малхор знал о кольце.

Когда Даг показал Малхору путь в башенную комнату, он задумался, что делать. Скажу поменьше, решил он, надеясь, что старший жрец откроет ему больше об истинном назначении колец. Потому он дождался, пока Малхор усядется за письменный стол Хронульфа — нет, напомнил себе Даг, за мой собственный письменный стол. Поставив перед Малхором кучу книг, Даг заметил в глазах начальника неприкрытую жадность. Возможно, не кольца Малхор считал самыми дорогими из сокровищ.

- Вы говорили об украшениях. Разумеется, вы имели в виду кольцо Самулара, которое носил Хронульф, - хладнокровно начал Даг. - К сожалению, его не было на руке паладина, когда он умер. Моя сестра прибыла первой, а затем скрылась с моим наследством. Её найдут.

Старый жрец поднял глаза, проницательно глядя на бывшего ученика.

- А другие кольца?

- Я также их отыщу, - уверенно сказал Даг. Не стоит рассказывать Малхору, что одно уже в его распоряжении. Он подождал, пока начальник откроет одну из книг и начнет листать.

- Как долго вы сможете здесь пробыть? - спросил Даг.

- Недолго, - пробормотал жрец отвлеченным тоном. - Тут самое интересное. Самое интересное. Достаточно трех или четырех дней для исследования, если ты, конечно, не сможешь прояснить мне этих книг.

- Во что бы то ни стало, - быстро ответил Даг. Слишком быстро, судя по проницательному взгляду Малхора. Жрец всегда подозревал, и правильно, что каждый служитель Цирика знает больше, чем желает показать.

В этот весьма неподходящий момент со стороны распахнутой двери раздался стук. Даг обернулся, и его горло сдавил ужас, когда он узнал капитана эскорта, посланного им за дочерью. Слишком жесткая поза мужчины и твердое мрачное выражение его лица лучше чем слова подтвердили, что новости были плохими.

- Простите, - пробормотал Даг очень заинтересованному Малхору. - Прошу, свободно располагайте любой книгой или бумагой, как и вином, если пожелаете.

Он поспешил в зал и закрыл за собой дверь.

- Ну? - прошипел Даг.

Капитан побледнел.

- Лорд Зорет, есть серьезные новости. Когда мы прибыли на ферму — ребенок исчез. И эльф, и женщина были убиты.

Уши Дага заполнял шум ревающего моря. Казалось, рев вот-вот поглотит его. Он призвал весь свой самоконтроль и отбросил в сторону все эти эмоции, очевидно разрушавшие его мечты.

- А потом? Что вы сделали?

- Мы пошли по следу. Один человек, на лошади, быстро ехал к Глубоководью. Мы потеряли его след после того, как он вышел на дороге, но цель его была более

чем ясна, - человек выпрямился еще сильнее. - Чего вы еще желали бы от нас получить?

Даг бросил холодный взгляд на потерпевшего неудачу солдата.

- Я хочу, чтобы вы умерли мучительной смертью, - сказал он бесстрастным голосом.

В глазах мужчины мелькнуло удивление и непонимание. Было видно, что он не может определить, шутит ли командир. Затем, первая волна боли вырвала эти размышления из его головы — вместе с нижними ребрами.

С недоверием, солдат посмотрел вниз, на две белые искривленные кости, торчавшие из груди. Взгляд его остекленел, а рот раскрылся, исторгая из себя крик ужаса и боли. Но все, что удалось выдать из себя человеку, было приглушенное бульканье, когда в горло его хлынула кровь. Раскроенную грудь оросил красный поток.

Даг бесстрастно наблюдал за тем, как сила его сосредоточенного гнева разрывала солдата на части. Когда человек упал замертво, он спокойно вернулся в комнату и потянул за колокольчик. Слуга прибыл мгновенно. Лицо его побелело от ужаса, когда он увидел, что ждет его в зале.

- Убери этот бардак и пришли ко мне капитана Емида, - спокойно сказал Даг. Человек сглотнул и отвернулся. - Да, и еще кое-что. Приготовь мне лошадь и стражу. Завтра я еду в Глубоководье.

Глава 9

На рассвете следующего дня лошадь и эскорт Дага Зорета были готовы к путешествию на юг. Потому, когда один из слуг Малхора спустился к воротам, чтобы предложить Дагу подождать гостя, возжелавшего сопровождать его, молодой жрец не был в восторге.

Прошло больше часа. Старый жрец задерживался, завтракая и внимательно следя за упаковкой книг Хронульфа. Как только все приготовления были завершены, попутчики оседлали лошадей и двинулись вниз по склону, направляясь к Высокой Дороге.

Дага тревожил размер их группы. Хотя никто из солдат не носил символов Темного Оплота, а жрецы отказались от соответствующих одеяний, присутствие здесь Малхора сделало отряд более подозрительным и рискующим нарваться на проверку. Два десятка вооруженных людей, пришедших к воротам Глубоководья, могут привлечь слишком много внимания и стать причиной слишком тщательного рассмотра дел Дага.

Ему хватало беспокойства и без пристального взгляда официальных и подпольных чиновников Глубоководья. Город был настоящим гнездом Арфистов, и

тайные лорды были столь же навязчивы и проницательны. Вопросы, которые придется задать в городе, необыкновенно щекотливы, а потому Даг не мог позволить себе воспользоваться услугами своих обычных информаторов. Если Малхор обнаружит, что у Дага была дочь, существование которой тот скрывал на протяжении восьми лет, могут возникнуть проблемы.

Всегда оставалась возможность, что старый жрец уже был в курсе, и исчезновение ребенка – дело рук Жентарима. Даг на собственном опыте убедился, что общество, в котором он жил, не гнушалось подобными приемами.

Он покосился на Малхора. Толстый жрец восседал на коне, словно мешок с зерном, однако, на лице его не было и следа тех затруднений, что испытывало его тело. Он перехватил взгляд Дага.

- Ты встречался с сэром Гаретом. Считаешь подобную связь полезной? – спросил Малхор.

Даг тщательно рассмотрел его слова. В конце концов, он собирался использовать паладина, чтобы найти пропавшую сестру и похищенного ребенка.

- Ему удалось доставить Бронвин в Терновый Оплот. Он справился с доставкой кое-какого... груза для меня. В общем, он кажется довольно способным. Тем не менее, я не стал бы слишком ему доверять, так как он демонстрирует невероятные способности к самообману. Не сомневаюсь, он сможет оправдать любое предательство.

- Да, - согласился Малхор. – Этим рискуют любые агенты, не так ли? Человек, способный предать своих товарищей по оружию, вряд ли проявит абсолютную преданность к тем, кто его купил.

Хорошая возможность, которой так ждал Даг.

- Вы представили сэра Гарета, как амбициозного человека, завидовавшего славе и наследию Хронульфа. Что я готов принять, но какую выгоду надеялся извлечь Жентарим, устраивая рейд в деревню Хронульфа, и что желаете получить лично вы, указывая мне на мое наследие?

Малхор огляделся, удостоверившись, что охрана находится вне пределов слышимости.

- Ответ на твой первый вопрос достаточно прост. Паладины и Жентарим – естественные враги, как горные коты и волки. У Хронульфа врагов среди нас больше, чем я могу сосчитать или назвать.

- Вы констатируете известные факты, а не отвечаете на вопрос, - заметил Даг, лишь с большим усилием сохраняя голос спокойным. – Вы учили меня не прибегать к подобной софистике. Прошу, не отступайте от своих прекрасных наставлений.

В ответ на подобную тактику жрец усмехнулся.

- Отлично сказано, опять!

- Почему забрали некоторых детей Хронульфа? – упорствовал Даг.

Малхор вздохнул и прихлопнул муху, которая жужжала рядом с ушами его лошади.

- Этого я тебе сказать не могу. В характере Жентарима, когда одна рука не знает, что делает другая. Среди нас много амбициозных людей. Кто знает? Возможно, хотели отомстить или получить выкуп. Кто может сказать, что таится в сердце любого жентийца.

И снова, заметил Даг, он уклоняется от ответа.

- И как вы узнали об истории моей семьи и связали меня, потерянного мальчишку двенадцати лет, с Хронульфом?

- Ах, это. Я изучал семью Карадун. Когда-нибудь я должен показать тебе старый портрет твоего предка, Ренвика Карадуна. Ты похож на него так, словно являешься его сыном, если не близнецом. Когда тебя отвезли в Жентарим для проверки, я сразу заприметил это сходство и попытался заглянуть в твою историю. Будь уверен, проследить твой путь было не простым делом. Прошли годы, прежде чем я убедился, что ты и есть тот ребенок, украденный из долины Джундара и потерянный схватившими тебя солдатами Жентарима.

Даг внимательно слушал, по привычке изучая лежащий перед собой путь – бесконечные пласты утрамбованной грязи, затененной и овеванной запахами гигантских кедров, растущих на восточной стороне. Он рассеянно сигнализировал капитану, показывая на деревья, тем самым давая знак проявить дополнительную бдительность. Человек отсалютовал и отправил пару человек за кедром, исследовать место возможной засады.

- Ты прекрасно освоил искусство командира, - заметил Малхор. – Быть может, в тебе все еще осталось кое-что от Хронульфа Тирского.

Даг прищурился. Первым импульсом было ответить на замечание обдуманной насмешкой. Затем, изучив эти слова внимательнее, он понял, что Малхор, наконец, дал ему ответ – хотя и в привычной для него обходной манере.

- Вот почему ты искал меня, - резюмировал Даг.

- В кровной линии Самулара таится сила, - согласился жрец, - как я и говорил.

- Тогда почему же не сам Хронульф?

Малхор фыркнул.

- У меня было больше шансов развернуть прилив, чем заставить человека, вроде Хронульфа Тирского, служить моей цели. Нет, единственный способ справиться с благородным паладином – это тот, что ты выбрал. И, без сомнения, он был умерщвлен тобой.

Даг застыл.

- Я не упомянул о судьбе Хронульфа.

- Тебе и не обязательно. Я отлично обучил тебя, и оба мы знаем, что только дураки оставляют убийство врага другим, даже доверенным слугам. Сейчас важно то, что сила Хронульфа станет твоей. Когда ты узнаешь, что она такое и как её использовать – я надеюсь, мы разделим триумф.

- Вы доверчивы, - с тяжелой иронией сказал Даг. – Полагаю, именно поэтому вы также ищете мою сестру. Быть может, вы ставите более чем на одну лошадку?

Малхор сердечно рассмеялся и хлопнул рукою по бедру.

- Увы, ставки на скаковых лошадей – тот порок, который все еще не приходил мне в голову. Но ты проницателен. Я хотел бы видеть эту женщину под влиянием Жентарима. Твоим, моим – не важно. Разве мы не похожи на отца и сына?

Сравнение интересное, кисло подумал Даг, размышляя над историей предательства, которое лежало между ним и его кровным отцом. Однако, он тщательно оценивал сказанное старым жрецом, читая между слов и отыскивая

истинный смысл. Возможно, его первый вывод прошел мимо цели. Быть может, Малхору не нужен ни он, ни Бронвин. Возможно, ему нужны были они оба.

Фамильные кольца. Он знал о двух. Одно было у его дочери, другое, скорее всего, у сестры. Но надпись на кольце, найденном в деревне, гласила, что артефактов три. И когда они собраны вместе – зло дрожит.

Третье кольцо. Три кольца в руках троих потомков Самулара. Должно быть, именно этого желает Малхор. Даг сжал зубы и снова посмотрел на дорогу. Нет, разумеется, он не мог полагаться на Жентарим в поисках того, что было утеряно. Сэр Гарет, несмотря на все проблемы, был лучшим вариантом. Два дня дороги, а потом он столкнется со своим «союзником» лицом к лицу. Конечно, здесь таилась серьезная опасность. Если паладины под командованием сэра Гарета узнают кольцо на руке маленькой девочки, Дагу придется надавить сильнее, чтобы вернуть её.

- А твоя сестра? Разве твои люди не отыскиали её след?

Даг поднял руку к губам, чтобы скрыть понимающую улыбку. Да, похоже, Малхор очень заинтересован поисками Бронвин.

- По состоянию на сегодняшнее утро – нет. Но рано или поздно она вернется на прежнее место в городе, и я её найду. В задержке нет беды. В свое время я устрою воссоединение нашей маленькой семьи.

Он повернулся к бывшему наставнику, и лицо его приняло безмятежное выражение. Даг желал посмотреть, как Малхор отреагирует на его слова. Но лицо жреца не выдавало никаких мыслей.

- Уверен, что ты прав. Теперь, вернемся к более практическим вопросам. Мы были в пути в течение нескольких часов. Разумеется, мы должны остановиться, для полуденной трапезы.

Даг взглянул на восток. Солнце едва виднелось над высокими кедрами. Полдень был как минимум на два часа позже. Подавив вздох, он жестом привлек внимание своего командира.

Кажется, поездка в Глубоководье займет куда больше времени, чем ожидалось.

* * * * *

За почти два прожитых столетия Эбенайзер Каменная Шахта никогда еще не был так несчастен. Он повалился на палубу корабля, спиной к мачте, и устремил взгляд к небу, вместо того, чтобы любоваться волнами, плескавшимися внизу.

Каждый толчок или покачивание корабля заставляли сердце его сжиматься от панического ужаса. Он никогда не поймет, как же мирятся с морскими путешествиями люди и эльфы. Ощущения были слишком похожи на те, что сопровождают тебя от первых толчков землетрясения, непредсказуемой и разрушительной силы, которая была самым потаенным страхом любого дварфа. Нахождение на корабле было постоянным разрывающим сердце ожиданием проклятого землетрясения.

Эти перекаты из стороны в сторону и постоянный страх заставляли живот дварфа чувствовать себя неудобно. С тех пор, как они покинули эту выгребную яму под названием порт на этом плавающем гробу, Эбенайзер не мог сдерживать себя слишком долго.

Не то, чтобы он перестал пытаться. Когда Бронвин нашла его, он упорно черпал ложкой соленую похлебку. Девушка опустила на корточки рядом.

- Еда на корабле ужасна, - сказала она.

- Да, - кисло согласился дварф, глядя на маленькую миску в своих руках. – И порции такие себе.

По каким-то причинам, она нашла его слова забавными, но веселье быстро сошло на нет, и она села рядом с ним.

- Мы хорошо идем. Капитан Орвиг смог подкупить Хранителей Врат в Скуллпорте и узнать, куда они отправили корабль, который мы ищем.

Эбенайзер кивнул. Он слишком хорошо помнил, как они покидали подземный порт, проходя через ряд магических врат.

- Как думаешь, долго нам?

- Каравелла быстрая и легкая. Корабль, который мы преследуем – одномачтовый и с глубоким хранилищем для груза. Он был полностью заполнен. По словам капитана, если придерживаться курса, указанного Хранителями, скоро мы его нагоним. Если не сегодня, то завтра уж наверняка.

- Хорошо, - твердо сказал дварф. Он провел по тарелке небольшим куском хлеба, который потом запихнул в рот. – Как говорить в старой поговорке «Ничто так не успокаивает желудок, как запах крови врага».

- Я такой не помню, - пробормотала Бронвин. – Должно быть, это дварфская пословица.

Эбенайзеру показалось, что голос женщины звучит слегка изможденно. Он пристально посмотрел на неё.

- Ты сама вся зеленая. Морские путешествия тебе не по душе, как я вижу.

- Нет.

Её короткий и мрачный ответ говорил об истории. Истории, которую, по мнению Эбенайзера, ей было бы полезно рассказать.

- Значит, ты путешествуешь не первый раз?

- Второй.

Она взглянула на дварфа. На лице её застыло упрямое выражение. Было ясно, что она не желала об этом говорить. Но отвязаться от Эбенайзера было не так уж легко. Он выжидающе кивнул, приглашая её продолжить рассказ. Когда результата не последовало, он слегка наклонился вперед и приподнял брови.

Со вздохом, Бронвин сдалась.

- Меня забрали на юг после налета на мою деревню. Мне было года три, может быть – четыре.

- Камни, - пробормотал он. Мысль о ребенке, любом ребенке, пережившем ужас морского путешествия, заставляла кровь кипеть от ярости. По его личному мнению, ярость куда лучше бурлящего живота. Рассерди его кто-то в начале путешествия, и он не оказался бы в подобном состоянии.

- Тяжело, особенно для такого маленького ребенка, - мрачно сказал он.

- Так и есть. – На мгновение, она замолчала. – Я никогда не видела моря.

Взгляд Эбенайзера скользнул по бесконечным серебристым волнам. Сглотнув, он заставил себя вернуться к перистым облакам, усеивающим небо.

- Невелика потеря.

- На плохую вещь всегда найдется что-то похуже, - заметила Бронвин. – По крайней мере в этот раз у меня был выбор. Первую поездку я провела в трюме, вместе с быть может дюжиной других заключенных.

Заключение. Дварфу не удалось подавить дрожь.

- Это похуже, - признался он.

Некоторое время, они сидели молча. Эбенайзер поймал взгляд Бронвин, который остановился на его поясе, и проследил, как он скользнул к кожиху с вином. Дварф заменил его в Скуллпорте. Горящий Тролль, какой бы скверной таверной он не был, держал в запасе кое-что для дварфов. Развязав веревку, которая удерживала кожих на поясе, он передал его Бронвин. Она откупорила его и сделала глубокий уверенный глоток. К удивлению Эбенайзера, она выпила мощный спирт – известный среди дварфов, как «расплавленный митрил» - не разу не кашлянув и не сплюнув. Он не знал людей, способных справиться с этим, во всяком случае, без практики. Может быть, подумал он, у неё достаточно опыта в общении с дварфами и их путем. Вероятно, позже у него появится соблазн обдумать эту тщательнее.

Закрыв кожих, Бронвин с благодарностью вернула его назад.

- По какой-то причине я была единственной, кого не сковали цепями. Полагаю, они обращались со мною достаточно хорошо. У меня было вдоволь еды, одеяла и уголок для сна. Даже пара игрушек. Участью остальных было рабство – они говорили об этом, плакали об этом. Но, думаю, не рабство ждало меня. Не тогда.

- Что случилось? – спросил дварф.

- Шторм, - коротко сказала она. – Страшный, он бросал корабль, словно лист. Мачта треснула, и часть досок оторвалось. Трюм стал набирать воду.

Она вздрогнула от воспоминаний.

- Я залезла как можно выше – на кучу ящиков. Все остальные были прикованы. Я ничего не могла сделать, только смотреть за тем, как они тонули. Медленно, крича, словно проклятые создания Абисса.

Голос женщины упал почти до шепота, хриплый от воспоминаний об ужасе.

- Страшно для ребенка, - повторил дварф.

- Никто не выжил. Кроме меня, да нескольких крыс. Они тоже смогли подняться, и находили любую возможную опору. К тому времени, как вода добралась до моего подбородка, у них было не так много выбора.

Подозревая, что случилось дальше, Эбенайзер пробормотал проклятие. Он с трудом остановил себя от того, чтобы взять женщину за руку.

- Две крысы забрались мне на голову. Они сражались друг с другом за право остаться там. Я не могла прогнать их, никак, - она слабо улыбнулась. – Когда мои волосы мокрые, все еще можно увидеть шрамы, - она глубоко вздохнула. – Внезапно, море успокоилось. Позже я узнала, что нас закрутило в водовороте и сбросило с курса. Так мы оказались на пути у пиратов Нелантера. Без мачты, корабль не мог ни сражаться, ни бежать. Большую часть экипажа убили. Пираты забрали ценности и взяли всех оставшихся, чтобы продать их, как рабов. Стояла ночь, - добавила она, - безлунная. Вот почему я ни разу не видела моря.

Эбенайзер выпрямился.

- Значит, в конце концов ты оказалась в рабстве.

- Правильно. На этот раз меня приковали. Остальной путь – как в тумане. Я смутно помню рынок, и как стояла на блоке, пока люди рыдали и тряслись. Меня продали. И потом темное пятно. Мне кажется, меня перепродали или, быть может, я убежала и была освобождена. Я не помню.

Она вздохнула. На взгляд Эбенайзера, женщина выглядела изможденной и утомленной своим рассказом. Ему было жаль, что он спросил её об этом, но, тем не менее, он был рад знать правду. Хорошо, когда тебе известно, кто твои друзья.

И он мог выразить свое впечатление одной короткой фразой.

- И после всех этих злоключений, ты все равно села на этот корабль.

Их понимающие глаза встретились. Спустя мгновение, дварф потянулся к её руке. Длинные, хрупкие человеческие пальцы переплелись с короткими дварфскими. Сидя рядом, они пристально глядели на облачный замок, который медленно проплывал мимо, и на серебряное море внизу. Теперь вздымающиеся морские волны не беспокоили Эбенайзера так сильно. У его семьи, скорее всего, выбора не было. Как сказала Бронвин – на всякую плохую вещь всегда найдется что-то похуже.

* * * * *

В Глубоководье Алгоринд прибыл весь покрытый пылью и уставший. Сапоги были предназначены для верховой езды, так что за дни ходьбы подошвы их почти стоптались. Некогда белая одежда была теперь сера от дорожной грязи. Мысль предстать перед воротами Залов Правосудия в таком виде была ему ненавистна, но братья должны узнать о судьбе Тернового Оплота.

Паладин поспешил по улице. Как и прежде, он был поражен толпами и гулом людей. Как служители Тира умудрялись сохранять свою веру, окруженные подобным хаосом и отвлекающими от дела вещами? То, что братья решили построить Залы Правосудия в самом центре этого оживленного города, удивляло Алгоринда. Удаленные холмы или одинокая горная вершина подошли бы лучше.

Привратник Залов Правосудия оглядел его с головы до ног с явным неодобрением.

- Мне срочно нужно поговорить с сэром Гаретом, - сказал Алгоринд. – Прошу, передайте ему, что Алгоринд из Саммит Холла ищет его аудиенции.

- Саммит Холл, да? – переспросил страж, чье лицо теперь выглядело намного дружелюбнее. – Значит, ты окажешься в хорошей доброй компании.

Алгоринд нахмурился в замешательстве.

- Сэр?

- Ты не знаешь? В школе присутствует группа молодых паладинов, которую возглавляет сам Лаарин Золотобородый. Они выполняют испытание паладина, - пояснил мужчина. Взгляд его стал теплым и далеким от нахлынувших воспоминаний о славе. – Я бы и сам отправился, но травмы вынуждают меня сторожить ворота.

- Твоя служба – почетна и идет во благо Тиру, - сказал Алгоринд, замечая тоску, прозвучавшую в голосе рыцаря. – Но сэр, о какой великой миссии вы говорите?

- Ты был вдали от событий. Решил побыть один, как старик Текстер?

- Не по своей воле. Сэр, миссия?

Лицо стража стало мрачным.

- Разумеется, необходимо вернуть Терновый Оплот. Всадники несут весть по всем северным землям. Рыцари Самулара собираются на север. Паладины других орденов присоединяются к ним, и даже те, кто вообще не состоит в ордене. Прошло много лет с тех пор, как такая армия праведников собиралась в последний раз. Пусть Жентарим дрожит.

Алгоринд поймал руку рыцаря.

- Сэр, я только что из Тернового Оплота. Я был всего в нескольких часах езды, когда захват закончился. Я лишь увидел, как поднимался дым разрушений и успел обменяться ударами с патрулем жентийцев, которые взяли крепость.

Глаза стража распахнулись.

- Почему ты не сказал раньше? Эй, Камелиор! Поди сюда и поспеши проводить этого молодого человека в комнату советов.

Алгоринд последовал за своим проводником. Его привели в самое большое из трех зданий, а затем – в огромный зал. Здесь все место занимали шесть длинных столов, чьи края были хитро скруглены таким образом, чтобы все они поместились, образуя большой шестиугольник. Паладины сидели по внешнему периметру, так что все могли переговариваться между собой. С потолка свисали яркие знамена, штандарты множества орденов и рыцарей-одинок, служивших Залам Правосудия.

Алгоринд поискал сэра Гарета, и заметил ошеломленное выражение на лице старого рыцаря. Это заставило его чувствовать себя чрезвычайно смущенным. Правилами ордена были аккуратность и чистота. Появиться в таком виде было оскорблением, но у Алгоринда не было времени для раздумий над реакцией своего героя, потому что Камелиор быстро передал сообщение, которое Алгоринд озвучил привратнику ранее.

- Еще один стул, пожалуйста, - попросил Лаарин.

Пажи – мальчики, которых привели в храм, чтобы проверить на пригодность для жизни служителя Тира – подпрыгнули, спеша выполнить просьбу Мастера Паладинов. Алгоринд обнаружил вокруг себя эскорт, который усадил его на место с неприятной церемониальностью. Лаарин приказал Алгоринду говорить, и все взгляды обратились на него.

Он снова поискал взглядом сэра Гарета. Старый рыцарь мрачно постучал пальцем по губам, напоминая ему об обещании быть осторожным. Конфликт интересов заставлял юношу чувствовать себя неловко, словно привязанного ястреба, получивший приказ лететь и охотиться.

- Я отправился на север, в Терновый оплот, чтобы донести до Хронульфа сведения личного характера, - осторожно сказал Алгоринд. Слабый кивок сэра Гарета подтвердил, что слова были подобраны правильно. – Будучи в нескольких часах езды, я увидел черный дым, возносящийся к небу. По запаху, я понял, что это похоронные костры.

На мгновение, он замолчал, отдавая дань павшим. Рыцари и жрецы, сидевшие вокруг, склонили головы или же осенили себя жестами, которые означали, что они верят и вверяют души своих братьев в руки Тира.

- Я услышал приближающийся патруль и устроил засаду, - признавая это, Алгоринд покраснел, но, в конце концов, он поклялся говорить правду. – Там было четверо мужчин, вооруженных и ехавших верхом. Они искали женщину, находившуюся в крепости в момент нападения. Она сбежала, и никто не знал, каким образом ей это удалось. Однако, судя по всему она забрала с собою кольцо, принадлежавшее Хронульффу.

Шепотки ужаса наполнили зал.

- Ты искал женщину? – спросил Лаарин.

- Сэр, мне кажется, я видел её. Она была с дварфом и направлялась на юг, к Глубоководью. Я поищу её, если таково будет ваше желание.

Сэр Гарет медленно поднялся. Он выглядел, словно человек, готовый принять свою судьбу.

- Я мог бы пролить свет на этот вопрос, братья. Несколько дней назад, искренне ища новостей о Хронульффе, ко мне пришла молодая женщина. Она назвалась Бронвин. Маленькая девушка с большими карими глазами, длинной косой каштановых волос и выступающими на щеках и подбородке костями. Её ли ты видел?

- Если судить по вашему описанию роста и волос – вполне вероятно, - согласился Алгоринд. – Я был слишком далеко, чтобы остановить её, а тем более – внимательно рассмотреть лицо.

Сэр Гарет вздохнул и опустил на стул.

- Я совершил серьезную ошибку, - признался он. – Я говорил с ней о Хронульффе, и быть может именно мои слова отправили её в Терновый Оплот.

- Не вини себя, брат, - сказал ему магистр Лаарин. – У тебя не было основания сомневаться в её мотивах.

- Нет, нет, но я не помолился Тиру, дабы проверить её сердце и избранный ею путь. Это было ужасным упущением, - внезапно, брови сэра Гарета сошлись к переносице, и он посмотрел на Алгоринда. – Как вышло, что ты нес нам эту новость столь долго?

Именно этого момента так боялся Алгоринд.

- Дварф, который сопровождал женщину. Украл мою лошадь. Я вынужден был возвращаться в город пешком.

- В таком случае, твой приход впечатляет еще сильнее, - сухо сказал Лаарин. – Скажи мне, достиг ли ты успеха, доставляя ребенка крови Самулара?

- О, да, сэр, - серьезно сказал Алгоринд. Он кинул взгляд на сэра Гарета, чтобы убедиться в его одобрении.

Старый рыцарь пристально оглядел комнату.

- Узнав о падении Тернового Оплота, я волновался за безопасность ребенка. Её отвезли в тайное место за границами Глубоководья. Это казалось мудрой предосторожностью...

- Но...

Сэр Гарет бросил в Алгоринда выразительный взгляд, который уничтожил все протесты, словно выпущенная в сердце стрела. И все же. Алгоринд был удивлен, как мог рыцарь сделать подобное заявление. Он собственноручно доставил девочку Гарету еще до падения крепости. И уже тогда ему сказали о необходимости отвезти

её в убежище. Возможно, заключил Алгоринд, её перевезли в более безопасное место. В таких рассуждениях он нашел свое утешение.

- И как же нам продолжить? – спросил рыцарь, имя которого не было известно Алгоринду, человек средних лет, отличавшийся чрезвычайной румянностью.

- У этого молодого паладина есть неоконченное дело, - предложил решение Лаарин, кивая на Алгоринда. – Он может им заняться. Потеря лошади – первая ошибка, виденная мною у него за почти десять лет обучения и служения. Пусть отыщет женщину и кольцо, которое она носит.

- Я согласен, - быстро сказал сэр Гарет. – С вашего позволения, братья, я хотел бы одолжить Алгоринду коня с собственных конюшен. Вопрос слишком важен, чтобы дожидаться, пока он заслужит новую лошадь.

- Возможно, в этом нет надобности, - вставил другой рыцарь. – Вчера вечером у наших ворот оставили большого белого коня. Могло ли случиться, что этот конокрад передумал?

- Я зайду в конюшни и гляну, моя ли это лошадь, сэр, - с благодарностью сказал Алгоринд. – Но я ничего не могу сказать о дварфе.

Счастливый избавиться от своих обязанностей, а кроме того желая поскорее узнать, был ли оставленный конь Ледяным Ветром, Алгоринд попросил разрешения уйти, чтобы заняться новым заданием.

При взгляде на бывшего ученика, суровое лицо Лаарина смягчилось.

- Нет. Ты очень устал с дороги и, без сомнения, нуждаешься в отдыхе и еде. Смой дорожную пыль, а затем вернись и преломи хлеб с братьями. Разделить с нами трапезу согласился лорд Пьерджерон. Пажи покажут тебе казармы, где ты сможешь помыться и найти новую одежду. Возвращайся как можно скорее.

Алгоринда не потребовалось просить дважды. Один из пажей направился в бараки. Служка быстро смыл с паладина дорожную пыль и поменял поношенную одежду на новую. С дырами на подошвах сапог ничего не поделаешь, но, после того, как паж протер обувь тряпкой, смоченной гусиным жиром, та, по крайней мере, выглядела чистой и блестящей.

Алгоринд поспешил в зал, успевая прибыть в тот момент, когда звук рога провозгласил приход лорда Пьерджерона. Найдя место подле мастера Лаарина, Алгоринд встал, чтобы поприветствовать владыку Глубоководья.

Пьерджерон был впечатляющим мужчиной – высоким и хорошо сложенным. Его густых коричневых волос едва коснулась седина, хотя, по общему мнению, возраст его перевалил за шестьдесят. Любезно кивнув паладинам, лорд предложил им занять свои места. Алгоринд заметил, что мужчина вел себя скромно и не носил ни единого атрибута, которого можно было бы ожидать от правителя столь развратного города. Но ведь лорд был паладином, и сыном паладина – великого Атара, Руки Тира, который в свое время был столь же знаменит, как Хронульф и сэр Гарет в свое. В присутствии таких людей, Алгоринд чувствовал себя приниженным, и потому был крайне благодарен, что никто не попросил его пересказать недавние злоключения. На самом деле, за едой велось мало серьезных разговоров. Мужчины делились новостями, слыханными в дороге, и вспоминали товарищей, которых не видели много лет. Обед, за которым умело следили пажи, прислуживающие за столом, выдался приятным.

Алгоринд наблюдал за работой мальчиков, одобряя их усердие и умелость. Служение было целью и радостью паладина, потому все молодые люди, которые стремились посвятить себя Тиру, начинали путь подобным образом. Мальчикам давали грязную работу, приучая их делать её качественно и весело. Так поступили с Алгориндом и со всеми, кого он знал. Он не мог представить себе лучшей тренировки. Сказки о славе и героизме влекли многих юношей, а иногда даже девушек, заставляя их искать пути паладина, но служение было долгим, трудным и бесславным. Оно проверяло истинность преданности.

Для зала паладинов, банкет был необыкновенно пышным, с тремя сменами блюд и вином. Замечательные, в форме лодочек емкости с солью были установлены перед каждой шестеркой человек, а тарелок было столько, что лишь самым молодым из паладинов и сквайрам рыцарей пришлось держать мясо на хлебных лепешках. Разнообразие еды ослепляло Алгоринда. Жаренная оленина, пирог из угря, голуби, фаршированные зябликами, которые были обернуты в травы, толстый свиной окорок, а еще рыба, роты и маленькие слоеные пирожки. Были даже сладости, от души политые сливками и сдобренные сушеными яблоками. Юный паладин ел мало, не желая впасть в чревоугодие и старался не слишком сурово судить тех, кто соблюдал обеты менее строго. Наконец последние кушанья были унесены, а сладкое вино выпито, положила конец обеду.

- Лорд Пьерджерон, нам нужно обсудить с Вами серьезный вопрос, - начал сэр Гарет. - Мы ищем Вашей помощи в поимке одной молодой особы, которая, как мы полагаем, могла украсть артефакт, священный для рыцарей Самулара. Её имя Бронвин. Она красива, у неё каштановые волосы, невысокого роста. Мы бы хотели больше узнать о ней и её сообщниках.

Паладин вежливо вытер губы краем скатерти, как это было принято в хорошей компании, а потом повернулся к брату-рыцарю.

- Я ничего не знаю о ней, но обязательно наведу справки. У вас есть слово Атара, вы узнаете все, что узнаю я.

* * * * *

Одиночество было редким удовольствием, и Данила намеревался использовать его как можно полнее. Во второй половине дня он рассчитывал заняться собственным обучением, а потому проинформировал Монро, своего хафлинга-слугу, никого не пускать. Из-за этого юноша был слегка раздражен, когда его ожесточенная концентрация была прервана стуком в дверь кабинета.

- Да? Что? – сказал он, не утруждая себя оторвать взгляд от рун заклинания.

- Лорд Арансан желает видеть вас, сэр. Должен ли я позвать его?

На этот раз Данила все-таки поднял взгляд от книги заклинаний, пораженный этими внезапными словами. Он встретил взгляд хафлинга грустной улыбкой.

- Разве что есть идеи получше, - сухо заметил юноша.

- На ум ничего не идет, сэр, - сказал Монро, восхитительно не меняя своей вежливой интонации. Поклонившись, хафлинг поспешил пригласить гостя хозяина.

Данила вздохнул. Хелбен не часто посещал его жилище. Скорее потому, что был ошеломлен экстравагантной обстановкой – множеством открыто

лежащих музыкальных инструментов, бардами и гуляками, которые, казалось, вечно собирались за столом и веселились в гостинной. Но сегодня Данила был один, если не считать помощи стюарда и полудюжины слуг, состоящих под его командой. Данила планировал изучить новое заклинание. Он открыл ящик стола и убрал книгу с глаз долой. Хотя бард все еще продолжал изучать магию, чему двадцать лет назад поспособствовал его дядя, он преуменьшал свой интерес к этому искусству ради осторожности. Таким образом архимаг не станет возлагать на него слишком большие надежды.

- Дядя! – сердечно воскликнул он, вставая на ноги, чтобы встретить своего посетителя. Пригласив архимага войти, он потянулся к графину эльфийского вина, стоящему на столе. – Извести ты меня о своем приходе, и я приготовил бы что-нибудь безвкусное и непонятное.

- Я поел.

Отмахнувшись от предложенного вина, Хелбен сел напротив письменного стола. Он оглядел новый калишитский ковер, который покрывал красно-кремовым узором большую часть деревянного пола, но в этот раз воздержался от комментариев по поводу экстравагантности.

- Слышал ли ты о недавнем притоке в город паладинов?

А, вот оно, подумал Данила. Несомненно, Хелбен был обеспокоен возможной связью событий с Бронвин, и пришел теперь услышать отчет и дать совет – совет, которому Данила, с большей вероятностью, не станет следовать.

- Ходят слухи, - спокойно согласился юноша.

Внезапно, он сбросил свою личину безмятежной жизнерадостности и снова опустился на стул. Были времена, когда Данила очень жалел о том, что роль его в деле Арфистов возросла. В те времена, когда единственная жизнь, за которую он должен был отвечать и которую должен был подвергать опасности, была его собственной, существование казалось более приятным. Принимать решения, которые могли иметь серьезные последствия для таких друзей, как Бронвин или другие молодые агенты, работавшие под его командой – тяжелая ответственность.

- Меня беспокоит присутствие такого числа паладинов в городе, - признался он. – Это дает мне возможность пересмотреть свое мнение о том, что добра не может быть слишком много.

- На этот раз мы думаем одинаково, - сказал Хелбен.

Маг выглядел так, словно желал сказать больше, и незнакомая нерешительность в его манерах значительно усилила неуютное чувство, охватившее Данилу.

Юноша отбросил пришедший на ум комментарий. Пришло время для прямого и честного разговора.

- Паладин, - задумчиво сказал он, - вполне может быть лучшим примером того, что способен являть собою человек – воплощение всего благородства. Паладин на своем боевом скакуне, стремящийся в битву охваченный боевым пылом. Вполне мог бы стать вдохновляющим зрелищем для многих смертных. Паладин может и делает много хорошего. Но сто паладинов? Тысяча? Единомыслие и целеустремленность, обусловленные их чувством долга? Дядя, скажу честно, я не мог бы придумать вещи более ужасной.

- Слова, которые не стоит слышать большинству людей, - предупредил его Хелбен. – Скажу только, что мы снова полностью согласны друг с другом. По этой причине я давно опасаясь паладинских орденов. Эти господа имеют тревожную тенденцию топтать своими скакунами любой предмет, который был воспринят ими, как препятствие на пути.

- Ты либо с паладином, либо против него, - согласился Данила. – В их морали нет места для полумер или иных оттенков, кроме черного и белого. С сожалением, я расстался со своим старым другом, Рисом Броссфезером, вскоре после того, как он пошел на службу к Торму. Мои пути не для него. И это стало нашим камнем преткновения. На самом деле я даже осмелюсь сказать, что Арфист для паладина такой же враг, как жрец Миркула.

Архимаг медленно кивнул.

- Хорошо сказано, и в этом заключена наша проблема. Арфисты не могут выступить против одного из Священных Орденов, не вызвав при этом гнева всех паладинов, а кроме того – еще и подозрения со стороны множества простых людей. В этом вопросе мне нужно узнать мнения. Как бы ты посоветовал поступить?

Данила спрятал свое удивление, первый раз услышав подобный вопрос.

- Что мы делаем лучше всего? Следим, докладываем и, некоторым образом, моделируем события. Раньше самый эффективный Арфист был, как правило, самым незаметным. Я уже предпринял шаги, чтобы узнать намерения рыцарей и их отношение к Бронвин.

- Оу?

- Ясное дело, что отправить людей на разведку в Залы Правосудия – пустая трата времени, учитывая способность паладинов судить и взвешивать намерения тех, кто находится рядом с ними. Поэтому у меня есть люди, наблюдающие за магазином Бронвин, её обычными связями и тавернами, в которых она часто бывает. Если паладины станут искать девушку, мы узнаем об этом.

Довольный, архимаг кивнул.

- Хорошо. Продвинулся ли ты в своих изысканиях?

Данила моргнул. На мгновение, он подумал, что хитрый архимаг ссылается на недоученное заклинание, спрятанное в ящике его стола. Затем, он вспомнил о другом вопросе, ставшем причиной раздора между ними – Бронвин и секреты её прошлого.

- Да, в некотором роде, - сказал он.

Поднявшись, Данила пересек комнату, подходя к стене, заставленной книгами. Выбрав одну из них, обернутую в тонкую красную кожу, он вернулся к архимагу.

- Я прочитал о рыцарях Самулара все, что смог найти. Довольно впечатляющее общество с длинной историей. Однако, есть несколько фактов весьма неправдоподобных, даже делая скидку на привычный способ распространения легенд и преувеличения, свойственные бардам. Она из таких историй - захват Тернового Оплота.

Хелбен пристально посмотрел на него.

- Ты имеешь в виду недавнее сражение и захват цитадели Жентаримом?

- Нет, определенно не это. Первая битва, в которой рыцари отобрали крепость у какого-то мелкого военачальника. Сам Самулар принимал в этом участие, и, по-

видимому, забрал цитадель в личное владение. Видимо, в былые дни паладины были куда менее щепетильны в отношении частной собственности. И поскольку семья Самулара была крайне богата, я полагаю, он настолько привык к собственности, что считал это своим правом, а не нарушением обета.

- Оставь эти вопросы герольдам, - нетерпеливо сказал архимаг.- Продолжай.

- Ну, если верить лучшим из найденных мною источников, люди Самулара взяли крепость за один день, силой менее пятидесяти человек. Бранундар, военачальник, имел раза в три больше. Даже принимая во внимание пыл и навыки, которыми так славятся паладины, это кажется абсолютно невозможным.

Хелбен кивнул, понимая ход мыслей Данилы.

- Ты думаешь, что они призвали силу трех колец Самулара.

- Это логично, - сказал Данила. – Что это за сила, я не знаю, но думаю, могу поведать тебе, как третье кольцо стало утерянным.

Он положил книгу на стол, прямо перед архимагом.

- Новая копия, не более пяти лет. Но сама книга очень старая. За долгие годы оригинал переписывался несколько раз, однако книжники и художники были лучшими для своего времени, и потому я считаю, что все воспроизведено верно. Посмотри на эту гравюру внимательно.

Наклонившись над столом, архимаг пристально изучил страницу. Данила заглянул через дядино плечо, рассматривая рисунок, который он почти полностью сохранил в своей памяти. Это была исключительно хорошо нарисованная картина, изображавшая последствия битвы. Точность, с которой была выполнена гравюра, заставляла предположить, что художник не только видел все собственными глазами, но и обладал некими чарами, помогавшими ему зафиксировать момент с магической точностью. На заднем плане виднелась каменная крепость, две башни, окруженные толстой каменной крепостной стеной. Ворота были распахнуты, указывая на то, что крепость уже взята. Аккуратная, не тронутая временем кладка. Местность вокруг – холмистая и суровая, морские птицы, парящие над головой. Тут и там на внешней стене валялись павшие, стрелы торчали из их горла или груди. Эти несчастные носили кольчуги с более крупными и грубыми звеньями, нежели те, что использовались на протяжении веков. А грубых шлемов, которые венчали их головы, никто не видел уже многие годы. На переднем плане был изображен молодой человек. Белый плащ и мантию юноши густо покрывала собственная кровь. Он лежал в объятиях крупного рыцаря, сидевшего с ним. На лице мужчины застыло глубокое горе. Оба человека были похожи, словно братья, или, как минимум, близкие родственники, даже несмотря на свои значительные отличия. Раненый был молодым, худым и маленьким. Узкое лицо, волосы, поседевшие раньше срока, образовавшие на лбу вдовий пик, жилистые руки с длинными гибкими пальцами. На указательном пальце левой руки юноша носил кольцо.

Данила заметил в глазах архимага быструю вспышку узнавания, но она исчезла. Столь же быстро.

- Ты его узнал? – спросил бард.

- Да. Или мне так кажется. Это было много лет назад, - сказал Хелбен быстро. – Не та история, которую хочется рассказывать, а потому даже не пытайся спрашивать.

Редкое дело, когда архимаг был столь резок. Ясно, что старая рана плохо зажила.

- Обрати внимание на эти руки, - сказал юноша, указывая на умирающего мага, - разумеется, это был маг. Особый жест, запечатленный во времени художником, который, скорее всего, даже не понимал, что он рисует, был частью длинного, трудного и жуткого заклинания. Заклинания, рожденного неутолимой гордыней и амбициями, последний крик умирающего мага, который не желал уступить смерти.

Глаза Хелбена расширились, когда смысл жеста стал ясен для него. Он бросил озабоченный взгляд через плечо.

- Как ты мог знать, что это значит? Как, ради девяти кругов, тебе удалось узнать это заклинание?

- Любопытство, - заверил его Данила. - Не намерение. Я просто хотел знать, как такое можно сделать, но не горю желанием попробовать сам.

- Хорошо, - Хелбен испустил долгий, хриплый вздох. - От тебя даже сейчас куча проблем.

- Но ты понял мою мысль.

- Да, действительно, - мрачно сказал архимаг. - И я уверен, что знаю, где можно найти третье кольцо. К сожалению, Бронвин - единственный человек, у которого есть шанс получить его.

Глава 10

Утром третьего дня, проведенного в море, Бронвин проснулась от звуков сердитых голосов, доносившихся с верхней палубы. Застонав, она выкатилась из гамака и, выпрямившись, уперла руки в поясицу. Как и следовало ожидать, гамак Эбенайзера пустовал.

Бронвин с трудом удавалось стоять в полный рост, не ударяясь головой о низкие потолочные балки. В четыре шага она с легкостью могла бы пересечь каюту, которую делила со своим попутчиком. Несмотря на это, путешествие их проходило с относительной роскошью. В каюте напротив, попасть в которую можно было миновав узкий коридор, исполнявший роль прихожей, отлично просматривавшейся сквозь открытую дверь, спало шесть жильцов - четыре человека и две огрессы.

Одна из них заворчала, почти разбуженная движениями женщины. Бронвин поморщилась и двинулась к двери комнаты, делая не более одного маленького бесшумного шага за раз. Сквозь небольшое окошко в стене каюты виднелось небо, все еще больше напоминавшее цветом скорее сапфир, нежели серебро. А значит, попутчики окажутся не слишком благодарны за ранний подъем. Все шестеро легли поздно, жертвуя сном ради посиделок на полу каюты. Они рассказывали истории, играли в кости и потягивали приторный насыщенный специями напиток. Несмотря на свою грубость, матросы делили между собой странное товарищество, рожденное долгим знакомством и совместно пережитыми сражениями. Бронвин почти

завидовала им. Она здесь просто новичок и наниматель, а потому была исключена из этого братства, и ей пришлось видеть достаточно, чтобы не рисковать обрушить на себя их коллективный гнев.

Прежде, чем проскользнуть за открытую дверь, Бронвин наклонилась, чтобы подобрать сапоги. Двигаясь по короткому коридору, она пробралась к лестнице, ведущей на верхнюю палубу, и, держась за перила одной рукой, вскарабкалась наверх. На палубе её встретило ожидаемое зрелище.

На носу, столкнувшись лицом к лицу, сложив руки и сверкая глазами, уставились друг на друга капитан Орвиг и Эбенайзер Каменная Шахта. Самый верх кучерявой рыжей головы дварфа едва доставал до пояса огра, из-за чего Эбенайзеру приходилось запрокидывать голову назад, чтобы глядеть на своего противника. Однако, сердитое выражение, застывшее на его лице не обнаруживало никаких недостатков подобного положения. Огр и дварф оказались вовлечены в новый раунд словесной битвы, осыпая друг друга оскорблениями, сила и ярость которых сравнилась бы с огненными снарядами, что метала пара требушетов. Не будучи по сути своей нежным цветочком, Бронвин все же удивленно затаила дыхание, впечатленная неповторимыми фантазиями, которые изложил дварф, в весьма резких выражениях описывая родословную капитана Орвига.

Тихий звук отвлек бойцов, и они переглянулись. На лицах их отразилось одинаково смущенное выражение. Первым взял себя в руки капитан. Коротко кивнув Бронвин, он шагнул на корму, чтобы прозвонить в колокол.

Бронвин проследила за ним взглядом. У кормы было установлено старое тележное колесо — руль под стать силе и размерам капитана огра. В паре шагов от правого борта находился огромный латунный треугольник. Он свисал с приспособления, видом своим напоминавшего маленькую виселицу. Там же, прямо под треугольником, висел крюк, державший латунный стержень, который использовали для подачи сигнала. Но Орвиг проигнорировал латунную звенелку. Вытащив свой клинок, он просунул его в треугольник и несколько раз быстро и резко взмахнул им, описывая круг.

Громкий звон прорезал утреннюю тишину, заставляя матросов стремглав вылететь на палубу. Они явились с оружием в руках, босоногие и позабывшие о сне в ожидании предстоящей битвы. В течение нескольких мгновений экипаж оглядывал море в поисках угрозы, а затем, поняв, что её не найти, недоверчиво уставился на своего капитана.

- Учебная тревога? – отважился спросить один из них.

- Утро! – проревел в ответ Орвиг. – Лентяи, все вы! По местам, быстро.

Развернувшись, он взлетел вверх по такелажу, проворный, словно белка, несмотря на огромные размеры.

Вздохнув, Бронвин уселась на низкую бочку, чтобы натянуть сапоги. Капитан Орвиг мог быть матросом, однако он не переставал быть огром. Он любил Эбенайзера не больше, чем Эбенайзер – его, и обмен бранью и оскорблениями становился все более жарким. Бронвин подозревала, что эта парочка в нескольких часах от того, чтобы перейти к драке.

Экипаж начинал проявлять недовольство. Она уже слышала какое-то ворчание об отмене спуска на берег. Команда ждала, что незапланированная поездка хорошо

окупится и, к тому же, сделает это в ближайшее время, чтобы стоять затраченных усилий.

Поднявшись на ноги, женщина оглянулась на Эбенайзера. Он стоял, скрестив ноги и прислонившись спиной к мачте. Сейчас он смотрел на море и пытался небольшой глиняной трубкой.

- Интересное замечание ты сделал Орвигу, – небрежно произнесла она. – Так использовать яйца ящера мне в голову не приходило.

Дварф подпрыгнул, а затем покраснел.

- Не предназначалось для твоих ушей, – пробормотал он.

Бронвин вытащила трубку из его пальцев, слегка втянула ароматный дым, а затем вернула вещь дварфу.

- У Орвига хорошая репутация капитана и контрабандиста – хотя это может звучать странно. Все, с кем я говорила, утверждают, что он доставляет обещанное. Никаких отговорок и фокусов. Он отвезет нас туда, куда нам нужно. Но поверь мне, Эбенайзер. Ты способен любого огра из себя вывести.

- Битвы жаждет, да? – с огромным удовлетворением спросил Эбенайзер. Взяв трубку в зубы, он сделал три быстрые умелые затяжки, выдыхая дымные кольца.

Бронвин проследила за ним, а затем покачала головой в недоумении.

- Ты что, специально? Желаешь заставить его заранее рваться в бой?

- Именно так, – согласился Эбенайзер. – Это вроде тренировок, чтобы не дать голове...

Дварф затих и кивнул на море.

- Мы почти закончили, – сказала Бронвин, стараясь убедить себя в той же мере, что и друга. – Сегодня мы должны догнать корабль с рабами. Самое позднее – завтра.

- Да? Широкое место это море. Легко пропустить одну маленькую лодчонку.

Бронвин покачала головой.

- Ради того, чтобы узнать, куда отправился корабль, Орвиг подкупил хранителя врат в Скуллпорте. Мы знаем, где появится Грунион и у нас есть идея, как его поймать.

От воспоминания о путешествии сквозь волшебные врата, соединяющие Скуллпорт с открытым морем, Эбенайзер вздрогнул. Кажется, дварфы относились к магическим перемещениям без особой любви. Плотное коренастое тело Эбенайзера из всех сил сопротивлялось процессу. В отличие от любого из присутствующих на корабле людей, дварф ощущал переходы, как обжигающую физическую боль.

- Как будто тебя проталкивают сквозь толстую стену, но потихоньку, – именно так Эбенайзер описал свои впечатления Бронвин, как только оправился от пережитого испытания.

Когда он снова поднял трубку, чтобы совершить долгую затяжку, его рука слегка дрогнула.

- Много воды, – повторил дварф.

Он впился взглядом в Бронвин, как бы умоляя её доказать ему, что он не прав. Бронвин все поняла, и подобрала слова, снова используя их в равной мере для собственного успокоения.

- Когда Грунион появился, мы были в одном и том же месте. Теперь работоторговцы захотят прибыть в пункт назначения как можно быстрее.

Значительное потепление воздуха в это время года вызывает сильный прибрежный ветер. Они воспользуются этим в полной мере. Чем дальше от берега – тем слабее ветер, а если подплывут ближе к земле – рискуют налететь на прибрежные рифы, скалы и патрульных. Проход не так широк. Пока капитан Орвиг следует за ветром – мы должны идти рядом.

Дварф взглянул на паруса. Их было три, закрепленных на паре высоких дубовых мачт. Все три были выгнуты, переполненные ветром так, что даже рябь не тревожила их белую поверхность, однако дварф все еще выглядел неуверенным.

- Они выпрыгнут на нас.

- Так и есть, но у Нарвала три паруса против одного у Груниона. Этот корабль построен для погони и битвы. А Грунион – корыто. Старый, с глубокой осадкой, предназначенный для хранения большого количества груза. Согласно отчету, у него полный трюм. Они не смогут нас опередить.

Дварф бросил на женщину косой взгляд.

- Многовато знаешь. Для человека, который не любит воду.

- Я – торговец, - коротко сказала Бронвин. – Я должна знать, как вещи передвигаются с места на место.

- Так и есть, - согласился он, однако проницательный и сочувственный взгляд его говорил о том, что дварф понял гораздо больше, чем хотела сказать Бронвин. Она много лет изучала работоторговлю. В надежде проследить собственный путь к позабытому дому и семье. И все же, это был первый раз, когда женщина предприняла меры, чтобы помочь кому-то, кто, как и она, был оторван от всего, что знал. С облегчением, Бронвин отметила, что дварф не спрашивает её о причинах и не давит, пытаясь выжать из неё объяснения этой внезапно охватившей её необходимости помочь ему и его клану. Этого Бронвин не могла бы объяснить даже себе.

Замолчав, они оба перевели взгляд на море. Теперь оно побледнело, становясь серебристым, а на восточном горизонте разгорался розовый румянец, предвещающий грядущее солнце.

В вышине над ними разнесся резкий вибрирующий вой – такой звук мог бы издать волк, будь он способен к человеческой речи. Однако голос этот был гораздо глубже и более зловещим, нежели звуки, производимые любым зверьем леса или степи.

Развернувшись, Бронвин прищурила глаза, вглядываясь в воронье гнездо. Капитан Орвиг указывал на восток, объявляя тревогу. Он перепрыгнул через бортник гнезда и спустился по канатам, выкрикивая приказы.

Экипаж среагировал незамедлительно. Несколько человек перетаскивали мотки веревки на правую сторону, цепляя один конец канатов за железные петли, торчащие из палубы, а на другом конце привязывая крючья для абордажа. Одни помчались за оружием, а другие держали паруса.

- Поднять бушприт! – взревел Орвиг, спрыгивая на палубу.

Стремглав пролетев через корабль, он отшвырнул от руля первого помощника. Заняв свое место, огр нагнулся и вперил свои пороссячи глазки в идущий впереди корабль.

- Передвинуть балласт!

Несколько членов экипажа помчались к огромному шесту, который протянулся по центру палубы, от кормы почти до самой грот-мачты. Они ловко ослабили узлы, которые мешали ему двигаться, а затем присели, готовые поднять ношу.

На счет три, люди, кряхтя от напряжения, подняли шест и, шатаясь, побрели к носу. Они опустили оружие в паз, укрепленный снаружи и изнутри железной пластиной, он предназначался для удержания шеста, а затем затянули болты. Тем временем, другие матросы взгромоздили на плечи тяжелые бочки с боеприпасами – стрелами для баллисты, металлическими осколками и жуткими шипастыми снарядами – и спустили их к корме, чтобы сохранить равновесие корабля.

Оценив вооружение судна, Бронвин тихонько присвистнула. Бушприт напоминал собой гигантское копье, окованное железом. С ним, Нарвал действительно напоминал гигантскую рыбу с копьеобразной головой, в честь которой он получил свое имя. Теперь Бронвин поняла, отчего капитан Орвиг содержал свой корабль подобным образом, и почему все члены экипажа терпели неудобство, переступая через шест, когда тот покоился в центре палубы. С этой штукой на подобающем ей месте Нарвал становился настоящим боевым кораблем, а потому подвергался бы тщательному досмотру не только во всех добропорядочных портах, но и в самом Скуллпорте.

Прикрыв глаза рукой, Бронвин всмотрелась туда, где скользил новый корабль. Он выглядел именно так, как был описан: старый, непримечательный, едва ли заслуживающий внимания. Парус покрывали заплаты, создавая впечатление, будто корабль является собственностью семьи рыбаков-неудачников. Но количество людей, присутствовавших на палубе, как и их вооружение, разрушали эту иллюзию. Грунион был отлично защищен, а его команда – как никогда готова к бою.

- Приготовиться к тарану! – взревел Орвиг.

Мышцы на его огромных руках напряглись, когда он вывернул колесо, заменившее руль. Крик эхом пронесся по кораблю. Пытаясь поймать весь возможный ветер, матросы ухватились за канаты, управлявшие парусами. Летя вперед, корабль неуверенно покосился в сторону. Бронвин и прежде считала, что Нарвал идет быстро. Но теперь он разрезал волны с небывалой скоростью, оставляя вслед за собою глубокую борозду, рассекавшую морскую воду.

Корабль работоторговцев попытался уклониться, но оказался слишком неуклюжим и медленным. Бронвин подумала о кролике, который застыл от страха, ожидая когтей хищника.

- Приготовиться!

Крик огра взлетел над шумом стремительного ветра и быстрой воды. Вдоль всей палубы, моряки схватились за рукояти своего оружия, готовясь к предстоящему рывку. Обхватив руками мачту, Бронвин вцепилась в неё покрепче. Эбенайзер поймал рукою якорную цепь, второй же схватился за пояс Бронвин. Это внезапное проявление заботы заставило улыбку коснуться губ Бронвин.

Оба корабля вздрогнули, словно гигантские рыцари, сошедшиеся в неравном бою. Первый удар сопровождал резкий треск. Дерево закрипело, столкнувшись с деревом, когда бушприт погрузился в корпус Груниона.

Как только дрожь от столкновения пошла на убыль, экипаж Нарвала бросился в бой. Восемь матросов схватили большие щиты и, выставив их, встали на колени,

образовывая стену. Из-за их спин, дюжина лучников, и вполтину этого числа заряжающих, обрушили на палубу работорговцев сверкающий шторм стрел. Бронвин поспешила присоединиться к ним, и быстро приновилась к ритму перезарядки маленьких смертоносных арбалетов.

Оставшись один, Эбенайзер поискал дело для себя. У перил собрались самые сильные и крупные члены экипажа. Они поднимали свернутые канаты и забрасывали крюки на борт второго корабля.

Пожав плечами, дварф решил попробовать. Он рванулся к перилам. Схватив один из канатов, Эбенайзер раскрутил его, подражая тому, как делали другие, и метнул в воздух.

Со свистом рассекая пространство, крюк стукнулся о борт противника на пару отметок ниже намеченного места. Несмотря на то, что цель не была поражена, Эбенайзер все же позволил себе разгуляться в полную силу. Дерево треснуло, и крюк погрузился в борт корабля.

Подвиг этот принес ему серию кратких и недоверчивых взглядов остальных моряков. Дварф лишь пожал плечами, хватая второй канат. На этот раз он выбрал цель получше. Крюк пролетел над перилами и угодил в грудь чернобородому наемнику, который усиленно пилил другой канат. Железные крючья вошли глубоко под ребра. Мужчина отлетел назад, абсолютно и бесповоротно мертвый.

Решив, что человек больше не нуждается в своем теле, Эбенайзер подумал его использовать. Резким рывком он потянул канат обратно. Голова наемника врезалась в край дыры, образованной последним броском Эбенайзера. Дварф попробовал потянуть за веревку.

- Должна выдержать, - сказал он удовлетворенно и повернулся к следующему канату.

Но дело было сделано. Все крючья заброшены. Теперь, весь обвешанный канатами, корабль работорговцев выглядел, словно рыба, пойманная в сети.

Некоторые из самых быстрых матросов рванули к веревкам под прикрытием стрел товарищей и, затем, вступили в бой на борту вражеского корабля. Эбенайзер с удивлением наблюдал за людьми-котами, а затем наклонился над перилами, чтобы оглядеть темное пространство воды. Бронвин встала рядом с ним. Дварф заметил, что она ничуть не больше его самого желает перебраться на другой борт.

- Думаю, ты тоже не умеешь плавать, - рискнул заметить он.

Ответом её была мрачная улыбка.

- Нам просто нужно постараться не упасть.

Перебравшись через перила, Бронвин обеими руками ухватила за канат. Глубоко вздохнув, она прыгнула вниз, повисая над голодными волнами. Держась за веревку, Бронвин начала карабкаться вперед. Ноги её неловко шатались туда-сюда, помогая сохранять импульс.

- Камни, - выдохнул Эбенайзер, и проклятие в его устах прозвучало комплиментом. - Да у этой женщины их целая бочка!

Будучи преисполнен решимости не отставать, он втащил себя на поручень и обследовал пару канатов, прежде, чем найти тот, что, как он решил, смог бы выдержать его вес. Прыгнув вниз, дварф начал свой путь к борту вражеского корабля.

Бронвин справилась с делом моментально. Перевалившись через перила корабля работорговцев, она бросила быстрый взгляд на дварфа, все еще борющегося с канатом. Нетерпеливо махнув рукой, она извлекла из ножен длинный нож и бросилась в бушующую на палубе битву.

- Поторопись, говорит она, - пробормотал Эбенайзер, осторожно продвигаясь вперед стараясь не отрывать рук от веревки. - Ей легко. Длинные руки, худая, не нужно таскать тяжести...

Внезапный резкий рывок остановил рвущееся с его губ сквернословие на середине. Бросив взгляд через плечо, дварф выпучил глаза от накатившей паники. Канат рвался, и там, где он касался перил Нарвала, его волокна провисали свободно.

Дварф отчаянно ускорился, руки его пульсировали, грозясь разомкнуться. Эбенайзер был футах в десяти от корабля, когда канат позади него лопнул.

Рева от ужаса, Эбенайзер полетел в темную воду. Изо всех сил держась за веревку, дварф инстинктивно вытянул перед собою ноги, от чего мышцы его напряглись.

Тело его врезалось в борт корабля прямо у самой ватерлинии. Сила удара заставила зазвенеть его кости, посылая вспышки обжигающей боли сквозь все мышцы и сухожилия. Старое дерево поддалось, и ноги дварфа погрузились в борт судна. Он высвободил их, и с помощью нескольких решительных ударов пробил дыру, в которую мог бы проползти.

Извиваясь, Эбенайзер мысленно проклинал щепки, которые впивались в его спину и ноги. Взгляд, брошенный в трюм, остановил его проклятия.

Там он увидел свой потерянный клан. Дварфы выглядели худее и оборваннее, чем мог бы позволить себе любой дварф. Их приковали к деревянным койкам, которые стояли настолько тесно, что напоминали собой книжные шкафы. Везде валялись бочки и ящики. В центре хаоса находилась маленькая девочка с каштановыми волосами. Лицо её было совершенно бело, а глаза — распахнуты от ужаса.

Внезапно, корабль перекатился с боку на бок. Это море освободило его от похожего на копье носа каравеллы. Вода хлынула сквозь пробитый корпус. На мгновение, Эбенайзера охватило чувство, что он угодил в личный кошмар Бронвин.

- Неподходящее время для проклятой ванны! - воскликнул мужественный и невыносимо любимый женский голос. - Ты собираешься нас освободить или просто мыло принес?

Улыбка прорезала бородатое лицо дварфа. Тарламера жива и злобна. Как обычно! Он поспешил на голос сестры, на ходу подхватывая ребенка. Дварф поставил девчушку на ящик, туда, где холодной воде, которая струилась у его лодыжек, было до неё не добраться. Прежде, чем оставить ребенка, он снял с пояса маленький нож и вложил ей в руку.

- Для крыс. Двухногих или четвероногих. Если вдруг они тебя беспокоят, - объяснил он любезно.

Пальцы девочки сомкнулись на ноже. Она кивнула ему с пониманием, и в глазах её застыла решимость.

Усмехнувшись, Эбенайзер потрепал её по подбородку. Еще одна женщина, которой хватало всего, кроме бороды. В эти дни туннели полны такими.

Затем он двинулся прочь. Сжимая в руке топор, он словно сбрендивший лесник разрубал тюрьму Тарламеры. У него не было шанса разбить так много цепей — так что лучший и быстрее способ освободить dwarфов — снести нары.

Тарламера скатилась с полки в тот же момент, как была освобождена. На запястье за собою она тащила длинную цепь с куском расколотого дерева. Сестра двигалась напряженно, явно страдая от боли, однако лицо её сияло от радости и жестокости.

- Никогда не видел ничего прекраснее, - поклялся Эбенайзер, которого зрелище это захватило до глубины души. Тарламера была потрепана и грязна, а её праздничный наряд загрубел и почернел от крови, в том числе её собственной. Рыжие локоны потускнели и были дико взъерошены, а борода казалась почти столь же неопрятной, как у дуэргаров. Однако, сестра была в целости и сохранности.

Улыбка Тарламеры была ничуть не меньше его собственной, а глаза светились столь же ярко. Схватив брата за уши, она потащила его вперед. Чмокнув Эбенайзера в кончик носа, она, затем, ударила его по голове. А потом пошла прочь, направляясь к лестнице, ведущей на палубу, сжимая остатки своих нар, словно смертоносную дубинку.

Эбенайзер радостно вздохнул, пребывая в восторге от этого необычайно сентиментального воссоединения. Ему не пришлось долго пребывать в раздумьях, так как шум, поднятый dwarфами его клана, был способен разбудить предков. Каждый из них желал быть следующим. При этом все они высказывались насчет его техники владения топором, и просто сыпали оскорблениями направо и налево.

Здорово было вернуть их.

Каждый dwarф, вновь оказавшийся на свободе, устремлялся вверх по лестнице, чтобы присоединиться к битве. Ни один не остался, чтобы помочь Эбенайзеру освободить остальных. И несмотря на свое ворчание, Эбенайзер понимал их. Будь он сам впихнут сюда проклятыми похитителями dwarфов, словно сваленный в кучу уголь, никто не удержал бы его от возмездия. Даже дети рвались в бой, ничуть не меньше старших жажда крови и не тратя времени на расшаркивание.

Так поступали все, кроме Клема, парня, приходившемуся Эбенайзеру родственником через пару двоюродных братьев. Маленький засранец задержался достаточно долго, чтобы сжать своего спасителя в быстром ожесточенном объятии. Когда dwarф выпрямился, на безбородом лице его сияла широкая улыбка — а в руках был зажат молот Эбенайзера. Подняв ворованное оружие, он развернулся и метнулся к лестнице.

- Вернись, проклятый воришка! - взревел Эбенайзер, и хотя крик его был впечатляющим, он не вкладывал в него своей души. На самом деле, улыбка dwarфа была такой широкой, что грозила навсегда задрать на макушку его уши. И если самому Эбенайзеру не придется вступить в бой — что ж, по крайней мере, его молот разобьет парочку черепов.

- Кого ждем? Лезвие затупилось? - раздался насмешливый dwarфский голос.

Среди сородичей оскорбление это было подобно ссылке на оркского предка. Развернувшись по направлению звука, Эбенайзер ткнул пальцем в говорящего.

- Проклятье, Джестон, да ты побриться этим клинком мог бы!

- Так бы и сделал, кабы ты меня освободил.

Едва заметные умоляющие нотки в голосе сурового кузнеца поразили сердце Эбенайзера, и он засомневался в своем решении оставить этого ублюдка на потом. Подняв топор, он приготовился сделать первый удар.

- Может, заеду по тебе этим, - пробормотал он.

* * * * *

Стоявшая на верхней палубе, Бронвин услышала донесшийся из трюма крик своего друга. Первым чувством женщины было облегчение. Второй — укол беспокойства. Судя по количеству мрачных dwarфов, выбиравшихся на палубу, чтобы задать своим похитителям жару грубыми импровизированными дубинками, Бронвин подозревала, что в трюме у друга помощников мало.

Она приблизилась к люку. Наемник бросился к ней, и его смертоносная сабля со свистом понеслась в её сторону. Бронвин отступила в сторону, уходя от атаки, и с силой ударила ножом, заставляя саблю отклониться вниз. Развернув скрещенные лезвия, женщина высоко и сильно ударила левой ногой. Её ботинок столкнулся с телом противника чуть выше пояса с оружием. Сабля со звоном ударилась о палубу, а мужчина отшатнулся назад — прямо в ждущие его объятия огрессы. Морячка злобно усмехнулась, сверкая клыками. Развернув человека несколько раз, словно играя в блеф слепого, огресса метнула противника назад Бронвин.

- Лови! - взревела она.

Бронвин подняла нож. Мужчина тяжело повалился на неё, придавливая своим весом. На мгновение, их глаза встретились.

Бронвин видела смерть раньше. Чаще, чем хотела бы, но никогда прежде — так близко. Жизнь уходила с лица мужчины, словно отступающий прилив. Темные глаза стали пустыми и остекленевшими. Затем, тело его отлетело назад, что заставило ошеломленную Бронвин потерять равновесие.

Огресса держала мужчину за шкурку, словно ребенок — щенка. Она с одобрением хмыкнула, замечая кровь, капающую с ножа Бронвин, а затем отшвырнула мертвеца в сторону.

Бронвин снова повернулась к трюму, и чуть не сбила с ног dwarфа, который вылетел из люка, словно запущенный из пушки. Заметив молот, который тот держал в руках, она поняла источник гнева Эбенайзера. Удостоверившись, что друг не окружен врагами, она вступила в новое сражение.

Первая помощница Нарвала, очень мускулистая женщина-варвар, была зажата двумя противниками. Прижавшись спиной к мачте, она размахивала мечом. Бронвин отметила прерывистое движение клинка и огромные капли пота, усеявшие лоб женщины. Когда один из атакующих уклонился, Бронвин увидела рану, прорезавшую ключицу первой помощницы. Она не выглядела смертельной, но туника женщины пропиталась кровью, и леденящая слабость, следующая за боевыми ранами, уже навалилась на неё.

Уклонившись от двух dwarфов, тащивших мужчину за руки и за ноги, Бронвин бросилась на помощь. Пытаясь освободиться, dwarфский пленник извивался и бранился, но dwarфы неумолимо двигались к перилам, намереваясь скинуть его вниз.

Схватив одного из нападавших на первую помощницу за волосы, Бронвин дернула его голову назад. Не колеблясь, она подняла нож и уверенно провела им по горлу противника. Его испуганная мольба, краткая и быстро прерванная, привлекла внимание соратника. Он повернулся на звук лишь для того, чтобы лицо его окатила струя крови, вырвавшаяся из горла товарища.

Мужчина вскрикнул и слепо взмахнул клинком. Все еще держа за волосы мертвеца, Бронвин пригнулась, чтобы уйти от атаки. Тело вздрогнуло от удара. Бронвин выпустила его и отшатнулась назад, едва не теряя равновесие на скользкой от крови палубе.

Рабовладелец атаковал снова. Бронвин присела на корточки, успевая уклониться так быстро, что ощутила ветер. Прежде, чем противник смог обрушить на неё новую атаку, женщина напряглась и рванулась вперед, держа перед собою нож.

Клинок с силой врезался в грудь противника. Удар отразился в его взгляде, но он не осел. Мрачное выражение лица провозглашало его желание забрать женщину с собой во врата смерти. Высвободив нож, Бронвин подпрыгнула, как можно выше и сильнее выбрасывая вперед колени. Она нанесла глубокий тяжелый удар. Позабытый меч противника ударился о палубу.

- Сзади, девочка!

Крик женщины заставил Бронвин обратить внимание на битву. Она развернулась, чтобы оказаться лицом к лицу с мрачным дварфом, который готовился воткнуть шип на своей дубинке в её позвоночник. Инстинкт и память взяли верх.

- За Каменную Шахту! - вскричала она на языке дварфов, вспоминая, что старый дварфской друг рассказывал ей об объединяющей силе кличей.

Реакция её в буквальном смысле ошеломила дварфа. Он опустил дубинку и красная дымка боевой ярости покинула его взгляд. Мгновение, он пристально рассматривал Бронвин. Очевидно, он признал в ней кого-то, отличного от своих похитителей, потому что в конце концов коротко кивнул и отправился на поиски другого боя.

Но сражение было почти окончено. Шум битвы стих, сменяясь редкими ударами стали о сталь, да криками боли, некоторые из которых прерывались с холодящей резкостью. Теперь, когда грохот битвы схлынул, можно было с легкостью расслышать важный голос капитана Орвига. Он приказывал своей команде собрать погибших с обеих сторон, а вместе с тем и всех работоторговцев, и скинуть их в море, потому как Умберли причитается. Это сплотило даже дварфов, которым дела не было до Морской Богини. Они восприняли задание с таким мрачным удовольствием, что даже не обратили внимания на то, что выполняют приказы огра.

Бронвин засунула нож в ножны в тот момент, когда глаза женщины-варвара закатились. Подхватив её, Бронвин осторожно опустила варваршу на палубу — нелегкая задача, учитывая разницу в размере, однако ей, по крайней мере, удалось обеспечить своей соратнице более мягкое падение.

Оторвав полоску с подола туники, Бронвин прижала её к ране, крепко удерживая на месте, пока кровотечение не остановилось, а затем сняла свой плащ и накинула его на широкие плечи женщины, чтобы та оставалась в тепле, покуда

холод битвы не покинет её. Это была вся возможная помощь, и Бронвин надеялась, что её будет достаточно. Экипаж Нарвала не обошелся без потерь. Некоторые из брошенных в воду мертвецов имели знакомые лица. Одной из них была огресса, которая сыграла с Бронвин в смертельные салочки, тем самым принимая её, хоть и всего на мгновение, в качестве товарища. Глубоко вздохнув, Бронвин направилась на корму, где находилась небольшая деревянная постройка, возведенная над рулем.

Здесь, как и ожидалось, нашелся бортовой журнал. Она быстро пробежала глазами страницы, пытаясь отыскать что-нибудь о личностях людей, уничтоживших дварфской дом и отнявших у них свободу — а у неё — отца.

Но записи были зашифрованы. Со временем, она смогла бы выяснить, о чем тут речь. Однако, здесь нашелся и большой список грузов, аккуратно написанный на Общем, языке торговцев. Оглядев его, Бронвин тихо присвистнула. Этого было более чем достаточно, чтобы удовлетворить жажду наживы экипажа Нарвала. Это могло бы даже помочь ей провести переговоры с Орвиллом касательно одной деликатной проблемы. Он был огром. Даже в толерантном Глубоководье за ним бы внимательно наблюдали. А еще он был контрабандистом, а это означало, что делам его не избежать пристального внимания. Однако, она не могла подвергнуть Эбенайзера и его родичей мучительному путешествию обратно через врата Скуллпорта.

Засунув журнал подмышку, она вышла на палубу. Капитан Орвиг проходил мимо, и женщина схватила его за руку.

- Битва принесла большую победу. Я хочу поблагодарить вас за помощь, - начала она. Его золотые клыки сверкнули в чем-то, оставлявшем надежду на улыбку.

- Ты не должна меня благодарить. Ты должна мне заплатить.

- У тебя будет плата, - заверила она, - и в качестве бонуса, я уступлю тебе право собственности на груз.

И Бронвин рассказала ему, что включает это право. Необработанные драгоценные камни, мотки шерсти, ценные шкуры, оружие, монеты, бочки с медом. Перспектива владения таким сокровищем тронула душу огра.

- Все это?

- За исключением дварфов. Разумеется, тебе они не нужны.

Он фыркнул, как бы подтверждая, что это очевидно.

- Я отдам свое право на груз в обмен на две вещи, - продолжила Бронвин, - бортовой журнал и твое обещание, что мы пришвартуемся в Глубоководье, а не в Скуллпорте.

Огр заколебался, но в маленьких красных глазках его танцевало желание. Он прикидывал, почесывая морду.

- Нужно будет платить за док, а еще налог на добычу.

- И после уплаты налога у тебя все еще будет гораздо больше, чем ты ожидал. Я заплачу за док. По рукам?

Он все еще выглядел сомневающимся.

- От одного дварфа достаточно проблем. Едят за двоих. А скольких мы освободили? Пятьдесят?

- Вроде того, - ответила она. - Но склада Груниона должно хватить, чтобы прокормить их, покуда мы не доберемся до Глубоководья.

Огр нахмурился, однако сдался, сопроводив это неизящным пожатием плеч.

- Хорошо, но держи эту кучу краснобородого навоза подальше от меня, или я не несу ответственность за его благополучную доставку.

- Договорились, - согласилась Бронвин. В душе она сомневалась, что её влияния на Эбенайзера достаточно, чтобы убедить его оставить в покое новую игрушку. Подойдя к люку, она прислушалась. Звуков битвы слышно не было, однако ритмичный стук говорил о том, что Эбенайзер все еще занят со своим топором.

Женщина спустилась в трюм. Она моргнула, испуганная царившим разгромом. Везде валялись щепки, похожие на ветви деревьев, что разметало во все стороны извержение вулкана. Эбенайзер упорно рубил топором сложенную кучу древесины.

- Ты всех достал? - крикнула Бронвин.

- Последняя, - сказал дварф. - Все остальные сражались. Кроме меня. Дерьмо эгоистичное, - проворчал он и кивнул в сторону маленькой горы ящиков. - Все, кроме этой, то есть.

Бронвин проследила направление его жеста. Взгляд её упал на маленькую девочку, которая присела на куче ящиков, держа в руке дварфской нож.

Жуткие воспоминания переполнили Бронвин, поражая её в самое сердце, словно меч. На мгновение, уши её наполнились криками обреченных утопающих рабов, и пронзительным писком крыс. Она рассеяно подняла руку и потеряла место на голове. Там, где два зверя схватились не на жизнь, а на смерть.

Но это было так давно, - напомнила себе Бронвин. А сейчас еще одна маленькая девочка требовала заботы. Она не могла убить собственных демонов, но, возможно, могла бы удержать их от предъявления претензий на эту крошечную жертву.

С трудом сглотив, Бронвин изобразила на лице нечто, что, как она надеялась, напоминало бы успокаивающую улыбку. Медленно, словно двигаясь к испуганной лошади, она пошла к девочке.

- Я — Бронвин, - тихо сказала она. - С моим другом Эбенайзером ты уже познакомилась. Мы пришли, чтобы освободить дварфов. С нами ты в безопасности. Мы отвезем тебя домой.

Она протянула руку, предлагая девочке взять её. Та изучала Бронвин большими карими глазами, а затем все же подала свою маленькую руку. Казалось, это прикосновение успокоило ребенка, и её пальцы скользнули к запястью Бронвин, сжимаясь в отчаянной хватке.

- Но я не знаю, где мой дом, - сказала девочка высоким ясным голосом, в котором звучал лишь легкий намек на раннее детство.

- Я помогу тебе его отыскать. Не беспокойся, - заверила её Бронвин тем же успокаивающим тоном. - Как тебя зовут? Сколько тебе лет?

- Кара Дун. Мне было девять прошлой зимой.

Девочка выглядела моложе, быть может потому, что была маленькой и очень худой. Когда она подняла руку, чтобы убрать за ухо выпавший локон каштановых волос, Бронвин заметила другое объяснение её роста и, казалось бы, замедлившегося развития. Она была полуэльфом. Уши оказались немного заострены, а пальцы, державшие запястье Бронвин — нежными и длинными. На одном из них было надето очень знакомое кольцо.

Глаза Бронвин распахнулись. Сердце болезненно сжалось, а затем забилось быстрее. Кольцо девочки было золотым, богато покрытым отличительными

мистическими символами. Бронвин хранила такое же в надежном месте "Любопытного Прошлого".

- Очень красивое кольцо, - сказала она, указывая на украшение. - Можно посмотреть?

Кара отдернула руку, пряча её за спиной.

- Папа сказал, никто из посторонних не должен смотреть на него, и я не должна давать его никому, кроме моей семьи. Знаешь, ты не можешь забрать его у меня. Плохие люди пытались, - сказала она, указывая на палубу. - Оно не снимется, если я сама не сниму.

Это было новостью для Бронвин. Она задалась вопросом, обладало ли кольцо, данное ей отцом, такой же магической преданностью. Но эта мысль пришла так же быстро, как испарилась, сметенная гораздо более важной. Кольцо Кары было таким же, как её собственное. Хронульф называл кольцо семейной реликвией, предназначенной для ношения лишь потомками крови великого паладина Самулара Карадуна. Глаза Бронвин снова широко распахнулись.

- Как ты говоришь, тебя зовут?

- Кара, - сказала девочка с намеком на нетерпение в голосе. - Кара Дун.

Глава 11

Прежде, Даг Зорет посещал Глубоководье лишь единожды, и близость столь многих врагов Жентарима заставляла его держаться нехарактерно настороженно. Он подождал, пока служанка закроет за собой дверь, а затем задвинет массивную дубовую щеколду. После чего, ведь лишней осторожности не бывает, он обошел роскошные апартаменты, разыскивая волшебные устройства для слежки и тихонько напевая, пытаясь обнаружить любую враждебную магию.

Но так ничего и не нашел. Нежная Русалка, таверна и дом отдыха, расположившаяся в сердце пустынного Северного Квартала, славилась своей предусмотрительностью. Частные комнаты соответствовали своему названию, что в этом переполненном магией городе являлось большой редкостью. Другие изыски, наполнявшие комнату, были просто приятным дополнением.

Здесь находились прекрасные письменный стол и стул полированного тикового дерева, привезенного из Чултана, а также большая кровать с кучей шелковых подушек ярких и редких желтых и синих цветов, бархатные драпировки и прекрасные гобелены, не пропускающие холод. Были здесь и умывальник с кувшином из тончайшего фарфора, маленький столик, с расставленными на нем серебряными бокалами, бутылкой вина и подносами, на одном из которых лежали небольшие кусочки острой закуски, а на другом - сладкой выпечки. Даг не упустил ничего из этого, так как очень ценил роскошь. Попробовав маленький треугольничек пахнущего травами сыра он поклялся себе, что доставит подобные

роскошества в Терновый Оплот, дабы смягчить и украсить строгие кельи, некогда принадлежавшие паладинам.

Однако, в данный момент, Даг был занят другим, более неотложным делом. Достав маленькую темную сферу, запрятанную в складках его плаща, он уселся в мягкое кресло. Держа её в своей ладони, он пристально взгляделся в глубины.

Повинуясь его приказу, внутри шара вспыхнул пурпурный огонь. По собственному опыту Дагу было известно, что случится с человеком, получившим сообщение. Волшебное послание вызовет леденящую жгучую боль, которая не прекратится до тех пор, пока получатель не отыщет укромное место, где смог бы взять сферу в руки.

Потому Дага не удивило, что ожидание было кратким. Сэр Гаррет Кормариль, несмотря на все его благородные выступления и ханжеские заявления, обладал острым инстинктом самосохранения. Через мгновение внутри сферы возникло худое достопочтенное лицо паладина, которое выглядело довольно нелепо в танцующих языках фиолетового пламени.

- Вы желали говорить со мной, лорд Зорет? Есть ли проблема, требующая моего внимания?

- Нет, меня просто охватило желание получить удовольствие от твоей компании, - холодно сказал Даг. - Что творится в храме Тира? В этом месте полно паладинов!

- Они готовятся идти на Терновый Оплот, - весьма откровенно поделился сведениями сэр Гарет. - Разумеется, вы не думали, что ваш триумф останется без ответа.

- Пусть попробуют. У них не выйдет войти в крепость столь же легко. Если, конечно, - добавил Даг, - ты не поделился с ними той же информацией, что и со мной.

Синие глаза рыцаря распахнулись от резкой и внезапной вспышки ужаса.

- Я не делал этого, но среди орденов могут быть и другие, которым Хронульф доверил знание.

На самом деле, все это не слишком волновало Дага. Он поднял вопрос лишь затем, чтобы напугать старика. Если объединенная армия паладинов и владела какой-то информацией, это не принесло бы им много пользы. Туннели под крепостью изменились так сильно, что люди могли блуждать в тенях десятидневками, так и не находя старых проходов.

- Есть еще одно дело, о котором нам следует поговорить, - продолжил Даг. - У меня есть дочь. Хотя её существование хранилось в секрете более девяти лет, сейчас все вокруг ищут её. Что ты знаешь об этом?

- Сэр? - спросил рыцарь, на лице которого замерло озадаченное выражение. - Почему я должен что-то знать?

Это не было ложью — Даг смог бы поймать паладина на откровенном вранье — однако, человек уходил от ответа. И это раздражало жреца.

- У меня мало времени, как и терпения, - процедил Даг сквозь зубы. - Слушай меня внимательно. Девочка была похищена из своего временного дома мужчиной, хотя эльф, охранявший её, обладал значительными познаниями в обращении с оружием. Жентарим не славится подобными проявлениями тупой храбрости. А это значит... кто?

Сэр Гарет склонил голову.

- Я заслужил ваши подозрения, лорд Зорет. Моя роль в нападении на деревню...

- Давняя история, - холодно заметил Даг. - Я не собираюсь заставлять тебя страдать за старые проступки, но будь уверен, твоя дальнейшая жизнь зависит от способности послужить мне быстро и хорошо. Тебе ясно?

- Более чем, милорд, - ответил рыцарь.

- Отвечай прямо. Ты или не ты принимал участие в похищении моей дочери?

- Увы, ответ на этот вопрос не столь прост, как вы желаете, - сказал рыцарь с обеспокоенным лицом. - Мой орден действительно несет за это ответственность, а значит, часть вины и на мне.

Даг фыркнул в ответ на эту самоуничижительную «исповедь», однако нашел в словах старого паладина хорошие новости.

- Мои люди проследили за похитителем Кары. Он направился в Глубоководье. Я хочу знать его имя, а после этого, и как можно скорее, желаю получить его сердце на вертеле.

- В Глубоководье много паладинов, - уклончиво заметил сэр Гарет. - Расскажи мне больше о своей дочери, дабы я смог сделать надлежащие расспросы. Лично я никогда не видел девочки.

Просьба казалась оправданной.

- Ей девять, однако, так как она маленькая и худая, ей нельзя дать больше шести или семи. Волосы каштановые, глаза — карие. В ней течет кровь эльфов. Так что уши девочки слегка заострены, глаза большие, а уголки их слегка приподняты, пальцы — маленькие и тонкие.

Даг пожалел о последних словах, как только они слетели с губ. Ему не хотелось привлекать слишком много внимания к рукам девушки. Из-за слишком ценного кольца, которое она носила.

- Моя сестра, - поспешно добавил он. - Есть ли какие-то сведения о ней?

- Я отправил её в Терновый Оплот, как вы приказали. Неужели, она так и не пришла?

Даг решил, что этот вопрос лучше оставить без ответа.

- Я желаю, чтобы женщина и девочка были найдены и вернулись ко мне. Найди способ опередить остальных рыцарей. Ясно?

Подняв два пальца ко лбу, рыцарь отдал древнее приветствие.

- Я обещал чтить детей рода Самулара. Все будет сделано так, как вы велите.

С отвращением покачав головой, Даг снял заклинание. Лицо сэра Гарета покинуло сферу — но не раньше, чем Даг удовлетворенно уловил проблеск боли, вызванный снятием заклятия.

Он презирал старого рыцаря. Он ненавидел всех паладинов, а в особенности тех, кто, как и его собственный отец, принимал обеты рыцарей Самулара. Однако, этот человек просто искажил их. Сэр Гарет Кормариль некогда был могучим рыцарем, другом и боевым товарищем отца. Однажды, он спас Хронульфю жизнь, получив рану, которая повредила его ведущую руку, таким образом покончив с его воинской карьерой. Но была в этом человеке слабость — воли и сердца. Её Даг презирал особенно. Сам он смог одержать победу над физическими недостатками — так почему другой должен видеть в этом повод отказаться от всего, чем когда-то был?

Но сэр Гарет сделал именно это. Он стал жертвой хитроумных ловушек Малхора, злоупотребляя своей новой ролью казначея ордена, когда его младший брат, бродяга и игрок, столкнулся с домами развлечений, принадлежащими Жентариму. Малхор взял на себя долги молодого лорда, и Гарет спокойно «заимствовал» деньги, чтобы расплатиться со жрецом жентов, не желая рисковать личным или семейным бесчестьем. Это и стало началом. Облегчило покупку души рыцаря.

Дага поражало, что сэр Гарет, похоже, не понимал этого.

Даг сам выбрал, кем ему быть. Он обладал великой силой, дарованной безумным богом, и знал такие пути, что и не привиделись бы человеку, подобному сэру Гарету. И он желал получить много больше, используя те же методы. А если придется, и что-то похуже. Он сам выбирал, что ему делать. Он признавал, кем стал. В этом была предельная честность, которую сэр Гарет не мог ни понять, ни повторить.

Когда Даг спрятал сферу, губ его коснулась ироническая улыбка. Он заметил, что, по крайней мере, в этом вопросе, обладал добродетельностью большей, чем человек, которого восхваляли, как одного из величайших рыцарей Тира.

* * * * *

Для Бронвин, три дня, потребовавшиеся на возвращение, прошли слишком быстро. Она много времени проводила с маленькой Карой, отвечая на бесконечные вопросы девочки. Та проявляла удивительное любопытство по поводу окружающего мира, и, пока она слушала рассказы Бронвин, на маленьком её личике отражалась тоска по далеким местам.

Однако, Каре было, чем занять свое время. Она играла с пятью дварфскими детьми, прекрасно чувствуя себя в драках и склоках с гораздо более сильными и коренастыми дварфами. Эбенайзер также проявлял к девушке интерес, а потому часами мог рассказывать ей истории о своих приключениях, отвечая на вопросы. Он даже вырезал Каре игрушку, маленькую деревянную куклу со слегка заостренными ушками. Руки и ноги куклы были прикреплены к нитям, чтобы та могла двигаться. Бронвин, которая поймала его за сшиванием одежды из кусочков парусины, прокомментировала тонкость работы, и сразу же пожалела об этом. Дварф дал ей множество советов на счет положения её собственных дел, используя для этого языковые конструкции, которые почти, но не полностью, скрывали его смущение от того, что кто-то застал его с размякшим сердцем и выполняющим женскую работу.

К своему удивлению, Бронвин поймала себя на том, что любит проводить время с Карой. У неё никогда прежде не было опыта обращения с детьми, даже когда сама она была ребенком, но сейчас женщина наслаждалась любопытством девочки, одобряла её упрямство и восхищалась её силой. К тому времени, когда показались острова, охранявшие вход в гавань Глубоководья, Бронвин решила, что если у неё когда-либо будет дочь, она будет более чем счастлива, если та будет похожей на Кару.

Но у Кары была семья. Отец, который почти наверняка был родственником Бронвин. Желание найти его, ради них обоих, поднималось в Бронвин, словно нараставшая лихорадка. Девочка помнила своего отца лишь как «Дуна», а описание, которое она дала, было тем, чего можно было бы ожидать от восьмилетнего

ребенка-полуэльфа. Он был взрослым. У него темные волосы. Он большой. Не слишком много информации для поисков.

Каре многое удалось рассказать о человеке, укравшем её из единственного дома, который она когда-либо знала. У него был меч, которым он убил обоих приемных родителей. Он был высоким мужчиной со светлыми волосами. Ехал на белом коне и носил белую тунику с синим рисунком. По просьбе Бронвин, Кара попыталась набросать его портрет, однако, детские каракули были весьма далеки от идеала. Они долго ехали, а потом остановились у красивого дома. После этого, девочка ничего не помнила. Она заснула, а проснулась в трюме этого корабля. Голова болела, а живот был совершенно пуст. Бронвин, которая слушала этот рассказ с нарастающей яростью, поняла, что ребенок находился под действием наркотика. Она пообещала найти совершившего это деяние и убедиться, что он больше не отправит детей в ту жизнь, которую пережила она сама.

Наконец, Нарвал миновал самый южный вход в гавань, проплывая мимо маяка, известного как Восточная Факельная Башня: высокий тонкий конус из белого гранита, вершина которого пылала, соответствуя названию. Бронвин предпочла бы отплыть к северному входу, потому что плата за доки там была ниже, и, к тому же, она оказалась бы гораздо ближе к магазину, но капитан Орвиг категорически отказался подходить ближе, чем на длину выстрела к месту, которое звалось Башней Страданий Контрабандистов. Пара маленьких лодок встретила их у загороженного цепью входа, и женщина, одетая в черную с золотом форму дозора, запросила разрешения подняться на борт. При этом, капитан-огр усмехнулся и начал поглаживать свою саблю. Однако прежде, чем он успел заговорить, Бронвин схватила его за руку и кивнула на воду, расстилавшуюся позади лодок. Орвиг проследил за её взглядом, и в маленьких красных глазках вспыхнуло удивление. То там, то тут над поверхностью воды возникали человеческие головы, а вокруг корабля кружили темные, едва различимые под поверхностью, человеческие формы. Русалки, если понадобится, готовы прийти на помощь чиновникам. Орвиг ценил свой корабль слишком высоко. Он не мог рисковать тем, чтобы тот пошел на дно.

- Разрешить подняться на борт, - прорычал он.

Бросив на Бронвин взгляд, как бы говоривший, что вопрос этот теперь её проблема, он ушел. Бронвин подготовила журналы, в которых описывался их груз, и от имени Орвига выплатила налог, воспользовавшись некоторым количеством монет, взятых с корабля работорговцев. Она написала расписку для уплаты за доки, обязуясь доставить платеж управителю гавани в течение трех дней. Цепь опустили, и Нарвалу было дозволено войти в гавань. Ради капитана Орвига — огру было явно не комфортно находиться в этом порту — Бронвин потребовала разрешения причалить у первого же доступного дока.

Меньше, чем за час, пассажиры высадились на небольшой, покрытый ракушками пирс неподалеку от улицы Сидра. Нарвал рванул прочь с такой поспешностью, что последний дварф выпрыгивал с корабля уже на ходу. Он с громким всплеском погрузился в воду и, словно топор, пошел ко дну. Четирем русалкам удалось вытащить его на берег, однако когда задача, наконец, была выполнена, все они выглядели заметно более уставшими. Ухмылявшийся работник доков бросил вниз веревку. Довольные тем, что могут быть полезными, дюжина

представителей клана Каменная Шахта схватились за канат и с удовольствием потащили его на себя, из-за чего их бедный сородич вылетел из воды и пронесся вдоль берега на собственном животе.

Как только волнение слегка утихло, дварфы собрались в кучу, глядя на оживленный пейзаж и узкие, переполненные улочки широко распахнутыми глазами. На этот раз все пятьдесят дварфов были погружены в молчание. Благоговение перед городом прервало их споры.

- Прости, - пробормотал Эбенайзер, обращаясь к Бронвин. - Я — единственный, кто выходил за пределы клановых владений. Остальные, ну, ты могла бы сказать, что они, как утки в пустыне.

- Чем раньше мы их успокоим, тем лучше, - согласилась Бронвин.

Она поприветствовала высокого лысого мужчину, носившего на своем кафтане знаки отличия гильдии извозчиков. После короткой и оживленной торговли, ей удалось нанять три повозки, чтобы провезти дварфов через весь город в свой магазин.

- Могли бы и пешком пойти, - пожаловался Эбенайзер, когда они забрались в закрытый деревянный фургон, сильно провонявший рыбой и старым сыром.

- Пятьдесят дварфов шагают по Портовому Району? - усмехнулась она. - Больше похоже на нападение. Столь пристального внимания нам не нужно.

Подумав об этом, дварф неохотно кивнул.

- Тогда каков твой план?

- Пока пойдем в мой магазин. Я пошлю несколько гонцов и выпрошу некоторые привилегии. Мы все уладим.

Эбенайзер проследил за кулачным боем, разразившимся между двумя дварфами.

- Трудно, - заметил он.

Следуя указаниям, кучер позволил им выйти в переулке за "Любопытным Прошлым". Несмотря на просьбы Бронвин вести себя осторожнее, дварфы взбирались по узкой тропинке, явно чувствуя себя в закрытом, напоминавшем туннель, коридоре, как дома.

Они ворвались в "Любопытное Прошлое", словно стая черных дроздов. Реакция Элис поразила Бронвин. Гномиха выудила из-под прилавка меч, а так же пистолет, работавший на пару. Этим она замахала на первых появившихся в дверях дварфов.

- Вы не пройдете, - сказала она так убедительно, что Бронвин ей поверила. - Валите в другое место!

- Элис, это я! - прокричала Бронвин над головами дварфов. - Все в порядке. Они со мной.

Гномиха выпучила глаза.

- Все?

Бронвин беспомощно пожала плечами, зная, что просит от подруги слишком многого. Крошечные плечики гномихи поднялись и опали от тяжелого вздоха. Однако, она отошла в сторону.

Глаза разъяренных дварфов округлились от страха при виде стольких ценностей вокруг.

- Отличная вещица, - с недоумением сказала Тарламера.

Она держала браслет, украшенный крупными драгоценными камнями. Вместо того, чтобы нацепить побрякушку на запястье, она сжала его в руке, чтобы камни увеличили её костяшки. Подняв кулак, дварфийка восхитилась эффектом.

- Отлично! Твоя, гномиха?

- Не смей! Это заказ леди Галинды Райвентри.

Глаза Тарламеры сверкнули.

- Может, она не против пары раундов, а? Сидение на этом корабле сделало нас беспокойными и жаждущими развлечений.

Образ волевой королевы-колдуньи, сражающейся против женщины-дварфа в битве, вызвал у Бронвин кривую усмешку. Это сражение было из тех, за которые она готова была бы заплатить.

- Элис, почему бы тебе не сходить на рынок и не купить что-нибудь для наших гостей? Хлеб, мясо и бочонок эля. Попроси их все доставить.

- Ну, разумеется, я не потащу все сама, - проворчала гномиха.

Схватив свой платок с крючка, она, как показалось Бронвин, с облегчением вздохнула.

Один из дварфов начал взбираться на полку за топором, который попался ему на глаза. Гладкая черная тень соскользнула со стропил, приземляясь ему на плечо.

- Подумай об этом! - посоветовал Магазиновый Кот.

С визгом, молодой дварф разжал руки и упал на пол. Ворон взлетел и сел на высокую урну.

- Он говорит! - с восторгом воскликнула дварфийка указывая толстым пальцем на ворона. Глаза её вспыхнули боевым огнем, и она приблизилась к Магазиному Коту, наклоняясь ближе к его клюву.

- Давно у меня не было жареной птицы, - сказала она громко. Ворон уставился на неё.

- Подумай об этом.

Дварфы рассмеялись.

- Может, Моргалла, задай ты правильные вопросы и с жаркой удалось бы повременить, - заметил Эбенайзер.

Она пожала плечами, а затем провела пальцем по длинной цепи из розовых жемчужин, висящей на деревянном бюсте.

Дварфы провели целый час, шуруя в магазине и обмениваясь оскорблениями с вороном. Когда же некоторые начали беспокоиться, Элис вернулась с полудюжиной сильных носильщиков, которые тащили запрошенные вкусности.

В тот момент, когда первый бочонок ударился об пол, дварфы со всех трех этажей магазина сгруппировались вокруг. Они хватали все, что попадало в руки — серебряные кружки, украшенные драгоценными камнями бокалы — и собирали вокруг себя. Заметив это небрежное использование ценностей, которые она охраняла, гномиха съежилась.

- Мы сможем нанять кого-нибудь, чтобы помочь с уборкой, - сказала ей Бронвин.

- Если у тебя на это останутся деньги, - ответила Элис.

Она кивнула в сторону своих посетителей, которые быстро поглощали груды еды. Два дварфа уже добрались до третьего бочонка.

Казалось, Эбенайзер пришел к тем же выводам.

- Не сомневайся, я заплачу тебе все до последнего медяка, - тихо поклялся он. - Скажи, что я могу сделать, чтобы помочь им заработать их.

Бронвин взглянула на Кару, которая, счастливо лепеча, гладила Магазинного Кота. Сердце её растаяло при виде маленькой девочки и явно наслаждавшегося ворона.

- В городе есть дварфы, но работа, которую может предложить ваш клан, всегда востребована. Я знаю людей, которые могут сделать то, что нам нужно.

- У тебя много друзей, если они могут устроить такую толпу, - прокомментировал Эбенайзер.

- В некотором роде.

Это снова подняло вопрос, который много раз задавала себе Бронвин. Еще на борту корабля женщина поняла, что ей придется полагаться на ресурсы Арфистов, чтобы устроить дварфов. Раскрытие членства в этой секретной организации было запрещено, за исключением экстремальных ситуаций и очень доверенных друзей. И хотя она знала Эбенайзера не так давно, Бронвин считала его одним из лучших друзей, которых ей когда-либо случалось находить.

Взяв дварфа за руку, она отвела его в относительно тихий уголок.

- Что ты знаешь об Арфистах?

Эбенайзер нахмурился и плюнул в бронзовую плевательницу, попадая туда со смертельной точностью и звенящей силой.

- Ничего хорошего. Как я слышал, они не слишком-то разборчивы в своих делах.

- Так и есть, - нерешительно сказала Бронвин. - Но они хороши в сборе информации и её передаче. Если я свяжусь с правильными Арфистами здесь, в городе, завтра утром получится найти работу для каждого члена твоего клана. Кузнецы для мечей, огранщики драгоценных камней, пекари. Я смогу пристроить любой талант.

- Откуда ты знаешь, кому... - дварф прервался, взгляд его стал подозрительным. - Ты — одна из них.

Бронвин вздохнула.

- К сожалению. Неужели, все так плохо?

- Может быть, - проворчал он и посмотрел на неё. - То, что ты сделала для моего клана — это дела Арфистов?

- Нет, - решительно сказала она, несмотря на подозрение, что возражения могут лишь поколебать дварфскую уверенность. - Это — личное.

- Ладно, - он удовлетворенно кивнул. - Тогда скажи, куда пойти, и я начну действовать.

Бронвин заспешила вверх по лестнице, поднимаясь в свою комнату. Выдворив пару прыгавших на кровати детей, она уселась за письменный стол. Под фальшивым дном ящика обнаружили листы пергамента, носившего личную печать Хелбена Арансана. Эта руна, его символ, давала написанному на листе силу. Арфисты, которыми он управлял, должны были использовать такой пергамент только в самых критических случаях. Бронвин владела лишь двумя. Опустив перо в чернильницу, женщина начала писать письмо Брайану Мастеру Меча.

Даже во время письма, Бронвин мысленно оценивала последствия своих действий. Хелбен узнает кем и когда был использован один из его специальных

пергаментов. Брайан, бывший обычным торговцем, тихим и скромным человеком, слыл хорошим другом архимага. История дойдет до руководителя Арфистов слишком быстро.

И что же, подумала она, делать дальше?

Эта мысль не давала ей покоя. Всю жизнь ей говорили, как поступать. В рабстве ей не позволялось ничего. Став торговцем антиквариатом, она принимала поручения и выполняла их. Методы были её собственными, и Бронвин гордилась своей находчивостью, однако задания поступали ей извне. То же самое можно было сказать и об её членстве в Арфистах. Первым решением, которое она могла бы назвать по-настоящему своим, было спасение из рабства клана Каменной Шахты. Она гордилась этим и более не желала мириться с тем, чтобы все её решения и впредь диктовались кем-то другим.

Но было ли все в действительности так? Даже в качестве раба она сама выбирала свой путь. Она упорно работала, продавая камни, и прежде, чем стала взрослой женщиной, научилась создавать поддельные драгоценности лучше любого из слуг своего господина и даже господина собственной персоной. Он проявил к ней интерес и научил её изготавливать редкие произведения, которые они копировали и продавали, как оригинальные. Бронвин проявила настоящую любовь к старым прекрасным вещам, которые попадали ей в руки. В отличие от неё, вещи имели прошлое. Историю. Истории значили гораздо больше, чем сами предметы. И потому она умоляла господина позволить ей изучать историю вещей — она утверждала, что так могла бы сделать свои репродукции лучше, меньше отличавшимися от оригинала. Эта идея понравилась господину, и Бронвин начала путь, которым шла теперь. Когда хозяин умер, сын его продал магазин, включая рабов. Она купила свободу, предложив себя в подмастерья охотнику за сокровищами, который вел дела с её хозяином. Вскоре, она двинулась своим путем. И, с удивлением осознала она, идет им до сих пор.

Бронвин долго сидела, пытаясь переварить это открытие. Затем, она медленно кивнула и закрутила пергамент в свиток. Спустившись по задней лестнице, она шагнула в переулок. У магазина сапожника, располагавшегося за две двери, всегда находился гонец или пара.

Посланник был молодым человеком, хорошо известным Бронвин. Она протянула ему свиток, снабдив инструкциями и дополнительной серебряной монетой, а затем легким шагом вернулась в магазин. Каким бы ни было это предприятие, она справится с ним как всегда — по-своему.

* * * * *

Эбенайзеру потребовалась большая часть двух часов, чтобы собрать своих сородичей и заставить их покинуть магазин.

- Как коты бродячие, а, - ворчал он, вытаскивая последнего из дверей. Взгляд, полный чистой и отчаянной благодарности, брошенный ему Элис, вызвал у него кривую улыбку. Представители рода Каменная Шахта, вне всякого сомнения, были наказанием. Он лишь надеялся, что у таинственных «друзей» Бронвин были кирки, и достаточно большие, чтобы решить эту проблему.

Как только дварфы вышли на улицу, проблем стало больше. Магазин Бронвин располагался на Улице Шелка, обитатели которой считали свои ботинки слишком хорошими для ходьбы. Необычные кареты с грохотом неслись мимо, влекомые вперед упряжками лошадей.

- Поглядите, какие мулы, - удивился Бентон, двоюродный брат, который до своего пленения никогда не покидал туннелей.

- Как они заставляют четырех бежать в одном направлении? - потребовала Тарламера, чей опыт общения с мулами заключался в выпасе небольших грязных групп животных, почти таких же упрямы, как она сама. Клан держал нескольких, чтобы перевозить драгоценные камни и руды из самых отдаленных рудников.

Мысль об этом подсказала Эбенайзеру выход.

- Хэй, шахтеры! - крикнул он. - Размер туннеля — семь. Построиться по рангу.

Клан бросился по местам с готовностью, рожденной многолетней практикой. Туннель размером семь значил, что три дварфа могут шагать в ряд, а ранги в клане были простыми — в начале — старейшины. Каждый дварф знал, где он стоит по отношению к любому другому, поэтому они отыскивали места достаточно легко. Единственным вызовом традициям стал сам Эбенайзер, который возглавил колонну. Никто не возражал, так как рыжебородый дварф был единственным, кто когда-либо посещал город прежде.

Он вел их вниз по Улице Шелков, мимо магазинов, переполненных модными штуковинами, которые, казалось, так обожали люди. Дварфы не отставали ни на шаг, однако, когда они приблизились ко Двору Шутов, ароматы, дрейфовавшие от Могучей Мантикоры, вызвали у некоторых родственников задумчивые вздохи. Эбенайзер знал кое-что о владельце таверне. Полудварф, но лучший их представитель. Бочка Спирту, вот как его звали, в честь задницы, большой, словно бочка. Когда Боч был спокоен за сохранность таверны, он вспоминал некоторые из своих дварфских привычек. Вне всяких сомнений, из таверны доносился запах мяса рота, обжаренного на вертеле, фаршированного грибами и вкуснейшим черным рисом, который обильно прорастал в болотистых овражках, скрытых среди дварфских гор. Кажется, Боч всегда имел жаркое из рота, и было на свете мало запахов, столь же сильно заставлявших течь дварфские слюни.

- Эй, брат! - крикнул грубый женский голос. - Я догоняю.

Эбенайзер поднял руку к губам, чтобы скрыть улыбку. Он слишком долго прожил среди людей, если заметил юмор в обычном дварфском способе «попросить разрешения». Тарламера поспешила остановиться рядом. Некоторое время, они шли молча. Эбенайзер ждал, когда сестра заговорит.

- Мы должны вернуться во владения клана, - приказала она.

Этого он и боялся. И знал, что момент настал. Тем не менее, он попытался отговорить её.

- И как ты собираешься это сделать? Нас осталось не так много, чтобы отбить туннели, а тем более — удерживать их. Люди, стащившие тебя первый раз, вернутся. И второй урожай будет легче.

Женщина нахмурилась и сложила руки на груди.

- И что нам тогда делать?

- В городе есть дварфы, - сказал он. - У Бронвин есть друзья, которые помогут найти работу. Мы двинемся вперед. Вперед. Обустроим жизнь.

Тарламера сердито уставилась на него.

- Похоже, ты слишком высокого мнения об этих людях. Горные дварфы в городе? Что это за жизнь?

- Лучше, чем та, в которой кто-то из «этих людей» утащит тебя прочь, - огрызнулся он.

Женщина пожала плечами.

- Все так. Но вот что я должна сказать... О, всемогущего Клангендина короткие волосы!

Эбенайзер остановился, испуганный восклицанием сестры и той силой, с которой она это выкрикнула.

- Это что еще?

Схватив брата за руку, Тарламера указала куда-то в сторону. Дорога расширялась, переходя в широкий булыжный двор. В дальнем его конце располагался огромный вычурный дворец, возведенный для первого лорда, а над ним возносился величественный пик горы Глубоководье. Но несколько ближе оказалось нечто, достаточно своеобразное, чтобы вызвать крик Тарламеры — высокая, стройная башня, перед которой стоял скелет. Руки его были высоко задраны вверх, а ноги не вполне касались земли.

- Не подходи к ней слишком близко, - небрежно бросил Эбенайзер. - Её зовут Алгаиронова Башня. Давно пустует. Кажется, она принадлежала каким-то великим магам, ушедшим к предкам века назад. Сейчас это памятник. Горожане, обитающие поблизости, держатся от неё подальше. Ну, кроме того парня, которого ты видишь.

- Неплохая защита, - заметил кто-то из дварфов позади.

Это вызвало тихое хихиканье, прокатившееся по рядам клана.

Организованно маршируя через двор, компания привлекала к себе странные взгляды. Эбенайзер не считал людей большой угрозой. Такие же тощие, как и дварфы, владеющие не более чем тремя видами оружия. Однако, он поднимал руку в уважительном салюте каждый раз, когда любопытный охранник бросал на них взгляд.

Они свернули на восток, направляясь к огромному замку, который являл собою сердце и мощь города. Это строение всегда восхищало Эбенайсера.

- Глядите, - сказал он величественно, указывая на маячившие вдалеке башни. - Четыреста футов в высоту.

Тарламера фыркнула. Дварфов, как правило, высота не очень впечатляла. Их больше интересовала глубина.

- Стены около шестидесяти футов, - добавил он.

- Вот это стены, - признала, наконец, свое восхищение сестра.

Эбенайзер указал вперед.

- Видишь тот знак, висящий на фонарном столбе? Указывает на путь Дракона. Большая улица. Ведет к Торговой палате. И к человеку, которого мы должны увидеть.

- Я уже видела людей, - проворчала женщина. - Тысячи их за сегодня.

- Это кузнец. Говорят, его изделия — лучшие из тех, что способен изготовить человек. И даже некоторые дварфы.

Тарламера фыркнула.

- Не дам за них, сколько попросит. Как можно создать хорошую кузницу без туннелей, которые обеспечивают подходящее проветривание?

Эбенайзер указал на голубой купол небес.

- Тут полно ветра.

- Да.

Она нахмурилась и сдернула с себя рваную одежду.

- И в этих тряпках я ощущаю каждый его вздох. Вернись я в клановые владения, достала бы себе новые льняные юбки и кожаный фартук!

В голосе её звучали мрачные задумчивые нотки. И хотя во взгляде сестры читалось упорство, Эбенайзер мог прочесть в нем также и боль. Юбка и фартук были частью свадебного наряда дварфы. Иди все по плану, она была бы сейчас счастлива с новым мужем. Но Фродвиннер был мертв, как и четверо их братьев, сестра, мать и их па. Они не говорили об убитых родственниках прежде. Ни разу с того дня, как Эбенайзер вытащил её с корабля рабовладельцев.

- Фродвиннер дрался храбро, - сказала Тарламера. На лице её промелькнула бешеная улыбка, словно она пыталась убедить себя в том, что этого достаточно. - Я видела его прежде, чем меня схватили. Скольких он забрал с собой?

- Пятнадцать, - быстро ответил Эбенайзер, избегая колебаний.

- Славно, - сказала она. - Это славно.

Некоторое время они молчали.

- Я построил для них пирамиду, - тихо сказал он. - Только одну для всех.

- Как и полагается в бою, - согласилась она. - Ты всех досчитался?

- Нет, - мрачно ответил Эбенайзер. - Не видел старого Хашала, но я уверен, что они добрались до него раньше всех. Нашел его долото в гнезде осквилов.

- Добрались до него, - кивнула Тарламера. - Известно, как он заботился о своих инструментах. Па всегда говорил, что Хошал может дотянуться до своих инструментов быстрее, чем схватить свой... - сестра замолчала, с изумлением открыв рот.

Эбенайзер проследил за её взглядом, устремленным в боковой переулок, и его собственные глаза удивленно распахнулись.

- Не каждый день видишь такое, - признал он.

Огромная, бесплотная рука, каждый палец которой своими размерами превосходил дварфа, бесцельно плыла по переулку. В центре ладони находился огромный рот, который распевал какую-то глупую песенку из тех, что исполняют в тавернах.

Эбенайзер покачал головой.

- Чего ей надо? - прошипел один из дварфов позади.

- Песенку получше? - огрызнулся Эбенайзер. - Вы думаете, я знаю все, что нужно знать об этом городе? Пошевеливайтесь, давайте!

Группа зашагала с поразительной живостью, что заставляло некоторых участников шествия сопеть, словно чайники.

- Надо вернуться во владения клана, - простонала Тарламера.

Эбенайзер покачал головою и указал на дорогу. Улицы становились все более узкими, а высокие, обитые древесиной здания располагались так близко друг к другу, что жители верхних этажей, высунувшись из окна, могли бы поцеловать соседей, разумеется, при наличии хороших отношений. Дварфы входили на улицу Кузнецов, где небо заволакивал дым дюжины кузниц. Многие дома — по крайней мере, их фундамент, хотя кое-где и до самого второго этажа — были обложены камнями, которые сдерживали огонь. Если твой рост невелик — вполне сойдет за стены пещеры.

- Какой-то уют, не так ли? - с надеждой спросил он.

Тарламера снова фыркнула. Стоило им свернуть за угол и выйти на улицу Брайана, навстречу им шагнул совершенно лысый человек. Он подошел к Эбенайзеру и протянул ему руку.

- Вы, должно быть, клан Каменной Шахты, - сказал он. - Я — Брайан. Ждал вас.

Эбенайзер крепко сжал руку размером с окорок. Ответное пожатие было столь же сильно. Глаза собеседников встретились.

- Он — хороший кузнец, - сказал Эбенайзер Тарламере.

Его сестра устроила собственную проверку. Её взгляд скользил от лысины человека, до черной, с проседью, бороды, измерял ширину плеч и силу почерневших от сажи рук, на которых бугрились мускулы.

- Перспективный парень, - призналась она, а потом вздохнула. - Ну, ладно, мальчик, давай глянем твою кузницу.

* * * * *

По дороге в Глубоководье, Бронвин удалось расшифровать часть кода в журнале, найденном на борту корабля работоторговцев. По крайней мере, этого было достаточно, чтобы убедить её в принадлежности Груниона Жентариму. Неудивительно, учитывая разрушение жентами Тернового Оплота и пленение дварфов.

Но как же Кара? Носимое ли ей кольцо вызывало гнев Жентарима, заставляя тех похищать детей, увозя их из дому? Отец Кары, кем бы он ни был, и где бы он ни был, мог быть в опасности.

Эта мысль подталкивала Бронвин, когда та кралась через район Гавани. Незнакомец был её родственником. Возможно, у него были ответы на вопросы, до которых Хронульф просто не дожил. Женщина высоко оценивала шансы подобной возможности.

Бронвин поспешила к Спящей Змее — грубой и шумной таверне, где разномастная толпа воров собиралась, чтобы торговать историями, убийствами и краденным добром.

Связной Жентарима, услугами которого она пользовалась несколько раз, также посещал таверну.

Когда Бронвин распахнула дверь, чтобы влететь в переполненную комнату, на улицу вырвался взрыв грубого смеха. Женщину обдало запахом прокисшего эля и потных, грязных тел. Большинство посетителей, заходивших сюда, чтобы выпить, не трудились вымыться после тяжелого рабочего дня. Бронвин заметила, что

осведомитель — ищайка и убийца — лежал за столом, возле очага. В ответ на её пинок, мужчина поднял глаза.

- Ну, - спросил он пьяным голосом, - что теперь ищешь?

Женщина наклонилась, чтобы избавить себя от надобности кричать.

- Человека, недавно потерявшего ребенка.

Он откинулся назад и задумчиво уставился на неё.

- Я не очень-то люблю использовать мелюзгу.

- Никто тебе и не предлагает. Слышал что-нибудь?

- Сразу и не скажешь. Кто этот, потерявший карапуза?

- Его зовут Дун. Он темноволос, вероятно, не слишком высокий.

В глазах мужчины мелькнул огонек, но он покачал головой.

- Прости, не могу тебе помочь, - сказал он, протягивая руку за кружкой.

Бронвин сжала его запястье.

- Не можешь или не хочешь?

Он стряхнул её руку, а затем отвернулся, явно желая закончить разговор.

- То или другое — для тебя разницы нет.

Позвоночник Бронвин пронизал страх. Прежде, этот человек пытался продавать, вынюхивая любой кусочек информации, который она могла бы купить. Его прямой отказ и скука, блестящая в глазах, до ужаса насторожили Бронвин.

Кивнув, она снова направилась к бару. Драка уже охватила первый этаж, а потому пройдет некоторое время, прежде, чем она снова сможет добраться до двери. Женщина заказала эль и села на табурет, чтобы переждать бурю.

Чья-то рука схватила её за запястье. Бронвин развернулась, вцепляясь в рукоять ножа. Взглянув на мужчину, она решила, что битва будет легкой. Хотя нападавший все еще находился к югу от середины жизни, он был самым тонким и хрупким человеком, с которым она когда-либо сталкивалась. Искра жизни, по-видимому, покинула его тело, чтобы сосредоточить свое пламя в маленьких, черных глазах.

- Убери руку, или я её отрежу, - сказала она ровным голосом.

Нетерпеливо подняв ладонь, мужчина остановил её. Глаза Бронвин вылезли из орбит. Татуировка, или, возможно, клеймо, красовавшееся на его ладони, было символом злого бога Бэйна — маленькая, черная рука.

Инстинктивно, она успокоила себя, поднимая обе руки в примирительном жесте. Хотя сам бог считался мертвым и покинувшим этот мир, так что бояться его надобности не было, Бронвин не горела желанием путаться с кем-либо, якобы являвшимся помощником подобного зла.

- Я слышал тебя. Тебе нужен мужчина, ищущий ребенка. Где он? - настаивал человек голосом, который больше напоминал шипение гадюки.

Бронвин нервно облизнула губы.

- Именно это я и пытаюсь выяснить. Если ты что-то о нем знаешь — готова заплатить за информацию.

Ужасный хрип сорвался с губ бывшего жреца.

- Если в обмен ты готова предложить его желтую шкуру, красотуля, считай, сделка состоялась. Он нужен мне. Я желаю, чтобы он умер, - уточнил жрец, словно относительно его намерений могли остаться какие-то сомнения.

Бронвин быстро взвесила размер риска против возможного куша. Если этот человек знал об отце Кары, у неё действительно не оставалось выбора, кроме как терпеть разговор со жрецом Бэйна и взять на себя риск, который несло нахождение в подобной компании. Потянувшись к своей кружке, она подала бармену знак принести напиток для её «друга».

- Я не знаю, где он, но буду рада отдать его тебе, как найду. Из-за ребенка, - быстро сказала она, когда жрец подозрительно уставился на неё.

- А.

Он ухмыльнулся, а затем отшвырнул стоявшую перед ним кружку.

- Твоя сказочка выглядит правдоподобно. Он — тот, кто ушел от своих истоков.

Во взгляде Бронвин скользнуло ужасное подозрение.

- Он был последователем Бэйна? - спросила она, с трудом сохраняя свой голос спокойным.

- О, да. Подлый, проклятый предатель, - усмехнулся жрец, поднимаясь и сжимая кулаки.

Бронвин глубоко вздохнула. Возможность того, что отец Кары мог быть последователем злого бога, выглядела пугающей, но, быть может, он нажил себе врагов, увидев порочность своего пути. Лучше так, чем заслужить судьбу сидящего рядом с ней человека — с его скелетным лицом и дикими глазами. Бывший жрец Бэйна, лишенный заклинаний и отрезанный от источника злой силы, был не более, чем обезумевшим телом.

- Когда я найду Дуна, отправлю весть, - сказала она, в то время как разум её метался, пытаясь найти способ сдержать обещание, не подвергая опасности отца Кары. - Я напишу название места на рисунке с черным драконом и оставлю его на двери уборной. Следи.

- Дун? О чем это ты, красотуля? Его имя — Даг Зорет.

Она быстро спрятала удивление.

- Конечно, - сказала она с притворной горечью. - Не хотел бы он зваться именем, которым представился преданной и покинутой им женщине. Всегда был осторожен. А еще искренен и откровенен. Френк из Лускана и Эрнест из Невервинтера!

К её удивлению, старая шутка вызвала у жреца Бэйна хриплый смешок. Она предположила, что юмор едва ли являлся чем-то привычным в его компании. Встав и бросив на стойку несколько серебряных монет, Бронвин кивнула бармену.

- Пей и ешь, что хочешь, пока монеты не кончатся.

Она ушла быстро, а бывший жрец все еще размышлял об этой неожиданной щедрости. Дойдя до двери, Бронвин ощутила, как провожает её взглядом доносчик Жентарима.

* * * * *

Возвышаясь на своем белом коне, Алгоринд ехал по переполненной улице. Он все еще не понимал, как Ледяной Ветер вернулся в Залы Правосудия. Лошадь была хорошо ухоженной и выглядела ничуть не хуже чем до кражи её дварфом.

Он рассматривал деревянные знаки, висящие на множестве разных магазинчиков, разыскивая "Любопытное Прошлое". Находка оказалась

неожиданной. В отличие от большинства магазинов этот не полагался на изображение обуви, плаща или кружки, дабы передать, какие товары можно найти внутри. Название лавки было вырезано на общем, а также на нескольких других языках. Образованная женщина. Это не соответствовало тому впечатлению, которое он составил себе о Бронвин, обокравшей Хронульфа и водившей дружбу с дварфом-конокрадом.

Он толкнул дверь. Весело звякнул колокольчик, и из-за стойки появилась седовласая гномиха.

- Чем могу помочь? - спросила она жизнерадостно.

Алгоринд услышал, как стукнула дверь в задней комнате.

- Я ищу Бронвин.

- Тогда, боюсь, помочь мне вам нечем, - с явным сожалением ответила гномиха. - Она по делам за городом.

Молодой паладин кивнул.

- Ты ждешь её?

- Именно так. Её не будет не более двух, трех дней. Желаете вернуться или оставите свое имя?

- Я вернусь, - просто сказал он. - Благодарю за твоё время и помощь, добрая гномиха.

Выйдя из магазина, он быстро поднялся к узкой аллее, которую заприметил за магазином сапожника в нескольких дверях от лавки. Этот хлопок двери заинтересовал его.

Под ноги ему бросилась маленькая фигурка, рьяно преследовавшая небольшую уличную кошку. Ребенок тянул руки, чтобы схватить зверька. Увидев его, девочка поднялась на ноги и её большие карие глаза округлились от ужаса. Она вскрикнула и, развернувшись, побежала по аллее.

Это был тот самый ребенок! Та же девчушка, что он забрал с фермы и отдал сэру Гарету. Что делала она в этом городе, разгуливая сама по себе? Алгоринд не мог этого понять. Он бросился вслед за девочкой, шарахаясь по сторонам, чтобы не запутаться в длинных шерстяных чулках, вывешенных на просушку.

Ребенок мчался, словно кролик. Она неслась вниз по аллее, а затем вынырнула на небольшую площадь. Деревянный знак гласил, что место зовется Двором Орущей Кошки. Вокруг прогуливались несколько женщин. Лица их были ярко раскрашены, а лифы платьев — неприлично низкими. Они рассмеялись, когда Алгоринд, гонящийся за ребенком, пролетел мимо, советуя ему бросить товарища по играм и научиться кое-каким играм для взрослых. Поняв, что они имеют в виду, паладин покраснел.

Его жертва метнулась в сторону и увернулась, проворно избегая поимки. Она развернулась и бросилась по другой улице. Алгоринд уже собирался продолжить погоню, когда на череп его обрушился тяжелый удар, заставивший его остановиться там, где он был. Он обернулся и недоверчиво окинул взглядом одну из перезрелых женщин. В руке её была зажата маленькая дубинка. Бросив ему жестокую улыбку и поцеловав два пальца, она растворилась в тени переулка.

Стряхнув с себя ошеломление от боли, Алгоринд бросился за девочкой. Он почти добрался до переулочка, когда над двором разнесся громкий хриплый голос.

- Ты, там! Стой, где стоишь.

Услышав это, молодой паладин признал авторитет говорящего. А потому остановился и медленно обернулся. Четверо мужчин и двое женщин, все одетые в кожаные доспехи черных и зеленых цветов и золотые кольчуги, устремились к нему, держа в руках маленькие дубинки. Вне всяких сомнений — группа наемников. Он решил попробовать силой проложить себе путь.

Решение это, должно быть, мелькнуло в его глазах.

- Подчинись городской страже, - приказал говоривший. - Тебе не причинят вреда, если не будешь сопротивляться.

Это поставило Алгоринда в затруднительное положение. В правилах ордена говорилось, что он обязан подчиняться всем законным властям, если только они не принуждают его совершать зло. Эти стражи стояли между ним и долгом, но злом это не было.

- Добрые господа и дамы, - начал он искренне. - Вы не понимаете.

- Мы понимаем, что ты гнался за малышкой. Она — твоя?

- Нет, но...

- Ты присматриваешь за ней?

Так и было, в некотором роде, однако, Алгоринду все еще было не достаточно удобно утверждать это, как истину.

- Я хотел вернуть её туда, где ей следует быть, - сказал он как мог точнее.

- Хм, - промычал капитан стражи, на чьем лице ясно отпечатался глубокий скептицизм. - Как её имя?

Алгоринд оказался в абсолютном проигрыше.

- Не знаю, - признал он.

Капитан фыркнул.

- Чего и следовало ожидать. Взять его. Пускай магистры разбираются.

Это было совершенно за пределами понимания Алгоринда.

- Я не могу пойти с вами.

- У тебя нет выбора. Можешь пойти по собственной воле или со связанными руками и мешком на голове. Выбор за тобой.

- Я пойду, - склонив голову, согласился Алгоринд. - Ну хоть одно одолжение сделаете? Передайте сообщение в Залы Правосудия, расскажите о моей судьбе.

- В замке есть гонцы. Рано или поздно они доберутся до твоей камеры, тогда сможешь отправить послание куда угодно. А теперь — пошевеливайся.

* * * * *

Идя дворами, Бронвин спешила обратно в свой магазин. Во Дворе Орущей Кошки ей показалось, что одна из дешевых куртизанок, которые расхаживали вокруг, послала ей знающую улыбку. Женщина выглядела смутно знакомой и совершенно безобидной, а потому, проходя мимо, Бронвин подняла руку в дружеском приветствии.

Она нашла Элис в припадке. Та заламывала крошечные ручки и металась по магазину с такой яростью, что вокруг неё поднимались облачка пыли. Первым делом

Бронвин подумала о Каре. Она набросилась на гномиху, хватая ту за плечи и разворачивая к себе, чтобы встретиться взглядом.

- Где она?

- Пропала! - прорыдала Элис, подтверждая худшие опасения Бронвин.

Женщина провела рукой по затылку и спине, приглаживая этим жестом, выразившим абсолютное разочарование, волосы.

- Ты видела что-то?

- Молодой человек заходил сюда, искал тебя. Думаю, паладин. На нем была синевелая туника, и он носил широкий меч. Молодой, не более двадцати лет, но выше большинства мужчин. Волосы светло-русые, вьющиеся. Он оставил у двери свою лошадь.

В сердце Бронвин вспыхнуло плохое подозрение.

- Большая лошадь? Белая?

- Мне так кажется. Я не могла рассмотреть, как следует. А что?

- Длинная история, - пробормотала Бронвин.

Эбенайзер рассказал ей, как был спасен человеком, способным превращать нежить в пыль. Жрец или паладин. Человек, который искал её, мог забрать Кару и который находился рядом с Терновым Оплотом. Что ему было известно и чего он хотел — она вполне могла догадаться.

В этот самый момент обе они были поражены звоном колокольчика. Гномиха и женщина подпрыгнули и развернулись к двери. Там стоял Данила Танн с широкой улыбкой на лице и маленькой девочкой-полуэльфийкой на руках.

- Кара! - воскликнула Бронвин.

Она бросилась вперед, чтобы схватить девочку. Быстро обняв ребенка и поставив на пол, она лишь потом обратила внимание на молодого человека.

- Данила, что случилось? Где ты её нашел?

- Вообще-то, я ничего не делал. Кару принесли мне Арфисты, которые её разыскали.

Взгляд Бронвин потемнел.

- Все еще следите за мной?

- Строго говоря — нет. Мы следили за паладинами. И один из них пришел в твой магазин.

- Тогда я должна поблагодарить тебя, - тихо сказала Бронвин, глядя ребенка.

Кара радостно беседовала с Элис, рассказывая той о рыжей кошке, которую она почти изловила и обсуждая, не станет ли та прекрасным домашним питомцем. Бронвин вздохнула.

- Я обещала ей разыскать отца, но не знаю, смогу ли сберечь её до тех пор.

Женщина говорила тихо, но ребенок поднял глаза.

- Со мной все будет хорошо, Бронвин. Смотри. Ко мне, Магазиный Кот.

Прежде, чем ворон смог отреагировать на зов, девочка исчезла. Бронвин быстро заморгала, словно это могло помочь ей разыскать девочку. Но ей все еще не удалось обнаружить ничего, и лишь детский смех раздался перед входной дверью. Прежде, чем Бронвин смогла сдвинуться с места, Кара вернулась, так же внезапно, как исчезла.

- Гляди! - сказала она, с гордостью показывая три ярких камня в руке.

- Рубин, голубой топаз и... цитрин? - спросила она, глядя на Данилу.

Он кивнул, и в глазах юноши отразилась радость ребенка.

- Так и есть. Ты хорошо запомнила.

- Джемджум, - пробормотала Бронвин, вспоминая истории, которые она слышала о самоцветах, помогавших владельцу переместиться к месту пребывания любого из драгоценных камней. Они были редки и чрезвычайно дороги. Сразу три были царским подарком.

- С этой троицей Кара сможет сбежать из любого места, - легко сказал Данила. - Убери их обратно в сумку, Кара. Как я тебя учил.

Сияя, ребенок сделал, как было сказано. Данила обратился к Бронвин.

- У тебя замечательная новая подружка, - тихо сказал он. - Хотя, думается мне, забот с ней будет неуправляемый.

Бронвин кивнула.

- Сама Кара — не проблема. Но я думаю — проблемы у неё. Я просто не знаю, сколько их и какие они.

- Позволь мне помочь, - серьезно сказал Данила. - Скажи, что я могу сделать.

Она улыбнулась другу. Гнев почти забылся.

- Ты уже помог. Драгоценные камни дают ей немного власти над собственной судьбой. Она нуждалась в этом. Немного власти, - мрачно добавила она, - лучшее, что одна из нас может получить.

Глава 12

Даг Зорет лишь раз видел, как его бывший учитель Малхор поддавался гневу. Прежде чем Малхор успокоился, пол-батальона беспомощных солдат остались лежать на земле — некоторых сожгли дочерна дарованные Цириком молнии, другие ещё содрогались от спазмов. Так что Даг тихонько прочитал собственную молитву Цирику, увидев гневное лицо старшего жреца. Если одному из них суждено закончить эту встречу, корчась и содрогаясь на ковре, Даг предпочёл бы, чтобы это был не он.

Он поднялся с кресла в знак уважения к вышестоящему жрецу.

- Какой сюрприз, - вяло произнёс он. - Не ожидал встретить вас в Глубоководье.

- Ещё бы! - буркнул Малхор. - Я слышал про тебя кое-что.

Даг шагнул к столу и угостился креветками, которые служанка принесла вместе с обедом. Хорошая гостиница. Обед с лихвой хватало на двоих. Он взял целый поднос и протянул его Малхору. Старший жрец как будто этого не заметил. Он сунул креветку в рот, чуть пожевал, и продолжил.

- Ты пока не нашёл свою сестру, зато её нашёл один из наших информаторов, - сказал Малхор, подчеркнув своё заявление, схватив вторую креветку. - Она спрашивала о ребёнке. Сказала, что он твой.

Даг пожал плечами.

- Не первая женщина, которая делает подобные ложные заявления на мой счёт. Поскольку я не знал, что у меня есть сестра, меня нельзя считать ответственным за кровосмешение.

Жрец снова набил свой рот и принялся гневно жевать.

- Ты уходишь от вопроса.

- Это вошло у меня в привычку, - легкомысленно отозвался Даг. - Вы хорошо меня обучили.

Жрец сощурился, изучая младшего мужчину, как будто внезапно задумался, не слишком ли хорошо тот усвоил его уроки. Потом задумчивое выражение пропало, а вместе с ним — и раздражение Малхора.

- Превосходные креветки, - заметил он, кивком указав на практически пустой поднос. - Может быть, возьмёмся за солёный пирог, пока будем обсуждать другие вопросы? Ты слышал про собрание паладинов. У меня есть советы по поводу управления и защиты твоей новой позиции. Если хочешь их услышать.

К Малхору вернулось жизнерадостное настроение, но Даг ни на миг не обманулся. Этот мужчина был опасным противником и хотел заполучить Кару. Если Дагу придётся, он убьёт Малхора. Но до тех пор Даг будет у него учиться.

- Мой дорогой Малхор, - с улыбкой ответил Даг. - Я буду внимать каждому вашему слову с искренним интересом.

И с ещё большим интересом, подумал Даг, посмотрю о чём ты умолчишь.

Искра в глазах жреца намекала на то, что он догадался о безмолвной реплике Дага и принял её к сведению. Улыбаясь друг другу, как пара кружащихся змей, они уселись и принялись вести игру.

* * * * *

- Говорю тебе, Бронвин, твой друг останется в замке до конца дня, - Данило выругался. - Некоторые из посланников, которые посещают заключённых — арфисты. Они позаботятся о том, чтобы просьбу юного Алгоринда отложили в самый конец.

Бронвину кивнула и бросила взгляд на Кару. Ребёнок сидел на коленях на полу лавки, играя в какую-то замысловатую игру с шахматными фигурами и тихонько напевая себе под нос.

- Уже что-то, - сказала Бронвин. Она задумчиво прикусила губу.

- Что?

- Прозвучит легкомысленно, - предупредила она. Это позабавило её друга. - Не забывай, с кем разговариваешь.

Она хихикнула и перешла к делу.

- Кара провела жизнь на небольшой одинокой ферме. Не считая её путешествия в качестве пленницы в Глубоководье и короткого плаванья на рабском судне, у неё не было возможности посмотреть мир. А с чего лучше начать, как не с Глубоководья?

Он кивнул.

- Действительно. И вам не должно ничего угрожать. С твоего разрешения, я позабочусь, чтобы вас незаметно сопровождали, и в случае чего — защитили.

Годы незаметной слежки арфистов её по-прежнему раздражали.

- А если я не дам своего разрешения?

- Я прислушаюсь к твоему пожеланию, - сказал он. - С сожалением, но прислушаюсь.

Он говорил твёрдо, без единого намёка на свою обычную ленивую медлительность. Бронвин поверила ему. Она улыбнулась и повернулась к Каре.

- Кара, какой твой любимый цвет?

Девочка подняла взгляд, испуганная неожиданным вопросом.

- У меня, наверное, нет любимого.

- А если бы ты могла выбрать любое платье, какое только захотела, какого бы оно было цвета?

Её глаза зажглись женским энтузиазмом.

- Моя приёмная мать носила фиолетовое, но говорила, что мне нельзя, - сказала она. - И не объясняла, почему.

У Бронвин были подозрения на этот счёт, но она не хотела озвучивать их даже в тишине собственного разума.

- А как насчёт синего? Или жёлтого?

Кара кивнула, заметно увлечшись этой игрой.

- Розовое, как облако на закате.

Бронвин кое-что вспомнила. У Эллимير Оукстафф, швеи, чья лавка тоже располагалась на улице Шёлка, был рулон мягко-розового шёлка — редкий цвет, который быстро расхватают дамы для своих летних платьев.

- Пойдём, - сказала она, протягивая руку. - Я знаю женщину, которая сделает тебе платье цвета облаков. И такое же мягкое. Пойдём и снимем с тебя мерки.

Кара в мгновение ока оказалась на ногах.

- Правда?

- Правда, - отозвалась Бронвин. - А потом попьем чая и посмотрим всё, что стоит посмотреть в Городе Роскоши.

Кара неожиданно стала подозрительной.

- Это не просто игра?

Бронвин рассмеялась, но у неё защипало глаза. В возрасте Кары она тоже не знала ничего подобного. Бронвин казалась, что она понимает, что это значит для девочки.

Попрощавшись с арфистом-бардом, Бронвин сдержала своё обещание и заказала Каре розовое платье — а вместе с ним ещё два других. Они попили чай и подслащённое вино в таверне Гунара, блестящем заведении в самом центре Морского квартала. Общий зал ярко освещали дюжина магических шаров, а зеркальное стекло отражало лучи в каждый угол, где их ловили хитро огранённые кристаллы и искусственные драгоценные камни, украшавшие всё от тарелок до стульев.

Как и ожидала Бронвин, Кара была зачарована видом. Слишком возбуждённая, чтобы есть, она цеплялась за свой кубок подслащённого вина с водой — больше сахара чем вина, и ещё больше воды — и озиралась вокруг с нескрываемым любопытством. Молчание девочки длилось до тех пор, пока они не покинули таверну, потом она взорвалась вопросами, желая знать про всё, что попадалось им на пути.

Бронвин покачала головой, следуя за Карой вниз по улице, удивляясь собственным чувствам. Каждое мгновение, проведённое с девочкой, делало перспективу расставания с ней ещё более тяжкой. Но этот подарок, этот единственный день приключений и беззаботной радости, Бронвин могла ей подарить.

Желая показать Каре как можно больше, она кликнула экипаж и заплатила возничему, чтобы тот показал им городские пейзажи. Они проехали вдоль морской стены, любуясь огромными вычурными особняками и девяностофутовой статуей воина, бесстрастно глядевшего в море. Они проехали мимо башни Алгайрона, и Кара задрожала, слушая историю древнего волшебника и скелета, оставшегося от человека, пытавшегося украсть его силу. Она захохла, увидев дворец Пьергейрона, и вытянула шею, чтобы проследить взглядом за пролетающим мимо грифоньим патрулём. У Плиты — обелиска, служившего местом для молитвы людей любой веры — Кара слегка смутилась.

- Мои приёмные родители молились — отец молился — но не сказали мне имя бога, которому нужно молиться мне.

Подозрения Бронвин касательно этой загадочной веры усилились — как и её недоумение, почему этот Даг Зорет был так решительно настроен держать дочь в неведении.

- Ты отыщешь бога или богиню, которые найдут отклик в твоём сердце, - мягко сказала она.

- А кто нашёл отклик в твоём?

Бронвин задумалась. Она была не особенно религиозна, но решила, что существует только один ответ.

- Тимора, - сказала она. - Госпожа Удача. Она предлагает тебе рискнуть и пойти своим путём.

Кара стиснула губы.

- Звучит хорошо, но не совсем мне подходит.

- Ничего страшного, - ответила Бронвин, чувствуя себя не в своей стихии. Она никогда особенно не задумывалась о религии, но видневшаяся в детских глазах жажда найти собственное божество убедила Бронвин, что ей стоит уделить этому вопросу больше внимания.

- Давай отправимся в Южный квартал, - предложила она. - Скоро начнётся закат, а сегодня полнолуние, если не ошибаюсь.

В полнолуние над просторным двором повисала Лунная Сфера. Можно было войти в огромный, пропитанный магией шар и летать или планировать внутри. Бронвин не могла придумать более интересного для ребёнка занятия — как и лучшего способа закончить день.

* * * * *

Темница замка Глубоководье была не тем сырым и страшным местом, какое ожидал встретить Алгоринд. Конечно, его камера находилась глубоко под землёй — стража провела его сюда по двум лестничным пролётам — но каменные стены были гладкими и сухими, и через каждые несколько шагов в держателях горели факелы.

Камеры были тесными, но чистыми и оборудованными основными удобствами: соломенным матрасом на деревянной раме, ночным горшком, умывальником и кувшином с водой. Прошлой ночью и этим утром ему принесли еду. В целом, жаловаться было не на что, и он верил, что правосудие Тира позаботится о том, чтобы его заточение не продлилось долго.

Сосредоточившись на этой мысли, Алгоринд громко запел традиционный утренний гимн. Он полагал, что среди этих конкретных залов правосудия такую песню можно было услышать нечасто.

Ниже по коридору раздался звук приближающихся шагов; Алгоринд обрадовался, увидев сэра Гарета, но прежде чем заговорить, пропел последние две строчки гимна.

- Спасибо, что пришли, сэр.

- Ты как будто не ожидал меня увидеть, - коротко отозвался рыцарь. - Ты мудрее, чем кажешься, если подозревал, что я обдумываю возможность бросить тебя здесь. Как твои дела?

Алгоринд бросил короткий взгляд на тюремную стражу. Старший рыцарь проследил за ходом его мыслей и резким кивком выразил своё согласие. Как только юного паладина освободили, они в молчании покинули темницу и молчали до тех пор, пока не оказались в сёдлах, направляясь в Залы Правосудия.

- Я видел девочку, - наконец сказал Алгоринд. - Потомка Самулара.

Лицо рыцаря побледнело так сильно, что Алгоринд испугался, не упадёт ли тот с лошади.

- Здесь? В Глубоководье?

- Да, сэр. Я погнался за ней, чтобы вернуть в храм. Она сбежала от меня, и меня задержала стража.

Сэр Гарет ехал в молчании несколько мгновений, пережёвывая услышанное. Наконец, он повернул к Алгоринду суровое лицо.

- Твоя неудача с задержанием девочки — серьёзное дело. Это происшествие говорит о недостатке способностей или нехватке силы воли. Может быть, ты специально позволил девочке убежать.

Алгоринд был потрясён до самой глубины души.

- Сэр!

- Некомпетентность — серьёзный проступок, в котором ты, несомненно, виновен, - холодно ответил рыцарь. - По общему мнению, ты талантлив и хорошо обучен. Любые будущие неудачи с твоей стороны будут расцениваться как преднамеренные, являясь изменой против ордена. Ты понимаешь?

- Нет, сэр, - с абсолютной искренностью сказал Алгоринд. По правде говоря, слова рыцаря сбили его с толку.

- И что здесь непонятного?

- Ну, - начал он, - Я вообще не понимаю, как девочка могла оказаться в городе.

- Лучше подумай о том, как ты её найдёшь, - резким тоном посоветовал ему рыцарь. - И когда найдёшь, немедленно приведи её ко мне. Но не в храм, - добавил он суше. - Другим братьям не стоит слышать об этой единственной оплошности. Оставим это между нами. В этом вопросе ты подчиняешься мне.

- Да, сэр, - ответил Алгоринд, но никогда подчинение не казалось ему такой тяжёлой ношей. Если он поступил неправильно, тогда ему следовало принять порицание от братьев. Попытка избежать его была бы несправедливым поступком. Он не желал избавляться от своей ноши или скрывать свои недостатки, но юноша принёс присягу, и должен был поступить так, как велел сэр Гарет. По крайней мере, его долг был ясен, а выбор — прост. Дело было уже не в этом.

Глубоко озабоченный, юноша поёрзал в седле и погрузился в раздумья, преодолевая укрытый туманом путь.

* * * * *

Разделавшись с последним малиновым пирожным и осушив графин вина, Малхор раскланялся. Оставшись в номере один, Даг Зорет приготовился вызвать образ своего лазутчика-паладина. Когда-то сэр Гарет докладывал Малхору. И, может быть, докладывает до сих пор.

На сей раз, чтобы ответить, Гарету понадобилось значительно больше времени. Несмотря на вызванное задержкой нетерпение, Даг нашёл способ смягчить своё недовольство. Длительный призыв мог быть необычайно болезненным, и ему не претила идея поделиться болью с падшим паладином — тот заслуживал.

Наконец возникшее в хрустальном шаре лицо было вытянувшимся и бледным, как пергамент.

- Как хорошо, что ты отозвался, - саркастично заметил Даг. - Наш общий друг Малхор нанёс мне любопытный визит. Возможно, ты недавно говорил с ним?

- Нет, лорд Зорет, - сухо ответил рыцарь.

Даг ему поверил. Он уже понял, что Гарет скрывал свою ложь за паутиной обманчивой полуправды. Любое прямое заявление скорее всего было истиной.

- Какие новости о моей сестре и дочери?

- Я только что встречался с молодым паладином, который украл девочку у крестьян. Его зовут Алгоринд. Девочка сбежала от него. Он преследовал её по городу и так сосредоточился на этой задаче, что не заметил, как привлёк внимание городской стражи.

Гарет сделал паузу.

- Вы же знаете, какими прямолинейными бывают последователи Тира.

- Действительно, - сухо согласился Даг.

- Молодой паладин очень горяч. Напоминает мне вашего отца в том же возрасте, - заметил сэр Гарет.

Даг мимолётно задумался, не пытается ли рыцарь специально разбудить в нём ненависть к Алгоринду.

- И где сейчас девочка?

- Не знаю. Она была недалеко от улицы Шёлка, выходила из лавки под названием "Любопытное Прошлое". Этой лавкой владеет ваша сестра. Пути нашей добычи сходятся в одну точку, что немного упрощает дело. Я послал Алгоринда исправить его ошибку и приказал юноше говорить только со мной. Когда ребёнок и женщина попадут ко мне, они окажутся практически у вас в руках. Я не подведу.

- Уж позаботься, - отсутствующе произнёс Даг, потом развеял чары.

Улица Шёлка находилась рядом с гостиницей, где он снимал номер. Возможно, Дагу пора было встретиться со своей давно утраченной сестрой.

Он помедлил немного, раздумывая, не сменить ли чёрную с фиолетовым одежду на менее бросающийся в глаза наряд, но решил, что не стоит. Вот уже почти десять лет Даг Зорет не носил других цветов. Его владыка Цирик мог обидеться на такую перемену.

Жрец покинул гостиницу и направился в сторону "Любопытного Прошлого". Он не спешил, останавливаясь то у одного магазинчика, то у другого, как будто рассматривая товары на прилавках. Он примерил пару сапог в одной из лавок, в другой обменялся любезностями с милой полуэльфийской девушкой, которая была занята пошивом маленького розового платья.

"Любопытное Прошлое" произвело на него впечатление. Прекрасное здание, два этажа высотой, прочная конструкция из деревянных опор с глиняной обмазкой. Штукатурка в хорошем состоянии, побелка свежая. В крупной оконной раме стоят небольшие стёкла — хорошие, почти прозрачные, а соблазнительный — но не слишком — товар выставлен на прилавке перед окном. Интересные штрихи были повсюду. Полосы на двери из широких досок были искусно исполнены в виде спиралей, символизирующих ход времени, но на нескольких стёклах виднелись песочные часы, наклонённые таким образом, чтобы песок перестал течь.

Даг поднял засов и вошёл внутрь. Ему навстречу вышла гномиха, прогнав ворона, который тарасился на жреца так пристально, как будто узнал его. Дага это ни капли не беспокоило. Он ощущал некоторое родство с воронами и волками, поскольку эти падальщики выигрывали от борьбы. На самом деле, некоторые древние народы считали, что вороны уносят в загробный мир души павших. Бог Дага когда-то был повелителем мёртвых, и Даг немало душ отправил в царство Цирика. Короче говоря, у него было много общего с этой птицей.

- Чем я могу вам помочь, господин? - спросила гномиха, окинув его опытным взглядом. Заметив отсутствие интереса к личным украшениям, она начала обычное перечисление: набор кубков, статуэтки, этот резной сундук, чаша для прорицания?

- Ничего. Я хочу поговорить с Бронвин. Возможно, у меня найдётся для неё работа.

Глаза гномихи едва заметно похолодели.

- Боюсь, она сейчас недоступна. Вы можете оставить своё имя и место, где она сможет вас отыскать.

- Я вернусь. Возможно, завтра?

- После полудня, - быстро ответила гномиха. - Это лучшее время.

Он поблагодарил и ушёл, не поверив ни единому слову. Вспомнив дружелюбную швею-полуэльфийку — и заново оценив возможное значение этого маленького розового платья — он вернулся к ней и завёл разговор.

Женщина быстро поддалась на его обаяние и вскоре болтала с Дагом абсолютно свободно.

- Да, весна в этом году пришла поздно. Рынки только начинают открываться, в город стекается народ со всех краёв света...

-Особенно много паладинов, как я заметил, - небрежно сказал Даг Зорет. - Этим утром я проезжал мимо Залов Правосудия. Они подняли такой шум, постоянно натыкаясь друг на друга.

Она скорчила рожицу.

- Пускай этим и занимаются, а всех остальных оставят в покое. Вчера здесь был один.

Швея посмотрела на розовый шёлк, который держала обеими руками. Она расправила ткань и, кажется, решила не продолжать этот разговор.

Но Даг уже многое узнал. Он наклонился поближе к женщине.

- Может быть, вы сможете мне помочь. Если мне нужен особый подарок для дамы, что-то редкое и необычное, куда стоит обратиться?

- О, в лавку Бронвин, конечно же. "Любопытное Прошлое".

Она слегка поникла.

- У вас есть дама, которой нужен особый подарок?

- Мать, - легко солгал Даг. Женщина снова просияла. Так предсказуемо, с нотой презрения подумал он. Неудивительно, что у него так редко находилось время для женщин.

Но эта оказалась полезной. Полуэльфийка хорошо знала его сестру. Она работала над платьем быстрыми, ловкими стежками, даже не откладывая работу, пока флиртовала. Она собиралась закончить платье в ближайшее время. Похоже, девочка должна была скоро вернуться — а вместе с ней и Бронвин.

Даг ещё несколько минут поговорил с эльфийкой, договорившись встретиться с ней позже в одной скудно освещённой таверне. Он не собирался приходить на встречу.

Это была мелкая, но приятная жестокость. И что ещё важнее, в этом была своя цель. Если эльфийская девка решит, что её бросили, она не захочет об этом говорить — и не захочет рассказывать про мужчину, который её бросил.

Покинув лавку, Даг сразу же забыл о швее. У него хватало дел поважнее. Где-то в этом городе находился паладин по имени Алгоринд. Даг собирался поджарить его сердце на медленном огне, прежде чем день подойдёт к концу.

* * * * *

Бронвин вернулась в лавку с набитым сладостями мешком. Она уложила Кару спать и собиралась подготовить для неё особый завтрак из пирожных, фруктов и чая с лимоном, но выражение на лице Элис прогнало все приятные мысли у неё из головы.

- Совсем недавно здесь был мужчина, - напряжённо сказала гномиха. - Примерно твоего роста и достаточно мелкий, чтобы уравновесить тебя на весах. У него были чёрные волосы с проплешиной вот здесь, - она указала на середину лба.

Содержимое мешка Бронвин разлетелось по полу. Это была единственная подробность, которую Кара смогла рассказать ей о своём отце.

- В точности, как рассказывала Кара, - прошептала она.

- Именно.

- Ты сказала ему, что Кара здесь?

Элис казалась оскорблённой.

- За кого ты меня принимаешь? За кобольда? Он не спрашивал, и я, конечно, не сказала. Он спрашивал о тебе. Сказал, что есть работа.

Бронвин наклонилась, чтобы собрать рассыпавшиеся продукты. Она подняла лимон и сунула его в мешок.

- Ещё кое-что. Он носил фиолетовое?

- Фиолетовое и чёрное, - подтвердила Элис. - А что?

Бронвин просто покачала головой. У неё перехватило горло, и она не смогла ответить.

- Дитя, пора, - сказала гномиха. - Если это был отец девочки, тебе нужно её отдать. Кара сама будет на этом настаивать.

- Я знаю, - ответила Бронвин, но на самом деле ничего такого не имела в виду. Прежде чем решать, что делать с девочкой, Бронвин хотела получить ответ на некоторые вопросы. Настало время встретиться с Хелбеном Арансаном и испытать свою способность придерживаться собственного пути, столкнувшись с могучей волей и тонкими манипуляциями мастера-арфиста.

Глава 13

Оказалось, что Бронвин не нужно искать Хелбена Арансана. Он сам пришёл к ней.

Днём и большую часть вечера на улице снаружи её магазина всегда стоял приятный гомон. Поэтому неожиданное затишье не хуже тревожного рога предупреждало, что что-то должно случиться.

Бронвин выглянула из окна и сразу же всё поняла. Лорд Арансан и его леди, волшебница Лаэраль Среброрукая, шагали вниз по улице рука об руку, останавливаясь у прилавков, чтобы полюбоваться той или иной безделушкой. Это было далеко не самое обычное зрелище, но Бронвин подозревала, что визит предназначен в первую очередь ей, а другие лавки пара посещает, чтобы не создавать впечатления исключительности "Любопытного Прошлого".

В этот момент наружу выбежала одна из помощниц Эллимир с полосой серебряной ткани в руках. Она расправила сукно на всю его длину, чтобы показать, насколько цвет совпадает с оттенком волос леди Лаэраль. Две женщины какое-то время приятно болтали. Бронвин наблюдала за ними, чем-то встревоженная, но не в силах назвать причину своего беспокойства. Потом молодая швея повернулась, и Бронвин заметила густой слой пудры у неё на глазах и следы хны на щеках.

Так вот почему трёхмедяковая куртизанка в переулке казалась такой знакомой, мрачно подумала Бронвин. Она готова была поставить крупную сумму на то, что эта помощница была одной из арфисток Данило.

Это её взбесило. Она отошла от окна и углубилась в некоторые редкие тома, пытаясь собраться с мыслями.

Дверной колокольчик прозвенел чересчур рано, чтобы Бронвин успела успокоиться. Архимага и его леди встретила в дверях Элис. Устроенное гномихой представление доставило Бронвин определённое удовольствие. Реакция Элис была безупречной. Она притворилась, что настолько потрясена присутствием двух самых могущественных магов города, и так жаждала угодить им, что напоминала щенка, который жалеет, что может махать только одним хвостом. Любой свидетель этой сцены вряд ли поверил бы, что Элис уже не первый год является осведомителем арфистов. Открывшись Бронвин, Элис свободно говорила с ней о своём прошлом. В относящейся к ней по-матерински гномихе сложно было разглядеть свирепого бойца, которым была в прошлом Элис, но Бронвин понимала, что именно эта двойственность и делает Элис таким эффективным агентом арфистов.

Хелбена немного заинтересовало присутствие в лавке ребёнка. Бронвин заметила, что он следит взглядом за Карой, но прочесть его мысли по выражению лица не смогла. Она взглянула на Кару сама и попыталась представить, что видит архимага. Кара была маленькой девочкой, очень худой и смуглой, как птичка-королёк. Наполовину эльф, это очевидно, но за исключением хрупкой фигуры и слегка заострённых ушек, она больше походила на человека. Заметил ли архимаг, что девочка следует за Бронвин, как вторая тень? Что, как и её предполагаемая наставница, ребёнок хорошо разбирается в редких и красивых предметах? Выполняя указания Элис, Кара приносила избранные вещички, чтобы показать их Лаэраль. Вскоре девочка уже вовсю болтала и хихикала, полностью очаровав леди-мага.

Какое-то время Хелбен стоял рядом и наблюдал, как женщины обмениваются восклицаниями, разглядывая безделушки. Нагнувшись, чтобы поддержать ручное зеркальце для Лаэраль, примерявшей на шею ожерелье из розового жемчуга, Бронвин перехватила его взгляд. Она сунула зеркало Элис и выпрямилась.

- Вам что-нибудь показать, милорд?

- Старые книги? Я их тут не заметил, но, может быть, у вас есть что-нибудь помимо товара на витринах?

Бронвин уловила намёк и отвела его в заднюю комнату. Он дождался, пока она зажжёт маленькую масляную лампу, и закроет дверь.

- У тебя наверняка полно вопросов о твоём прошлом, - без лишних предисловий начал архимаг. - Думаю, что у меня найдутся ответы. По крайней мере, я могу рассказать тебе, где их найти.

Бронвин слушала, пока он описывал ей дорогу к монастырю Тира и рассказывал, что она должна там найти. «Это два дня езды верхом», с обеспокоенным видом подсчитала она. «Надеюсь, Элис будет не против присмотреть за Карой».

В глазах архимага зажглась подозрительная искорка.

- Эта девочка. Кем она тебе приходится?

- Она бродяжка, как и я, - легко ответила Бронвин.

- Ты хочешь удочерить её?

Она вздохнула с тоскливым видом.

- Я бы с радостью — она очень милая — но у неё есть отец.

Хелбен обдумал это. Бронвин подумала, уж не сравнивает ли он лицо Кары с её лицом, обнаружив сходство.

- Мы состоим в родстве, - признала Бронвин. - Она говорит, что её отца зовут Дун. Я слышала, как его называют другим именем.

- Даг Зорет, - без выражения сказал Хелбен.

Бронвин моргнула, испугавшись, но не особенно удивляясь тому, что Хелбен знает.

- Да. Кто он? - поспешно спросила она.

Архимаг взял книгу в зелёном переплёте и поставил её обратно на полку, так и не раскрыв. «Нервы, что ли?» — удивилась Бронвин, которая никогда раньше не думала, что архимаги могут поддаваться таким простым человеческим слабостям.

- Даг Зорет — боевой вождь... жрец Цирика. До недавнего времени он служил в Тёмной твердыне в качестве военного клирика, - сухо сказал Хелбен. - А кроме того, он твой брат.

Бронвин резко уселась.

- Мой брат, - повторила она.

- Да. Ты знала его под именем Брэндона. Он взял имя Даг Зорет вскоре после того, как был похищен.

- Брэндон, - пробормотала она. - Брэн.

В памяти возник образ: небольшое, бледное лицо, узкое и сосредоточенное, увенчанное волосами цвета вороньего крыла. Он был способен вызывать в людях неистовую любовь и смутный страх. Брэн и Брон, как они друг друга называли. Да. Хотя и не воспоминание, но хотя бы тень памяти — снова вернулась к ней.

У Бронвин был брат.

На сей раз эта мысль причинила ей боль.

- Похоже, твоя семья обладала внушительной властью, - продолжал Хелбен. - Даг Зорет хочет заполучить эту власть. Как и паладины. В некоторых кругах это могут посчитать ересью, но я не желаю успеха ни одной из сторон.

- А мы с Карой оказались в самой гуще, - прошептала Бронвин.

- Вы в сложном положении, - согласился он. - Вами одновременно интересуется Жентарим и орден Рыцарей Самулара.

Она грустно улыбнулась магу.

- Не совсем то, на что я подписывалась, когда приносила клятву защищать Равновесие.

- И тем не менее, перед тобой встала именно такая задача, - с кривой улыбкой ответил Хелбен. - И ты — подходящий человек для её решения. Как искатель утраченных реликвий, ты должна найти три кольца, принадлежавших некогда Самулару и его брату, и вернуть их под надёжную опеку.

Бронвин встала, пристально взглянув на Хелбена.

- Почему?

К её удивлению, вопрос не показался ему неуместным.

- Кольца — всего лишь часть головоломки. Есть более крупный артефакт. Три кольца каким-то образом могут привести в действие некую силу. Ты должна его найти.

Обдумав это, она решила сказать правду.

- Два кольца уже у меня. Одно дал мне отец, второе носит Кара.

Архимаг кивнул, как будто ожидал это услышать.

- Полагаю, у меня не получится убедить тебя отдать кольца мне на хранение. Подумай хотя бы о том, чтобы оставить ребёнка. Места безопаснее Башни Чёрного Посоха тебе не найти. Лаэраль понравилась девочка, и я уверен, что она с радостью присмотрит за ней до твоего возвращения.

Бронвин подозрительно сощурилась.

- Очень уж удачно всё сложилось. Ты заранее про неё знал.

- До этого момента — нет, - без обиняков ответил Хелбен. - Я не знал о её наследии, и я бы не узнал эту девочку, если бы не увидел вас двоих вместе. Только тогда я начал искать кольцо и заметил его у неё на пальце. Но подумай вот о чём: если один человек может заметить сходство и понять, что за кольцо она носит, то смогут и другие.

Плечи Бронвин поднялись и опустились со вздохом, когда она признала правдивость слов архимага. Бедную Кару бросало из стороны в сторону, как поплавок на волнах, и Бронвин не хотелось говорить девочке, что её оставят на попечение незнакомцам.

- Утром я первым делом приведу её к вам, - сказала она. - Девочке потребуется время, чтобы привыкнуть к этой мысли.

Вскоре после этого разговора маги покинули лавку, оставив счастливую Элис считать и пересчитывать груды монет, а Кару — с блеском в глазах вздыхать, вспоминая о драгоценностях, которые она помогла продать, и красивой даме, которая будет их носить. Бронвин это заметила и была признательна Лаэраль. Это немного упростит ей задачу.

Она присела на корточки, чтобы её лицо оказалось на одном уровне с лицом Кары.

- Тебе понравилась госпожа Лаэраль, не так ли?

Девочка просияла и счастливо закачала головой.

- Она милая. Она купила мне вот это. Сказала, что это моё.

Кара показала Бронвин маленькую брошку в форме прыгающего оленя. Это была простая и красивая вещь. Брошь была серебряной, эльфийской работы, возрастом более двухсот лет. В лавке имелись и более ценные вещи, но не так много.

Бронвин осторожно взяла брошь у ребёнка и прикрепила её на плечо нового платья Кары.

- Это было мило с её стороны. Мне тоже нравится Лаэраль. Она хороший друг.

- Она владеет магией, - как само собой разумеющееся, заметила Кара. - Огромной магией.

Это удивило Бронвин.

- Ты можешь это определить?

Кара выпрямилась.

- Конечно. А ты разве нет?

Вот это поворот, подумала Бронвин. Она не была специалистом по магии, но знала, что способность распознать в другом человеке магический талант почти наверняка означает, что Кара владеет особым даром.

- Ты хотела бы научиться магии?

Девочка энергично кивнула.

- Сегодня? - с надеждой в голосе спросила она.

Бронвин улыбнулась.

- Обучение занимает чуть-чуть дольше, но ты можешь начать. Как насчёт такого, - сказала она, извернувшись так, чтобы сесть на пол и усадить Кару к себе на колени. - Завтра утром я отведу тебя в башню волшебника, где живёт госпожа Лаэраль. Она будет присматривать за тобой, играть с тобой и покажет тебе магию. Хочешь?

Кара задумалась.

- Ты тоже пойдёшь?

- Да, но я не смогу остаться, - с сожалением ответила Бронвин. - Мне придётся ненадолго уехать.

- Почему?

- Мы не сможем найти твоего отца, если не будем искать, не так ли?

Девочка просияла.

- Я поеду с тобой.

- Тебе нельзя. Я буду ехать верхом несколько дней. Это будет скучно и утомительно — а возможно, даже опасно. Хватит с тебя приключений. С Лаэраль ты будешь в безопасности.

Кара сложила руки. Её губы выпятились, лицо помрачнело, как грозовая туча.

- Я устала от того, что меня охраняют, заставляют молчать и держат в сторонке! Я устала оставаться на одном месте! Я хочу отправиться с тобой. Я хочу увидеть места, про которые рассказывали вы с Эбенайзером.

Бронвин вздохнула и погладила ореховые волосы девочки.

- Поверь мне, я знаю, что ты чувствуешь. Когда я долго остаюсь на одном месте, я начинаю испытывать зуд, как будто по мне ползают муравьи.

Кара хихикнула, потом вздрогнула.

- Я тоже их почувствовала, - призналась она.

Бронвин слабо улыбнулась, одновременно тронутая и опечаленная тем, что этот брошенный ребёнок оказался родственной душой. Но, может быть, благодаря тому, сколько общего у них было, она сумеет заставить Кару понять.

- Ты же знаешь, что корабль, на котором ты плыла, был рабовладельческим?

- Да, но я не была рабом. Те люди говорили, что я — почти принцесса, и что меня должны отвезти во дворец.

Кара нахмурилась.

- Но они не слушались, когда я приказывала отвезти меня обратно. Принцессы ведь могут сами решать, куда им отправиться?

- Подозреваю, что у принцессы куда меньше выбора, чем у простой девушки, - сказала ей Бронвин. - Но иногда дела идут наперекосяк. Я была однажды на таком корабле, когда была ещё меньше тебя. Пришли пираты и похитили меня — почти как Эбенайзер и я похитили тебя и дварфов, но они нас не освободили. Меня продали в рабство. Первый человек, который купил меня, был очень... злым. Я сбежала, но меня поймали и снова продали. На этот раз меня купил торговец драгоценными камнями. У меня были умелые руки, и достигнув твоего возраста, я хорошо рисовала и могла пользоваться деликатными инструментами. Я трудилась очень усердно. Не

было времени на игры, не было других детей, с которыми можно было бы поиграть, еды всегда было мало. Всё, что у меня было — тюфяк для сна в углу кухни.

- Они были злыми, - решила Кара.

- Не специально, - ответила Бронвин. - Просто они никогда не обращали на меня внимания. Это было чуть ли не хуже.

Девочка задумалась и кивнула.

- Я рада, что ты меня похитила.

Бронвин заключила её в объятия.

- И я рада. Я что угодно сделаю, чтобы уберечь тебя от такой жизни — если придётся, даже оставлю на несколько дней в Башне Чёрного Посоха.

- Ну ладно, - согласилась Кара. Её лицо посерьёзнело, и девочка погрозила Бронвин пальцем. - Но если тебя не будет слишком долго, мы с Эбенайзером отправимся на поиски и похитим тебя обратно!

* * * * *

Позднее тем же утром Бронвин ехала верхом по Южному кварталу, чтобы попрощаться с Эбенайзером. Двор вокруг кузни Брайана был полон огнём, звоном молотов по наковальням и голосами сварливых дварфов.

Когда Бронвин привязала лошадь у ворот, её заметил Эбенайзер. Он немедленно опустил молот и подошёл к ней.

- Где девчонка? - спросил он. - Ты её не нашла?

Она рассказала ему всё, что успела узнать, в том числе — и про попытку паладина, друга Эбенайзера, схватить девочку. Лицо дварфа приобрело беспокойное выражение.

- Дурной у всего этого запах, - сказал он. - Паладины должны быть редкостью, не так ли? На мой вкус, они чересчур зачастили.

- Паладины — меньшая из двух моих проблем, - уверила его Бронвин.

- Сдаётся мне, мы этого пока не знаем. Ты мне не докажешь, что паладины отличаются от прочих людей. Я всегда говорю: ожидай худшего, просто на всякий случай, - посоветовал он. - И мне не нравится, что ты отправляешься прямо в их логово с вопросом «Как ваши дела?» вместо любой нормальной защиты.

- У меня нет времени спорить, Эбенайзер. Увидимся, когда я вернусь.

- И ещё не раз до того, - заявил он. - Я отправляюсь с тобой.

- Я буду верхом.

Его глаза загорелись.

- Ты же знаешь, что я умею ездить верхом. У тебя ещё остался тот пони?

- Нет, - с сожалением ответила она. - Я оставила его на продажу в общей конюшне.

- Что ж, очень жаль. Эта лошадь нравилась мне больше многих знакомых людей. У неё было больше здравого смысла. Но сейчас у меня есть немного денег, да и клан мне задолжал. Могу купить собственного пони.

- Тебе не стоит тратить свои сбережения, - предупредила она.

- Да ты что? Так или иначе, я поеду с тобой, даже если это означает, что мне придётся сидеть на спине у крылатого эльфа. Ты заступилась за меня, и я готов отплатить тем же.

В этот момент его имя проревела женщина-дварф. Он бросил взгляд через плечо и понизил голос до шёпота.

- И они дали мне работу в кузне. В этом нет ничего плохого, но у меня ноги зудят, когда я слишком долго держу их на одном месте. Ты окажешь мне услугу, - уговаривал он.

Бронвин с улыбкой признала поражение.

- Что ж, пойдём. Нам нужно найти тебе лошадь.

* * * * *

Алгоринд покинул сэра Гарета и направился в "Любопытное Прошлое", место его прошлой неудачи. Он не знал, что будет делать, когда найдёт Бронвин и девочку. В этом городе человеку просто не могут позволить спокойно выполнять свой долг. По пути Алгоринд заметил множество небольших патрулей стражи, занятых делами города и горожан.

Выследить кого-то в городе тоже было непросто. Он научился идти по следам человека, лошади или монстра в холмах и трясилах, но идти по следу женщины в Глубоководье? По следу ребёнка? Как такое вообще возможно?

Он всё ещё размышлял об этом, когда заметил невысокую крадущуюся фигурку, мелькнувшую в тёмном проходе между двумя высокими зданиями. Краем глаза он успел увидеть, как за углом сверкнули длинные коричневые пряди.

Алгоринд спрыгнул с лошади и быстро привязал поводья к фонарному столбу. На сей раз паладин сомневался, что лошадь останется на месте к моменту его возвращения, но не мог позволить себе волноваться об этом сейчас. Он поспешил вниз по переулку.

Женщина ещё дважды сворачивала в переулки, а потом исчезла за чёрным ходом в крупном каркасном здании. Приблизившись, Алгоринд услышал стук ткацких станков и торопливые шаги по деревянным ступеням.

Он последовал за ней внутрь здания и вниз по лестнице. Здесь сильно пахло землёй, плесенью и корнеплодами. В небольшой забранной железной решёткой нише высоко в стене сверкал огонёк.

Ступив на земляной пол, Алгоринд вытащил меч и вгляделся во мрак. Пока что его глаза не смогли различить других присутствующих в погребке, но он был уверен, что слышал, как девушка зашла сюда.

Резкий, короткий, громкий звук нарушил тишину. Высоко взметнулось пламя факела. Алгоринд обнаружил себя лицом к лицу с четырьмя мужчинами, вооружёнными мечами и ухмылявшимися широкими злобными ухмылками. Шире всех скалился мужчина, за которым он погнался — худой и низкорослый, с лицом, испещрённым оспинами от какой-то забытой болезни и длинным заплетённым хвостом коричневых лошадиных волос в руках. Он насмешливо ткнул хвост в сторону Алгоринда и захолопал ресницами, пародируя женские уловки.

Его товарищи громко захохотали и начали наступать. Наверху не утихал стук ткацких станков.

Слишком поздно Алгоринд распознал ловушку, в которую его заманили. Эти мужчины чувствовали себя в городе как рыба в воде и подготовили место, где смогут драться без помех. Что ж, милостью Тира он даст им бой, которого они так ищут.

Он держал меч чуть в стороне. Каждая мышца была готова к поединку. На него бросился первый, высоко занеся клинок. Два его товарища следовали по пятам. Алгоринд нырнул вперёд точным, быстрым движением и пронзил сердце противника. Он присел под следующую атаку и ударил вверх, в третьего нападавшего, тоже прикончив его одним ударом. Стук ног резко затих у него за спиной. Алгоринд поднялся, разворачиваясь к пролетевшему мимо мужчине. Это был тот самый, который изображал приманку, и он нанёс жестокий удар снизу вверх и наискосок. Алгоринд со звоном подставил собственный меч. Паладин подступил ближе и ударил левой рукой над скрестившимися клинками. Мужчина отшатнулся, Алгоринд сделал новый выпад. Его меч вошёл противнику между рёбер и выскользнул обратно.

Рыцарь быстро развернулся к четвёртому и последнему противнику. Этот был самым коварным и самым опасным — он смотрел, как умирают товарищи, чтобы оценить способности противника.

Мужчина был почти так же высок, как Алгоринд, хотя и не обладал такими широкими плечами. Он казался худым и жилистым, и держал меч так, что было ясно — оружие ему не в новинку. Он поднял меч ко лбу, лишь отчасти насмешливо салютуя.

Они начали кружить, потом обменялись первым звенящим ударом. Противник был быстр, заметил Алгоринд, и сражался чистыми, экономными движениями. Его обучали, и обучали хорошо.

Паладин провёл высокий финт. Его удар встретили и ответили быстрым выпадом понизу. Алгоринд парировал и контратаковал. Всего три раза — молниеносно, один за другим — сталь с силой ударила о сталь.

Скорость, значит. Паладин начал ошеломительную серию, осыпав противника быстрыми ударами. Его оппонент остановил каждую атаку — и успел провести собственную. Несколько мгновений подряд два меча звенели в быстром, непрекращающемся диалоге.

Бойцы разошлись по молчаливому согласию в такт уникальному ритму их смертоносного танца. Они снова закружились, осторожно атакуя и парируя.

На этот раз убийца перешёл в наступление. Его клинок отвёл меч Алгоринда вниз, а рука потянулась к ножу у него на поясе. Паладин понял. Мужчина собирался ударить над мечами ножом — точно так же, как он сам раньше ударил обманщика голым кулаком.

Но Алгоринд был к этому готов. Учителя молодого паладина обучили его многим боевым стилям. Этот стиль выдавал в противнике уроженца Долин, суровой, но в целом мирной местности на востоке, где жили по большей части добрые фермеры и следопыты. Алгоринд задумался, что должно было произойти с этим человеком, чтобы он оказался так далеко от тех мест?

Должно быть, жалость промелькнула в его взгляде — и выходец из Долин её заметил. Судорожный тик пробежал от его стиснутой челюсти к злым глазам, и мужчина выхватил нож. Но эмоции взяли верх над стратегией — он выхватил нож слишком быстро и ударил слишком высоко.

Алгоринд легко принял нож на рукоять своего и отбросил руку противника далеко в сторону. Он развернул направление удара и с силой обрушил рукоять ножа на вражеский нос. Треснула кость, яркая кровь хлынула на поношенный кожаный жилет.

Мужчина напал снова, бешено замахнувшись, лишившись всей своей дисциплины. Алгоринд легко останавливал удары и уворачивался от них. Испытывая нечто вроде сожаления, он быстро прекратил битву ударом в открывшееся горло врага.

На секунду он задержался над телом, чтобы помолиться за заблудшую душу достойного противника, павшего жертвой собственной слабости.

Он вытер меч пригоршней соломы, которой была укрыта корзина летней моркови, и сунул оружие обратно в ножны. Нож он не убирал, а в другую руку взял со стены факел. Сегодня он уже попался на грязную уловку, и не собирался дважды повторять свою ошибку.

На вершине лестницы Алгоринд погасил факел, бросил его в переулке и вернулся назад на улицу. К его глубочайшему облегчению, лошадь осталась на месте. Он развязал поводья Ледяного Ветра и задумался, что делать дальше.

Ему казалось вероятным, что за этим стоит та женщина Бронвин и её товарищ-дварф. Следовало немедленно сообщить сэру Гарету и оставить это дело ему.

Рыцарь находился в своём кабинете, с мрачной решимостью склонившись над учётной книгой. Когда Алгоринд объявил о своём прибытии, он оторвал взгляд от книги и вопросительно поднял седые брови.

Алгоринд рассказал ему о случившемся. Какое-то время рыцарь обдумывал услышанное, потом потянулся к перу и пергаменту.

- Отправляйся в казармы и смой следы крови. Мы сообщим об этом самому Первому лорду.

Очень скоро они покинули Залы Правосудия, направляясь во дворец Первого лорда. Сэр Гарет легко смог добиться аудиенции с лордом Пьергейроном. Как только они с Алгориндом достигли ворот пышного дворца, их встретили стражники в мундирах и сразу же проводили к Первому лорду.

Из-за неуместной роскоши вокруг Алгоринд снова почувствовал себя неудобно. Дворец представлял собой затейливое сооружение, целиком построенное из редкого белого мрамора, увенчанное дюжиной башен и украшенное необычайно искусной резьбой. Внутри он был ещё роскошнее. В центре главного зала журчал фонтан, помещение окружали мраморные статуи героев, богинь и богов. На стенах в изобилии висели потрясающе детализированные гобелены ярких цветов. Придворные носили богатые шелка и украшения — даже одежды слуг были бы уместны на церемонии посвящения в рыцари.

Их провели по широкой лестнице вниз через анфиладу залов к башне Пьергейрона. Здесь Алгоринд наконец оказался в привычной обстановке. Кабинет Первого лорда был простым, почти аскетичным. За исключением одного гобелена

стены оставались голыми. Единственным признаком роскоши было изобилие книг, а единственным удобством — небольшой камин.

Пьергейрон встал, чтобы с добродушной прямоотой поприветствовать их обоих твёрдым товарищеским рукопожатием.

- Добро пожаловать, братья! Я часто думал о вас. Как идёт подготовка к битве?

- Хорошо, милорд, - ответил сэр Гарет. Пьергейрон указал на стул и дождался, пока все усядутся, прежде чем продолжить; сэр Гарет благодарно кивнул.

- Паладины со всех земель севера собираются на штурм Тернового Оплота. Через одну, может быть, через две декады нам хватит людей, чтобы выступить на север.

- Это хорошие новости, - согласился лорд-паладин. - Чем быстрее крепость вернётся в руки вашего доброго ордена, тем в большей безопасности окажутся все, кто путешествует по Главному тракту.

Сэр Гарет склонил голову, принимая эту похвалу.

- Есть и другие новости, милорд, уже не такие приятные. Женщина, про которую мы говорили. С нашей последней встречи она снова учинила зло.

Рыцарь коротко рассказал про арест Алгоринда и про устроенную для него убийцами засаду. К досаде Алгоринда он также упомянул о том, что дварф, известный как друг Бронвин, украл лошадь рыцаря. Гарет сообщил о её визите в Терновый Оплот во время штурма и о её подозрительном бегстве — вдвойне подозрительном в свете того факта, что захвативший крепость командующий Жентарима приходился Бронвин братом. Сэр Гарет закончил свою речь, повторив, что Бронвин украла ценный артефакт, принадлежавший ордену.

Пьергейрон слушал в обеспокоенном молчании.

- Я навёл о ней справки, но таких зловещих сведений не получал. Девушка обладает безупречной репутацией в деловой среде и на первый взгляд ведёт спокойную жизнь.

- Но знакомства у неё интересные. Брат в Жентариме, дварф-конокрад, гномиха-плут. Вы знали, что Элис Тинкер, продавщица, которая работает на Бронвин в её лавке, когда-то была известна под именем Гиланды Квикблейд? Она была воровкой и «искательницей приключений», позднее завербованной арфистами.

- Этого я не знал, - согласился Пьергейрон.

- Это не всё, - продолжал Гарет. - Её лавку часто посещает юный дворянин, некто Данила Тан. Он, случайно, не тот самый арфист, что связан с новым колледжем бардов?

Первый лорд мрачно кивнул.

- Интересно, что ему нужно от Бронвин. Она — не бард. Либо она просто доступная юбка, либо арфист, - тон сэра Гарета предполагал, что между двумя этими пороками нет особой разницы.

- Я несколько раз встречался с юным лордом Таном. Он испытывает необычайный интерес к драгоценным камням и прочим дорогим вещичкам. Может быть, он просто делает покупки в лавке Бронвин.

Сэр Гарет поднял брови.

- Вы так считаете?

- Нет, - вздохнул Первый лорд. - Я займусь этим делом и пришлю вам весточку, как только смогу. Это вас удовлетворит?

- Вполне. Слово сына Атара крепче любой стали, - с жаром сказал сэр Гарет. Он поднялся, готовясь уйти, но замешкался. - Есть ещё кое-что. Я не хочу мешать усилиям ваших защитников закона и порядка, но не могли бы мы тоже заняться поисками этой женщины, чтобы доставить её в Залы Правосудия Тира и заставить держать ответ за свои действия? Вы доверите мне эту задачу?

Алгоринду показалось, что лорд Пьергейрон испытал облегчение, услышав вопрос, на который мог дать простой ответ. Он встал и протянул руку, чтобы скрепить договор.

- Кто станет мешать брату-паладину? И кто сможет позаботиться о правосудии лучше Тира? - искренне сказал он.

Двое мужчин, рыцари и паладины, пожали друг другу запястья в приключенческом салюте.

- Действительно, кто, - эхом повторил сэр Гарет.

* * * * *

Бронвин уложила немногочисленные пожитки Кары и приготовилась отвести её в Башню Чёрного Посоха. Похоже, Кара быстро привыкла к этой мысли. Бронвин гордилась тем, как легко девочка приспосабливалась к новым обстоятельствам.

Тем более, что единственным настоящим якорем Кары была только её внутренняя сила. Пакуя вещи для предстоящего путешествия, Бронвин уверила себя, что с Карой будет всё хорошо. И ничто не предвещало обратного, пока они не добрались к основанию гладкой чёрной стены, окружавшей башню архимага.

Бронвин спешила и подошла к пони Эбенайзера, чтобы спустить Кару. К её удивлению, девочка бросилась ко вьючной лошади. Она вскарабкалась по тюкам и вызывающе уставилась вниз на Бронвин. По лицу текли слёзы.

- Я хочу отправиться с тобой!

Бронвин вздохнула.

- Мы уже обсуждали это, Кара. Тебе нельзя. Это будет очень опасно.

- Возьми меня с тобой, - настаивала Кара.

- Я возьму тебя в башню, - попыталась торговаться Бронвин. - И останусь на чай с печеньем у госпожи Лаэраль. Согласна?

Девочка скрестила руки и шмыгнула носом.

- Этого недостаточно.

Эбенайзер пихнул Бронвин локтём.

- Из неё выйдет отличная купчиха, - тихо заметил он весёлым тоном.

- От тебя никакого толка, - прошептала она в ответ и бросила взгляд на гладкий чёрный камень башни, надеясь, что внутри кто-нибудь заметит её затруднение.

На её безмолвную мольбу сразу же ответили. Появилась Лаэраль, прошедшая через твёрдый камень и похожая на оживший водопад. Она была высокой женщиной, выше большинства мужчин, и при этом стройная, как берёза. Серебряные волосы, густые и пышные, свободно опускались волнами на её обнажённые плечи и ещё дальше, свисая ниже колен. Короткое серебряное платье волшебницы, скроенное таким хитрым способом, чтобы одновременно облегать и развеиваться, подходило для званого вечера. Как дождь падающих звёзд, в ушах

Лаэраль блестели серьги, а её ожерелье казалось сложной паутиной из серебра и хрусталя. Наряд был экстравагантным, абсурдным — и великолепным.

От потрясения у Кары отвисла челюсть, а глаза округлились.

- Ты похожа на волшебство, - объявила девочка. - На большое волшебство.

Глаза волшебницы наполнились теплом и весельем.

- Так будет и с тобой, Кара. Сначала позавтракаем, а потом начнём. Тебе разве этого не хочется?

Девочка была полностью очарована. Но её взгляд всё равно скользнул к Бронвин, и она нерешительно закусила губу.

- Да... - неохотно призналась она.

- А ещё я получила нового порхающего котёнка, - продолжала Лаэраль. - Только сегодня утром. Очень красивая маленькая белая кошечка, с белоснежными крыльями, но она только учится летать, и ей нужен друг, который о ней позаботится.

Это стало последним стимулом, которого не хватало Каре. Она быстро протянула руки, чтобы ей помогли. Бронвин спустила девочку с лошади, бросив поверх волос Кары благодарный взгляд на Лаэраль.

- Мы с тобой замечательно поладим, - сказала Лаэраль, взяв девочку за руку. Заметив, как Кара смотрит на её сверкающие кольца, она выбрала кольцо, пылавшее огнём и льдом, и надела его на маленькую ручку ребёнка. Кольцо сразу же сжалось, чтобы обхватить крохотный пальчик.

Бронвин одобрительно кивнула, понимая, как это будет выглядеть для Кары. Девочка получила кольцо от отца и знала, что оно было очень важным; другой такой подарок она расценит похожим образом. Очевидно, Лаэраль была не только красива, но и столь же мудра и проникательна.

Окутанные практически осязаемой радостью от магии и общества друг друга, эти двое повернулись и исчезли в прочной на вид каменной стене. Ни одна из них не оглянулась.

Бронвин снова вздохнула и провела тыльной стороной ладони по глазам. Она уселась в седло и направила лошадь к Северным вратам.

Несколько минут они ехали молча. Эбенайзер бросил на неё короткий взгляд.

- Похоже, ты о чём-то задумалась.

Она выдавила слабую улыбку.

- Я только сейчас пожалела, - тихо сказала она, - что не додумалась подарить Каре кольцо.

* * * * *

Под улицами Глубоководья расположен лабиринт тоннелей, а под ним — ещё и ещё один, слой за слоем вырезанных глубоко в камне горы тайн. По одному из таких тоннелей шагали двое мужчин. Это был простой проход, ведущий из Башни Чёрного Посоха к дворцу Пьергейрона и доступный только тем, кто правил в этих местах. По самой своей природе этот тоннель был весьма пустынным. Единственными звуками здесь были только стук падавших с закруглённого потолка капель, стук сапог по

каменному полу и редкий крысиный писк — крысы ходили всюду, где хотели, не подчиняясь никакой власти.

Они шли в молчании, размышляя о предстоящей встрече. Суровое лицо Хелбена было мрачнее обычного, искаженное чем-то почти похожим на страх. Его племяннику казалось, что он понимает дядю — по крайней мере, отчасти. Власть, которой обладал архимаг, вознесла его на недостижимую для многих высоту. Но Хелбен был практически одинок, исключая его даму — и нес ношу куда более тяжкую и утомительную, чем большинство смертных способны были охватить разумом. Хелбен жил долго и видел смерть любимых, друзей, даже собственных детей. Этого Данила осознать не мог — как может человек тащить на себе бремя жизни, когда его собственные дети давным-давно превратились в прах? Он подозревал, что архимагу предстоит вскоре пережить очередную потерю — потерю одного из лучших и старейших из оставшихся у него друзей.

Проход заканчивался тесной винтовой лестницей. Данила отступил, чтобы Хелбен мог подняться первым. На вершине лестницы архимаг постучал в крепкую каменную дверь — дверь, просто не существующую с противоположной стороны. Услышав ответ Пьергейрона, он открыл дверь, и двое мужчин шагнули сквозь гобелен в отделанную дубом комнату.

Пьергейрон тепло поприветствовал их — его знаменитое обаяние несколько не поблекло. Он налил гостям вина из украшенного драгоценными камнями графина. По приказу хозяина слуга принёс гостям поднос с фруктами и сыром. Пьергейрон принялся расспрашивать их, как обстоят дела в доме архимага и как продвигается работа барда, болтать об услышанных песнях и общих знакомых. Данила отличался немалым умением по части пустой болтовни, и какое-то время они провели в приятной беседе о делах мелких и пустячных.

Всё это время Хелбен наблюдал за старым другом с таким выражением, как будто увидел его заново — в новом свете. Заметив это, Данило начал испытывать всё возрастающее неудобство. Он несколько раз видел Пьергейрона и Хелбена вместе, и хотя их дружба была такой же неуравновешенной, как случалось между амбарным котом и тягловой лошастью, она длилась уже очень долго. Обычно они чувствовали себя в обществе друг друга вполне уютно — но не сегодня. Нельзя было назвать причиной тому какую-то реплику или поступок Первого лорда, но Данила почувствовал перемены в этом мужчине с той же абсолютной уверенностью, с какой лесной эльф мог учуять в осеннем ветре запах скорого снега.

Он задумался, сколько ещё секунд утекут прочь, прежде чем Хелбен нарушит неловкую атмосферу. Архимаг по природе своей был нетерпелив и не склонен спокойно переносить подобное отношение со стороны старого друга. Уж лучше грубое оскорбление или неожиданный удар, чем эта вежливая и манерная попытка держать дистанцию.

- Девушка, которая по слухам является агентом арфистов, перешла дорогу братству паладинов, - прямо заявил архимаг. - Я полагаю, ты вызвал меня сюда для обсуждения этого вопроса. Если так, то говори прямо — и я поступлю так же.

- Что ж, хорошо, - Пьергейрон опустил свой кубок с вином. Он совсем не казался оскорблённым — напротив, с облегчением ступил на знакомую почву. Первый лорд

с приятной прямоотой рассказал о своём беспокойстве, основанном на докладе сэра Гарета.

- Позволь мне успокоить тебя, - сразу же ответил архимаг. - Бронвин действительно агент арфистов. Она владеет артефактом Тира, это правда, но прямо сейчас, пока мы с тобой разговариваем, она находится на пути к Саммит Холлу, монастырю Тира.

Пьергейрон расслабился. Данила украдкой бросил взгляд на архимага, задумавшись, не испытывает ли тот хоть какого-то чувства вины за то, что вводит старого друга в заблуждение. Хелбен на самом деле не сказал, что Бронвин собирается вернуть кольцо, но Пьергейрон определённо решил, что так оно и есть. Не похоже, чтобы Хелбен собирался избавить его от этого заблуждения.

- Рад это слышать, друг мой, но должен признать, что намерения Бронвин по-прежнему кажутся мне подозрительными. Если верить сэру Гарету, она наводила справки о жреце Цирика. Который приходится ей братом.

Хелбен даже не моргнул.

- У неё есть на то причины. Арфисты и Жентарим враждуют очень давно.

Ещё одна правда, скрывающая ложь, подумал Данила. Значит, вот во что должны превратиться арфисты? Неужели со временем он станет таким же как Хелбен, начнёт искажать правду и манипулировать даже старыми друзьями, чтобы послужить Равновесию? Позднее надо будет серьёзно обдумать этот вопрос, но сейчас время было неподходящее. Беспокойные мысли Данилы никак не отразились на его лице.

Хелбен подался вперёд.

- По-правде говоря, Пьергейрон, я бы повнимательнее отнёсся к мотивам сэра Гарета.

Первый лорд выглядел оскорблённым.

- Он — паладин Тира!

- Он из ордена Рыцарей Самулара, - уточнил Хелбен. - Не спорю, паладины — добрые и святые люди, но ордена меня беспокоят. Праведные убеждения одного человека — вещь хорошая, но представь себе зло, которое могут совершить столь многие, владеющие подобной властью, слепо преследуя цель, которую считают добром. Меньше всего я хочу увидеть, как подобная волна захлестнёт Бронвин.

Пьергейрон потрясённо покачал головой.

- Не верю своим ушам.

- Хотя бы подумай над моими словами. Я уже давно косо смотрю на военные ордена — в особенности на последователей Самулара. Подозреваю, что для этого существуют достаточные основания.

Первый лорд встал. Он был разгневан, глаза сверкали.

- Когда — если — ты найдёшь доказательства в поддержку своего беспокойства, пожалуйста, немедленно сообщи мне. Тебе придётся меня извинить, но до тех пор я не желаю обсуждать этот вопрос.

В ответ Хелбен поднялся. Если он и почувствовал холод в словах друга, в его взгляде это не отразилось.

- Поверь мне, друг мой — я сам надеюсь, что ошибаюсь.

Они поспешно проделали все полагающиеся жесты и слова прощания, после чего арфисты покинули дворец. Молчание Хелбена было тяжёлым, обеспокоенным. Данила впервые подумал, что архимаг мог наконец вступить в безнадежную битву. Невозможно выступить против паладинов и не показаться при этом посредником зла. И у кого из людей не отыщется в прошлом тайн, способных подкрепить подобные обвинения — тем более у прожившего долгие годы и обладавшего огромной властью Хелбена? Данила не знал ничего конкретного, но реакция Хелбена, когда они обсуждали историю Рыцарей Самулара, заставила его считать, что по крайней мере некоторые из секретов архимага могут быть связаны с этим орденом.

- Сказанное тобой Пьергейрону... - начал Данила. - О том, что всё может закончиться плохо, но ты надеешься на ошибочность своих предположений. Как ты считаешь, такое возможно?

Архимаг фыркнул.

- Тебя интересует честный ответ?

Кривая ухмылка тронула уголок губ барда.

- Полагаю, что нет.

- Я заметил, - тяжёлым от усталости голосом ответил Хелбен, - что людям редко этого хочется.

Глава 14

Поездка к Саммит Холлу шла быстрее, чем ожидала Бронвин. Пегий пони Эбенайзера, несмотря на свой скверный характер, обладал неутомимым шагом и упрямством, достойным дварфийского зада. Пегий Дьявол, как метко назвал его Эбенайзер, не отставал от быстрой кобылы Бронвин и бежал рядом, как будто бросая второй лошади вызов.

Лавочный Кот отправился с ними. Иногда он сидел на вьючной лошади, иногда поднимался в воздух и описывал в небе широкие круги.

- Зачем тебе ворон? - поинтересовался Эбенайзер. - Собираешься отпугивать магазинных воришек?

Он взмахом указал на широкий пустой простор дикой природы вокруг них. Это был второй день, проведённый в пути. Рано утром они пересекли реку Дессарин и теперь следовали по Дессаринскому тракту на север. Вчера их путь лежал через несколько небольших деревенок и окрестных хуторов, и наездники и караваны, проезжая мимо, приветственно махали им руками. Сегодня они встретили только два отряда путешественников — оба рано утром. Но кроме самой дороги, местность была практически лишена следов обитания. Вдоль дороги росли деревья — густые и достаточно высокие, чтобы ветви переплетались над головами. Летом здесь должен царить приятный тенёк, но Бронвин была рада, что пока ещё ветви покрылись

только почками и листками золотистой зелени. Когда листья полностью распустятся, деревья станут прекрасным укрытием для бандитов и хищников.

- Зачем ворон? - эхом отозвалась она. - Иногда он относит послания Элис. А зачем тебе вьючная лошадь?

Эбенайзер пожал плечами.

- Привычка. Никогда не знаешь, когда попадётся вещичка, которую стоит отвезти на рынок.

Она хмыкнула.

- Теперь ты говоришь, как охотник за сокровищами.

- Когда-то я этим занимался. Есть и худшие способы зарабатывать на жизнь. И сдаётся мне, что быть арфистом — один из них.

Она бросила испытующий взгляд на дварфа. Его тон был старательно небрежным, но выдавал определённый интерес. Дварфы, как правило, держались замкнуто и избегали вмешиваться в чужие дела, как избегали воды, но Эбенайзер был любопытен и обладал интересами, выходящими далеко за границы обычных интересов его рода.

- На самом деле я не зарабатываю этим себе на жизнь, хотя, полагаю, что кто-то зарабатывает. Быть арфистом — способ стать частью чего-то большего, чем одна персона.

- Вроде клана, - предположил он.

- Я не слишком знакома с родственными узами, но наверное, можно и так сказать. Посмотри-ка туда, - прервала она разговор, указывая вперёд.

На протяжении последнего часа деревья редели и становились менее крупными. К северу от них лес сменялся цепью холмов. Дорога впереди огибала особенно крутой склон.

- Здесь полно пещер, - объявил дварф, разглядывая скалистые холмы на севере. - Край гоблиноидов. Скорее всего, орков. Лучше всего найти пригодную для обороны местность для лагеря до наступления ночи.

Они не останавливались до самых сумерек и устроили лагерь на холме недалеко от Саммит Холла. Эбенайзер нашёл мелкую пещеру с небольшим входом, таким незаметным, что Бронвин не увидела его, пока дварф не отвлёк в сторону ветку.

- Погоди чуток, - сказал он и исчез внутри. Он показался обратно через пару секунд, отряхивая руки. - Хорошая пещера. Никаких следов орков, а свод слишком низкий, чтобы орки могли стоять и сражаться. Есть даже небольшой тоннель для бегства. Для меня тесновато, но сегодня я съем только две порции жаркого.

Надежда в его голосе вызвала у Бронвин улыбку.

- Разве сегодня не твоя очередь готовить?

- А если я наловлю кроликов?

- Справедливо, - Бронвин повернулась ко вьючной лошади, чтобы снять их пожитки. И там, на вьюках, улыбаясь, как наевшаяся сметаны кошка, сидела Кара.

От неожиданности Бронвин вскрикнула и попятилась.

- Как ты здесь оказалась? - воскликнула она.

Но она уже догадалась. Поведение Кары у стен Башни Чёрного Посоха вдруг оказалось вполне объяснимым. Её нежелание расставаться было обманом — прикрытием, чтобы спрятать её драгоценный камень в один из вьюков. Бронвин не

знала, тронута она или разгневана. Она прижала ладони к вискам, как будто могла таким образом утихомирить взбесившийся пульс.

- Ну что ж. Неплохое приветствие, - сказал Эбенайзер, сложив руки на груди и притворяясь, что хмурится. - Мы не можем отправиться в гнездо паладинов с девочкой, учитывая, что в Глубоководье у рыцарей просто зад горел в попытках её заполучить.

- Это точно, - Бронвин подошла к Каре и спустила её с лошади. - Тебе нужно вернуться.

- Можно мне остаться на ночь? - заныла девочка. - Я ещё ни разу не спала под открытым небом.

Бронвин спала под открытым небом столько раз, что это не казалось ей чем-то необыкновенным, но произнесённая таким мечтательным тоном идея приобретала определённую привлекательность. Она посмотрела на Эбенайзера.

- Побудешь с ней, пока я отправлюсь поговорить с паладинами?

- И пропустить спор с этой толпой? С радостью. Давай-ка мы с тобой расставим силки и капканы вокруг лагеря, - обратился он к Каре.

Кара, похоже, ставила капканы не в первый раз. Одной из её обязанностей было следить за небольшими кроличьими ловушками, которые её приёмные родители держали в саду. Как только она приспособилась к новому размеру, девочка принялась вязать силки не хуже дварфа.

- Может, ты ещё и готовить умеешь? - поинтересовался Эбенайзер.

- Нет, но могу развести огонь. Смотри, - девочка уставилась своими карими глазами на грудь хвороста, которую Бронвин сложила в кругу камней. С хвороста начал подниматься дым, а потом и первые языки пламени.

- Ну вот! - торжествуя сказала Кара, повернувшись к потрясённой Бронвин в ожидании похвалы. - Меня Лаэраль научила. Это называется мелкими чарами.

- Очень хорошо, - выдавила Бронвин. Она не обладала широкими познаниями в магии, но ей казалось необыкновенным, что кто-то — тем более, ребёнок — может так быстро выучить заклинание. Она впервые задумалась о матери Кары. Что за эльфийка родила её и передала дочери такой поразительный талант? И где она сейчас?

Поскольку Кара никогда не упоминала мать, Бронвин решила, что лучше не спрашивать. Она побросала вяленое мясо и корешки в котёл, и к тому времени, как на небе зажглись первые звёзды, вся троица уже глотала жаркое и слушала весенние лягушачьи песни с ближайшего болота.

* * * * *

Монастырь впечатлял. Окружённый толстой стеной примерно двадцати футов в высоту, построенной из камня песчаного цвета, в изобилии встречавшегося в холмах, он был похож на закрытый городок, а не на простую крепость. По углам поднимались сторожевые башни, а на вершине холма стояла крупная крепость. На севере, снаружи самого комплекса, находилась старая, рассыпающаяся башня.

Бронвин подъехала к воротам. Последователи Тира приняли её гостеприимно, хоть и сдержанно. Пожилой рыцарь показал ей гостевые покои в одном из зданий

помельче, сгрудившихся вокруг большой открытой площадки из утрамбованного грунта. Комната была бедно обставлена, и Бронвин задумалась, получила бы она покои получше, знай паладины о её предках. Но сейчас самым разумным казалось хранить свою личность в тайне. Она оставила кольцо в лагере, вместо того, чтобы рисковать привлечь внимание паладинов и потерять его, оказавшись в монастыре.

- Хорошая мысль, - одобрил Эбенайзер. - Не стоит слишком доверять представителям человеческой расы.

У Бронвин на кончике языка вертелся вопрос, к какой расе, по мнению Эбенайзера, принадлежит она сама. Но большинство её взаимодействий с человечеством в последние недели тоже не годились в качестве аргумента против этой циничной оценки.

На одной из башен прозвенел колокол. Бронвин услышала суматоху снаружи и выглянула из окна. Несколько дюжин молодых людей собирались на большой открытой площади в центре монастыря. Они были обнажены до пояса и встали парами, после чего начали упражняться с мечами, посохами и разнообразным оружием поменьше. Каждый из них сражался хорошо — настолько, что это производило впечатление. С любым из них Бронвин не смогла бы справиться в честном бою. С другой стороны, ей показалось, что любой из этих юношей может поддаться на какой-нибудь хитрый трюк.

Вскоре один из молодых паладинов направил её к мастеру Лахарину Золотобороду. Она поднялась в его строгий кабинет и поприветствовала мужчину.

Тот поднял взгляд, и его глаза потрясённо расширились.

- Гвенидейл, - охнул он.

Это было редкое имя, и за двадцать лет Бронвин слышала его лишь однажды — когда Хронульф говорил о её матери.

До сих пор Бронвин не собиралась раскрывать свою личность, но быстро изменила планы, приспособиваясь к новым обстоятельствам.

- Не Гвенидейл. Её дочь, - сказала она. - Меня зовут Бронвин.

Рыцарь восстановил самообладание и подошёл к ней, протянув руки. Он взял её за руки и развёл их широко в стороны, как друг семьи, пытающийся осторожно оценить рост ребёнка.

- Это ты, никаких сомнений. Маленькая Бронвин! Тебе было не больше трёх, когда я в последний раз тебя видел. Именем молота Тира, дитя, ты превратилась в полное подобие своей матери.

Бронвин обнаружила, что ей нравится Лахарин — и понравился бы, даже не заговори он о матери. Мужчина излучал большее тепло и доброту, чем любой из встреченных ею паладинов — включая её отца.

- Садись, - пригласил он. - Ты должна всё мне рассказать. Как же ты наконец вернулась домой?

- Вы знаете про набег на мою деревню. Я потерялась — меня продали в рабство. Годы я пыталась разузнать о моей семье, но была тогда слишком мала, чтобы что-то помнить. Недавно я наконец узнала имя отца.

Глубокая печаль отразилась на лице рыцаря.

- Слишком поздно, - со скорбью произнёс он. - Твой отец был великим человеком. Хорошим другом.

- Я встречалась с ним, - призналась Бронвин. - Я была в Терновом Оплоте, чтобы увидеть его.

Лицо рыцаря неожиданно просияло.

- Ты встречалась с сэром Гаретом в Глубоководье, не так ли? Я только сейчас заметил связь. Дитя, братство глубоко заинтересовано в тебе. Считается, что ты вступила в тайный сговор с захватчиками крепости, что ты забрала священный для нашего ордена артефакт. Как ты смогла спастись?

- Там был ход для бегства. Отец настоял, чтобы я им воспользовалась.

- Аа. Это всё объясняет. Хронульф должен был знать о таком. Крепость много лет находилась во владении твоей семьи.

Это открывало возможности, о которых Бронвин до сего момента не думала.

- Хронульф пожелал, чтобы я пришла к вам, мастер Лахарин. Он сказал, что я должна прислушаться к вашему доброму совету по поводу будущего моей семьи...

Она позволила голосу неуверенно затихнуть и опустила взгляд, как будто под влиянием девичьей стыдливости.

- Ага, - Лахарин явным образом уловил ход мыслей Хронульфа. - Да, тебе нужно найти подходящую пару. Здесь есть несколько молодых людей, которые могут подойти. Я подумаю об этом.

- А тем временем, не могли бы вы рассказать мне о моём происхождении? Я не привыкла быть дочерью паладина. Если я должна стать матерью паладинов, я хочу узнать больше об ордене.

- Я с радостью покажу тебе Саммит Холл!

Лахарин поднялся и взял её под руку. Вместе они принялись обходить крепость. Он показал ей поле для занятий, казармы, где ночевали юноши, полные прекрасных лошадей конюшни, оружейные, ломившиеся от всех знакомых Бронвин видов оружия. Здесь была библиотека с картами и старыми книгами.

- В свободное время можешь читать любую книгу, - заверил её Лахарин. - Необходимо будет передать всю историю и знания твоим сыновьям. Ты помнишь истории?

- Смутно, - призналась она. - Только форму и ритм.

Её взгляд последовал за худым мальчишкой, промчавшимся по залу в их сторону. По покрою его туники и груде белья в руках она решила, что это паж. Он был худ, обладал яркой копной каштановых волос и щедрым узором веснушек на лице и руках. На вид ему было лет восемь.

Лахарин проследил за её взглядом, заметив озадаченность в глазах.

- К нам приходят мальчики, желающие поступить на службу Тиру, до того, как им исполняется десять зим, и остаются обычно на десять лет.

- Так рано...

Он бросил на неё взгляд — одновременно сочувственный и суровый.

- Мужчинам приходится посвящать жизни службе Тиру. Мне кажется, женщинам сложнее — им приходится отдавать Тиру своих сыновей.

Бронвин пробормотала что-то подобающе смиренное и последовала за рыцарем по долгой узкой лестнице в похожее на темницу помещение. Здесь было несколько пустых камер, а в конце зала — ещё одна лестница, ведущая вниз. Лахарин снял факел со стены и сделал ей знак идти за ним.

- Этот тоннель ведёт в кухонные погреба, - объяснил он.

Она указала на низкую, украшенную резьбой деревянную дверь. Дверь была заперта проржавевшей почти насквозь цепью.

- Что это?

- Ничего важного. Это тоннель, ведущий в старую башню за стенами монастыря. Им вот уже сотни лет никто не пользовался.

Это показалось Бронвин очень странным.

- Вы не боитесь, что через внешнюю башню кто-то может проникнуть в монастырь?

- Нет, - коротко ответил Лахарин. Он расправил плечи и с заметным усилием прогнал хмурую гримасу с лица. - Её отчётливо видно со сторожевой башни. Несколько сотен лет туда никто не входил и не выходил.

- Тогда почему...

- Это часть нашего наследства, - оборвал он. - История эта известна немногим, но тебе стоит её услышать. Когда-то башня принадлежала брату Самулар, волшебнику великой силы, известному как Ренвик «Снежный плащ» Карадун. Самулар пожелал, чтобы вокруг этой башни был возведён монастырь, и чтобы её не трогали в память о его погибшем в битве брате, который проявил достойную любого рыцаря доблесть.

По крайней мере, так утверждал Самулар, подумала Бронвин, вспоминая, что Хелбен рассказывал ей об этом месте и о том, что ей следует здесь искать.

- Вдохновляющая история. Самулар понимал, как важна семья, - сказала она, бесхитростно распахнув глаза.

Лахарин бросил на неё странный взгляд, как будто внезапно задумался, что в действительности было известно Бронвин о важности её собственной семьи. Это выражение быстро пропало, сменившись виноватым видом. Этот человек не привык подозревать других, с оттенком вины подумала Бронвин. Ей было противно злоупотреблять его расположением. С другой стороны, она не готова была выдать ордену себя и семейное наследство — в чём бы ни заключалась его сила.

Она провела с рыцарем приятный день, но не пришла на ужин, сославшись на усталость после путешествия. Бронвин дождалась, пока паладины и жрецы занялись своими вечерними обязанностями. Потом она прокралась через двор назад в главное здание крепости. Хелбен посоветовал ей искать башню снаружи монастыря. Тот старый тоннель был лучшим способом проникнуть внутрь. На одном из верхних ярусов она взяла факел, как поступил раньше Лахарин, и спустилась к низкому деревянному проходу.

Сломать проржавевший замок оказалось легко. Три резких удара рукояткой ножа, и ветхая цепь поддалась. Бронвин пролезла внутрь, взмахнула перед собой рукой, чтобы убрать окутавшую тоннель как густой туман паутину. Пол тоже был живым; под ногами хрустели жуки и что-то похуже, пока она пробиралась вперёд.

Казалось, что тоннель поднимается. К её удивлению, проход окончился прочной каменной стеной. Отказываясь сдаваться и поворачивать, она положила ладонь на камень. По руке пробежало покалывание, и сладкий, безмолвный зов поманил её внутрь.

Бронвин испуганно отдернула руку. Охваченная внезапной поспешностью, она опять прижала ладонь к камню и снова почувствовала настойчивое приглашение. Не

успев осознать, что делает, она поддалась этому импульсу и шагнула в башню сквозь каменную стену. Проход сквозь твёрдый камень вызвал во всём теле странное покалывающее чувство и оставил за собой необычный холодок.

Она обхватила плечи руками и огляделась вокруг. Внутренние помещения были крупнее, чем казалось снаружи. Их тускло освещали вставленные в настенные канделябры свечи. Мерцающий свет обнажал каменные украшенные паутиной стены и сводчатый потолок, уходивший настолько высоко, что не хватало взгляда.

- Добро пожаловать, дочь Самулара, - произнёс слабый хриплый голос.

Бронвин резко обернулась, испуганная потусторонним звуком, и обнаружила, что глядит прямо в мерцающие красные глаза на костяном лице.

Она проглотила крик и попятилась. Со второго взгляда она разобралась, с каким существом ей пришлось встретиться. Древняя гнилая мантия лохмотьями висела на тощем теле. Там, где когда-то была плоть, остались лишь окутанные бумажной серой кожей кости. Тонкие нити белых волос торчали из-под капюшона когда-то белого плаща. Но в этих мерцающих глазах теплилась жизнь — если можно было так выразиться. Это был лич, волшебник-нежить, одно из самых ужасных и могущественных созданий в мире.

Существо шагнуло к ней.

- Дочь Самулара, - повторило оно. - Тебе не нужно меня бояться. Я долго ждал этого дня и такую, как ты. Погибель Фенриса — настал ли час? Ты пришла за ней и за третьим кольцом?

Бронвин кивнула, поскольку это показалось естественным и поскольку она была не уверена, что голос не подведёт.

Лич с грохотом костей бросился вперёд. Он схватил костяными пальцами запястья Бронвин, и слёзы из праха и плесени потекли из его сверкающих глаз.

- Наконец ты пришла! Какие чудеса откроются нам, какая слава! Подожди здесь.

Бронвин отпустили так резко, что она чуть не упала. Она потёрла руки там, где её схватил ледяной хваткой лич. Она с любопытством смотрела, как существо вскарабкалось по лестнице, вьющейся вокруг внутренней стены башни. Лич вернулся только через несколько минут, когда она уже обдумывала возможность отступления. В костлявой руке он держал шкатулку.

- Третье кольцо, - благоговейно сказал он и протянул ей шкатулку.

Бронвин открыла её и надела кольцо на левую руку, как поступал отец. Как и прочие, это кольцо подогнало себя под её палец.

- А что с Погибелью Фенриса? - спросила она, вспомнив упомянутое личом название и предположив, что это и есть тот самый артефакт.

- Её здесь нет, разумеется. Много лет назад я спрятал осадное оружие в другом месте — как дерево в лесу, - хитро сказал лич. - Она находится на чердаке магазина игрушек и диковинок в городке неподалёку от монастыря.

Осадное оружие. В лавке с игрушками. Бронвин начинала понимать, какую роль играли во всём этом кольца.

- Зачем ты это сделал? - спросила она. - Мне кажется, Погибель Фенриса была бы здесь в большей безопасности.

Лич назидательно покачал пальцем.

- Хранить кольца и башню в одном месте может быть опасно. Объединять четыре артефакта следует лишь там, где присутствует достаточная сила, чтобы использовать и защищать их.

Лич остановился, наклонил голову и подался вперёд в угрожающем жесте.

- У тебя же нет с собой других колец?

- Я знаю, где они, но со мной их нет, - заверила она лича. - Одно — в руках другого потомка Самулара, ребёнка, защищённого могущественной магией. В случае угрозы она может мгновенно сбежать за крепкие стены.

Какой-то инстинкт заставил её не упоминать Башню Чёрного Посоха.

- Хорошо. Это хорошо. Твои предшественники подготовили тебя к использованию Погибели Фенриса во имя Самулара?

В его сухом голосе прозвучала хитрая нотка, вызвавшая недоверие Бронвин. Лич, очевидно, почувствовал её наследие — возможно, это было испытание её знаний и пригодности. Она ответила как можно более честно.

- Отец дал мне кольцо прямо перед тем, как погиб при нападении на его крепость. Он хотел, чтобы я использовала Погибель Фенриса для того, чтобы исправить это зло.

Лич закивал так энергично, что с него посыпались кусочки древней кожи.

- Хорошо, хорошо. Есть два потомка этой династии, и они согласны в том, как следует использовать кольца. Это необходимо — один человек не сможет полностью пробудить магию Погибели Фенриса. Иди же и сделай это.

Бронвин была только рада подчиниться, но подойдя к стене, она обернулась.

- Магазин игрушек.

- Глейдстоун, - нетерпеливо сказал лич. - Старый город эльфов с долгими жизнями и ещё более долгой памятью. Отыщи Тинтарио или его наследников. На этих эльфах и их лавке лежит двомер. Они не могут закрыть лавку или продать Погибель Фенриса. Если возникнет нужда защищать оружие, они сделают это или погибнут. Позаботься, чтобы ты поступила так же.

У неё остался ещё один вопрос — тот, который она боялась задать.

- Кто ты? Или, если хочешь, кем ты был?

Лич помешкал. Бронвин показалось, что эта дерзость скорее опечалила его, а не разозлила.

- Я уже не помню имени, которое когда-то носил. Тот, кем я был — исчез. Сейчас я — страж ордена.

Лич издал сухой тяжёлый звук, который мог быть вздохом, исторгни его живое горло.

- Это ставит меня в парадоксальное положение. Паладины терпеть не могут нежить, и немедленно уничтожат меня, лишь завидев. К добру или худу, немногие из паладинов и жрецов в этой крепости знают, кто обитает в этой древней башне. Они просто считают её священным местом, а эдикт ордена запрещает им входить сюда.

Лич встряхнулся, сбросив с себя печаль — как, должно быть, делал уже много раз за долгие годы своего посмертия.

- Но теперь пришла ты. Я доверяю тебе третье кольцо и Погибель Фенриса. Я сделал так, поскольку ты приходишь от Самулара, и поскольку я не могу отдать эти вещи паладинам, для которых они предназначались.

Существо бросилось вперёд с пугающей скоростью и угрожающе нависло над Бронвин.

Одна костяная рука распахнула мантию. Мелкая летучая мышь выпорхнула из пустой грудной клетки. Лич не обратил на неё внимания, зато вынул из внутреннего кармана мантии крошечную сферу прорицания и показал её девушке.

- Я буду знать, что ты делаешь, - сказал он. - Не справишься — и я тебя разыщу.

* * * * *

Кара и Эбенайзер провели приятный день среди холмов. Он научил её прицельно плевать и правильно держать нож для стругания. Она с энтузиазмом освоила оба умения и вскоре вокруг девочки появилась целая груда деревянной стружки. Щепки и зубочистки, заметил дварф, типично для первого опыта.

Девочка просила его рассказать сказку, как на корабле. Эбенайзер уже израсходовал все свои лучшие истории, но с готовностью принялся рассказывать байки второго сорта. Они были не так уж плохи, стоило лишь добавить немного шика и красноречия. Рассказывая, Эбенайзер выстругивал для неё игрушку. Она хотела орка, такого же, как у него в рассказах.

Сам Эбенайзер постоянно думал об орках. Он прекрасно видел их следы. Крупные отпечатки ног, экскременты, которые выдавали съеденную целиком мелкую дичь, исходивший из некоторых скрытых пещер сырой и зловонный мускусный запах. Эбенайзер знал, что у них будут неприятности. Орки всегда означали неприятности.

Но неприятности бывали разные. Тихий, резкий вздох Кары испугал его. Девочка схватила дварфа за запястье и указала пальцем.

- Вон там! Видишь эту белую лошадь рядом с серой в яблоках? Этот человек украл меня с фермы и гнался за мной в городе!

Эбенайзер напрягся, прищурился, но его глаза видели вдаль не так хорошо, как острые глаза ребёнка. Он не смог различить мужчину, но лошадь была ему знакома.

- Опять паладины, - пробормотал он. - И направляются в крепость.

Дварфу совсем это не понравилось. Все его инстинкты вопили о том, что это подвергает Бронвин риску. Но как её предупредить?

Кара резко свистнула. Неподалёку от них Лавочный Кот клевал кости, оставшиеся от жареного кролика, который был у них на завтрак. Ворон поднял взгляд, услышав свист, взлетел и сел на плечо девочки.

- Мы можем отправить Кота, чтобы предупредить её, - предложила Кара.

Эбенайзер стиснул губы и задумался.

- А он сумеет?

- Он может летать. Он сможет найти её и принести послание, - уверенно заявила девочка. Неожиданно она с сомнением прикусила губу. - Я плохо пишу. Можешь написать записку?

Он-то мог, но не на всеобщем. Вывеска на лавке Бронвин включала в себя руны детека вместе с буквами всеобщего и вьющимся, изнеженным письмом эльфов. Эбенайзер надеялся, что Бронвин не пришлось нанимать писаря-дварфа, чтобы тот

писал детеком за неё. Он взял угольный карандаш, протянутый ему Карой, и нацарапал несколько рун на куске пергамента.

- Пора проверить, научил ли девчонку чему-нибудь полезному тот дварф, про которого она хвасталась, - пробормотал он, пока писал послание.

* * * * *

Краски заката уже угасали, когда сэр Гарет и Алгоринд торопливо подъехали к Саммит Холлу. По дороге они крикнули часовых в башне, поэтому ждать перед воротами не пришлось. Они промчались сквозь деревянные двери и наткнулись на испуганную группу, выходящую из часовни.

- Где девка? - властно спросил сэр Гарет, выскользнув из седла.

Мастер Лахарин шагнул вперёд, нахмутив свои жёлтые брови.

- Одно из правил этого ордена — вежливость, брат. Единственная женщина в этой крепости — почётный гость.

Отповедь была достаточно суровой для человека его положения, но Гарет как будто не обратил внимания.

- Она — воровка и предательница. Лорд Пьергейрон из Глубоководья сообщил нам, что она направлялась сюда. Найти её!

Тон рыцаря был таким требовательным, что большинство паладинов немедленно ему подчинились. Алгоринд спешил, чтобы присоединиться к поискам. Не успел он и дюжины шагов пройти, как во двор вылетел Ив — юноша, учившийся примерно на год меньше Алгоринда.

- Цепь на тоннеле в башню была разбита!

Алгоринд никогда не видел такой необузданной ярости на лице паладина, какая сейчас горела в сэре Гарете. Рыцарь быстро взял себя в руки и повернулся ко внезапно побледневшему Лахарину.

- Видите? Эта женщина вас обманула.

Алгоринду показалось, что рыцарь испытывает недостойное удовольствие, сообщая эти новости.

- Эта женщина была в Терновом Оплоте, когда тот пал, - продолжил Гарет. - Разве вам не пришло в голову поинтересоваться, как одинокая женщина могла оттуда сбежать?

- Она — дочь Хронульфа, - просто ответил Лахарин. - Она сказала мне, что встретилась с Хронульфом, и тот показал ей тайный проход, по которому она сумела сбежать.

- А сказала она, что Хронульф отдал ей своё кольцо? Упомянула, что присматривает за потерянным дитём Самулара, заточённым в Башне Чёрного Посоха?

Лахарин побледнел, осознав всю серьёзность ситуации.

- Нет.

- И она была в старой башне, - мрачно заключил сэр Гарет.

Алгоринд не знал, что из этого следует, зато явно знал Лахарин. Паладин-мастер заламывал руки.

- Похоже на то. Именем Молота Тира! Три кольца снова объединятся.

Сэр Гарет повернулся к Алгоринду.

- Найди её. Возьми с собой ещё одного человека. Сделай, что должен, но верни кольца Самулара.

От ледяного тона рыцаря Алгоринду стало неуютно, но сомневаться в его приказах или своих обязанностях он не мог. Он свистом подзвал лошадь и поманил за собой Корвина, своего товарища и сверстника.

Два молодых паладина направились к башне. Алгоринд решил, что если Бронвин скрылась через какую-то потайную дверь, уйти далеко она не могла. Они возьмут её след.

Сумерки уже превращались в ночь, когда Алгоринд нашёл первые следы — отпечатки небольших, старых сапог. Был только один набор отпечатков, огибавших каменистую насыпь.

Он спрыгнул с лошади и нагнулся к земле, чтобы рассмотреть их получше. Бронвин была невысокой женщиной, и эти отпечатки казались для неё крупноватыми, но всё же не настолько, чтобы обязательно принадлежать кому-то другому. В качестве меры предосторожности он достал меч и жестом приказал Корвину сделать то же самое. Вместе они бросились вверх по насыпи.

За насыпью женщины не оказалось — зато оказался небольшой отряд орков, костлявых и уродливых существ, со свинячьими красными глазками и собачьими клыками. Отряд был вооружён лишь злыми ухмылками да костяными ножами. Большинство орков были обнажены или почти обнажены, и только одна зеленоватая самка носила пару сапог. Видимо, она и оставила предательские отпечатки. Значит, засада.

Эти существа были меньше и моложе тех, что доводилось встречать Алгоринду. На самке не было ничего, кроме старых сапог и набедренной повязки, и её небольшие молодые груди чётко выделялись на фоне торчащих рёбер. Похоже, она ещё не достигла полового созревания, а некоторые из самцов казались ещё моложе. Но это были орки. Паладины немедленно бросились в атаку.

Оркам не хватило храбрости на честную битву. Когда стало ясно, что бой будет трудным, большая половина из них завопила и попыталась сбежать. Алгоринд подрезал орка, бросившегося на него с ножом, потом обратным ударом проткнул второго. Он сделал высокий выпад, глубоко вонзив клинок между рёбер труса, пытающегося вскарабкаться по камням.

Выжившие рассеялись и побежали. Орчихе в сапогах хватило хитрости, чтобы украсть лошадь. Она запрыгнула на вороного коня Корвина и остервенело хлопнула лошадь по крупу, отправляя её в галоп, но не учла, что животное дрессировали паладины. Когда лошадь промчалась мимо, Корвин громко свистнул. Конь немедленно встал на дыбы, мяся копытами воздух. Орчиха скатилась с него и тяжело рухнула на каменистую почву. Корвин в мгновение ока оказался рядом и ударил её мечом по горлу. Маленькая орчиха успела плюнуть в него, прежде чем умерла.

Алгоринд вскочил на своего скакуна и крикнул Корвину следовать за ним. Действуя вместе, они сумели сразить всех орков, кроме двух, и даже эти двое не смогли уйти без потерь. Они были ранены и без колебаний бросили товарищей, чтобы ускользнуть и затеряться среди камней и теней.

- Как дикие животные, - заметил Корвин, когда они наконец прекратили поиски.
- Даже побитая собака будет искать тесное и тихое место, чтобы зализать раны.
- Алгоринд кивнул.
- Давай найдём место для лагеря. Утром мы точно встанем на след. Если будет на то воля Тира, мы найдём Бронвин прежде, чем снова зайдёт солнце.

* * * * *

Бронвин прошла сквозь стену башни и рухнула на землю. Прежде она никогда не испытывала такой холод, такую нехватку жизни, такое абсолютное отчаяние. Какой-то частью своего рассудка она заметила, что местность выглядит иначе, а стены Саммит Холла оказались не там, где она ожидала. Она подумает об этом позже. Она положила щёку на каменистую землю и позволила темноте себя забрать.

Когда Бронвин очнулась, сумерки почти закончились, и серебро неба потемнело с приходом мрака. Неожиданный шорох крыльев привлёк внимание и помог сфокусировать её сонные мысли. Рядом приземлился Лавочный Кот, хлопая крыльями и яростно каркая.

Бронвин застонала и повернула голову, чтобы лечь лицом вниз. От хриплых кличей ворона гудели виски.

- Подумай об этом, - взмолилась она.

Знакомый стук подкованных железом сапог Эбенайзера приблизился к ней. Дварф поднял её голову за косу и взгляделся в лицо.

- Я думал, ты разучилась читать, женщина. Где, именем Девяти Адов, ты была — в ледяной пещере? Ты же синяя, как лунный эльф!

Бронвин перекаtilась и села, обхватив колени. Её била сильная дрожь.

- Лич. Боги, как мне холодно. Я не чувствовала холода, пока не ушла.

- Страх — полезная вещь, - прокомментировал дварф. - Помогает держаться на ногах. И к слову об этом, нам лучше делать ноги. Встать сможешь?

Она позволила дварфу поднять себя. После нескольких неровных шагов Бронвин уже могла нормально идти. Она выслушала рассказ Эбенайзера о прибытии паладинов и о том, как идея Кары позволила им найти её. В свою очередь, она поведала ему о том, что рассказал лич.

- Мы отправляемся в Глейдстоун, - сказала она. - Деревню примерно в двух часах езды на север отсюда. Это небольшая община эльфов и полу...

- Камни-булыжники! - сплюнул дварф. - Эльфийская деревня. Никогда не думал, что настанет день, когда я специально отправлюсь в эльфийскую деревню. И что мы там ищем?

- Игрушечное осадное оружие. Объясню позже.

Она бросила взгляд через плечо.

- Нам лучше спешить. Если это тот паладин, что преследовал меня раньше, скорее всего, он не отстанет.

Они ехали в свете восходящей луны, осторожно озираясь вокруг в поисках паладинов и орков. Вскоре Кара начала клевать носом, и Бронвин ехала, одной рукой обнимая девочку, чтобы удержать её на лошади. Когда они добрались до

Глейдстоуна, Кара была не единственной спящей. В большинстве домов и лавок не горел свет.

Деревня представляла собой небольшое собрание домов и магазинов, сгрудившихся вдоль двух узких улиц и нескольких соединяющихся переулков. Пейзаж был достаточно приятным, и Бронвин пару раз уже приходилось наслаждаться здешним видом, когда она проезжала через деревню в прошлом. Большая часть домов была низкими и небольшими, с соломенными крышами. В гнезде на старой печной трубе спал аист. Большая уличная печь, в которой пекли весь деревенский хлеб, по-прежнему источала приятный жар и тёплый, вкусный аромат. Игрушечная лавка была закрыта, двери и ставни заперты, и всё это охранял крупный и с виду голодный пёс.

- Давай-ка подождём до утра, - предложил Эбенайзер, посмотрев на тихо зарывавшего сторожа.

Глава 15

Бронвин проснулась в хватке кошмара, колотя руками по одеялам и пытаясь сбежать от демонов, которые выли и ревели в её сновидениях.

- Тихо, тихо! - произнёс строгий дварфийский голос. Сильные руки схватили её за запястье и встряхнули, чтобы разбудить. - Побудь здесь и присмотри за девочкой.

Вынырнув из сна, Бронвин поняла, что следы кошмара присутствуют в реальности, а не только в её памяти. За окном раздавалась адская какофония воплей, грохота копыт и звона стали. Громче всего ревел и шипел гневный голос огня. Вверх взметались яркие языки пламени, облизывая ночное небо.

Бронвин спихнула с себя одеяла и натянула сапоги. Её разум отбросил старые страхи и быстро оценил ситуацию. Снятые ими на ночь покои представляли собой единственное просторное помещение, занимавшее весь второй этаж. Здесь была только одна дверь, на окнах присутствовали ставни. Бронвин какое-то время сможет удержать налётчиков, а если понадобится, Кара всегда сможет воспользоваться своими камнями, чтобы сбежать.

Она бросила быстрый взгляд на девочку. Лицо Кары было застывшим, но спокойным. Девочка подошла к окну и увидела орка, который прижал двух местных полуэльфов к глиняной печи. Неожиданно из земли взметнулся огонь, лизнув орку промежность. Тот взвыл от боли и неожиданности и попятился прочь.

- Я могу помочь, - решительно сказала Кара, повернувшись к Бронвин. Взгляд её карих глаз говорил: «Только попробуй отослать меня прочь!»

- Если придётся, ты уйдёшь, - вынуждена была сказать Бронвин.

- Но не раньше.

Она согласно кивнула, и они уселись ждать.

* * * * *

На улице внизу Эбенайзер хмыкнул, когда волшебный огонь поджарил орка. Он кратко задумался, сможет ли Кара это повторить.

Впрочем, огня им и так хватало. Пылали четыре дома на восточной стороне деревни, и их было уже не спасти. Правда, поджог всего остального орков не интересовал. Они были здесь, чтобы грабить, и отчаянно пытались этим заняться.

Но Эбенайзеру показалось, что здесь замешана какая-то вендетта. В нападении было какое-то безумие, дикое, кровожадное отсутствие подготовки и планирования, из-за которого с этими тварями было ещё сложнее сражаться. Они были похожи на ужалённых пчёлами мулов. Невозможно было предсказать, что они станут делать и почему.

Один из орков заметил его и бросился в атаку, сжимая под мышкой фермерские вилы, как рыцарское копье. На секунду Эбенайзер оказался в тупике, не зная, как лучше отразить нападение. Потом он вспомнил, где стоит — прямо перед одной из толстых оштукатуренных стен постоянного двора.

Дварф поднял молот, чтобы глупый орк подумал, будто он собирается стоять и сражаться, и позволил ему приблизиться. В последний миг он упал и перекатился в сторону. Орк не затормозил, и вилы вонзились глубоко в стену.

Эбенайзер оказался на ногах раньше, чем стих испуганный вскрик орка. Он с силой взмахнул молотом, обрушив его противнику на основание хребта. Орк рухнул, получив добавочное ускорение ещё одним ударом — по затылку.

Дварф огляделся кругом в поисках нового занятия. Неподалёку эльфийка с бледно-жёлтыми локонами в ночной сорочке им в тон в смятении таращилась на сломанный меч у себя в руках. Два мёртвых орка лежали рядом, и ей, похоже, было мало.

Это Эбенайзер уважал. Представься ему шанс защищать свой клан и свой дом, он не остановился бы, пока не закончил работу.

- Эй, блондиночка! - проревел дварф. Он вытащил из-за пояса топор и поднял его. - Нужен клинок?

На лице эльфийки промелькнуло сомнение, потом исчезло, сменившись решимостью. Она бросилась к дварфу и взяла топор.

- Всё равно, что колоть дрова на растопку? - спросила она, взвешивая в руке оружие.

- Вроде того, - дварф удовлетворённо кивнул, когда эльфийка налетела на орка, который пытался прокрасться мимо с полными руками добычи. Она высоко занесла позаимствованный топор и обрушила его вниз солидным рубящим ударом. - Всё при ней, кроме бороды, - пробормотал дварф, когда позаимствованный топор пробил толстый орочий череп.

Он увидел, что у колодца идёт неравный бой. Массивный орк поймал тощего эльфийского паренька, у которого Эбенайзер не заметил вообще никакого оружия. Он заторопился туда, чтобы посмотреть, что можно сделать, и остановился как раз тогда, когда орк с силой обрушил свой короткий меч. Эльф увернулся, но не слишком энергично. Во все стороны полетели щепки, когда клинок ударил о крышу колодца.

Вскоре раздался грохот второго удара — Эбенайзер обрушил молот на руку орка. Эльфийский парнишка, не будь дурак, подхватил выпавший меч из неё меч и сделал то, что нужно было сделать.

Дварф заметил испуганный взгляд парня и вспомнил на его месте себя сто с лишним лет назад.

- Держись за меч, - мягко посоветовал он. - Лучше не станет, но и намного хуже — тоже.

И пошёл дальше, разыскивая ещё кого-то, кому нужна была возможность подраться.

* * * * *

Алгоринд крепко спал, но его разбудили звуки битвы и мерцание костров на фоне ночного неба. Он разбудил Корвина, они быстро оседлали коней и галопом отправились на помощь.

Далеко ехать не пришлось. Хотя паладины из Саммит Холла и не патрулировали эту область, Алгоринд знал о деревне благодаря одной из карт в монастырской библиотеке. Здесь жили в основном эльфы и полуэльфы, мирный народ.

Причина беспокойства стала ясна, когда они приблизились. С треском и шипением пламени, стонами раненых смешивались гортанные, ревущие боевые кличи отряда орков. Алгоринд решительно стиснул зубы.

Но Корвин придержал коня. На его лице виднелся неприкрытый ужас.

- Это наших рук дело! Орки выследили нас. Это мы привели их сюда.

- Здесь мирная деревня, а они — разбойники-орки, - возразил Алгоринд. - Быстрее!

Но Корвин схватил его за руку.

- Разве ты не видишь? Мы убили их детей, хотя могли обойтись без этого. Это месть, но у нас на пути оказались эти эльфы, и теперь они расплачиваются за нашу ошибку!

- Если так, то правосудие всё равно в руках Тира, - сказал Алгоринд. - Оставайся здесь или скачи за мной, как хочешь. Сейчас не время для слов.

Он направил Ледяного Ветра в деревню и принял к лошадиной шее, устремляясь в битву. Позади Алгоринд услышал стук копыт вороной лошади и обрадовался, что Корвин решил исполнить свой долг.

Несколько орков пытались сбежать. Паладины встретили их, убивая или оттесняя на клинки охваченных мрачной решимостью местных жителей.

Это была работа для слуг Тира, и Алгоринд приложил все свои силы, чтобы хорошо послужить своему богу. Но даже сражаясь, он не переставал искать среди ожесточённой стычки невысокую женщину с каштановыми волосами и девочку, которую та забрала без всяких на то прав.

* * * * *

Бронвин ждала у дверей наверху, высоко занеся над головой деревянное кресло. Когда на лестнице застучали чьи-то тяжёлые ноги, она стала считать шаги.

- Ты приготовила прыжковый камень? - спросила она Кару.

Девочка кивнула, но её слова потонули в оглушительном грохоте. Дверь треснула и прогнулась, но устояла. Доски полностью поддались только после второго удара, и в комнату влетел крупный серый орк.

Бронвин с силой обрушила на него кресло, поймав орка до того, как он успел восстановить равновесие. Он тяжело рухнул, но быстро упёрся руками в пол, собираясь рывком встать. В ответ на это Бронвин воспользовалась тем оружием, что оказалось под рукой — ножкой кресла с отколовшимся острым краем. Она вонзила кол в противника, как спятивший охотник на вампиров, и на всякий случай хорошенько по нему потопталась.

Ещё один орк бросился в комнату. Бронвин вытащила нож и отразила удар меча. Несколько секунд они обменивались звенящими ударами, двигаясь по комнате в поочерёдной последовательности натиска и отступления. Ей стало казаться, что она сумеет победить, когда звук новых шагов в зале внизу спутал все шансы.

Бронвин услышала скрежет небольшого деревянного сундука по половицам, и мгновенно поняла, что задумала Кара. Сундук с покрывалами окажется прямо под ногами у орка, если получится заманить его на нужное место.

Бронвин бросилась в яростную атаку, рубящими и колющими ударами вынудив противника принять защитную стойку. Медленно она заставила его отступать через всю комнату. Он споткнулся о сундук и тяжело рухнул. Бронвин всем своим весом прыгнула на его внезапно оставшуюся без защиты грудь, выставив перед собой клинок.

Она откатилась в сторону, вырывая нож. Два орка ворвались в комнату. Бронвин крутанула нож, перехватив его за лезвие, и тем же движением швырнула его в первого орка. Но нож был скользким от крови, и она промахнулась. Она целилась в горло. Нож вонзился значительно ниже.

Орк завыл и споткнулся, сложившись вдвое, как будто получив удар в живот от великана. Бронвин схватила меч мёртвого орка и вскочила на ноги, бешено размахивая своим новым оружием. Клинок резанул по груди только что оказавшегося в помещении врага, и тот рухнул на своего согнувшегося товарища. Оба упали. Быстрыми, решительными ударами Бронвин добила сначала первого, потом второго.

Тяжело дыша, она выпрямилась и посмотрела в дальний конец комнаты, на Кару. Девочка прижалась к стене. Её лицо было белым, глаза — широко распахнуты. Бронвин стало плохо из-за того, что девочке пришлось увидеть всё это.

- Тебе нужно было сбежать, - задыхаясь, выговорила она.

- Я сдвинула сундук, - напомнила ей Кара тихим, робким голосом.

Бронвин слабо улыбнулась.

- Ты хорошо справилась, но для тебя здесь опасно.

Глаза девочки помрачнели, неожиданно показавшись слишком старыми для её крошечного личика.

- Сомневаюсь, - тихо сказала она, - что хоть где-нибудь я буду в безопасности.

* * * * *

Тем временем в Терновом Оплоте Даг Зорет остановился перед алтарём и принялся изучать фиолетовое пламя, дрожащее и пляшущее переменной солнечной вспышкой, и ухмылявшийся из огня огромный чёрный череп. То был символ его бога, свидетельство расположения Цирика. Подобная манифестация должна принести жрецу огромную честь и заставить людей бояться его. Это было больше, чем он надеялся.

Но этого было недостаточно.

Даг осторожно склонился перед алтарём, опустив на пол круглую, неглубокую миску. Миска была медной, настолько хорошо сработанной, что её поверхность была абсолютно гладкой. Идеальный приёмник для силы, она могла захватить мистическую энергию и вернуть её обратно, подобно тому, как горы играючи превращали крик в эхо. Если заполнить миску водой, она становилась прорицательным зеркалом огромной силы.

Если заполнить миску кровью, она приобретала такой уровень тёмной силы, какую могло даровать лишь злое божество.

Даг поставил руки по обе стороны миски и пристально взгляделся в тёмную воду. Он стал читать молитву, самонадеянную просьбу, требуя у бога силы, презрев цену, которую наверняка придётся заплатить. Даг заплатит вовремя. Он считал, что дело того стоит — если только он найдёт Кару.

Он нарисовал в сознании образ девочки и потянулся к ней сквозь тёмную нить своей молитвы.

Слова молитвы окутали его, набирая силу. Точно дымок благовоний, магия потянулась к фиолетовому пламени, принося с собой тяжёлый запах ночных цветов, мускуса и серы.

Этот запах беспокоил его память. Сквозь вызванную ритуалом дымку Даг почувствовал первые острые уколы тревоги. Его молитва стала тише, а затем и вовсе оборвалась, когда из миски начала подниматься кровь.

Кровь вихрем поднялась в воздух, приобретя форму стройной, разъярённой эльфийской женщины. Перед ним парил облик Ашемми, облачённой в платье более тёмного, чем обычный для неё багровый, оттенка.

Даг внезапно понял, что по-прежнему стоит на коленях. Он быстро поднялся на ноги и сверху вниз уставился на призрачный облик.

- Ты ужасно рискуешь, прерывая ритуал Цирика, - предупредил он.

- Я почувствовала магию и последовала за ней! - огрызнулся образ Ашемми. - Даже не думай, что я не могу тебя найти — или что не стану искать!

Дрожь страха прошла по телу Дага, когда он задумался, не отыскала ли эльфийка Кару. Но нет, она бы сказала. Её ничто не связывало с девочкой, и её магия поиска не знала путей, свойственных одной лишь Каре. Но Дага эльфийка знала до самых глубин его тёмного сердца, точно так же, как он знал её.

- Что тебе нужно, Ашемми? - он попытался заставить прозвучать усталое терпение в своих словах.

- Ребёнок!

Не «мой ребёнок», даже не «наш ребёнок». Инструмент, оружие. И только. Кара заслуживает лучшего.

- Она в безопасности, - сказал Даг, и он действительно так считал. По самым достоверным из имевшихся у него сведений девочку держали в Башне Чёрного Посоха. Даг предпочитал считать, что она по-прежнему находится там. Но всё-таки он хотел увидеть её сам. Обычные предметы для прорицания не могли пронзить защиту Чёрного Посоха — именно поэтому он и решил просить божественной силы.

- В безопасности? - завизжало видение. - Я узнала, что её забрали с направляющегося на юг рабовладельческого судна! Не говори мне о безопасности!

Это напугало жреца. Он мгновенно понял, кто виновник. Похоже, подумал Даг, он должен быть благодарен своей сестре. Это Бронвин предотвратила тот план и вернула Кару в Глубоководье.

- Я не имею к этому никакого отношения, - заверил Даг волшебный образ Ашемми. - Я не намереваюсь вредить моему собственному ребёнку.

Она фыркнула.

- Твои намерения не имеют значения. В определённый момент различия между злом и неумелостью исчезают. Я хочу получить её, Даг. Найди её и приведи ко мне.

- Ты отказалась от прав на девочку, - запротестовал он.

- Я беру их обратно. Когда ты найдёшь девочку, её *вернут* в Тёмную Твердыню. Можешь привести девочку сам, или её у тебя заберут. Но запомни: Кара будет моей!

Видение исчезло резко, как молния. Кровь рухнула обратно в миску, забрызгав пол и самого жреца.

Даг поднял взгляд на символ Цирика. Жрецу показалось, что череп бдитительно следит за ним, как дикий кот, выбирающий момент для прыжка, но божественная манифестация не подавала никаких знаков неудовольствия Цирика. Борьба, интриги, иллюзии — все эти вещи присутствовали в развернувшейся только что между ним и Ашемми сцене. Должно быть, она показалась Цирику весьма занимательной.

Но Даг не собирался рисковать. Он сразу же покинул часовню и отправил самых бесполезных своих слуг убраться там после неудачного ритуала.

* * * * *

Когда затихли звуки битвы, Бронвин сняла засов со ставень и выглянула наружу. При взгляде на разрушения у неё вырвался тихий вскрик. Четыре дома превратились в дымящиеся круги фундамента. С этой высоты они были похожи на большие и очень грустные костры. Двери, окна и ставни были сломаны, на улице валялись разбитые вещи из домов и лавок. Куда хуже были ужасные ранения у лежавших на улицах. И того хуже — некоторые больше не шевелились.

- Кара... - начала Бронвин.

- Я хочу найти Эбенайзера, - заявила девочка, догадавшись, что должно последовать. - Я хочу убедиться, что с ним всё хорошо.

В этом Бронвин отказать не могла, как и не могла оставить Кару одну.

- Тогда пойдём, - сказала она и повела девочку на улицу.

Бронвин чуть не споткнулась о паладина. Он получил ужасное ранение в голову, и её взгляд не задержался на его лице, но эту бело-синюю накидку нельзя было ни с чем перепутать. По ней прокатилась лишь чуть омрачённая виной волна облегчения.

Казалось неправильным радоваться тому, что «хороший человек» — которым он наверняка считался — был жестоко убит.

Они нашли Эбенайзера в лавке игрушек, раскидывающего обломки и ругающегося со впечатляющей изобретательностью. Он оборвал проклятие на середине, когда увидел рядом с Бронвин Кару.

- Ты позволила ей остаться здесь? - недоверчиво спросил он.

- Она не захотела уходить, - ответила Бронвин.

Дварф покачал головой.

- Ей разве что бороды не достаёт. Что ж, есть плохие новости. У тебя десять попыток угадать, и вот первая подсказка.

Он указал на заднюю дверь. В двери, словно часовой, стояло тело пожилого эльфа, пришпиленное к деревянной раме тем, что могло быть его собственным мечом. Внутри лавки лежало ещё два эльфийских тела и останки пяти орков. Эльфы сражались с пылом, не соответствующим кажущейся стоимости их товаров.

Бронвин перешагнула через серокожую орчиху и начала осматривать разрушенное помещение. Полки сброшены вниз, пол усеян игрушками. Бронвин заметила, что здесь не было никаких маленьких луков и стрел, никаких деревянных мечей, никаких требушетов или миниатюрных катапульт. Короче говоря, отсюда забрали все игрушки, знакомящие детей с искусством войны.

Это был странный грабёж — и с точки зрения Бронвин наихудшая из возможных ситуаций. Она просеяла обломки, но повезло ей не больше, чем Эбенайзеру.

- Я осмотрюсь снаружи, - сказал дварф. - Игрушки разбросаны здесь повсюду. Эти орки торопились. Может быть, найду её там. Или...

Он неожиданно замолчал и пожал плечами.

Бронвин уловила диссонирующую ноту, но была слишком отвлечена, чтобы обратить на неё внимание.

- Ладно, - отозвалась она и продолжила искать, переворачивая каждый кусок дерева, каждый клочок сукна и бумаги, пока наконец не была вынуждена признать правду.

Погибель Фенриса пропала.

Чувствуя себя побеждённой, она опустилась на перевёрнутую полку.

- Но ты же умер! - запротестовала Кара.

Бронвин резко повернулась к распахнутой двери. Там стоял ещё один паладин, высокий, светловолосый юноша, подходящий под описание, которое она слышала от Кары, Элис и Данилы. Это был тот самый рыцарь, который выкрал Кару у её приёмной семьи, который проследил за Бронвин до Глубоководья, а потом — и до Саммит Холла. Он просто не отступал. Как тролль, он снова поднимался и продолжал преследование. Бронвин ощутила приступ злобы.

- Кто ты, именем ада, такой?

- Я Алгоринд, слуга Тира, и моя обязанность — отвести этого ребёнка назад в орден Рыцарей Самулара для подходящего удочерения.

- Ты уже попытался, - рявкнула Бронвин. - Закончилось всё не слишком хорошо. Я нашла её на корабле, направлявшемся на работоторговческие рынки на юге. Ты заберёшь её только через мой труп.

Юноша огорчился, но не утратил решимости.

- Ложь тебе не поможет. Я не хочу причинять тебе вред, но ребёнка я заберу. Будет лучше, если ты вернёшься в орден вместе со мной, чтобы ответить за измену и кражу. Может быть, это принесёт тебе мир.

- Я не лгу, - ярость охватила Бронвин, и она потянулась к ножу. - Но с радостью подчинюсь, как только ты поднимешь свой меч остриём вверх и усядешься на него.

Алгоринд покраснел, но не дрогнул.

- Ты не способна охранять ребёнка, это же очевидно, - сказал он. - Отойди в сторону или встретишься с правосудием Тира.

- Нет!

Писклявый голос Кары напугал их обоих. Она вышла вперёд, встав между Бронвин и вооружённым паладином.

- Не трогай Бронвин. Я пойду с тобой.

- Кара, не надо! - попросила Бронвин. - Просто уходи. Немедленно.

Девочка упрямо покачала головой.

- Я не оставлю тебя здесь с ним.

Она подошла к Алгоринду, протянув свою крохотную ручку.

Паладин наблюдал, как приближается девочка. Она побледнела, но не дрожала. Она подошла ближе и положила свою руку в его.

- Я пойду с тобой и не буду мешать, но сначала ты должен ответить на вопрос. Ты дашь мне своё слово и удержишь его?

Паладин бросил на неё недоумённый взгляд.

- Я обязан всегда держать слово.

- Это хорошо. Вот мой вопрос: как зовут моего ворона?

Алгоринд не отличался живым воображением, но порылся в памяти в поисках имён, которые давали подобным птицам.

- Не знаю. Полночь? Чёрнокрыл? По?

- Нет, нет, - нетерпеливо сказала Кара. Она убрала руку и сжала её в кулак над ладонью Алгоринда. - Как ты назовёшь кота, который живёт в лавке?

- Лавочный кот, наверное.

Как только он произнёс эти слова, она разжала ладонь. Крупный красный камень упал в его руку. Он мгновенно почувствовал, как его уносит прочь, будто сильным ветром.

Алгоринд сопротивлялся всей своей железной силой воли. Без толку. Разграбленный магазин начал гаснуть и увядать, а в ушах раздался звук, похожий на шум прибоя. Алгоринд услышал радостную музыку детского смеха. Его угасающий взгляд упал на коварную женщину. Она стояла на коленях рядом с девочкой, обхватив её руками, с радостным и одновременно гордым выражением на лице.

А потом всё это исчезло, и мир Алгоринда превратился в ужасный, пугающий белый водоворот. Его уносила, забирала прочь от его долга какая-то предательская магия.

* * * * *

Было крайне удобно, что между роскошным домом Данилы и Башней Чёрного Посоха пролегает подземный тоннель. По мнению Данилы, даже чересчур удобно. Он спулся в тоннель, чтобы ответить уже на третий за последние десять дней вызов.

Тоннель заканчивался магическими воротами. Данила прошептал фразу, позволявшую ему пройти, потом шагнул сквозь твёрдую каменную стену напрямик в кабинет Хелбена.

Архимаг снова рисовал, что определённо свидетельствовало о его напряжении. Данила посмотрел на холст. Это был морской пейзаж с яркими полосами молний, сверкающих из стены клубящихся фиолетовых туч. Несмотря на грозное небо, море обладало необъяснимо спокойным оттенком.

- Интересная работа, дядя. Могу я дать ей имя? На ум приходит «Амберли снится кошмар».

Хелбен ткнул в его сторону кистью, забрызгав Данилу каплями фиолетовой краски. Ярость на лице архимага убедила барда, что, возможно, не стоит протестовать по этому поводу.

- Что в тебя вселилось, что ты сделал такой глупый, достойный орка поступок?

Данило приподнял плечо.

- Тебе придётся быть поконкретнее. Я делаю немало глупых, достойных орка поступков.

Архимаг полез в карман своей художнической робы и достал яркий синий камень.

- Что это такое?

Блефовать было бесполезно, но Данила всё равно попробовал.

- Топаз?

Архимаг гневно фыркнул.

- Драгоценные камни. Ты дал девочке зачарованные драгоценные камни и научил ими пользоваться. Ты, конечно, и раньше совершал глупые поступки...

- Но это не один из них, - отрезал Данила. - Кара — просто ребёнок. Она умнее многих, но среди людей любого возраста мало кто может похвастаться подобными врагами. За ней гнался паладин, который увидел Кару возле лавки Бронвин. Мои агенты вызвали стражу и убедились, что об этом несостоявшемся похитителе детей позаботятся.

- Да, я знаю, - проворчал Хелбен. - И спасибо за твою расторопность. В результате у меня сзади на штанах ещё остался отпечаток сапога Пьергейрона.

- Паладин сам напросился, - ответил Данила без намёка на свою обычную весёлость. - Ни у кого нет права похищать ребёнка из семьи.

- Её семья — Даг Зорет, жрец Цирика.

- Бронвин — тоже семья Кары, - возразил Данила. - Она приходится сестрой Дагу Зорету.

- Да, кажется, это тоже всплывало в разговоре с Пьергейроном. Или ты не помнишь?

Данила сложил руки.

- С небольшой помощью Бронвин может позаботиться о Каре. Если ты не ценишь идею семьи, подумай вот о чём; разве будет не лучше, если принадлежащая

этой семье магия окажется в руках арфистов, а не в распоряжении священного ордена Рыцарей Самулара?

Архимаг обдумал эти слова.

- Хороший аргумент, но пойми — любые наши действия могут вбить клин между арфистами и паладинами. Ситуация опасная. Мы не можем себе позволить ещё сильнее разозлить Рыцарей Самулара.

В комнате поднялся неожиданный ветерок, неосязаемый поток воздуха, свидетельствующий о собирающейся магии. Прежде чем любой из волшебников смог ответить защитным заклинанием, комнату озарила вспышка. Из незримого белого вихря упал мужчина практически в объятья Хелбена.

Оба попятились, испуганно глядя друг на друга. Данила окинул взглядом новоприбывшего. Это был молодой мужчина, высокий и широкоплечий, с вьющимися светлыми волосами, вопреки моде подстриженными необычайно коротко. Ошибиться было невозможно даже без красноречивой накидки в цветах Рыцарей Самулара. Это был паладин, который гнался за Карой, и вот чем хитрая маленькая девочка ему отплатила.

Данила разразился хохотом, волнами хохота, хватаясь за живот и складываясь пополам, не в силах вздохнуть.

Паладин едва взглянул на него и стал наседать на Хелбена.

- Что это за коварное чародейство? - разгневанно спросил он.

- Не моих рук дело, - сурово ответил Хелбен.

- Ох, не стесняйся, можешь присвоить всё себе, - сквозь смех выдохнул Данила. - Его достоинство меньше пострадает, потерпев поражение от рук архимага Глубоководья, чем от девочки, которой не исполнилось и десяти.

Паладин потянулся к мечу, и это слегка привело Данилу в чувство. Он вытер слёзы и стал всего лишь хихикать, совершая одной рукой жесты мелких чар, которые раскаляли металл. Рукоять рыцарского меча засветилась от жара. С испуганным возгласом юноша выпустил меч, уставившись на него с таким выражением, как будто считал оружие виновным в преднамеренной измене.

Это снова рассмешило Данилу.

- Откуда ты явился? - требовательно спросил Хелбен, повысив голос, чтобы быть услышанным сквозь смех племянника. - Я отправлю тебя обратно.

Данила резко замолчал.

- Дядя, не стоит этого...

- Я отправлю его на разумное расстояние от покинутого им места, - уточнил архимаг и повернулся обратно к своему «гостю»,

- Глейдстоун, - признался паладин.

- Это рядом с Саммит Холлом. Я отправлю тебя в монастырь, который расположен в половине дня езды. *Если* тебя это устроит, - добавил Хелбен, бросив мрачный взгляд на Данилу.

Тот поднял обе руки, показывая, что сдаётся.

- Но камень оставь, - сказал он Алгоринду.

Юноша посмотрел на свою руку, вспомнив, что в ней держит. Он бросил камень на пол, как мерзкое насекомое.

- Не хочу иметь ничего общего с такими вещами. Но вы, сэр, вашу помощь я приму, - напряженно сказал он Хелбену. - Ради моего долга.

Архимаг начал сложный, вьющийся танец рук, сопровождаемый коротким, но могущественным речитативом. Таким образом он сплетал серебряный путь сквозь магию, что пронизывает и поддерживает мир, — это было совсем не простой задачей, даже если магические вещички вроде этих камней и представляли всё в подобном свете. Данила знал, каких усилий требуют магические путешествия, и уж точно знал цену троицы камней, необходимых для заклинаний прыжка.

Но в то же самое время что-то подсказывало ему, что Кара Дун того стоила. Даже большего.

У него на глазах паладин медленно растворился, рассыпавшись мелкими пятнами света. Данила подумал о том, что сделала Кара, и понял, что его решение отдать ей эти магические камни оказалось правильным.

Глава 16

К тому времени, как над вершинами деревьев возшло солнце, жители деревни уже похоронили своих мертвецов. Немногочисленные выжившие обыскивали то, что осталось от их лавок, надеясь найти достаточно, чтобы накормить свою измученную и павшую духом родню. Они собрали вместе оставшиеся продукты и бросили их в большой котёл, чтобы разделить между всеми.

Эбенайзер вернулся в деревню примерно тогда, когда был готов суп. Заметив его, Бронвин поспешила к дварфу. Её подгоняло облегчение, смешанное с гневом. Эбенайзера не было с ночи, и она чуть с ума не сошла от беспокойства. Оказавшись достаточно близко, она отвесила ему подзатыльник, как его сестра. Сильный.

- Неплохо, - признал он, потирая голову. - Я охотился на орков. Подай-ка вон тот котелок.

Бронвин передала котелок, набрав туда немного супа, потом взяла супа себе. Она проглотила несколько ложек, прежде чем отложить котелок. Кара спала, устав после страшной ночи. Она будет голодна, когда проснётся, а супа уже не останется.

- Как всё прошло?

- Нашёл парочку, - довольно сказал дварф. - Жаль, правда, они уже не горели таким желанием сражаться. Тощие какие-то.

- На то есть причина, - сказал тихий и гневный голос позади них. Они посмотрели в уставшее, измученное тревогами лицо женщины-полуэльфийки.

Поскольку полуэльфийка явно хотела поговорить, Бронвин приглашающе похлопала по земле рядом с собой. Женщина опустилась и после мгновенного колебания приняла пакет с дорожными рационами, который молча протянула ей Бронвин. Она сунула его в свой фартук.

- Для моих детей, - мрачно сказала полуэльфийка. - До нового урожая у них и так будет слишком мало еды.

- Это не первое нападение орков, - предположила Бронвин.

- Нет. И не станет последним. Они — отчаявшиеся существа, которые сражаются за своё выживание. Насколько я понимаю, орден паладинов уничтожил орочье поселение в холмах на юге. Орки не могут охотиться в холмах, не натываясь на патрули паладинов. Рыцари с большим рвением охотятся на орков, поскольку это обеспечивает практикой — практикой! — молодых паладинов, которые хотят научиться сражаться и убивать.

Каждое её слово сочилось горечью.

- Странно слышать такое от эльфийки, которая только что из-за орков потеряла родню и дом, - заметил Эбенайзер.

- К оркам я симпатии не испытываю, - заявила женщина, - но я знаю, что происходит, и не возлагаю всю вину на тех, кто пошёл в этот налёт. Какой у орков выбор, если у них отняли охотничьи угодья? Им приходится грабить городки и фермы, чтобы выжить — вот они и грабят.

- Орков надо держать в узде, - заметил Эбенайзер, на лице которого была заметна озадаченность этой дилеммой. - Если просто оставить их в покое, они расплодятся, как крысы.

Полуэльфка вздохнула.

- Наверное. Но теперь придётся уйти нам. Тем из нас, кто остались в живых.

Она встала, чуть коснувшись плеча Бронвин.

- Спасибо за вашу доброту и за то, что выслушали. Разговоры ничего не изменят, но всё равно, мне нужно было кому-то это сказать.

Эбенайзер следил, как она уходит. Любой разговор, выставляющий охоту на орков в дурном свете, явно заставлял дварфа ощущать себя не в своей тарелке. Он пожал плечами и повернулся к Бронвин.

- Ты хоть нашла ту мелкую игрушечную штуку?

- Нет, - Бронвин провела рукой по непослушным прядям своих волос, жалея, что эту проблему не получится решить так же легко, как пригладить свои растрепавшиеся локоны. Она начала расплетать свою косу, собираясь заплести её заново.

- Позволь мне, - сказал дварф, отводя её руки. - У тебя взгляд лунатика, как будто прямо сейчас ты даже сплунуть на ходу не сумеешь. Я заплёл не один конский хвост, так что можешь не волноваться.

Бронвин покорно повернулась к дварфу спиной. Верный своему слову, он начал ловко заплетать её волосы.

- «Игрушка» пропала, - устало сказала Бронвин. - Орки очистили деревню практически от любых полезных вещей — и некоторых бесполезных. Мне показалось, что они украли все военные игрушки и оставили остальное.

- В трудные времена часто страдают самые малые. Это сложно заметить, - задумался Эбенайзер, - но, пожалуй, даже орку будет приятно подарить своему сопляку что-то, что поможет мелкому забыть о боли на душе или пустом брюхе.

Он прочистил горло.

- Не то чтобы я испытывал симпатию к оркам.

- Принято к сведению, - отозвалась Бронвин. - Что дальше?
- Ну, мы вернём игрушку. По их следам даже слепой сумел бы пройти. Орки забились в какие-то пещеры в предгорьях.
- Нас только двое, - заметила она. - И паладинов из Саммит Холла мы точно не можем просить о помощи.
- Тут я с тобой согласен, - ответил Эбенайзер. - Дай я немного подумаю.
- Они замолчали, пока дварф не прикончил свой суп.
- Похоже, здесь вполне неплохое местечко. Никто не хочет покидать свой дом. Может, им и не придётся. Но сначала нужно раз и навсегда избавиться от этого орочьего племени.
- Проходившая мимо эльфийка замерла, услышав эти слова. Она резко уселась рядом с ними и отбросила густые светлые волосы с лица.
- Расскажи нам, как.
- Дварф окинул её взглядом.
- Вы только что сражались. Уже готовы к новой драке?
- Расскажи, как, - повторила она.

* * * * *

Жители деревни принялись за работу, следуя указаниям Эбенайзера. Теперь, когда эти фермеры с мрачной решимостью собрались отстоять свой дом, пошли в дело навыки, которыми они пользовались в мирной жизни. Некоторые расставляли на улицах капканы, другие рыли глубокую яму в центре деревни. На утренней охоте добыли кабана, который теперь жарился на костре под открытым небом, чтобы ветер уносил аппетитный запах в сторону холмов — сигнал для разведчиков-орков, что в деревне ещё осталось что-то, достойное грабежа. Несколько местных остались в деревне, чтобы подготовиться к новому набегу. Но не Кара. Она неохотно согласилась вернуться в Башню Чёрного Посоха и дожидаться Бронвин там. Как бы ни было грустно расставаться с девочкой, Бронвин не могла рисковать, оставляя ребёнка со столь малочисленными защитниками.

Когда деревня была готова, дюжина желавших сражаться эльфов и полуэльфов выдвинулась в лежащие к югу от поселения холмы.

Наконец Эбенайзер дал знак остановиться.

- Скоро сумерки, - тихо, лишь чуть громче шёпота сказал он. - Налётчики будут сновать вокруг, желая начать пораньше. Остальные по-прежнему будут спать. Вы знаете орочьи логова.

Эльфы кивнули. Бронвин вспомнила о том, что ей рассказывали. Как правило, логово представляло собой цепочку пещер. Воины спали ближе ко входу, за местом их ночёвки хранились съестные припасы и оружие. Наконец, молодняк обитал в самых глубоких и безопасных пещерах.

Эбенайзер сдвинул какие-то булыжники и протиснулся в узкую пещеру. Один за другим

эльфы полезли следом. Бронвин на четвереньках проползла сквозь непроглядный мрак. Тоннель постепенно расширялся — по крайней мере, так ей казалось, потому что она больше не чувствовала стен по бокам. Бронвин услышала

впереди глухой удар и орочий всхрип. Эбенайзер нашёл часового и позаботился о нём. Она была почти рада своему ограниченному зрению, когда огибала тело. Ей и так довелось видеть слишком много смертей.

Проход начал подниматься, извиваясь вверх, к каменному своду. Они вышли на выступ, нависавший над отведённой под хранение пищи и оружия пещерой. Пригнувшись, они выглянули за край, рассматривая логово.

Как они и ожидали, воины-орки готовились к новому набегу. Это были мерзкие существа, выше большинства мужчин, с толстыми шкурами болотных цветов — зелёного, коричневого, серого. Некоторые надевали кожаные доспехи и подбирали оружие из странной и пугающей коллекции снятых с жертв мечей, топоров, вил и гарпунов. Кроме того, у них на плечах висели мешки. Очевидно, планировался новый грабёж.

Орки покидали пещеру волнами по несколько особей за раз. Воины Эбенайзера дождались, пока не осталось всего десятков существ. Каждый из эльфов выбрал себе цель, сообщая об этом выразительными жестами. Эбенайзер жестами сосчитал до трёх — и эльфы прыгнули.

Бронвин вздрогнула, когда они врезались в орков, захватив тех врасплох и заставив namного превосходивших их размером существ попадать на камни. Большинство поразило намеченные цели ножами или кинжалами; остальные вскочили с оружием в руках и добили избранных врагов несколькими быстрыми ударами.

Из внутренних помещений донёсся шум, и оттуда выбежала новая волна орков. Некоторые были перевязаны и хромали, были среди них самки и беззубые старики, но у всех было оружие и готовность его использовать.

Бронвин повернулась и соскользнула вниз по пещерному склону, чтобы присоединиться к сражению. Ей в руку попал брошенный камень — с достаточной силой, чтобы она разжала хватку. Она рухнула вниз и приземлилась прямо в руки Эбенайзера.

Он взвесил её, будто удивляясь, какая она лёгкая, а потом поставил на ноги.

- Деревенские здесь справятся. Мы с тобой пойдём вглубь, - сказал он.

Бронвин кивнула и направилась за ним, держась за стену пещеры и приготовив нож.

Дальняя пещера была практически пустой. На страже стояли две орчихи, а к дальней стене жались три уродливых, желтокожих детёныша, определённо принадлежавших к мужскому полу. Эбенайзер нагнулся и подобрал пригоршню небольших камней. Со смертоносной точностью он бросил первый, потом второй — и попал взрослым орчихам прямо между глаз. Глаза самок сошлись к переносице, и они упали.

Молодняк оглушительно завыл. Эбенайзер помрачнел и повернулся к Бронвин.

- Забирай то, что тебе нужно.

Она оглядела тускло освещённую пещеру. Бронвин не ожидала встретить здесь такой порядок — шкуры для сна аккуратно сложены с одного бока, для костей и других отходов специально отведена треснувшая бочка. В каменной стене были вырезаны небольшие полки. Там стояли орочий сокровища. Бронвин заметила множество украденных игрушек. Её взгляд обшарил пещеру, выискивая нужную:

подробную модель осадной башни. Та стояла посередине одной из полок, прямо над съёжившимся детёнышем.

- Вон там, - сказала Бронвин, указывая пальцем.

Она шагнула вперёд, но Эбенайзер схватил её за руку.

- Возвращайся с остальными. Дождёшься меня у входа в главную пещеру. Тебе не стоит видеть то, что я собираюсь сделать, - мрачно сказал он.

У Бронвин заныло сердце от дилеммы, с которой столкнулся её друг. Она подозревала, что прагматичный дварф не может позволить трём потенциально опасным врагам вырасти в настоящую угрозу, но глубокая любовь Эбенайзера к детям — будь они дварфийскими, человеческими или даже орочьими — делала и без того трудную задачу ещё ужаснее. Она с трудом сглотнула.

- Ты иди. Я это сделаю.

- Кыш, я сказал! - рявкнул Эбенайзер. Он схватил осадную башню и швырнул её Бронвин.

Схватив артефакт, она вылетела из пещеры. На бегу она услышала, как дварф говорит орочьим детёнышам: «Проклятье, хватит хныкать». Грубые слова, но в них прозвучала нотка, которая заставила Бронвин задержаться у входа в детскую.

Она выглянула из-за поворота и увидела, что дварф достал из своего мешка искусно вырезанного игрушечного солдатика — орка, если слабый свет не обманывал её глаза — и протянул одному из мальчиков.

- Взамен башни. Вы двое, выберите любимую игрушку. Потом набросьте на себя какую-то одежду, возьмите каждый по ножу и пакету с едой. Здесь есть задний выход. Воспользуетесь им.

Те просто уставились на него. Он выругался и произнёс несколько слов на резком, гортанном языке. На этот раз они поняли и поспешили исполнить его указания.

- Идите наружу, но не уходите далеко. Эта парочка ваших хранительниц очага скоро очнётся и станет вас искать. Скажете им, что нужно отправляться на север и присоединиться к новому клану. Идите!

Один из них что-то пролепетал, и Эбенайзер — по крайней мере, Бронвин так показалось — повторил свои инструкции. Судя по стуку маленьких ног, орки были счастливы подчиниться. Бронвин поспешила в первую пещеру. Если Эбенайзер узнает, что она всё слышала, он больше никогда не сможет смотреть ей в глаза.

- Дварфы, - буркнула она и улыбнулась, когда поняла, что звучит совсем как её друг.

Битва давно закончилась. Шесть эльфов остались в пещере, готовые расправиться с любыми возвратившимися орками, а остальные направились назад в Глейдстоун.

Приблизившись к деревне, они увидели, что капканы хорошо справились со своей задачей. На молодых деревьях, подобно уродливым бескрылым летучим мышам, висели вниз головой орки. Из их тел торчали эльфийские стрелы. В деревне раздалось лишь несколько звенящих звуков, пара вскриков и воплей боли. Когда они прибыли в Глейдстоун, всё почти закончилось. Трое местных жителей стояли на краю ямы-ловушки, осыпая стрелами пойманных орков.

После того, что она увидела в пещере, Бронвин ожидала, что Эбенайзер будет протестовать против столь неблагородного обращения с врагом, но дварф просто кивнул с мрачным одобрением и помог деревенским сбрасывать тела погибших орков в яму.

Один из эльфов подкатил бочку с ламповым маслом и сбросил её туда. Другой эльф швырнул следом факел. Пламя взметнулось высоко в ночное небо. Бронвин и Эбенайзер молча смотрели на костёр, а жители деревни пытались осознать, какую цену пришлось им заплатить за эту победу.

После того, как огонь угас, они все принялись забрасывать яму. К рассвету с этим было покончено. Облако густого чёрного дыма на юге свидетельствовало, что арьергард тоже очистил логово орков.

Деревня Глейдстоун наконец-то была в безопасности.

Но Бронвин себя в безопасности совсем не чувствовала. Саммит Холл был слишком близко. Она попрощалась с местными, после чего они с Эбенайзером выехали в поля.

- Ну вот и всё, - прокомментировал он. - Ты сделала то, зачем пришла.

Девушка была не так в этом уверена. Да, она получила Погибель Фенриса, но чувствовала себя фермерской собакой, которая по привычке погналась — и наконец догнала — запряжённую лошадьми повозку и задумалась, что же дальше?

- Лучше будет вернуться в город, - заметил дварф, прервав её беспокойные размышления. - Как я понимаю, у того парня, Брайана Мастера Меча, осталось только два дня, чтобы уговорить мою родню остаться. С тем же успехом я могу добавить к нему свой голос.

- Да. А мне нужно позаботиться о Каре и решить, что делать с этой штуковиной.

Дварф почесал подбородок.

- После всех тех трудов, которые потребовались, чтобы раздобыть эту игрушку, я хотел бы на неё взглянуть. Как насчёт небольшого волшебства?

Бронвин ещё разок всё обдумала. У неё было только два из трёх колец, и только один из двух человек, согласие которых требовалось для того, чтобы привести в действие силу осадной башни, но даже частичный результат, если таковой возможен, даст ей какую-то информацию. Она определённо задолжала дварфу хотя бы это.

Бронвин достала башню и дала Эбенайзеру знак идти следом. Они вышли на ржаное поле, чтобы жители Глейдстоуна не смогли заметить происходящее. Бронвин поставила маленькую башню в борозду в земле и сняла два кольца со шнурка на шее.

- Не знаю, сработает ли это, но давай посмотрим, - сказала она.

Бронвин вставила первое, а потом и второе кольцо в выемки на башне. Какой-то миг ничего не происходило. Потом башня начала расти быстрым и плавным расширяющимся движением, похожим на огромную приливную волну, поднимающуюся из молодой ржи.

Эбенайзер схватил её за воротник, поставил на ноги и они оба бросились бежать. Через сотню шагов или около того они обернулись.

- Камни, - прошептал дварф.

В небо поднималась высокая, как лесные деревья, башня. Передняя сторона была прямой, задняя — наклонной. Полоски дерева обеспечивали упоры для солдат, которым нужно было залезть на массивную штурмовую палубу. Огромный противовес был готов к сбросу, позволяя швырнуть снаряд здорового требушета. Баллиста представляла собой чудовищное устройство. Рядом с ней наготове стояли наборы стрел. Всё сооружение состояло из толстых, крепких дубовых досок, блеск которых намекал на какое-то защитное покрытие, намного превосходящее мокрые шкуры, которыми укрывали большинство осадных башен. Массивную конструкцию скрепляли железные полосы и тысячи гвоздей. Но несмотря на огромный размер, башня была немногим плотнее сильного ветра. Сквозь стены башни Бронвин видела деревья. Встающее солнце мерцало вокруг её слабо светящегося силуэта.

Погибель Фенриса была поразительным, неразрушимым, смертоносным... призраком.

Кроме того, она была крупнее, чем ожидала Бронвин. Башню легко было увидеть из деревни. Она обернулась, чтобы посмотреть, нет ли у них свидетелей. Действительно, большинство деревенских жителей побежали к ним, сначала быстро, потом сбавив скорость на безопасном расстоянии, чтобы рассмотреть это чудо поближе.

Эбенайзер тихонько присвиснул.

- Неплохая работа, - признал он, разглядывая Погибель Фенриса с неприкрытым благоговением. - Правда, не особенно плотная.

Это была правда, из-за которой перед Бронвин вставала дилемма. Как снять кольца со штурмовой палубы? Но либо незавершённая магия угасла, либо магическая башня отозвалась на её мысли, потому что чудовищная штурмовая машина быстро уменьшилась до размеров игрушки, и Бронвин вытащила кольца, надев их себе на пальцы.

Дварф оглянулся через плечо на тарачившихся эльфов. Он быстро осмотрелся и выругался.

- Глянь туда, - мрачно сказал он, указывая на холмы к югу от деревни. Там ясно виднелась стремительно приближавшаяся белая лошадь. С наездником было ещё четверо. - Теперь, когда они увидели эту штуку, у них появилась ещё одна причина тебя преследовать. Нам лучше поскорее запрыгнуть в седло.

* * * * *

Происшествие в часовне Тернового Оплота тяжким грузом повисло на Даге Зорете — как и тревожные сведения, сообщённые Ашемми. Жрец отправился в свои покои и снова достал прорицательную сферу. После «визита» Ашемми он весь бурлил от беспомощной ярости, и воспользовался этим, позволив гневу питать свои молитвы. В результате фиолетовое пламя, взметнувшееся внутри прорицательной сферы, оказалось таким обжигающим, что он сам чувствовал причинённую боль.

Сэр Гарет возник в сфере почти мгновенно.

- Где ты? - рявкнул жрец.

- Саммит Холл, - ответил рыцарь, из-за сильной боли немного нечётко выговаривая слова.

Даг сбавил интенсивность вызова, чтобы позволить паладину нормально разговаривать.

- У меня был крайне информативный разговор с одной из моих... знакомых из Тёмной Твердыни. Она сообщила, что мою дочь увезли на юг на жентиларском работоторговом корабле — том же корабле, который должен был избавиться от этих проклятых дварфов. То самое плавание, которое ты так любезно помогал организовать. Мне очень хочется услышать твои объяснения.

Надежда покинула взгляд падшего паладина.

- Её забрали паладины, это правда. Я перехватил её и попытался отдать на воспитание в приёмную семью.

- На работоторговом корабле?

- У Рыцарей Самулара мало крепостей на юге, - попытался объяснить Гарет. - Девочка была бы в безопасности на вилле моего старого знакомого, у которого есть причины быть благодарным и молчать. Она могла оставаться там до тех пор, пока не получилось бы вернуть её к вам.

Даг Зорет начал видеть истину, скрытую за этими оправданиями. Может быть, сэр Гарет сыграл роль в первоначальном похищении Кары. А может быть, и нет. Но он определённо воспользовался этой ситуацией. Кара носила кольцо Самулара, а значит, могла получить его силу. Конечно, Гарет хотел втайне контролировать девочку. А если бы пришлось, он мог «отыскать» тайное укрытие и держать её там, чтобы предстать героем перед тем, кому отдаст ребёнка. План был неглуп, но он провалился.

- Я хочу, чтобы её вернули, - потребовал жрец. - Немедленно.

- Это будет не так просто, лорд Зорет, - ответил рыцарь. - Она в Башне Чёрного Посоха. Под защитой госпожи волшебницы Лаэраль Среброрукой, учится у неё.

Даг прошипел злобное проклятие. Неудобства, причиной которым была прекрасная волшебница, могли сравниться лишь с её красотой. Если она решила оставить Кару у себя, даже драконья стая не сможет заставить её передумать. Но архимаг, правитель Башни Чёрного Посоха — совсем другое дело. Хелбен Арансан был не только магом, но и правителем, игравшим немалую роль в политике города и окружающей местности. Если представить ему этот вопрос как политическую необходимость, он может и передумать.

- Используй своё имя и связи. Немедленно доставь ребёнка в Терновый Оплот, - приказал Даг. - И мою сестру, иначе закончишь так же, как Хронульф.

- Это вряд ли, - ответил старый паладин. - К несчастью, я больше не в силах сражаться с вооружёнными людьми во время осады.

Жрец тихонько рассмеялся.

- Хронульф скончался не от полученных в битве ран. Я вырвал его сердце собственными руками. Тебе стоит помнить об этом, пока будешь заниматься моим поручением.

Глава 17

Два дня Бронвин и Эбенайзер гнали лошадей так быстро, как только могли. Паладины не отставали, хотя Бронвин использовала каждый способ срезать путь и каждый трюк, которые узнала за несколько проведённых в путешествиях лет.

Наконец, перед ними предстали стены города. Позднее солнце сверкало на шпилях Тролльей башни и омывало высокую арку Северных врат приятным сиянием. Бронвин глубоко втянула в себя воздух и шумно выдохнула. Шея и плечи немного расслабились, и она потянулась потрепать лошадь по взмыленной шее.

- Камни! - воскликнул Эбенайзер с большей горячностью, чем обычно. - Взгляни-ка туда!

Бронвин проследила за его пальцем. Далеко на севере виднелось небольшое тёмное скопление, движущееся к Главному тракту с бесстрастной решительностью, свойственной миграциям муравьёв.

Она быстро пересчитала в голове дни. Столько всего произошло с тех пор, как капитан Орвиг оставил их в доках Глубоководья — трудно было поверить, что минуло всего десять дней.

- Десять дней, - вслух сказала она. - Тарламела согласилась остаться в городе на десять дней.

- Моя сестра — дварф своего слова, - мрачно сказал Эбенайзер. Он бросил на Бронвин беспомощный взгляд. - Что ж, мне пора.

Бронвин испытала глубокое чувство потери. Она взяла его за плечо.

- Я собираюсь посмотреть, как дела у Кары в Башне Чёрного Посоха. Или, если уж на то пошло, по-прежнему ли она там.

Бронвин слабо улыбнулась.

- Этот ребёнок почти такая же непоседа, как мы с тобой. Я приду, как только смогу.

- Не надо, - отозвался он. - Скорее всего, ты ничего не найдёшь.

Это подтверждало невысказанные опасения Бронвин. Эбенайзер считал, что уходит на север, чтобы умереть со своим кланом.

- Не уходи, - тихо сказала она.

- Я должен идти. В прошлый раз меня там не было. Не знаю, как смогу дальше жить, если это повторится.

Какое-то мгновение они сидели, глядя на полных решимости дварфов. Бронвин приняла то, что должно было случиться. Она заставила себя улыбнуться и на прощание потрепала дварфа по кудрявым волосам.

Эбенайзер поймал её руку и прижал к губам. Потом он резко отпустил её и ударом пяток заставил своего усталого пегого пони пойти рысью. Слабый морской бриз донёс Бронвин его ворчливый комментарий:

- Слишком много времени я провёл с людишками, вот так.

Бронвин сморгнула слёзы и повернула лошадь к Северным воротам. Поскольку сохранить секретность всё равно скорее всего не удалось бы, она выбрала скорость. Она оставила лошадей в ближайшей конюшне и наняла закрытый экипаж. По её приказу кучер-полурослик направил лошадей торопливым шагом вниз по Главному тракту, и когда Бронвин прибыла в Башню Чёрного Посоха, она вручила кучеру запрошенное им серебро и ещё половину сверху. Она спрыгнула с повозки и бросилась бегом, едва коснувшись мостовой.

Её сердце тревожно заколотилось, когда из чёрной стены ей навстречу вышел Данила с мрачным, как окружающий мрамор, выражением лица.

- Ты не захочешь туда идти, - сказал он угрюмо. Он поймал её за руку и потащил за собой.

Она пошла рядом.

- Что происходит?

- Леди Лаэраль собирает вещи для неожиданного путешествия. Похоже, она вернулась в башню после ночных празднеств в Морском квартале и обнаружила, что наше общее горе, сам великий архимаг, избавил её от многообещающей новой ученицы.

Ужас заставил Бронвин застыть на месте.

- Кара! Что он с ней сделал?

- Не останавливайся, - отрывисто сказал он. - Сомневаюсь, что у тебя много времени. Архимаг сделал именно то, что считал своим долгом. Похоже, наши добрые друзья в Залах Правосудия узнали о новом ученичестве Кары. Они убедили Первого лорда, что этот ребёнок находился ранее и должен находиться впредь под опекой Рыцарей Самулара, что судьба девочки — быть с избранными братьями её знаменитого предка, и спели множество других песен с таким же посылом.

- И Хелбен просто взял и отдал её? - в голосе Бронвин сражались между собой ярость и недоверие.

- Он решил, что выбора всё равно нет. За ней явились три молодых рыцаря с эдиктом от самого Пьергейрона на руках. Хелбен — человек многих умений, и не в последнюю очередь — умелый политик. Он понимает, что разрыв между арфистами и некоторыми орденами паладинов растёт. Если он в открытую не подчинится прямому эдикту Пьергейрона, это создаст впечатление, будто мастер-арфист Глубоководья считает себя выше закона. Что в свою очередь, решил Хелбен, поставит под угрозу работу всех арфистов и самих агентов.

- И ты с ним согласился.

- Разве я так сказал? - возразил Данила. - Мы с архимагом истратили немало слов, обсуждая этот вопрос. Достаточно сказать, что мы использовали большую часть по-настоящему гадких. Но мой гнев бледнеет по сравнению с яростью Лаэраль. Боюсь, что визит леди-волшебницы на ферму сестры продлится куда дольше предыдущих поездок. Но с проблемами Хелбена должен справляться сам Хелбен, - заключил Данила. - Давай обсудим твои. Что ты нашла?

Она бросила на него долгий, оценивающий взгляд.

- Почему я должна тебе верить?

- Что бы ты там ни думала, я никогда не предавал твоё доверие. И не стану.

Он остановился и сбросил с левого плеча свою изящную зелёную накидку, открывая крошечную старую серебряную арфу внутри полумесяца. Он снял брошь, символ его принадлежности к арфистам, и вручил её Бронвин.

- Её дал мне человек, которым я глубоко восхищаюсь, и мнением которого всегда дорожу. Сохрани её для меня, пока всё это не закончится. Если ты считаешь, что я тебя обманул, верни брошь Брану Скорлсану и назови меня предателем перед лицом этого благородного следопыта и его полуэльфийской дочери. Я не стану оправдываться.

Он не мог принести другой клятвы, которой Бронвин поверила бы так же безоговорочно. Бронвин не понимала странную связь между этим легкомысленным аристократом и его молчаливой, серьёзной полуэльфийской спутницей, но знала, что больше всего в жизни её друг ценит мнение женщины, которой отдал своё сердце. Бронвин взяла брошь и сунула её в сумку.

- Она будет в моём сейфе. Когда всё это закончится, Элис вернёт её тебе, если я сама не смогу.

- Сможешь, - отозвался он тоном, больше похожим на его обычное весёлое поведение. - А теперь расскажи мне, что ты узнала.

Бронвин поведала ему историю о башне лича и силе Погибели Фенриса.

- Я уже положила её в мой сейф, - сказала она, - и башня останется там, пока я не решу, что с ней делать.

- Паладинам весьма понравится подобный артефакт.

- Ещё бы не понравился, - горько сказала она. - А теперь, когда паладины его увидели, от них уже не избавишься.

- Они видели башню? Как?

Бронвин устало вздохнула.

- После того, как мы забрали башню из логова орков, Эбенайзер захотел на неё взглянуть. У меня было всего два кольца и только один потомок Самулара, но я решила попробовать. Башня была не такой, какой могла бы, но этого хватило.

Арфист свирепо выругался.

- И ты уверена, что они это видели?

- Сложно пропустить что-то настолько огромное посреди ржаного поля.

- Тогда нам нужно спешить, - сказал он. - Мы должны найти способ забрать Кару у паладинов, прежде чем они найдут тебя и потребуют артефакт.

Они скользили сквозь город, выбрав маршрут, ведущий через чёрные ходы магазинов, сквозь несколько частных домов и прилегающих тоннелей, и даже включавший один прыжок с крыши на крышу. В городе было много таких путей, известных лишь арфистам и открытых только для них. Несмотря на свою злость на Хелбена, Бронвин находила некоторое утешение в паутине поддержки, предложенной ей союзом арфистов — не последним проявлением которой был решительный друг рядом.

Элис встретила их у чёрного хода и вытолкала обратно в переулок.

- Возвращайтесь тем же путём, которым пришли. Здесь паладин, который вас разыскивает.

Бронвин охватило предчувствие дурных новостей, и она устало вздохнула.

- Высокий мужчина? Светлые волосы?

- Может быть. Сложно сказать, они уже давно поселились. Он назвался сэром Гаретом Кормерилом.

Бронвин взглянула на Данилу.

- Мне нужно его увидеть. Он был другом моего отца. Может быть, он расскажет мне, что происходит.

Арфист провёл одной рукой по волосам и с сомнением покачал головой.

- На твоём месте я был бы поосторожнее.

- Я буду. Можешь подслушивать, если хочешь, - сказала Бронвин, прекрасно зная, что он стал бы подслушивать и без её позволения.

Она поспешила в лавку через заднюю комнату. Рыцарь встал, чтобы поприветствовать её. Его красивое и старое лицо было напряжено от беспокойства.

- Благодарение Тиру, дитя! Я надеялся, что смогу перемолвиться с тобой словечком, прежде чем тебя найдёт стража.

Это заставило Бронвин замереть на месте.

- Стража?

- Да. Лорд Пьергейрон приказал арестовать тебя. В этом городе ты в опасности.

Она рухнула на небольшую скамью.

- Почему?

Старый рыцарь пристально смотрел на неё какое-то мгновение.

- Как я и думал. Ты невинна в том, в чём тебя обвиняют.

- Расскажи мне.

Он вздохнул.

- Трёх молодых паладинов, посланных сопровождать девочку из Башни Чёрного Посоха в Залы Правосудия, нашли мёртвыми. Девочка пропала. Большинство моих братьев подозревают, что за похищением стоишь ты и твой брат, жрец Цирика, работающий с Жентаримом.

Он помедлил.

- Это не всё.

- Ну ещё бы, - пробормотала она. Пребывая в полном смятении, она опустила голову на руки.

- Твой брат, Даг Зорет, командует войсками в Терновом Оплоте. Я узнал из надёжного источника, что он собственными руками убил Хронульфа. Я бы не хотел рассказывать женщине, особенно в твоих нежных годах, о природе ранений, полученных охранявшими ребёнка молодыми рыцарями, но в них ясно виден след этого злодея. Ребёнок с ним, в Терновом Оплоте... если только я не ошибаюсь.

- Ох, Кара, - вздохнула Бронвин.

- Девочка в смертельной опасности, и причина тому — не только губительное влияние веры её отца. Паладины собираются для штурма Тернового Оплота. Похоже, эта атака начнётся раньше, чем ожидали мои братья-рыцари. У нас недостаточно людей, чтобы начать осаду по всем правилам, но братья верят, что они всё равно сумеют одержать верх. Не больше часа назад молодой человек из нашего ордена, многообещающий рыцарь Алгоринд, выехал из Саммит Холла с четырьмя братьями. Ты его знаешь?

- Мы встречались, - коротко сказала она, не поднимая взгляд. - Он и его друзья преследовали меня до города.

- Они ищут тебя прямо сейчас — тебя и артефакт, который ты носишь с собой.

На этот раз она посмотрела на рыцаря.

- Кольца, - осторожно заметила Бронвин.

- И осадную башню, - добавил он. - Немногим среди Рыцарей Самулара известна эта история, но я слышал её от Хронульфа и узнал по рассказу Алгоринда Погибель Фенриса. К несчастью, как и Лахарин Золотобород. Видишь ли, однажды, давным-давно, сам великий Самулар захватил Терновый Оплот с помощью этого артефакта. Мой брат-паладин желает использовать его снова для той же цели — к вящей славе Тира.

Бронвин встала и принялась шагать по комнате.

- Зачем ты мне это рассказываешь?

Рыцарь подошёл к ней и взял за плечи.

- Ты дочь моего дражайшего друга. Я вижу в тебе отражение Хронульфа. С тобой поступили чудовищно несправедливо. Мой долг, как слуги Тира — попытаться это исправить.

Она посмотрела ему в лицо.

- Что ты имеешь в виду?

- Тебя лишили твоей законной судьбы, когда ты была слишком юна, чтобы это понимать. Теперь, когда ты уже взрослая женщина, люди снова хотят это сделать. Это дурной поступок, пускай и совершают его с благими намерениями и ради великой цели.

- Так что ты хочешь сказать?

- Эта сила принадлежит тебе, Дитя Самулара. Ты должна сама решить, как ею воспользоваться.

Он оглянулся через плечо на дверь.

- А теперь уходи, и побыстрее! Они найдут тебя, если будешь задерживаться.

- Он прав, - из задней комнаты показался Данила, протягивая ей руку. - Хотя, сэр, должен сказать, что ваши слова меня удивили. Бронвин, я выведу тебя из города. Сможешь решить, что делать, как только окажешься в безопасности.

Вышла Элис и сунула ей в руки кожаную сумку.

- Я всё слышала. Вот вещи из сейфа. Они могут тебе понадобиться.

Бронвин благодарно кивнула и повернулась к арфисту. Она пожала его протянутую руку.

- Я готова.

Данила начал читать заклинание, и Бронвин почувствовала взвихрившуюся вокруг силу. Её как будто засасывало в тоннель, отрывало от собственного тела. Она никогда раньше не путешествовала серебряными дорогами магии — раньше никогда не представлялось такого случая, сказала она себе. Но на самом деле, сама идея пугала её даже сильнее, чем перспектива морского путешествия.

Но Бронвин победила тот старый страх. Неожиданно она поняла, что ей больше никогда не придётся подчиняться своим старым демонам из прошлого — или идее, будто смысл и порядок в её жизни можно отыскать лишь в тайнах минувших лет.

Когда ревущий вихрь магии понёс её прочь, Бронвин подняла подбородок и посмотрела прямо в белое ничто. Ответы, которые она искала, лежали не в скрытом прошлом, а в неизведанном будущем.

Глава 18

Магическое путешествие Бронвин окончилось в поместьях семьи Танн к северу от Глубоководья. Когда они прибыли, солнце уже зашло, поэтому она согласилась на предложение Данилы и осталась на ночь. Какой бы измотанной Бронвин ни была, какой бы удобной ни оказалась перина в гостевых покоях, из-за всего случившегося в последние несколько дней, из-за неуверенности и грозящей в будущем опасности её сны были мучительными.

Она встала перед рассветом и обнаружила, что Данила был занят, пока она спала. Слуги принесли новую одежду и снаряжение для путешествий, а также — поднос с едой. Бронвин быстро позавтракала и оделась, а потом спросила у слуг дорогу к конюшням. Там был Данила, руководя выбором и подготовкой подходящей лошади и укладкой припасов.

Его лицо погрузнело, когда он заметил Бронвин.

- Полагаю, ты собираешься отправиться в путь.

- Мог бы и не спрашивать.

Она встряхнула полный монет кошель на поясе.

- Спасибо за это и за всё остальное. Я верну тебе долг, когда возвращусь с Карой.

Он помешкал. Он не стал пытаться отговорить её от поездки на север, хотя было заметно, что Даниле хочется это сделать.

- У моей семьи есть наёмники. Я могу послать с тобой людей.

Она покачала головой.

- Я буду не одна.

Данила подумал об этом и слабо улыбнулся.

- Это кажется уместным, - просто сказал он. - Да улыбнётся тебе Тимора.

Бронвин весь день быстро скакала на север, избегая Главного тракта и следуя по сети дорог помельче, показанной ей Эбенайзером во время первой части их совместных странствий. Её друг наверняка вернётся в крепость своего клана тем же путём, что и уходил. Она надеялась, что успеет нагнать его до наступления ночи.

Наступили сумерки, а дварфов по-прежнему не было видно. Бронвин могла бы не найти их, если бы её не окликнул грубый голос Эбенайзера. Она натянула поводья и вгляделась в каменистую местность. Из-за камня выглянула кучерявая светлая голова, а потом зашевелились и другие фигуры, сначала принятые Бронвин за булыжники.

Бронвин поражённо покачала головой. Она слышала, что дварфы обладают необычайной, хоть и не магической, способностью сливаться с камнем. Она бы не поверила, если бы не увидела сама.

На неровном ландшафте возник клан Каменной Шахты и собрался вокруг её лошади.

- Мы не будем возвращаться, - сообщила ей Тарламера тоном, подразумевавшим, что этот вопрос поднимали уже не раз.

Бронвин заметила, что дварфы выглядят куда лучше, чем десять дней назад. Они хорошо питались, а от грязи битвы и морского путешествия остались одни воспоминания. Все дварфы были облачены в новую одежду цвета земли и камня и обуты в крепкие сапоги. На поясах висело оружие, бороды были заплетены — дварфы часто поступали так перед битвой.

Тарламера обратила внимание на её изучающий взгляд.

- Скажу тебе то же самое, что сказала тому парнишке-кузнецу Брайану. Клан стоит каждой монеты, которую он нам заплатил. Так что не смотри на нас так, будто пытаешься понять, кого мы грабнули.

- Он наверно решил, что не пожалеет любых денег, чтобы наконец от тебя избавиться, - с отвращением сказал Эбенайзер. Он посмотрел на Бронвин. - Они решили драться. Так и не смог вбить в них чуточку здравого смысла.

- Я думаю, что им нужно сражаться, - твёрдо сказала Бронвин. - Как иначе они отобьют клановую крепость?

Тарламера издала довольный клич и сгребла в объятия брата.

- Кажется, мне начинает нравиться эта твоя человеческая женщина!

* * * * *

Военный совет дварфов прошёл примерно так, как и представляла себе Бронвин. Он затянулся до поздней ночи — дварфы спорили о каждой мелочи в планах и некоторые решения приняли путём применения силы, хотя Эбенайзер, продемонстрировав впечатляющие навыки дипломата, убедил комбатантов решить спор с помощью армрестлинга.

Но план был составлен, и когда настало утро, Бронвин помчалась на север, чтобы выполнить свою часть. Впервые за долгое время — по правде говоря, впервые в жизни — она чувствовала себя так, будто наконец управляет своей судьбой. Ей предстояла непростая задача, но дело того стоило. Бронвин если и не чувствовала абсолютную уверенность, то по крайней мере была полна жизнерадостной надежды.

По мере продвижения на север, в окружавшие Терновый Оплот предгорья, местность становилась всё более каменистой. Она заставила свою лошадь — гнедую кобылу с длинным, неутомимым шагом — подняться на вершину холма и натянула поводья, чтобы дать кобыле короткий отдых, а себе — возможность осмотреть лежащий впереди путь на предмет опасностей.

Бронвин окинула взглядом пустынную местность. Здесь не было ничего, кроме холмов, мелких сосен и острых кусков камня. Солнце грело воздух, несколько соколов кружились и парили на весенних ветрах. Один из них рухнул к земле, вытянув когти. Бронвин услышала тихий, резкий писк его добычи и инстинктивно отвела взгляд.

Её взгляд миновал мелкое белое пятно позади, потом вернулся. Это была лошадь, а на ней сидела очень знакомая фигура.

Бронвин запустила обе руки в волосы и стиснула зубы, чтобы не закричать от злости. Только не Алгоринд! Только не здесь и не сейчас! Паладин мог всё испортить.

Ударом пяток она отправила кобылу в галоп и поскакала на север. Прижавшись к лоснящейся лошадиной шее, она промчалась вниз по склону и дальше по тропе, которая вела к Главному тракту. Там у неё был небольшой шанс обогнать паладина. Вьющиеся между этими холмами тропы были неровными и предательскими, и каждый торопливый шаг мог закончиться тем, что лошадь споткнётся на разбросанных камнях.

Неожиданно кобылу с силой повело вправо. Бронвин сжала коленями бока лошади и вцепилась в гриву в отчаянной попытке удержаться в седле, но всё-таки не смогла.

Падение было болезненным, она покатилась по каменистой земле и несколько раз перевернулась. Когда она заставила себя встать, то заметила причины испуга кобылы. Несколько змей, недавно очнувшихся от зимней спячки, грелись на солнце на плоских камнях впереди. Если бы лошадь не остановилась, она могла пробежать прямо по ним — со смертельным итогом.

Бронвин осмотрела свой порванный рукав и глубокий, болезненный след от локтя до запястья, оставленный камнями.

- Я должна поблагодарить тебя, - мягко сказала она, подходя к норовистой кобыле, - но тебе придётся меня извинить, если я немного подожду, прежде чем выражать свою благодарность.

За спиной она услышала грохот копыт приближавшегося белого скакуна паладина. Она почти уже вскочила на лошадь, уже потянулась к поводьям, когда кобыла развернулась и бросилась в сторону. Бронвин упала и перекатилась, когда мимо промчался паладин.

Он спешил быстрым, текучим движением и шагнул к ней, положив ладонь на рукоять меча.

- Я не хочу сражаться с женщиной. Если ты сдашься, я в целости и сохранности отвезу тебя назад, где ты предстанешь перед правосудием.

Бронвин вытащила нож и припала к земле. В её голове начал складываться план.

- Почему ты хочешь выполнить свой долг лишь наполовину?

- Наполовину? - паладин вытащил меч и принялся кружить. - Что это за фокусы?

- Никаких фокусов. Тебе нужна девочка. Ты ясно дал это понять. Я на пути в Терновый Оплот, собираюсь вернуть её.

- Больше нет, - ответил Алгоринд. Он бросился вперёд с быстрым сильным ударом, который должен был выбить нож у неё из рук.

Сила этого удара далеко отбросила руку Бронвин, но оружие она удержала.

- Мы оба можем получить то, что хотим, если будем сотрудничать. Я смогу вернуть Кару. После этого мы заберём её в Глубоководье. Вместе.

Алгоринд отнёсся к её предложению явно скептически.

- Зачем тебе это?

- А ты хотел бы, чтобы девочку забрал Жентарим? А что насчёт грядущей битвы? Она и так видела достаточно насилия, по большей части благодаря тебе и твоим товарищам.

- Долг паладина — сражаться ради добра, - сказал он.

- И я предлагаю тебе возможность сделать именно это, - нетерпеливо сказала она. - Думаешь, легко будет вытащить Кару из Тернового Оплота? Ты получишь свой шанс пострадать.

Она приблизилась и заметила, что Алгоринд не стал отступать. Казалось, он тщательно обдумывает её слова.

- Как ты собираешься вернуть ребёнка?

- Я сестра Дага Зорета. Он искал меня — точно так же, как ты и твои товарищи-паладины. Очевидно, я обладаю некоторой ценностью из-за того, кем были мои предки.

Она нетерпеливо пожала плечами, чтобы показать, что не обладает познаниями и не испытывает интерес к этой теме.

- И ты собираешься им сдаться.

- Вроде того. Они впустят меня в крепость, и не думаю, что станут слишком беспокоиться о моём товарище.

Лицо паладина потемнело.

- Кстати, а где этот дварф-конокрад?

Она отмахнулась от вопроса.

- Ты покажешься им вполне уместным спутником. На самом деле, - коварно добавила она, - мастер Лахарин раздумывал, кого из юных рыцарей избрать, чтобы помочь мне продолжить род Самулара. Хорошо справишься с сегодняшней задачей, и, может быть, я порекомендую на эту роль тебя.

Юный паладин смутился, как она и надеялась.

- Ты считаешь, что Жентарим впустит в свою крепость паладина?

- Почему нет? Может, ты и неплох с мечом, но ты всего лишь один человек. Вопрос в том, достаточно ли ты хорош, чтобы помочь мне выбраться из крепости, как только мы найдём Кару?

Алгоринд тщательно обдумал её вопрос.

- Скажу правду. Мне кажется, твой план смертельно опасен, а шанс его успеха очень низок. Но я всё равно сделаю так, как ты предлагаешь.

Она бросила на него прищуренный взгляд и убрала нож.

- Если собираешься благородно погибнуть, занимайся этим в своё свободное время.

- Я не это имел в виду, - искренне сказал он. - Твой план опасен, но ничего лучше я придумать не могу. Я ведь поклялся следовать своему долгу, даже если это приведёт меня к смерти.

Бронвин вспомнила последнюю битву Хронульфа в Терновом Оплоте. В глазах молодого рыцаря виднелась такая же спокойная отвага. Неожиданно ей сложно стало ненавидеть юношу.

- Но я не уверен, что это предприятие закончится смертью, - продолжил Алгоринд. - Пока мы живы, всё возможно. Может быть, Тир благословит нашу миссию и дарует нам победу.

Его взгляд неожиданно помрачнел.

- И я всё равно согласен, даже если победа нас не ждёт.

Его выражение встревожило Бронвин. Она вспомнила страх, пережитый ею в детстве, и ещё раз — потом, во время краткого воссоединения с отцом, страх того,

что никогда не сможет соответствовать высоким стандартам, как от неё ожидалось. В глазах Алгоринда витал старый призрак этого страха. На мгновение, очень краткое мгновение, она почувствовала симпатию к молодому паладину и избранной им суровой жизни.

- Попал в немилость, да?

- Тебе лучше прочих известны мои неудачи. Я позволил дварфу обмануть себя и украсть свою лошадь, а девочке — сбежать...

- Давай не будем забывать инцидент с прыжковым камнем, - вмешалась Бронвин, - хотя я уверена, что ты предпочёл бы его не вспоминать.

По лицу юношу скользнуло уязвлённое выражение.

- Я признаю свои ошибки и с радостью за них заплачу.

Спокойная, ровная решительность в его голосе сказала ей всё, что нужно. Бронвин выпрямилась и убрала нож. Если Алгоринд не сумеет спасти Кару, скорее всего он навлечёт на себя позор, а возможно даже изгнание. Если бы ей потребовалось подтверждение, что он обладает достаточной мотивацией и достойно встретит предстоящее испытание, этого хватило бы с лихвой.

Бронвин огляделась вокруг в поисках своей лошади. Кобыла успокоилась и щипала траву. Бронвин повернулась назад к Алгоринду.

- Ну ладно. Давай отправляться. Но помни, когда мы доберёмся в крепость, говорить буду я.

* * * * *

Алгоринд не горел желанием разговаривать. Он ехал рядом с Бронвин, и его мысли бурлили в смятении. Верно ли он поступил, связав свою судьбу с судьбой этой женщины? Она уже доказала своё коварство, а её выбор спутников говорил не в пользу её способности разбираться в людях. Но она согласилась отправиться с ним вместе и действовать сообща.

Ему нужно было кое-что прояснить.

- Ты должна понять вот что, - сказал он. - Я намереваюсь исполнить возложенную на меня миссию. Как только мы спасём девочку, моя честь вынудит меня вернуть её паладинам в Глубоководье.

- Я никогда в этом не сомневалась, - ответила Бронвин, глядя прямо перед собой.

Они ехали, не нарушая тишины, до тех пор, пока над ними не нависли стены Тернового Оплота. Алгоринд никогда не видел этой крепости, и сила древних стен изумила его. Он осмотрел цитадель в поисках того, что могло помочь их побегу.

- Видишь ту деревянную дверь, на полпути вверх по стене? - сказал он, кивнув на крепость. - Это калитка для вылазок. Когда мы окажемся внутри, найди путь к ней. Там должен быть скат или лестница.

- И то, и другое, - ответила Бронвин. - Я это помню. Хронульф показывал мне крепость.

- Это хорошо. Как только ты найдёшь девочку, мы проложим себе путь к калитке.

Она прикрыла глаза от заходящего солнца и прищурилась.

- Здесь добрых двадцать футов до земли.

- Но всё равно это наша лучшая возможность для побега. Моя лошадь прискачет на зов. Когда мы попадём в крепость, оставим лошадей снаружи. Если связать у наших коней поводья, Ледяной Ветер приведёт за собой твою кобылу.

Бронвин кивнула, соглашаясь.

- Может сработать.

Ещё одна вещь беспокоила его.

- Как ты найдёшь девочку в крепости?

- Мой брат не видел меня с тех пор, как мне было четыре, - сказала она. - Скорее всего, он спросит Кару, действительно ли я та, за кого себя выдаю. Зная Кару, после этого она не захочет спокойно отправляться в свою комнату.

* * * * *

За свой краткий срок на должности хозяина Тернового Оплота Даг Зорет преобразил покои командующего. В прошлом эти комнаты принадлежали Хронульфугу и отражали смиренную жизнь рыцаря, но сейчас они стали роскошными и комфортабельными. В очаге всегда горел яркий огонь, отгонявший ждущий за толстыми каменными стенами холод, хотя сейчас была середина миртула, и для этого месяца было довольно тепло. Изящная мебель была доставлена из Глубоководья, лампы с цветными стёклами из Невервинтера, дорогие меха из Лускана. Его покои пока что не обладали элегантностью виллы Остерим под Глубоководьем, но со временем станут не хуже. Они уже превосходили любую из жентаримских крепостей. Но сегодня этот маленький успех его не радовал.

- Милорд Зорет.

Даг оторвал взгляд от бумаг на столе, почти благодарный за возможность отвлечься. Ашемми уже приступила к исполнению своих угроз. Быстрые гонцы доставили вести из Тёмной Твердыни. Семеммон, маг, который правил крепостью — и которым, в свою очередь, правила его губительная страсть к эльфийской чародейке — желал, чтобы Даг вернулся в Твердыню и взял с собой ребёнка. Терновый Оплот должен был достаться другому командиру. Уже несколько часов Даг ломал себе голову над тем, как сохранить этот пост и свою дочь. Новое завоевание, может быть. Это могло изменить положение дел. Если он докажет, что увеличит власть Жентарима таким образом, даже чары Ашемми не смогут помешать Семеммону одобрить, даже поприветствовать амбиции Дага.

- Ну? - спросил он посланца.

- Часовой на северной башне докладывает о приближении двух наездников. Мужчины и женщины.

Даг резко встал.

- Это моя сестра?

- Может быть. Люди, видевшие, как она входила в крепость перед нашей атакой, считают это возможным, но они видели её только издалека.

Был способ узнать наверняка. Даг шагнул к двери, которая вела в прилегающую комнату. Кара сидела на кровати с удивительно подавленным видом. Игрушки, которыми он её обеспечил, лежали на сундуке, в котором, предположил Даг, находилась вся её новая одежда и вещи. Она предпочитала носить ту одежду, в

которой попала сюда — платье из розового шёлка. Очень скоро ему придётся отыскать способ убедить её расстаться с платьем на достаточный срок, чтобы его можно было постирать. В руках девочка держала небольшую деревянную куклу, грубо вырезанную и такую широкую и прямоугольную, что игрушка напоминала скорее дварфа, чем человека.

- Кара, у нас гости, - сказал он. - Как леди этого замка, ты должна их поприветствовать.

Это ей понравилось. Она сразу же встала и последовала за ним по лестнице к проходу, который шёл вдоль всей крепостной стены. Высота, казалось, нимало её не беспокоит — она была бесстрашным ребёнком, это Даг заметил — но он всё равно крепко взял её за руку, пока они шли к главным воротам.

У девочки вырвался радостный крик.

- Это Бронвин! Она приехала в гости?

- Она останется, если ты захочешь, - сказал Даг, и это была правда. Если он найдёт способ удержать их обеих, использовать силу, которой могли обладать лишь они, то наверняка этим способом воспользуется. - А мужчина с ней?

Карие глаза Кары прищурились, губа оттопырилась.

- Это тот, который меня украл. Он убил моих приёмных родителей и забрал меня. Он гнался за мной в Глубоководье.

Так значит, сэр Гарет всё-таки говорил правду, подумал Даг. В нём волной поднялось мрачное удовлетворение при мысли, что этот мужчина, этот паладин так удачно направляется прямо к нему в руки. Узколобый дурак наверное собирается пробиться через весь гарнизон или героически погибнуть.

- Здесь он не причинит тебе вреда, - заверил её Даг, - но нет никакой уверенности, что он не сделает больно Бронвин, если мы их не впустим. Не бойся.

Кара бросила на него скептический взгляд.

- Я не боюсь. Я злюсь.

Он одобрительно улыбнулся и зашагал дальше. Они шли, пока не достигли небольшого нависающего над воротами парапета.

Даг не ожидал, что первый взгляд на сестру так на него подействует. Она была красива, и хотя он не видел её больше двадцати лет, очень знакома. Всплыло воспоминание, одно из тех воспоминаний, что навеки отпечатались в его разуме с абсолютной, страшной чёткостью. Он снова увидел искажённое мрачной решимостью белое лицо матери, когда она бросилась защищать своих детей. Это выражение возродилось в глазах его сестры Бронвин.

Он может этим воспользоваться, подумал Даг, отчаянно борясь сам с собой, чтобы оставаться беспристрастным. Если она так привязана к Каре, то может быть, готова на всё ради девочки. Их мать погибла, защищая своих отпрысков. Давайте посмотрим, думал он, унаследовала ли дочь Гвенидейл кроме лица ещё и характер матери.

Даг шагнул вперёд, чтобы ожидавшие у ворот наездники могли его хорошо разглядеть.

- Назовите ваши имена и ваше дело, - крикнул он вниз.

Боль, резкая, колющая и настойчивая, ударила в виски Алгоринда. Он прикрыл глаза и запрокинул голову, чтобы посмотреть на стену. Рыцарь ни на миг не

сомневался, кто такой заговоривший с ними человек. От него волнами исходило зло. Алгоринд молча взмолился о силе и о защите, необходимой, чтобы удержать злую силу и побороть её.

Женщина рядом с ним на первый взгляд никак не пострадала. На самом деле, она казалась тревожливо спокойной, и на её губах играла небольшая улыбка.

- Спроси Кару, кто я такая.

Последовала мгновенная пауза.

- Очень хорошо, сестра. Ты говоришь многое, не расходуя слов зря, но ты ответила лишь на один из моих вопросов. Что тебе здесь нужно?

Бронвин бросила быстрый взгляд на Алгоринда и кивнула. Это был сигнал, о котором они договорились. Они спешили и вместе подошли к стене. Хвала Тиру, его ментальные щиты выдержали, и причинённая близостью зла боль не стала сильнее.

- Я торговка, - крикнула Бронвин. Она стояла расслабленно, запрокинув голову и положив руки на бёдра. Можно было подумать, что торгуясь за жизнь девочки, она не испытывала никаких эмоций.

- Твои условия? - отозвался жрец. В его голосе звучала нота любопытства, которая показалась Алгоринду страшнее пылающей ярости.

- Достаточно просты. Я хочу Кару. Взамен я отдам тебе все три кольца Самулара и могущественный артефакт, которым они управляют. Что ты будешь с ними делать — меня не касается.

Это предательство ледяным кулаком ударило Алгоринда.

- Не надо! - запротестовал он, абсолютно ошеломлённый этой демонстрацией её истинной натуры.

Бронвин повернулась и улыбнулась ему холодной, слабой улыбкой.

Он потянулся к мечу, но было слишком поздно. Массивные двери распахнулись, и дюжина солдат Жентарима окружили их. Солдаты бросились на паладина, грубо затолкали его в ворота и принялись толкать дальше, к тому, что приготовила для него эта лживая предательница.

Глава 19

Когда во двор ступили Бронвин и пленный паладин, Даг поспешил спуститься по лестнице у ворот. Он улыбнулся и шагнул вперёд, чтобы наконец забрать своё наследие.

- Здравствуй, Брон, - слабо улыбнувшись, сказал он, назвав почти забытую кличку.

- Брэн, - она стояла, глядя на него широко раскрытыми глазами. Её лицо являло собой холст на котором отражалось больше эмоций, чем он мог назвать. - Неожиданно я... так многое вспомнила.

Как и он. Они звали друг друга Брон и Брэн. Ближе всего по возрасту, если не по характеру, в детстве они были неразлучными друзьями и заклятыми врагами. На него обрушились образы, мимолётные и горьковато-сладкие.

Она шагнула вперёд и протянула руку в бездумном жесте. Он взял её ладонь в обе руки.

- Ты сделала предложение, но я хочу, чтобы ты его пересмотрела. Если пожелаешь, можешь остаться здесь, со мной и Карой.

Большие карие глаза Бронвин уставились на него. Взгляд похолодел. Она вырвала руку.

- Под одной крышей с убийцей моего отца? Ни за что. Отдай мне Кару, и я уйду.

Он не позволил её ответу причинить ему боль.

- Пока нет. Остался вопрос с кольцами и артефактами, - напомнил он, потом тихонько прицокнул. - Всё та же прежняя Брон. Забрала себе все игрушки.

Даг понимал несомненную привлекательность памяти, и жрец как мечом воспользовался своим знанием, что однажды он был человеком, которого Бронвин любила больше всех прочих.

Она покачала головой, отказываясь подчиняться.

- Я хочу увидеть Кару, - твёрдо заявила Бронвин.

Он поднял бровь.

- Разве ты её не слышала? Она в караулке, под опекой бывалых солдат, которые сейчас наверняка жалеют, что вместо этого им не пришлось патрулировать Трясину Мертвецов.

Она нагнула голову, прислушиваясь, и свирепо усмехнулась, когда услышала звуки борьбы разозлённой Кары.

Даг повернулся к стражнику у его локтя.

- Пускай её пришлют вниз.

Сообщение было доставлено, и Кара вылетела из двери караулки, как мелкая коричневая птичка. Она с радостным криком бросилась в объятия Бронвин.

- Отец сказал, что ты пришла в гости! Он сказал, что может быть ты останешься.

Бронвин поглядела на Дага поверх головы Кары, удерживая его взгляд, пока говорила.

- Планы изменились, Кара. Ты идёшь со мной. Отдай отцу кольцо.

Без промедления девочка сняла кольцо и протянула его Дагу. Это обеспокоило его — и немало уязвило. Разве он не смог заставить её понять, какой ценностью обладает кольцо, какая власть заключена в её наследстве? Неужели она так мало ценит кольцо — и самого Дага?

Даг отбросил эти мысли и повернулся назад к Бронвин.

- Артефакт, - сказал он, и в его собственных ушах голос звучал холоднее, чем он намеревался.

Бронвин опустила Кару и сняла заплечный мешок. Оттуда она вытряхнула небольшой предмет, осторожно завернутый в полотенце. Даг пристально наблюдал, как она разворачивает полотенце, затаив дыхание и не смея даже представить, что это за предмет.

Она протянула ему небольшую деревянную вещичку. Жрец озадаченно взял её. Это была миниатюрная осадная башня. Несомненно, искусная работа, но в конечном счёте — всего лишь игрушка.

Он поднял на неё разгневанный взгляд.

- Что это такое?

- Именно то, чем кажется, - резко ответила Бронвин. - Посмотри на платформу. Там три небольших паза. Когда потомок Самулара вставляет в них кольца, башня вырастает до огромных размеров.

Даг с новым интересом посмотрел на башню. Это было то, что нужно, именно то, что ему нужно! С помощью этой штуки он быстро может справиться со штурмом и получить новую крепость для Жентарима. Если артефакт работал именно так, как заявляла Бронвин.

Он протянул ей башню обратно.

- Покажи мне.

Похоже, идея ей не понравилась.

- Лучше дождаться утра и вынести башню на открытую местность. Я видела, как она растёт. Она может не поместиться во двор.

В этом Даг сомневался. Судя по отношению длины и ширины основания игрушки к её высоте, скорее всего она поместится во двор замка без особых проблем.

- Какой высоты она достигает?

- Такой, какая потребуется, - неохотно ответила Бронвин. - Артефакт, похоже, чувствует необходимость и намерения человека, который использует его. Я думаю, что он приспособится к крепостной стене, которую должен помочь взять штурмом.

- Что ж, тогда никакой проблемы нет, не так ли? И не будет, поскольку в Терновом Оплоте стены не по сто футов.

Бронвин постаралась скрыть свой испуг, но Даг его заметил.

- Как хочешь, - сказала она и протянула ему ещё два кольца, таких же, как кольцо у него в руке.

Слишком легко, подумал Даг. Он покачал головой.

- Лучше ты это сделай.

Бронвин глубоко вздохнула и сжала в кулаке все три кольца.

- Отойди в сторонку, Кара, - предупредила она девочку. - Я хочу, чтобы ты отошла к самой дальней стене. Просто на всякий случай.

К удивлению Дага, девочка не стала сопротивляться. Но хоть она и смотрела издалека, в карих глазах не было привычного любопытства. На самом деле, её выражение было непривычно замкнутым.

- Не делай этого! - выкрикнул паладин. Юноша отчаянно боролся с солдатами, которые держали его. - Лучше погибнуть, чем отдать такую силу в руки зла!

Даг Зорет поднял бровь и бросил искоса взгляд на Бронвин.

- А он, значит, из особо ревностных?

- Ты даже не представляешь, - процедила она сквозь стиснутые зубы.

Бросив на рыцаря злой взгляд, она поставила крохотную башню на землю. Она сунула кольца в пазы, по одному за раз, а затем вскочила на ноги и бросилась к Каре.

Даг инстинктивно последовал её примеру. За спиной он услышал скрежет тяжёлого предмета, быстро волочащегося по утрамбованной почве, и стонущий

треск расширяющегося дерева. Он бросил взгляд через плечо и побежал быстрее. Размеры башни и скорость, с которой она росла, изумляли. Потрясающе!

За несколько секунд башня достигла полной величины. Она стояла среди них как сверкающий маяк, показывающий Дагу дорогу к желанному будущему.

Никто не шевельнулся, никто не произнёс ни слова. Все потрясённо глядели на осадную башню.

Неожиданно тишину разбил звук ломающегося дерева. Дверь в боку осадной башни слетела с петель, осыпав землю дождём щепок, когда поддался державший её на месте засов.

Из башни вылетела свирепая рыжебородая дварфийка, с разгона бросившаяся в атаку. Ярко-рыжие локоны развевались у неё за спиной, придавая ей облик разъярённой медузы. Хотя Даг и застыл на месте от неожиданности, он вспомнил эту женщину. Его налёт оборвал её свадебный пир и оставил её мужа лежать мёртвым из-за многочисленных ран. Увидев, как яростно приближается женщина, Даг подумал, что вполне мог оказать тому дварфу услугу, когда убил его.

Потом потрясение прошло, а ему на смену явилась злость. Это чувство затопило его растерянный разум. Гром примерно пятидесяти пар дварфийских сапог, рёв и крики яростных нападающих, удары топора по мечу, запах крови и уже погибших тел, и острый, медный привкус страха.

Даг резко развернулся и выхватил меч из ножен ближайшего к нему солдата. Он не обращал внимания на разразившуюся вокруг битву, разыскивая взглядом подарок, который так любезно преподнесла ему сестра.

Найти паладина было несложно. Его светлые волосы отражали слабый свет умирающего дня, а его молодой, сильный баритон распевал гимн Тира. Даг стиснул зубы. Он знал этот гимн и мог бы петь вместе с Алгориндом, если бы пожелал.

Но он пожелал вырезать эту песню из горла рыцаря.

* * * * *

Никогда Алгоринд не видел подобных метаморфоз на лице смертного. Когда жрец Цирика посмотрел на рыцаря, сами жизнь, тепло и человечность покинули его лицо.

Даг Зорет поднял меч и медленно прижал его ко лбу в салюте, не отрывая взгляда от глаз Алгоринда. Серебряный клинок потемнел и начал сиять. Фиолетовый огонь заплясал по краям лезвия, бросая зловещие тени на острые линии и впадины лица последователя Цирика.

- Ты клялся сражаться со злом, мальчик, - сказал Даг Зорет голосом, который был похож не на голос единственного смертного, а на хор гневных сущностей. Голос легко перекрыл шум битвы и достиг Алгоринда как жадная, незримая рука. - Сейчас ты осознаешь, насколько наивны были твои устремления.

От силы этого зла, этой ненависти, у паладина от лица оттекла кровь, но он поднял меч, повторяя салют Дага Зорета, и бросился вперёд, чтобы встретить атаку жреца.

Чёрное и фиолетовое пламя метнулось вперёд. Алгоринд парировал, высек искры. Он стал наступать, не отрывая глаз от этого нечеловечески злого лица,

наноса мечом рубящие и колющие удары, играясь с клинком жреца и заставляя его обороняться. Выбора у него особого не было. Нечистый огонь придавал оружию жреца невероятную скорость и силу, сполна возмещая различие в их физической форме и умении. Алгоринд сражался с более умелыми врагами, но никогда не встречался с настолько опасным противником.

Эта победа, если ему суждено победить, будет принадлежать не самому юноше, а Тиру.

* * * * *

Бронвин прикрыла глаза Кары от вспышки фиолетового огня и ужасающей ярости бушующего всего в нескольких футах поединка, и — самое страшное — от воплощённого зла на лице Дага Зорета. Она подхватила Кару на руки и начала подниматься.

- Нам надо уходить, - прошептала она.

Девочка вывернулась из её объятий.

- Я его не оставлю, - настаивала она. - Я не могу! Это моё право — увидеть, что случится!

Бронвин вспомнила собственное отчаяние во время осады Оплота и поняла, что не может лишиться этого Кару. Впрочем, уйти они тоже не смогли бы, даже если бы захотели. Их прижали ко внутренней стене, а на пути к бегству бушевало сражение.

Чистый баритон раздался среди звуков битвы, сначала негромко, а потом набрал силу и глубину. Хотя Бронвин не видела лица паладина, она была уверена, что на нём виднеется привычное выражение абсолютной веры, и у неё были причины считать, что справиться с Алгориндом будет нелегко. Алгоринд пел, пока сражался, призывая Тира с истовой верой в то, что злу недолго осталось торжествовать.

Медленно, поначалу незаметно, стал меркнуть свет, окружавший клинок Дага Зорета. Огонь Цирика гас перед властью Тира. Фиолетовый свет начал мерцать, а потом исчез. Через несколько мгновений в руках жреца оказался самый обычный меч.

Тремя ловкими движениями Алгоринд обезоружил Дага Зорета. Ещё один удар швырнул жреца на землю. Кара закричала, когда её отец рухнул, а и без того чёрные одеяния его веры потемнели от крови.

- Он убивает его! Не позволяй ему убить моего отца!

Бронвин отреагировала на боль в голосе девочки. Арфистка бросилась вперёд и прыгнула на спину рыцарю. Она запустила руку в его вьющиеся светлые волосы. Одним быстрым движением она выхватила нож и приставила его к горлу рыцаря.

На мгновение Бронвин испытала соблазн резко и сильно потянуть кинжал на себя. Она могла наконец прекратить всё это прямо сейчас, но в ней слишком много осталось от отца, чтобы пойти на такой бесчестный поступок. Она напала на паладина сзади в тот миг, когда он полностью отдался гимну, а его душа изгоняла зло. Несмотря на всё, что сделал Алгоринд, она не хотела его убивать. Но и убить отца Кары на глазах у девочки Бронвин тоже не собиралась ему позволять.

- Брэн, - сказала она, назвав брата старым именем. - Насколько сильно ты ранен? Стоять сможешь? Ты меня слышишь?

Жрец пошевелился, сморщился и прижал руку к боку. Он прошептал исцеляющую молитву, и на его бледное лицо вернулась часть прошлого цвета. Используя меч как трость, он поднялся на ноги. Его взгляд упал на Бронвин и её пленного, и губы Дага искривились в холодной злой улыбке.

- Хорошая работа, Бронвин, - сказал он. - Держи его, и я это закончу.

- Нет.

Даг казался озадаченным и крайне разозлённым.

- Нет?

- Если я отпущу, он убьёт тебя. Если ты попытаешься убить его, я его отпущу. Тебе нужно уходить. Немедленно.

На лице Дага отразилось понимание.

- Так вот в какую игру ты играешь. Ты сделала одну ошибку — ошибку, которая может оказаться фатальной, - сказал он холодным голосом. - Зачем было отпускать меня, зачем спасать мою жизнь, если ты знаешь, что однажды можешь об этом пожалеть?

- Я рискну, - она чуть-чуть отодвинула нож от горла Алгоринда — достаточно, чтобы намекнуть на угрозу. - Просто уходи.

- Очень хорошо.

Он быстро окинул крепость взглядом, в последний раз глядя на то, что потерял, а потом посмотрел на маленькую девочку.

- Пойдём, Кара.

Бронвин закрыла глаза, плотно сжав на миг веки, пытаясь заглушить неожиданную жгучую боль. Этого хочет Кара, сказала она себе. Девочке место с семьёй, с отцом.

- Нет, - ответил ребёнок, чётко и ясно.

Даг Зорет был потрясён.

- О чём ты?

- Я хочу остаться с Бронвин, - заявила Кара.

- Но я хочу, чтобы ты была со мной!

Улыбка девочки была грустной и не по годам мудрой.

- Да, отец. Ты часто это говорил.

Воцарилось молчание между ними двумя, и в нём Бронвин — так же отчётливо, как шум битвы вокруг — слышала нарушенные обещания.

Даг казался потрясённым, но сумел выдавить улыбку.

- Что за странный конец, - сказал он глухим голосом. - После всего этого я похож на Хронульфа сильнее, чем считал возможным.

- Никогда, - ответил Алгоринд, рискуя собственным голосом, чтобы произнести то, что считал правдой.

Жрец бросил на него взгляд чистой ненависти.

- Ты ничего не знаешь. Мне знакомы такие как ты — в твоём разуме нет ничего, кроме Тиры. Поэтому тебе легко будет запомнить: я найду и убью тебя как можно более мучительным способом.

Даг Зорет сделал глубокий вдох и произнёс слова заклинания. Он поднял одну руку, застывшую в незаконченном жесте, и посмотрел на дочь.

- До свидания, Кара, - мягко сказал Даг. - Скоро мы снова встретимся.

Его глаза искали Бронвин, и на этот раз взгляд был жесток.

- И с тобой тоже.

И затем он исчез, оставив за собой только небольшое облачко фиолетового дыма.

Бронвин поймала взгляд Кары, указала головой на сражающихся dwarфов, и одними губами произнесла: «Беги!»

Потом она убрала нож от горла Алгоринда и отпрыгнула на шаг. Не отпуская его волос, она изо всех сил пнула его под коленку. Его нога подогнулась. Одновременно она с силой дёрнула его назад. Паладин упал на спину и болезненно приземлился скрюченной грудой. Бронвин сдержала желание пнуть лежащего и со всех ног бросилась за Карой.

У небольшого отряда dwarфов, похоже, закончились противники и они спорили между собой.

Кара бросилась прямо к ним.

- Хорошая девочка, - выдохнула Бронвин, мчась следом.

Dwarфы подняли взгляды на Кару и расступились, чтобы пропустить сначала её, а потом Бронвин. Бронвин оглянулась и увидела, что они сомкнули ряды, собравшись в стену dwarфийской решимости перед паладином.

Алгоринд снова рьяно гнался за своей целью.

Бронвин застонала.

- Остановите его! - закричала она.

Она подхватила Кару и забросила девочку себе на плечо. Перед ними была открытая дверь. Часовня. Бронвин вспомнила лестницу, которая вела из задней части часовни к башням. Она бросилась внутрь низкого здания.

Открывшийся глазам вид заставил её застыть на полушаге. Над алтарём висел огромный чёрный череп, за которым пылало жуткое фиолетовое солнце. Манифестация излучала злобу, окатившую её истошающей, как прикосновение лица, волной зла и ненависти.

Алгоринд, звякая доспехами, влетел внутрь следом за ней, едва замечая повисшего на его ноге dwarфа. Он остановился, как и Бронвин, и поднял взгляд на нечистое пламя. Но на лице рыцаря не было страха, а в глазах виднелась спокойная уверенность. На мгновение Бронвин позавидовала простой красоте его веры.

Он снова начал петь — тот самый гимн, что изгнал фиолетовый огонь с меча Дага Зорета. Такова была сила его молитвы, что dwarф — разжавший хватку и теперь раз за разом пытавшийся огреть паладина боевым молотом — даже не смог подобраться близко. После нескольких секунд этого занятия dwarф пожал плечами и ушёл в поисках кого-то, кого действительно можно будет ударить.

Манифестацию Цирика изгнать было намного сложнее, чем чары на мече, и она сопротивлялась молитвам Алгоринда, издавая ужасный треск и шипение. Лучи тёмного солнца почти что плясали от ярости.

Бронвин не стала задерживаться, чтобы увидеть итог. Она опустила Кару и взяла её за руку. Они обошли часовню по периметру, прижимаясь к стенам и держась

как можно дальше от злобного, жестокого огня в середине комнаты. Один раз их осыпало дождём фиолетовых искр. Юбка Кары задымилась. Бронвин упала на колени и сбила крошечные огоньки руками. К её облегчению, девочку не обожгло — розовый шёлк пятнало лишь несколько пустых дыр с коричневыми краями.

К её изумлению, из-за этой потери у девочки задрожали губы. И это после всего, что Каре пришлось вынести!

- Я куплю тебе другое платье, - сказала Бронвин, бегом потянув её за собой.

Огонь угасал, и Алгоринд скоро сможет броситься за ними. Они пронеслись по вьющимся каменным ступеням на галерею, окружавшую крепостную стену. Путь был свободен, поскольку все солдаты Жентарима выбежали во двор, чтобы встретить дварфов.

Они помчались к башне главных врат, надеясь добраться до лошадей. Дварфы закрыли и заперли на засов дверь. За воротами было всего лишь две лошади. Если они доберутся до них, то смогут сбежать от паладина.

Но быстрые шаги приближались, и на плечо Бронвин упала тяжёлая рука. Она ударила назад локтём, разворачиваясь. Согнув пальцы, она попыталась попасть в глаза.

Паладин был быстр и увернулся от её выпада. Её рука ударила его в висок, и Бронвин сменила тактику — развела пальцы, как когти, и хлестнула его по лицу.

Алгоринд этого не ожидал и на мгновение отшатнулся. Бронвин отчаянно огляделась вокруг в поисках пути к бегству.

Единственным вариантом было прыгать вниз. Крыши небольших строений были прочными и под острым углом наклонялись вниз. Это было лучшее, что она могла предпринять.

- Прыгай, - сказала она Каре и бросилась на крышу, даже не сомневаясь, что девочка последует за ней.

Они съехали на спинах по низкому карнизу и спрыгнули во двор. Бронвин побежала к лестнице у ворот, потащив за собой Кару. Она бросила взгляд через плечо и замерла на месте.

Молодой дварф с решительным выражением лица заступил дорогу Алгоринду, подняв топор. Паладин даже не задержался. Он разрубил дварфа быстрым, страшным ударом и побежал дальше.

Бронвин плотно закрыла глаза, чтобы справиться с волной боли и нерешительности. Она не могла оставить дварфов разбираться с этим мужчиной. Он был слишком умелым, слишком решительным. Дварфы были не менее упрямы, и они не сдадутся, пока Алгоринд не умрёт.

Её озарило. Она резко повернула, зигзагами бросившись через двор к осадной башне. По пути она стукнула Эбенайзера по голове. Он покосился на неё и получил глухой удар посохом от человека, с которым сражался.

- Закрой за нами дверь! - крикнула она и затащила Кару внутрь Погибели Фенриса.

Бронвин оглядела осадную башню. Внутри было просторно и хватало оружия: груды копий, мечей, полные бочки стрел. Но всё это, по крайней мере в её руках, всё равно не позволит помешать целеустремлённому паладину выполнить свою миссию.

Она подняла взгляд на паутину мостков, ведущих на второй этаж и дальше. Она поставила Кару на ящик.

- Лазать умеешь?

- Как белка, - угрюмо ответила девочка. Она подобрала испорченную юбку и принялась доказывать правдивость своего заявления.

За ней полезла Бронвин, подтягиваясь от одной доски к другой. Она с абсолютной уверенностью ощутила момент, когда они оказались в башне не одни.

- Быстрее, - поторопила она Кару. - Он всё ещё гонится.

Девочка полезла вверх с проворством, которое Бронвин повторила лишь голой силой воли. Их преследовал Алгоринд, медленно нагоняя.

Но они были почти на вершине. Почти оторвались. Бронвин нажала плечом на люк.

Ничего.

Она попробовала снова, швырнув себя на дверь и чуть не потеряв равновесие.

- Заперта, - отчаянно сказала она.

Но Кара не слушала. Девочка пристально уставилась на деревянный люк с другой стороны от петель. Дерево начало дымиться, потом загорелось.

- Попробуй ещё раз, - предложила она слабым от необходимых для поддержания заклинания усилий голосом.

Но Бронвин не могла подойти достаточно близко, чтобы самой не загореться. Она отступила на фут-другой и крепко схватилась за одну из балок. Она опустила ноги и принялась раскачиваться, повиснув над быстро приближавшимся паладином. Сбрав всю свою силу, она с размаха подбросила обе ноги высоко над головой и ударила в горящий люк.

Люк распахнулся. Кара сразу же оборвала чары, и огонь исчез. Переставляя руки, Бронвин вернулась и подсадила девочку наверх, потом выбралась сама.

Она громко поставила выбитый люк на место и огляделась вокруг, пытаясь найти что-то, чтобы заклинить его. Кара подхватила снаряд для баллисты, покачнувшись под его весом. Вдвоём они просунули его в петли для засова.

Люк вздрогнул, когда через него попытался пробиться паладин. Бронвин сомневалась, что обуглившиеся доски продержатся долго. Она вытащила из пазов три кольца и надела себе на пальцы.

- Пойдём! - сказала она и бегом стала спускаться по пандусу.

Башня быстро уменьшалась, и навстречу быстро приближалась земля. Сжимались поперечные балки на пандусе, служившие опорами для ног. Бронвин ошиблась и споткнулась об одну из балок.

Она рухнула вперёд, переворачиваясь в воздухе. Падение оказалось милосердно коротким; удар был уже не таким милосердным. Бронвин ударилась о землю, перекатилась и с лязгом металла остановилась. Когда в глазах прояснилось, она поняла, что смотрит в неподвижные глаза убитого солдата Жентарима. Закрывавшие его грудь латы были пробиты дварфийской секирой.

Бронвин вздрогнула и отползла в сторону. Сильные руки схватили её, поставили на ноги и держали, пока мир не перестал вращаться.

Её взгляд сфокусировался на широко ухмылявшемся лице Эбенайзера.

- Это ты здорово придумала, - сказал он, кивнув на стоявшую во дворе крохотную осадную башню. - Хотя я не завидую этому человеку, которого так уменьшило. По сравнению с этим, магические путешествия — как массаж стоп, вот что я скажу.

Она потянулась, чтобы потрепать дварфа по голове, потом передумала и просто рухнула в его объятия. Он обхватил её покрепче, сдавил с нежной силой, а потом отпустил.

Эбенайзер прочистил горло и отступил, демонстративно не глядя на Бронвин. Кара с Погибелью Фенриса в руках подошла и стала с ним рядом. Она оторвала полосу от своего испорченного платья и плотно обвязала ей башню, чтобы удержать люк на месте.

Дварф кивнул на башню.

- И что ты намереваешься делать с ним теперь, закрыв в коробке и обернув в подарочную упаковку?

Бронвин пока об этом не подумала, но ответ сразу же пришёл ей на ум.

- Я собираюсь отдать башню Хелбену Арансану. Втайне. В Башне Чёрного Посоха она будет в безопасности, особенно если никто не будет об этом знать.

- Думаешь, ему можно доверять?

- На этот счёт — да, - коротко ответила она. - Хелбен Арансан кто угодно, но только не жаждущий войны завоеватель. И он не особенно благосклонен к тем, кто подходит под это описание. Он сохранит башню.

- Ну что ж, прекрасно, - дварф мечтательно посмотрел на осадную башню. - Только дай я сначала хорошенько её встряхну. Или хотя бы сброшу с высоты.

Бронвин поморщилась, обнаружив, что идея дварфа пришлась ей по душе.

- Алгоринд побеждён. Я не могу его убить.

Эбенайзер вздохнул.

- Наверное. Пускай волшебник с ним разбирается.

- Хелбен — последняя из забот Алгоринда, - с неожиданной уверенностью сказала Бронвин. Она вспомнила выражение глаз паладина, когда тот говорил о цене неудачи. С этим она ничего не могла поделать. Он сам выбрал такую жизнь и должен был за это расплачиваться.

Подошла Тарламера, впервые на памяти Бронвин казавшаяся почти счастливой.

- Милое местечко. Хочешь вернуть его паладинам?

Ответ, пришедший в голову Бронвин, удивил её, но она поняла, что это правильно.

- Нет. Я собираюсь оставить крепость себе. Терновый Оплот не принадлежит ордену. По закону он принадлежит моей семье. Мне и Каре.

- Хорошая крепость важна для любого клана, - согласилась Тарламера. - Но как ты собираешься её удержать?

Бронвин повернулась к рыжебородой женщине.

- Я надеюсь, что вы заинтересуетесь. Тоннели надо очистить и оборонять. Ваш народ может использовать эту крепость как базу, пока вы не справитесь с тоннелями. А потом вы сможете занять и тоннели, и крепость. Это хорошее место для торговли, - добавила она. - Уверена, что дварфы из Мирабара и ещё дальше с севера с радостью придут торговать сюда, а не в город.

- Была я в городе, - согласилась дварфийка. - Не вижу причин туда возвращаться.
- Уверена, остальные тоже так считают. Подумайте об этом — хорошая крепость и оживлённая торговля помогут вам возродить свой клан.
- Дварфы не держат человеческих крепостей, - усмехнулась Тарламера, но при этом она казалась весьма заинтересованной. Она нахмурилась и отошла. - Я подумаю об этом, - бросила она через плечо.
- Она согласна, - перевёл Эбенайзер. - И благодарит тебя за предложение.
- Бронвин засмеялась от грубоватой признательности в голосе друга. Он вернул себе семью. Теперь, когда у неё была собственная семья — она и Кара — теперь Бронвин понимала настоящую важность семьи.
- Ах, - поддразнивая, ответила она. - Так вот что она сказала. Я могла бы догадаться, но семейные дела бывают... запутанными.
- Это точно, - согласился он. Он наклонил голову к плечу и посмотрел на темнеющее небо. Загорелось несколько звёзд, и единственным звуком за стенами был далёкий рокот моря.
- Уже поздно. Давай-ка разыщем койки, раз утром нам предстоит отправиться в дорогу.
- Она недоумённо посмотрела на него.
- Ты не останешься?
- Как всегда. Ненадолго, разве что. Раз уж клан нашёл новый дом, а я поближе познакомился с роднёй, то мне незачем задерживаться. Но если ты не возражаешь, я побуду с тобой какое-то время, раз уж ты вечно в пути и постоянно находишь какие-то неприятности, позволяющие не умереть от скуки. Может, добуду себе одну из этих арфистских брошек, раз уж я обзавёлся привычкой лезть в чужие дела.
- На лице Бронвин медленно расцвела улыбка.
- К слову о неприятностях, кольцо по-прежнему у меня, знаешь ли.
- Этого хватит, - согласился дварф.

Эпилог

29 миртула, 1368 ЛД

Мало что могло испугать Хелбена Арансана, но он с радостью бы отдал сто лет жизни, чтобы избежать вызова во дворец Пьергейрона. Присутствие племянника его немного ободряло. Парень, похоже, понимал намного больше, чем говорил. Хелбен надеялся и почти осмеливался молиться, что юноша, которого он любил, как собственного сына, не узнает его ещё лучше, чем сейчас.

С некоторым усилием он сосредоточился на разговоре, который происходил в кабинете Пьергейрона.

- Рыцари Самулара владели Терновым Оплотом почти пять сотен лет, - убеждал Первый лорд. - Им нужна эта крепость.

- Я понимаю ваши чувства по данному поводу, - отвечал Данила куда дипломатичнее, чем сумел бы Хелбен, - но мы должны принять факты. Крепость принадлежит семье Карадун. Бронвин решила сохранить её в качестве наследства для племянницы.

- Две молодых женщины не могут владеть крепостью, - возразил Пьергейрон.

- Зато могут дварфы. Некоторые готовы даже утверждать, что у клана Каменной Шахты прав на это больше. Они жили под этими горами куда дольше, чем рыцари жили наверху.

Пьергейрон вздохнул.

- Ты очень настойчиво защищаешь эту женщину. Да, она вернула кольца Самулара, но подумай вот о чём: лишь одно кольцо из трёх попало в подходящие руки!

- Разделить кольца среди различных фракций — разумная мера предосторожности, даже если вышло это ненамеренно, - вмешался Хелбен. - Таким образом значительно снижается вероятность того, что кто-то соединит кольца в единую разрушительную силу.

- Не могу согласиться. Это священные артефакты Тира. Но мне говорят, что девочка поддерживает связь с отцом, который служит Жентариму и является жрецом Цирика!

- Да, это так. Бронвин вернула одно из колец рыцарям ордена, а другое кольцо оставила в руках арфистов. Это служит равновесию, Пьергейрон. Пускай на том всё и кончится.

Первый лорд с сожалением покачал головой.

- Как я могу такое позволить? И, откровенно говоря, Хелбен, как ты можешь считать арфистов подходящей осью на весах равновесия, если в ваших рядах царит такой раздор? Рано или поздно разногласия достигнут такой стадии, что некоторые арфисты будут готовы на всё ради согласия и поддержки. Остаётся ещё вопрос с Карой Дун. Девочку следовало отдать ордену для подходящего обучения и воспитания.

- Со всем уважением, Кару отдали ордену, - указал Данила. - И в итоге она оказалась в руках Жентарима в Терновом Оплоте.

Пьергейрону хватило совести, чтобы выглядеть пристыженным. Он взял со стола свиток и протянул его Хелбену.

- Это письмо может пролить свет на те печальные события.

Архимаг развернул свиток и пробежал глазами затейливые, старомодные строки. Это было письмо от сэра Гарета Кормерила. После обычных приветствий и вежливых выражений благодарности за гостеприимство, старый рыцарь докладывал об измене Алгоринда. Похоже, тот совершил несколько преступлений, среди которых — сотрудничество с Жентаримом и арфистами и продажа в их руки потомка Самулара. В конце концов он покинул орден, которому поклялся служить, но сначала вступил в союз с Бронвин и сражался вместе с ней сначала в Глейдстоуне, а затем в Терновом Оплоте.

- Не могу говорить обо всех преступлениях, в которых обвиняется этот молодой человек, но по крайней мере те из его грехов, о которых здесь идёт речь, изображены значительно суровее, чем того заслуживают, - сказал Хелбен.

- Сэр Гарет — человек рассудительный и сдержанный в суждениях, - твёрдо возразил Пьергейрон.

- Разве? Судя по «рассудительным» ремаркам в этом письме, твой друг считает, что арфисты и Жентарим одним миром мазаны, - сухо заметил Хелбен.

- Прости, но я склонен с ним согласиться.

После слов паладина воцарилось долгое молчание. Увидев бессмысленность дальнейшей дискуссии, Хелбен кивнул племяннику. Данила поставил на стол рядом с подносом с сыром и фруктами небольшую шкатулку и аккуратно снял крышку.

- Вот доказательство того, что Алгоринд не дезертировал из ордена. Что же до его других возможных преступлений, пускай предстанет перед судом — когда достаточно для этого вырастет.

Данила осторожно достал из шкатулки небольшую фигуру, мужчину не крупнее своей ладони, и поставил его на стол. Крохотный мужчина стоял прямо, но Хелбен не мог поверить, что на таком маленьком лице может поместиться подобное уныние.

Первый лорд нагнулся поближе, прищурился, потом резко выпрямился, шумно втянув воздух.

- Это Алгоринд! Что с ним произошло?

- Мне так и хочется сказать, что его окоротили, но это было бы слишком грубо, - сухо ответил Данила. - Это случилось во время битвы за Терновый Оплот. Он бросился на Бронвин и по меньшей мере в третий раз попытался забрать у неё Кару. Но Бронвин пощадила его и доверила заботам Хелбена. Благородный жест от истинной дочери рыцаря.

Пьергейрон не стал комментировать подобную оценку. Он повернулся к архимагу.

- Ты не мог бы вернуть этого человека в нормальное состояние?

- Это сделала чужая магия, - заметил Хелбен не без некоторого удовлетворения. - Древняя и священная магия Рыцарей Самулара. Стоит ли ей перечить?

- Он быстро возвращает себе прежний размер, - услужливо сказал Данила. - И вернётся в норму через несколько лунных циклов. Но это, боюсь, останется таким же.

Он снял с воротника своей рубахи вещь, похожую на сверкающую серебряную заколку. На самом деле это был рыцарский меч, меч Алгоринда, в безупречной миниатюре. Данила насадил на него небольшой кусочек сыра и оставил стоять на подносе. При виде этого святотатства по лицу крохотного паладина прошла новая волна горя.

- Следует вернуть его братьям, - задумчиво произнёс Пьергейрон. - Но в таком состоянии...

- Уж лучше вернуть, - заявил Данила. - Со всем уважением, сэр, мне не хочется растить паладина, и я уж точно не обладаю соответствующими навыками.

Первый лорд вздохнул.

- Что ж, да будет так.

- Насчёт Бронвин... - начал Данила.

Пьергейрон прервал его, подняв ладонь.

- Я соглашусь оставить дело Тернового Оплота. Но тебе следует знать, Хелбен, что священный орден Рыцарей Самулара — и многие их братья-паладины — считают, что у них есть причины не доверять арфистам.

После заявления Пьергейрона снова наступило молчание. В нём Хелбен услышал, как переворачивается ещё одна страница в летописи арфистов. Это была очень длинная летопись, и её страницы вели счёт многим годам, бесчисленным окончаниям, расставаниям, ложным началам. Но несмотря на всё это, разве история не оставалась той же самой? От этой иронии его губы изогнулись в небольшой, безрадостной улыбке.

- Я не хотел тебя оскорбить, - искренне сказал Пьергейрон, неправильно оценив мрачную ухмылку архимага. - Долгие годы мы оставались друзьями. Никто — и менее всего я — не смеет сомневаться в твоей преданности нашему городу или сбрасывать со счетов совершённое тобою добро. Значительную часть этих добрых поступков ты совершил с помощью арфистов, которыми ты руководишь. С этим я не спорю.

- Но?

Пьергейрон не отводил свой взгляд от архимага.

- Я по-прежнему доверяю тебе, но боюсь, что благочестивые люди больше не могут доверять твоим арфистам.

